

ПЯТЬ ЛЕТ НА ПЛОЩАДИ (1989-1993 г.г.)

В 2011 году исполняется 20 лет, как не стало Советского Союза. В связи с этим следует ожидать появления публикаций и выступлений, в которых будут описываться события тех лет. Как показывает опыт, в подобных материалах нередко появляются сведения, в которых либо по ошибке, либо преднамеренно искажается фактическая сторона происходившего.

Предлагаемый материал подготовлен составителем на основании личных записей, делавшихся во время митингов, демонстраций и других массовых акций, которые проводились в Москве с 1989 по 1993 годы, то есть в пятилетие, определившее нынешнее состояние страны.

Записки не претендуют на полноту освещения событий, поскольку, по понятным причинам, нельзя быть «везде и сразу». В силу специфики описываемых явлений (повторение одних и тех же политических действий – митинг-демонстрация-митинг и т.д.) текст получился достаточно занудливым, но и в таком виде он может быть кого-то заинтересует.

Термин «толпа», часто фигурирующий в тексте, это не бранное слово, а социологическое понятие.

Подсчет числа участников массовых акций осуществлялся следующим образом: вычислялась площадь (в квадратных метрах) того пространства, на котором располагалась достаточно плотная масса собравшихся, а затем полученная величина умножалась на три (опытным путем было установлено, что в такой толпе на одном квадратном метре размещались, как правило, по три человека).

Несколько лет назад часть этого текста – о событиях сентября-октября 1993 года – была размещена в Интернете под псевдонимом: Махайский Э.З. [«Две недели на площади»](#)

1989 год

Массовые митинги и демонстрации «неформалов» (так называли в те годы оппозиционеров) стали проводиться в Москве с марта 1989 года, накануне выборов делегатов на Съезд народных депутатов, который должен был открыться в конце мая. Впервые за многие годы выборы проводились на альтернативной основе, что значительно повысило интерес к ним со стороны москвичей, которые, к тому же, были основательно «разогреты» предшествующими событиями в стране, начиная с 1985 года.

В воскресенье 19 марта (пасмурно, ветрено, минус 3 градуса) в центре Москвы состоялась первая крупная несанкционированная властями демонстрация. На этот день в Парке Горького на 12-00 был намечен общегородской митинг сторонников Ельцина. Слухи о предстоящем митинге начали циркулировать накануне, в субботу, после

предвыборного митинга (с участием Ельцина) в Братеево с числом собравшихся примерно 10 тыс. человек.

К 12-00 у входа в Парк собралось 300-400 человек, но внутрь они не заходили, поскольку совершенно неожиданно вход в Парк сделали платным (50 копеек) в связи с предстоящим проведением в нем Дня чая. На одном из фонарных столбов висело написанное от руки объявление, в котором Российский Народный фронт (РНФ) извещал о том, что Исполком Моссовета не разрешил проведение митинга в Парке, и что прибывающим следует перейти на противоположную сторону Садового кольца, на лужайку перед Домом художника, где и состоится митинг.

В это время на лужайке находилось 4-4.5 тыс. человек. Трибуной служили две поливальные машины. Не было ни радиоустановки, ни мегафонов. Речи выступавших могли слышать лишь те, кто стоял в первых рядах. Основное содержание выступлений: наконец-то мы проснулись; Ельцин - это человек и борец, так как он против аппарата; не дадим себя в обиду бюрократам; социализм - это тоталитаризм, сталинизм, репрессии; даешь демократию.

В толпе говорили о несправедливости нового закона о выборах; о том, что те, кто служит за границей будто бы внесены в списки в тот округ, где баллотируется Ельцин и им приказано голосовать против него; что надо быть бдительными и исключить возможные фальсификации при подсчете голосов и т.п.

Милиция никого не беспокоила, хотя людей в милицейской форме было много и перед входом в Парк и на противоположной стороне улицы (5 милицейских автобусов ПАЗ и КуАЗ). Здесь же находились высокие милицейские чины, полковники и подполковники, а также один из заместителей начальника ГУВД г.Москвы – генерал Мыриков (в штатском).

Возле одного из фонарных столбов перед Парком человек 100 слушали бородатого мужчину средних лет, представившегося поэтом Топтыгиным. Он долго читал свои стихи, в которых рифмовалось: "Горбачёв - трепачёв".

Примерно в 13-00 с интервалом в 2-3 минуты из Парка вышли две группы людей по 35-40 человек в каждой, преимущественно молодых, и скандируя: "Ельцин! Ельцин!", перешли к Дому художника. Впереди одной из групп несли красный флаг. Вышедшие из Парка принялись агитировать собравшихся на лужайке идти в центр Москвы, чтобы выразить протест против запрета митинга в Парке Горького. Большинство митинговавших вокруг поливалок поддержало эту идею, а затем последовало по тротуару Крымского моста за агитаторами. Возле Парка и на противоположной стороне осталось не более одной тысячи человек.

Милиция вела себя спокойно. На расстоянии было слышно, как офицеры передавали кому-то по рации, что толпа снялась от Парка и направилась к Центру. Через некоторое время по рации слышалось указание, чтобы от Парка культуры отправили на Советскую площадь один автобус с милицией и не применяли силу к демонстрантам.

В начале третьего к Советской площади со стороны Маяковки подъехали 10 автобусов (ПАЗ и КуАЗ) с милиционерами. В 14-35 милиционеры с дубинками в руках вышли из автобусов и выстроились в одну шеренгу поперек улицы Горького (от улицы Станкевича), а милицейские автобусы перекрыли улицу от дома, где находится ресторан "Арагви".

Через десять минут, т.е. в 14-45, со стороны Пушкинской площади показалась большая толпа, занимавшая всю левую сторону проезжей части (если смотреть от Моссовета). На своем пути по Садовому кольцу, Калининскому проспекту и Бульварному кольцу толпа "обросла" примкнувшими по дороге людьми и ее общая численность к этому времени составляла примерно 6 тыс. человек (без учета 2 тысяч человек, ожидавших прихода демонстрации на Советской площади и ул. Горького).

Толпа была сбита в довольно плотную "коробочку" и энергичным маршем двигалась к Моссовету. Судя по выражениям лиц участников демонстрации и репликам, доносившимся из их среды, они ожидали противодействия со стороны милиции. Над передними рядами развевался красный флаг (других флагов не было). Демонстранты периодически скандировали: "Ельцин! Ельцин!" Дружный и громкий скандеж, усиленный эффектом уличного эха, впечатлял.

Остановившись перед милиционерами, толпа продолжала скандировать: "Ельцин! Ельцин!", а спустя некоторое время: "Позор! Позор!" (это в адрес властей, не разрешивших проведение митинга в Парке Горького). Вслед за этим закричали вразнобой: "Долой комиссию!" (была создана на Пленуме ЦК, за несколько дней до демонстрации, для рассмотрения "дела Ельцина"). Толпа проскандировала про комиссию. Завершили скандирование лозунгом: "Долой Лигачева!" Милиция не реагировала.

Вскоре на крышу автобуса КуАЗ, стоявшего у здания Моссовета, взобрался секретарь Исполкома Моссовета Виноградов (до осени 1988г. - заведующий отделом пропаганды МГК КПСС). Он обратился к демонстрантам через мегафон, однако его появление толпа встретила дружным свистом. Виноградов принялся объяснять, что отмена митинга в парке Горького вызвана тем, что еще раньше, 14 марта, там было запланировано проведение Дня чая. Свист усилился и Виноградова почти не было слышно. Удалось разобрать, что демократия - это хорошо, но не надо доводить дело до анархии. После этих слов толпа заревела и засвистела еще громче, а Виноградов слез с крыши автобуса.

Спустя минут пять милицейскую цепь перед толпой сняли и отвели к автобусам, которые все также перегораживали улицу. Толпа продвинулась вперед и принялась митинговать непосредственно перед Моссоветом. Трибуной служила невысокая ступенька у вечно закрытого парадного подъезда. Слышно было плохо. Поэтому толпа периодически скандировала: "Микрофон! Микрофон!" А затем: "Ельцину - да, бюрократии - нет!", и - "Долой Зайкова!" Набежало много иностранных корреспондентов (Би-Би-Си, Эн-Би-Си, японцы и кто-то еще), которые с упоением стали делать репортажи о происходящих в центре Москвы событиях.

Скандирование и митинг у крыльца продолжались 35-40 минут. Потом из здания Моссовета со стороны улицы Станкевича вышла дама и сказала, что митингующим дают мегафон, но при условии, что они освободят проезжую часть и будут проводить митинг возле памятника. Перешли митинговать к тыльной части памятника Долгорукому (в толпе слышалось: "К коню под хвост"). К этому времени на площади осталось не более 4 тыс. человек.

Продолжили выступать с помощью мегафона. Основное содержание выступлений можно свести к следующим основным тезисам: демократия - против аппарата; бюрократический социализм не оправдал себя, необходима многопартийность; аппарат накануне выборов заставляет членов партии голосовать против Ельцина; аппарат хочет сфальсифицировать итоги будущего голосования, поэтому надо проявлять бдительность; аппарат и партия довели страну "до ручки"; надо доделать то, что начали в 60-е годы, т.е. во времена "оттепели", и идти до конца; необходимо вводить в стране рынок; демократия - против Сталина и сталинизма; народ почувствовал свой голос и не сдастся.

Толпа, как и положено толпе, слышала только то, что хотела услышать. Успехом пользовались ораторы, изъяснявшиеся на языке лозунгов или дававшие какую-нибудь "чернуху" на власти. Ораторы мямли и те, кто начинал вести что-то вроде интеллектуальной беседы, вызывали у толпы раздражение. Если выступавшие уклонялись от вышеуказанных тем, из толпы раздавались гневные выкрики: "Долой!" или "Не по теме!" Кроме Бориса Кагарлицкого (одного из лидеров Московского народного фронта), из известных деятелей тогдашней "демократической оппозиции" никто не выступал.

После первых четырех выступлений решили принять резолюцию со следующими главными требованиями:

- распустить Комиссию ЦК по делу Ельцина;
- предоставить Ельцину время для выступления по Центральному телевидению;
- Горбачеву или его доверенному лицу прибыть 22 марта к 19-00 на митинг на Советскую площадь и отчитаться перед народом.

Резолюцию принимали с шумом-гамом, часто перебивали выступавшего, вносили новые предложения и тут же их отвергали. После ее принятия дали слово обиженным: пенсионерам, теткам-кликушам, представителям республик. Те говорили о своих конкретных бедах. Число митингующих стало быстро таять и к шести часам вечера у памятника осталось не более одной тысячи человек.

Собравшаяся в тот день толпа по своему социальному составу была достаточно однородной - почти сплошь работники умственного труда. Рабочих было, наверное, несколько сот человек. Мужчин и женщин - поровну; средний возраст - примерно 40 лет. Молодежь (судя по виду - студенты) во время движения колонны находилась в ее головной части и выполняла роль "запевалы" при скандировании лозунгов (после ухода значительной части молодых людей интенсивность скандирования заметно снизилась).

Хотя подавляющее большинство среди митинговавших являлись сторонниками "демократической оппозиции", в толпе было немало "красных", многие из которых в тот период поддерживали Ельцина, считая, что борясь с аппаратом, он содействует очищению партии и ее верхов от лже-коммунистов и карьеристов. Спустя всего лишь пять-шесть месяцев, когда стало ясно, что Ельцин даже не «розовый», многие из присутствовавших на митинге "красных" приняли активное участие в создании Объединенного Фронта Трудящихся (ОФТ), а после августа-91г. - РКРП и "Трудовой России".

Следующий несанкционированный митинг в центре Москвы, как и было заявлено в резолюции воскресного митинга, состоялся через три дня, в среду 22 марта. Ближе к 19-00 на Советской площади и прилегающих к ней тротуарах ул.Горького собралось примерно 12 тыс. человек(пасмурно, сыро, безветренно, плюс 4 градуса). Социальный состав собравшихся тот же, что и в воскресенье.

Движение транспорта по ул.Горького не перекрывалось. Автобусы с милицией стояли в переулке между зданием прокуратуры и ИМЭЛ. У Дома актера цепь милиционеров на тротуаре пропускала в сторону Советской площади лишь наиболее настырных и занудливых граждан. Менее занудливые просачивались к месту митинга дворами. В здании Моссовета не было видно ни одного светящегося окна. С нескольких точек собравшихся снимали переносные телекамеры с установленными на них маленькими фонарями-прожекторами, лучи от которых, перемещаясь по толпе, создавали тревожно-торжественную обстановку.

Постамент памятника со всех сторон был облеплен митингующими. Ими же было занято практически все пространство вокруг памятника. Лишь ближе к стенам домов было посвободнее. Над толпой возле памятника возвышался большой красный флаг. Кроме красного флага мелькал флаг поменьше с бело-сине-красной расцветкой («царский флаг», как говорили в толпе). С ним пришли на митинг представители Демократического Союза Валерии Новодворской.

Поначалу ораторы выступали через мегафон с лестницы возле памятника, стоя лицом к Моссовету. Но их было хорошо слышно лишь тем, кто стоял с этой же стороны. Говорили почти о том же самом, что и в воскресенье. Толпа периодически скандировала: "Ельцин, Ельцин!", а также: "Ответ, ответ!" (требовали ответа от Горбачева, на отправленную в его адрес резолюцию воскресного митинга. Ответа, естественно, не дождались).

Примерно в 19-15 сквозь толпу митингующих прошел начальник ГУВД г.Москвы Богданов (в штатском, в сопровождении свиты и телохранителей) и направился к радио-автобусу ПАЗ, стоявшему у сквера. Вскоре объявили, что организаторам митинга предоставляется микрофон в радио-автобусе, после чего толпа развернулась на 180 градусов.

Выступавшие из радио-автобуса или не представлялись собравшимся, или скороговоркой произносили свои фамилии, вследствие чего было трудно разобрать, кто

именно выступал. Практически каждый оратор начинал говорить о Ельцине, а затем переходил на экономические и политические проблемы. Опять звучали слова о многопартийности, о необходимости дать бой аппарату на выборах и о возможной фальсификации итогов голосования.

Шестой по счету оратор договорился до призывов типа "Долой КПСС!", что с шумным одобрением было воспринято толпой. Микрофон тут же перехватил секретарь Исполкома Моссовета Виноградов и предложил собравшимся расходиться: мол, помитинговали, выразили свое отношение к кандидату в депутаты и хватит, тем более что стали раздаваться антиконституционные призывы. В ответ последовали дружный свист и крики. Виноградов повторил свое предложение, однако реакция толпы была такой же.

Вдруг другой мужской голос вклинился в эфир через параллельный микрофон и стал возбужденно говорить, что со стороны Трубной площади сюда движутся войска спецназа для разгона митинга. Толпа судорожно дернулась, сжалась, но осталась на месте. Раздался протестующий рев. Опять заговорил Виноградов, который подчеркнул, что заявление о спецназе - провокация, что надо расходиться и не допускать беспорядков, поскольку среди митингующих находятся женщины, старики и дети. Толпа уперлась, не желая "терять лицо". Не хватало "спички".

В этот момент слово предоставили члену инициативной группы по выборам Ельцина. Он от имени доверенных лиц выразил удовлетворение тем, что собравшиеся продемонстрировали свое позитивное отношение к Ельцину, призвал не обострять ситуацию и разойтись. Толпа тут же успокоилась и через 2-3 минуты люди стали расходиться. Осталось лишь ядро митингующих вокруг постаментов.

Митинг в темное время суток, при свете уличных фонарей производил большее впечатление, чем днем. Люди держались раскованнее, меньше стеснялись друг друга и вели себя смелее, руководствуясь, видимо, принципом - "ночью все кошки серые".

На следующий день в "Правде" и в "Известиях" были опубликованы короткие заметки об этом митинге. В них говорилось, что выступавшие высказывались за перестройку и демократию, что все прошло спокойно, но раздавались и провокационные призывы. В заметках ничего не было сказано о том, в чью поддержку был организован митинг.

Проведя эти митинги, их вдохновители и организаторы решили, очевидно, главную задачу: явочным порядком сняли "табу" (как для правоохранительных органов, так и для обывателей) на проведение многотысячных митингов "демократической оппозиции" в центре Москвы. После этих событий по городу распространились слухи о том, как несметные толпы организуют в центре Москвы несанкционированные демонстрации и митинги в поддержку Ельцина, а власти не могут с ними совладать.

В течение следующих двух дней на многих остановках общественного транспорта и возле станций метро появились листовки с сообщением о назначенном на субботу 25 марта в 12-00 очередном митинге в поддержку Ельцина и других кандидатов в

депутаты от "демократической оппозиции". В листовках указывалось, что митинг разрешен властями. Место для митинга отвели в Лужниках, на северной площадке перед оградой стадиона, ближе к Саввинской набережной. Организаторы митинга - Московский Народный фронт (МНФ) и Российский Народный фронт (РНФ).

На митинг собралось примерно 25 тыс. человек (плюс 9 градусов, переменная облачность). По краям площадки, в отдалении от толпы, стояли цепи милиционеров и солдат-срочников из внутренних войск. Тут же находилось руководство ГУВД во главе с Богдановым. Для митингующих выделили радио-автобус и устроили трибуну с микрофоном. Над толпой развевались три красных и шесть андреевских флагов. На фонарных столбах были расклеены листовки в поддержку Ельцина и других кандидатов от оппозиции, а также листовки против аппаратчиков из МГК.

Толпа, в отличие от предыдущих митингов, вела себя гораздо спокойнее. Раздавались лишь реплики в адрес властей: мол, митинг разрешили, да вот загнали в такой угол, что никто его не увидит и ничего о нем не узнает. Периодически скандировали: "Ельцин, Ельцин!"

Тема практически всех выступлений была одна: Ельцин, свобода и демократия. Говорили также об открытом письме кандидатов в депутаты в адрес ЦК о несогласии с решением Пленума "по делу Ельцина". Высказывались упреки в адрес кинорежиссера Рязанова, который отказался подписать это письмо-обращение.

Слышал не всех ораторов, так как задержался на полчаса. При мне выступили: Евтушенко (поэт), Скурлатов (один из лидеров РНФ), Логунов (зам.главного редактора "Московской правды"), Емельянов (профессор МГУ), Кагарлицкий (от МНФ), подполковник запаса, представитель от "Саюдиса"(Литва), представители из Армении, Узбекистана и некоторых других республик.

Евтушенко о Ельцине практически ничего не сказал. Больше говорил о демократии, о том, что народ наконец-то проснулся, но не весь, что за свободу надо бороться. В заключение прочитал свое стихотворение (довольно длинное), суть которого сводилась к тому, чтобы "гласность не стала служанкой полугласности".

Скурлатов активно выступил в поддержку Ельцина, а потом говорил о демократии, которая приведет к расцвету России, все еще нищей по вине аппарата, и что демократия даст возможность накормить народ.

Логунов, когда его поначалу представили как зам.главного редактора "Московской правды", был встречен свистом. После моментального признания, что он за Ельцина, ему дали говорить. Далее он рассказал, как используя всяческие ухищрения, ему удалось опубликовать письмо Ельцина в вышедшем в день митинга номере "Московской правды". За это ему поаплодировали.

Все представители республик, выразив поддержку кандидатуре Ельцина, говорили о необходимости солидарных действий в борьбе за демократию и решение национальных проблем.

Вскоре после выступления Скурлатова с трибуны зачитали записку с таким вопросом: "Почему на митинге рядом с красным флагом соседствует националистический флаг России?" (т.е. андреевский флаг). Скурлатов ответил, что это "не националистический флаг, не николаевский, с которым ходила "черная сотня", а старый государственный флаг России с петровских времен". По отдельным репликам и замечаниям активистов МНФ и РНФ была заметна их взаимная неприязнь. Первые считали вторых националистами, а вторые первых - космополитами.

На этот раз в выступлениях было гораздо меньше выпадов против КПСС. Видимо организаторов митинга предупредили о недопустимости подобных высказываний, т.к. по ходу митинга его ведущие неоднократно обращались к собравшимся вести себя спокойно и не давать повода к запрещению митинга.

Спустя час с небольшим после его начала выступавшие стали все чаще повторяться, у людей пропал интерес к происходившему и они потихоньку потянулись к станции метро "Спортивная". Но митинг, тем не менее, продолжался до 15-00. Под конец приняли резолюцию в поддержку Ельцина и других кандидатов в депутаты от оппозиции, а также обращение в адрес Моссовета о необходимости выделения для массовых митингов другого места в центре Москвы.

На следующий день состоялись выборы, в результате которых Ельцин набрал по Москве 86% голосов и стал депутатом Союза. Стихийного выплеска радостных народных масс на улицы города не наблюдалось. Лишь через две недели, в субботу 8-го апреля в Лужниках, на том же месте, с 12-00 до 15-00 состоялся митинг по итогам выборов 26 марта (к этому дню были получены официальные результаты голосования по всем избирательным округам). Организатор митинга - МНФ.

Рядом со станцией метро "Спортивная" к столбу был прикреплен большой щит, на котором крупными буквами было написано: "Митинг проводится на Саввинской набережной". Под надписью - стрелка-указатель. Толпа, вышедшая в это время из метро, шла в Лужники, но не на митинг, а на ярмарку.

Несмотря на то, что день выдался ясный и теплый (плюс 15 градусов), людей на митинг собралось мало - примерно 5 тыс. человек. Выступали, в основном, кандидаты в депутаты, не набравшие 26 марта более 50% голосов, но вышедшие во второй тур голосования, среди них - Станкевич, один из лидеров МНФ.

В самом начале митинга ведущий поздравил собравшихся с победой демократических сил в Москве, а также в 30 областях и крупных городах Союза, где первые секретари обкомов и горкомов не набрали необходимого числа голосов. Остальные ораторы, поздравив собравшихся с относительной победой, предупреждали, что аппарат начнет перестраиваться, чтобы взять реванш на Съезде депутатов, а также на следующих выборах в республиканские и местные Советы, которые должны состояться или осенью, или будущей весной.

В одной из резолюций митинга перед демократическими силами были поставлены следующие задачи:

- организовать группы для оказания давления на Съезд депутатов с тем, чтобы провести в Верховный Совет депутатов-демократов;

- приступить к подготовке выборов в республиканские и местные Советы, т.е. начать отбор возможных кандидатов из числа демократически настроенных граждан и пресекать попытки аппарата исказить, подтасовать итоги предстоящих выборов;

- партийной группе МНФ призвать членов КПСС поднимать в своих партийных организациях вопрос о созыве внеочередного съезда КПСС, так как нынешний состав ЦК, а также установки ЦК и его аппарата не соответствуют изменившейся политической ситуации в стране.

После принятия этой резолюции остальные выступавшие говорили примерно на те же темы. Откровенных призывов к свержению власти КПСС не было. Лишь некто Коробейников (представленный ведущим как рабочий из Москвы, 60 лет) призвал отдать под суд военного трибунала первого секретаря МГК Зайкова - "за развал Москвы". Когда же один из митингующих появился с транспарантом: "Зайкова и Прокофьева - из МГК, Ельцина - в МГК", милиция потребовала убрать лозунг, что без излишних разговоров было выполнено.

После того как выступили кандидаты в депутаты и слово начали давать тем же теткам-кликушам и националам, что и на митинге 19 марта, интерес к митингу у присутствующих пропал и они стали расходиться.

Следующие митинги состоялись в связи с тбилискими событиями 9 апреля. Сразу по следам событий прошел митинг т.н. демократической общественности на Старом Арбате у здания грузинского культурного центра "Мзиури". Но этот митинг был не очень многочисленным (примерно 1 тыс. человек), хотя на нем выступали заметные фигуры из числа дем.оппозиции (Сахаров и другие).

Большой резонанс имела акция, состоявшаяся в воскресенье 23 апреля (пасмурно, 10 градусов тепла). В этот день на Пушкинской площади в 15-00 собирался провести митинг Демократический Союз Новодворской, но городские власти не дали разрешение на его проведение. Тем не менее члены ДС и их сторонники (всего не более 400 человек) собрались к 15-00 в сквере напротив кафе "Лири" (сейчас "Макдональдс") и в назначенное время принялись клеймить власти за учиненное кровопролитие в Тбилиси.

Еще за 25-30 минут до начала митинга милиция перестала пропускать в сквер других людей. В 15-00 был закрыт выход из метро на Пушкинскую площадь. Пришедшие на митинг и просто прохожие вынуждены были группироваться по углам Пушкинской площади - у магазинов "Наташа" и "Армения", возле "Известий" и ВТО, а также в сквере возле памятника Пушкину (всего примерно 4 тыс. человек)

Движение транспорта по улице Горького не перекрывали. Из милицейского радио-автобуса постоянно объявляли, что митинг не разрешен Исполкомом Моссовета, что ДС нарушил соответствующий указ о проведении митингов и демонстраций и поэтому все собравшиеся должны разойтись. Но толпа по углам площади не расходилась, а разгонять ее никто не собирался. К 15-00 к скверу у "Лиры" подъехали 15 автобусов, в которых обычно привозили омовцев. Когда в сквере стали митинговать, развернув бело-сине-красный флаг (тогда он был в диковинку), то милиционеры принялись отлавливать наиболее активных из числа митингующих и насильно усаживать их в автобусы.

Минут через 20 после начала этих событий на Тверском бульваре возле магазина "Армения" остановился легковой автомобиль, из которого выскочили два молодых мужика, развернули два желто-голубых флага (в толпе говорили - "петлюровских") и побежали по направлению к скверу, где влились в толпу деэсовцев.

Из сквера регулярно доносились протестующие крики, свист, и скандирование: "Позор, позор!" Как кто-то начинал выступать в сквере, его отлавливали и отводили в автобус. В этот момент крики и свист усиливались. Аналогичным образом реагировала на происходящее часть толпы, расположившаяся по углам площади. Продолжалось подобное действие часа полтора.

Потом в газетах сообщили, что в ходе этой несанкционированной акции было задержано более 40 человек.

В 1989 году пик митинговой активности в Москве пришелся на период проведения первого Съезда народных депутатов СССР, открывшегося 25 мая. За четыре дня до этого (в воскресенье 21 мая, с 17-00 до 20-30) на северной площадке Лужников состоялся митинг, организованный МНФ и РНФ. Листовки о предстоящем митинге, разрешенном властями, были, как обычно, расклеены на многих остановках пассажирского транспорта и у станций метро.

День выдался ясный и теплый (плюс 20 градусов). По моим подсчетам на митинге присутствовало примерно 50 тыс. человек. Но были и другие оценки. Так, по мнению организаторов на митинг собралось 150-200 тыс. человек. Вечером того же дня радиостанция "Голос Америки" сообщила о 25 тыс. собравшихся, а газета "Вечерняя Москва" - о 100 тыс. (для справки: на северной площадке могут разместиться от 85 до 100 тыс. человек при достаточно высокой плотности - примерно 3 человека на один квадратный метр; фактически же была занята лишь половина этой территории).

В разных местах над толпой развевались: один красный флаг, один бело-сине-красный (впервые на таком большом митинге), три андреевских флага и три сине-красно-желтых (армянские национальные флаги). Были видны транспаранты и плакаты следующего содержания:

- Московский народный фронт

- Гражданское достоинство
- Клуб социальных инициатив
- Писатели за перестройку
- Мемориал
- Съезд депутатов - в Учредительное собрание
- Авторы травли Гдляна и Иванова - к ответу
- Правду Гдляна и Иванова - в "Правду"

Представители из Грузии привезли три стенда с фотографиями о событиях 9 апреля в Тбилиси. Люди подходили, смотрели, интересовались подробностями, давали нелицеприятные оценки союзным властям.

Вел митинг Попов Г.Х. Всего выступило более 50 человек, в том числе многие лидеры демократической оппозиции — депутаты Съезда: Ельцин, Адамович, Сахаров, Заславский, Черниченко, Гдлян, Емельянов, Старовойтова, Мурашов, Иванов, Станкевич, Карякин. Выступали также представители от национальных движений практически из всех союзных республик и из различных демократических движений Москвы и Ленинграда.

На "ура" принимали тех, кто клеймил КПСС и предлагал Ельцина в Президенты Союза. В большинстве выступлений речь шла о необходимости передачи власти от КПСС, а точнее - от ЦК КПСС самому Съезду. Говорили также об экономическом кризисе в стране, о мафии, о бюрократизированном аппарате, о праве наций на самоопределение, в особенности в связи с событиями в Нагорном Карабахе и в Тбилиси, о необходимости созыва внеочередного съезда партии, разрешении фракционности в партии, о китайском демократическом движении и т.п.

Первым выступил Ельцин. Говорил он о падении авторитета КПСС в обществе, снижении уровня жизни населения, но в основном о том, как проводить съезд, т.е. о необходимости перехвата инициативы у аппарата, который хочет протащить заготовленную повестку дня, чему должны противодействовать демократически настроенные депутаты. Толпа приняла его с восторгом, хотя выступал он недолго и без особого подъема.

Также с восторгом был встречен академик Сахаров, но с первых же произнесенных им фраз стало ясно, что оратор он слабый и выступать с трибуны не его дело. В выступлении академика речь шла об угрозе дезорганизации промышленности, обострении национальных проблем, как результате сталинской политики "разделяй и властвуй", о необходимости дать отпор антиперестройщикам, выступившим на апрельском пленуме ЦК, о мафии в партийно-государственных органах управления. Под конец он призвал всех собравшихся поддерживать Ельцина и группу московских демократических депутатов.

Толпа хорошо "заводилась" во время выступлений Гдляна и Иванова, Емельянова, Черниченко, Старовойтовой и некоторых "националов", которые умело подавали материал, задевая чувства людей.

Социальный состав собравшихся был обычным для такого рода мероприятий. Подавляющее большинство - это служащие, интеллигенция, студенты, кооператоры. В толпе было заметно присутствие армян, грузин и представителей других неславянских народностей.

Весьма примечательной была реакция митингующих на выступление руководителя московских профсоюзов Щербакова. Когда он заговорил о необходимости ограничения деятельности кооперативов, занимающихся перекупкой и спекуляцией, то значительное число собравшихся засвистело, раздались протестующие крики "Долой оратора!"

Веселое оживление в толпе вызвало объявление ведущего о выступлении представителя от конфедерации анархо-синдикалистов Шубина. Слышны были реплики, что вот, мол, даже анархисты с нами. Шубин говорил достаточно бойко и напористо, потребовав создания независимых профсоюзов, независимых средств массовой информации, организации "круглого стола" (по примеру Польши) и о необходимости разоблачения скрытой поддержки аппаратом "профашистской организации "Память".

Практически каждый выступавший ратовал за интересы простого народа. Юрий Карякин, например, обвиняя партаппаратчиков в бессовестности, сказал, что те "стараятся внушить нам, что рабочие - это одно, а интеллигенция - другое, но демократическое движение не должно позволить вбить клин между рабочими и интеллигенцией".

В выступлениях не было даже намека на неуважительное отношение к рабочим и крестьянам. Когда спустя три-четыре года "простой народ" в ряде регионов стал выражать свое недовольство проводимыми реформами и голосовать на выборах в Думу за патриотов и коммунистов, у "элиты" демократической интеллигенции не нашлось иных определений для этого народа, кроме как "люмпен" и "быдло".

Ораторы-военные (лейтенант Толстоухов, полковник Проселков, подполковник Петрушенко), говоря о событиях в Тбилиси, оценивали их как позор для армии и призывали сотрудников силовых ведомств не поднимать руку против своего народа.

Представитель Грузии говорил сначала на грузинском языке, а затем на русском. Но это был не перевод, а два самостоятельных выступления. Основной смысл его выступления на родном языке заключался в том, что кровь, пролитая 9-го апреля, объединила всех грузин в их стремлении к независимости Грузии и лидеры национального движения будут неуклонно добиваться этого. На русском языке он говорил о случившемся в Тбилиси как об общечеловеческой трагедии, которую нельзя больше допустить ни в Минске, ни в Риге, ни в Москве.

Подводя итог выступлениям, Г.Попов призвал собравшихся создавать клубы избирателей, готовиться к любым неожиданностям, а в случае необходимости - "спуститься с трибуны на поле".

В резолюцию митинга были включены почти все основные вопросы, затрагивавшиеся в выступлениях: разрешить митинг в Ленинграде 27 мая; приветствие

китайскому демократическому движению; необходимость усиления борьбы с коррупцией и мафией, для чего создать соответствующую комиссию на Съезде; вся власть Съезду Советов; равное право при избрании депутатов; решение проблем национальных республик; разгосударствление экономики; контроль над правительством со стороны Съезда и ряд других. А в заключение - "Реакция не пройдет!"

Несмотря на большое число выступавших, митинг прошел достаточно динамично и собравшиеся с интересом слушали всех ораторов. Даже после выступления лидеров оппозиции отток митингующих был весьма незначительным.

После 25 мая и вплоть до середины июня, т.е. все дни работы Съезда и вновь избранного Верховного Совета, митинги в Лужниках шли практически ежедневно, когда с меньшим (до 5 тыс. человек), когда с большим (до 70 тыс. человек) числом участников. Все зависело от объявленной цели митинга и предполагаемого состава ораторов. Каждый день кто-либо из депутатов, как правило из числа демократической оппозиции, приезжал после 18-00 в Лужники и рассказывал присутствующим об основных итогах дня.

Все это время погода благоприятствовала собраниям. Было тепло, в среднем 25 градусов, солнечно, лишь иногда случались кратковременные дожди.

Самый многочисленный митинг из серии "лужниковских" состоялся в воскресенье 28 мая с 16-00 до 19-00. На нем присутствовало примерно 70 тыс. человек (по другим оценкам - от 50 до 150 тыс. человек). На митинге подводили своеобразный итог первым трем дням работы Съезда, когда стало ясно, что демократическая оппозиция оказалась на нем в явном меньшинстве и ей не удалось провести свою повестку дня и решить в свою пользу другие процедурные вопросы. Выступавшие клеймили "агрессивно-послушное большинство" Съезда (определение депутата Ю.Афанасьева), которое, по их мнению, препятствует демократическим преобразованиям в стране.

Во вторник 30 мая свой митинг провели анархисты, точнее, конфедерация анархо-синдикалистов (КАС), приурочив его к дню рождения Бакунина. В этот вечер в Лужниках было не более 5 тыс. человек. Самых КАСовцев на митинге было человек 40-50, почти все - молодые люди 18-25 лет, студенты. Пришли со своим флагом (на черном прямоугольнике красная пятиконечная звезда) и лозунгом: "Власть народу, а не партиям!" Выступил их лидер Андрей Исаев, который сначала коротко рассказал о Бакунине, а затем об основной цели КАС: против диктата партии; мол, перспектива анархо-синдикалистского движения - в самом идеале свободы (несколько лет спустя А.Исаев станет сначала одним из функционеров ФНПР, а затем депутатом Госдумы и функционером партии Единая Россия).

Достаточно многочисленный митинг состоялся в воскресенье 4 июня (собралось примерно 20 тыс. человек), однако он был непродолжительным, т.к. в связи с крупной железнодорожной катастрофой в Челябинской области, унесшей несколько десятков

жизней, Ельцин, выступивший в самом начале, предложил почтить память погибших, а митинг перенести на вторник 6 июня.

В своем коротком выступлении Ельцин говорил о сложившейся традиции митингов в Лужниках, выполняющих функцию обратной связи между народом и депутатами, которые встречаются здесь с людьми не в окружении охраны и не с подобранными тремя-четырьмя представителями из народа (намек на Горбачева), а с большими массами людей и поэтому на митингах должна звучать только правда.

Над толпой виднелись лозунги:

- Агрессивно-послушное большинство - Чурбанов доволен вами
- Самсоновщина - позор цивилизованного общества
- Сахаров - совесть России

После объявления о закрытии митинга люди еще долго не расходились, обсуждая события, происходящие на Съезде и в стране.

Во вторник 6 июня с 18-00 до 21-00 состоялся митинг, перенесенный с 4 июня. Присутствовало 40 тыс. человек. Выступило более 20 человек. Многие из выступавших депутатов (Оболенский, Белозерцев, Кудрин, Чельшев и другие) говорили о необходимости объединения прогрессивного меньшинства депутатов.

Евтушенко прочитал свое новое стихотворение "Письмо афганцу" - ответ на выступление депутата-афганца против Сахарова. Толпа устроила ему овацию.

В защиту Сахарова выступили еще несколько ораторов, в том числе Рой Медведев, а также бывший диссидент Юрий Орлов. Орлов говорил также о необходимости союза рабочих и интеллигенции, как в Польше, что, по его мнению, позволит создать альтернативу КПСС и исключит стихийное развитие рабочего движения. В заключение выразил уверенность в том, что "через 10 лет в этой стране все так и будет".

Ельцин, выступавший в середине митинга, заклеил позором тех аппаратчиков, кто организовал травлю Сахарова на Съезде, и заявил, что солидарен с ним, считая ввод войск в Афганистан ошибкой. Далее он остановился на проекте итогового постановления Съезда, сказав, что если в нем будут общие фразы, то результаты Съезда можно считать нулевыми, т.к. из проекта уже исчезают внесенные депутатами-демократами предложения об Афганистане, растущей бедности населения, о референдуме по результатам Съезда и т.д. Отвечая на записки, поступившие от участников митинга, он, в частности, заявил, что происшедшая бойня на площади Тяньаньмынь в Пекине - это "преступление против своего народа, это Тбилиси, но в большем масштабе".

Толпа слушала Ельцина с благоговением и проводила овацией. После его выступления народ потихоньку потянулся к метро.

Последний митинг из серии "съездовских" состоялся в понедельник 12 июня с 19-00 до 22-00. Собралось примерно 60 тыс. человек. Над толпой развевались бело-сине-

красный, андреевский и желто-голубой (украинский) флаги. Митинг был посвящен итогам прошедшего Съезда.

В числе первых с большой речью выступил Тельман Гдлян, который заявил, что в стране назревает революционная ситуация, т.к. "верхи не могут, а низы не хотят". Далее он остановился на двух основных, по его мнению, проблемах: о власти и правопорядке в стране. Главное - принять закон о партии, чтобы она не вмешивалась в дела государственной власти, в работу средств массовой информации и в подбор кадров. Предложил вынести вопрос о роли партии в стране на общенародный референдум.

Затем стал говорить о сформировавшихся в стране мафиозных группировках, в которых активно участвуют работники МВД, КГБ и Прокуратуры. Перечислил целый ряд фамилий из числа руководителей КПСС (Алиев, Гришин, Капитонов, Лигачев, Соломенцев), правительства (Васильев, Тарасов, Месяц) и правоохранительных органов (Рекунков, Сорока, Бутурлин, Теребилов, Щелоков, Оболенцев), покровительствующих мафии. Сказал, что у него и его сподвижников собраны соответствующие документы, которые спрятаны в надежном месте до лучших времен. В конце выступления он заявил, что мафия может прийти к власти в ближайшее время, установив диктатуру, и что поэтому надо проявлять бдительность. Если же подобное произойдет, то "народ должен сказать всеобщее "Нет!" диктатуре, вплоть до объявления всеобщей забастовки".

Собравшиеся с огромным вниманием слушали Гдляна, а когда он произносил фамилии партийно-государственных деятелей, покровительствующих мафии, то на площади установилась почти полная тишина.

После Гдляна выступили еще 15 человек, в том числе Ельцин, который дал оценку завершившемуся Съезду. По его мнению, нельзя согласиться с тем, что, как считают некоторые (имел в виду Горбачева), Съезд прошел вполне демократично. Отметил московских депутатов, по инициативе которых удалось организовать прямую трансляцию заседаний Съезда по радио и телевидению. Отрицательные моменты: анонимное голосование по большинству острых вопросов, аппаратная и штабная игра. Демократические круги ожидали от Съезда большего, в частности, реальную передачу власти от партии народу, но этого не произошло в связи с засильем на Съезде отобранных номенклатурой депутатов. Чтобы в дальнейшем «демократически настроенные депутаты могли организованно противостоять агрессивно-послушному большинству, создается межрегиональная депутатская группа. Борьба продолжается. Нельзя отчаиваться. Надо добиваться социальной справедливости».

Выступление Ельцина, как обычно, было с восторгом принято собравшимися.

Этим митингом завершился весенне-летний цикл митинговой активности в Москве. Даже в июле, когда в шахтерских регионах проходили массовые забастовки, в республиках Прибалтики проводились массовые антисоветские акции в связи с 50-летием «пакта Риббентроп-Молотов», а в Абхазии разразился грузино-абхазский конфликт, Москва отдыхала.

На летних митингах сформировался определенный круг людей (примерно 15 тыс. человек), которые посещали практически все крупные мероприятия, а среди них - еще более узкий круг (3-5 тыс. человек), который располагался во время митингов недалеко от трибуны, поддерживая выступавших бурными аплодисментами и дружным скандированием лозунгов.

Поскольку никто не препятствовал собранию людей, они вели себя свободно и расковано. Редко кто приходил на митинг в одиночку: как минимум - вдвоем. Незнакомые охотно вступали в разговоры друг с другом при обсуждении общественных проблем или комментируя выступления ораторов. При этом стихийно выработалась своеобразная этика поведения. Люди не спрашивали у собеседников фамилию, место работы или другие личные данные. Если кто-либо из "дикарей" задавал подобные вопросы, то ему отвечали контрвопросом: "А Вы, случайно, не из КГБ?" - и человек в смущении отходил в сторону. Сведения о себе сообщались лишь при обоюдном согласии беседовавших.

Главное - в разговорах друг с другом люди выражали надежду на то, что вот еще немного усилий, будет сброшен мафиозный аппарат с коммунистической идеологией и страна заживет по-человечески, как на Западе.

Первый крупный митинг после летних "каникул" состоялся в воскресенье 1 октября с 18-00 до 21-00, в Лужниках. Было прохладно (+5 градусов) и сыро. Собралось 25 тыс. человек. Организатор митинга - Московское объединение избирателей (МОИ).

Листовки, приглашавшие на митинг, были расклеены на многих автобусно-троллейбусных остановках и в метро. Повестка дня: отчет о визите Ельцина в США, о комиссии по делу Гдляна-Иванова и о подготовке к выборам в местные Советы. Ожидались выступления Попова, Сахарова, Афанасьева и других лидеров межрегиональной депутатской группы.

Еще до начала митинга бросилось в глаза обилие так называемой "неформальной прессы" на подходах к площадке, чего не наблюдалось летом. Насчитал более 20 наименований. Преобладали издания московских "неформалов", но были газеты того же направления из Прибалтики, Украины и Белоруссии. Стоимость газет - от 1 до 2 рублей, листовок - 50 копеек (газета «Известия», например, стоила в то время 4 копейки).

Флаги: несколько бело-сине-красных (русские демократы), один "жовто-блакитный" (РУХ) и один бело-красно-белый (Белорусский Народный Фронт).

Из объявленных в листовке лидеров оппозиции на митинг прибыли лишь Гдлян и Заславский. Поскольку Ельцин в Лужники не приехал, организаторы "прокрутили" магнитофонную запись с его обращением к собравшимся, в котором он сообщил, что не может присутствовать на митинге в связи с болезнью и, главное, что перепечатка в "Правде" материала из итальянской газеты "Република" о его визите в США - клевета.

По поручению Ельцина на митинге выступил депутат Ярошенко, который ездил в США в составе его команды. Публикацию в "Правде" он оценил как очередной выпад консервативных сил против Ельцина. Отверг обвинения в том, что Ельцин выступал перед

американской аудиторией в нетрезвом состоянии, бегал там по магазинам в поисках шмоток и втайне встречался с Бжезинским и другими известными американскими деятелями (Ярошенко заявил, что с Бжезинским встречался он сам).

Назвав все это дело "ельцингейтом", квалифицировал его как крупнейший политический кризис за всю нашу историю (не меньше...). По его словам, за все время пребывания Ельцина в США того лишь один раз удалось затащить в провинциальный супермаркет, где он был потрясен обилием продуктов. Говоря о предстоящей в этот же день в 19-30 передаче по телевидению о поездке Ельцина в США, высказал предположение, что по ТВ могут показать выступление Б.Н. после бессонной ночи, в связи с чем тот был накачан лекарствами. И вывод - "маленькая правда рождает большую ложь".

После Ярошенко дали слово корреспонденту "Комсомолки" Павлу Воцанову, который также ездил в Штаты в составе ельцинской команды. Он повторил с некоторыми вариациями выступление Ярошенко.

Затем выступил представитель от Ленинграда и призвал не давать Ельцина в обиду.

На сей раз, в отличие от весенних митингов, толпа воспринимала сообщения, компрометирующие ее кумира, достаточно спокойно, без истерики и без скандирования "Позор! Позор!" в адрес руководства страны.

После речей в защиту Ельцина слово дали Гдляну. Он говорил долго, минут 30-35. Сначала о том, что партаппарат опять сдвинулся вправо. Поэтому нечего надеяться на КПСС, следует создавать свое оппозиционное движение с хорошим аппаратом и газетой "Консолидация", а для этого нужны деньги. Кто хочет помочь организации движения, пускай присылает средства в Зеленоградское отделение Жилсоцбанка.

Далее стал говорить об "узбекском деле", о том как ЦК выгораживает Генеральную прокуратуру, а также Лигачева, который, по его мнению, причастен к этому делу. Во время выступления Гдляна некоторые из собравшихся говорили, что ничего нового для себя они не узнали и если уж у него на самом деле имеется припрятанный где-то компромат, то пора бы его и опубликовать.

Примерно с середины выступления Гдляна значительная часть митингующих направилась в сторону метро, желая успеть на показ по телевидению видеозаписи визита Ельцина в США.

После Гдляна выступили Заславский, Куценко, Якунин и ряд других постоянных ораторов. Говорили, в основном, о необходимости консолидации и активизации демократических сил в преддверии выборов в местные органы власти. Покритиковали бывшего диссидента Роя Медведева за его сервилизм по отношению к теперешним властям.

По возвращении домой мне рассказали о показанном по ТВ визите Ельцина в Штаты. В ходе одного из своих выступлений Б.Н., по мнению моих домашних, был явно "не в себе", т.е. находился под воздействием то ли спиртного, то ли наркотиков.

Через день в Лужниках состоялся еще один митинг, но организован он был не демократами, что стало уже привычным делом, а как бы по инициативе трудовых коллективов Москвы, точнее московскими профсоюзами и Объединенным фронтом трудящихся (ОФТ). Это было первое массовое мероприятие в Москве, проведенное по инициативе движений с розоватым оттенком (25 тыс.участников).

Листовки о предстоящем митинге в городе не распространялись. Просто накануне митинга (в понедельник 2 октября) на крупных предприятиях на совещаниях профсоюзного актива были сделаны соответствующие объявления и на следующий день представители предприятий прибыли к 17 часам в Лужники (многие на специально выделенных для этого автобусах). День выдался пасмурным и сырым, +8 градусов.

На трибуне находились председатель ВЦСПС Щербаков и другие руководители профсоюзов. Выступали, в основном, представители предприятий.

Ругали правительство. Больше всего досталось зампредсовмина академику Абалкину, который курировал в правительстве блок, занимавшийся проведением экономических реформ в стране. Говорили о недопустимости снижения жизненного уровня трудящихся, о несправедно нажитых миллионах кооператорами и посредниками всех мастей, о необходимости проведения денежной реформы с целью конфискации денег у богачей-нуворишей и пресечения инфляционного роста цен.

Собравшиеся слушали выступления с большим интересом (лишь небольшая часть покинула митинг в самом его начале). Постоянно раздавались реплики "Правильно!", "Гнать в шею этих паразитов!" Было заметно, что несмотря на определенную заорганизованность мероприятия, на него прибыли не только профсоюзные активисты, но и люди "от станка".

Хотя участники митинга довели информацию о нем в свои трудовые коллективы, но из-за позиции наиболее читаемых газет либерального направления ("Известия", "Московские новости", "АиФ" и ряд других), в которых эта акция профсоюзов осуждалась как проявление политической конъюнктуры, а также из-за сформировавшихся к тому времени антикоммунистических настроений, нужного отклика в коллективах она не получила.

Примерно через две недели, в воскресенье 15 октября, в 17-00 в Лужниках состоялся последний крупный митинг в 1989 году (митингующих было примерно 17 тыс. человек; погода ясная и теплая, +12 градусов). Организовало митинг Московское объединение избирателей, поддерживаемое практически всеми демократическими движениями и организациями города.

Над толпой возвышались шесть бело-сине-красных флагов, четыре андреевских и два "жовто-блакитных", а также транспаранты и плакаты следующего содержания:

- ВЦСПС - холуй и надсмотрщик партократии. Даешь

- свободные профсоюзы!
- ОФТ - это диктатура аппарата
 - Производственные округа - диктатура ведомств
 - Нет - производственным округам
 - Производственные округа - загубленная экология
 - Нет - окружным собраниям
 - Прямые выборы председателей Советов
 - Наци - нет! СССР - да!

На митинге выступили: Шемаев (МОИ), Игорь Чубайс (Московский партийный клуб, брат будущего "приватизатора" Анатолия Чубайса), Глеб Якунин, Шабад, Лучинский (из группы Гдяна), Заславский, Саакян (от кришнаитов), Станкевич, Ельцин и другие.

Сначала шли обычные выступления против бюрократии и за демократию. Чубайс призвал разделить КПСС, т.к. в ней нет никакого единства и под одним флагом в партии состоят демократы и сталинисты. Другие выступавшие говорили о необходимости передачи всей власти в стране от КПСС Советам, и не просто Советам, а "народу и созданным им Советам", а также о необходимости организации клубов избирателей по месту жительства и проведения соответствующей работы в преддверии выборов в местные органы власти.

Примерно в 18-00 на площадке с тыльной стороны трибуны появился Ельцин, которого привезли на митинг на "Жигулях" (на летние митинги его привозили на правительственной «Чайке»). Милицейские полковники и подполковники, обычно находившиеся во время митингов на этой же стороне площадки, с подобострастием поздоровались с Б.Н. и проводили к трибуне. Толпа встретила своего любимца восторженными криками и проскандировала "Ельцин", "Ельцин", после чего ему предоставили слово.

Как и предыдущие ораторы, он прошелся насчет партаппаратчиков, которые сами себе повысили зарплату, предложил провести через два-три месяца внеочередной съезд КПСС, т.к. положение в стране критическое, осудил намечаемое введение производственных округов при выборах в Советы, посчитав это провокацией. Говоря о проекте плана на 1990 год, представленный Совмином, назвал его "застойным", не соответствующим складывающейся ситуации и предупредил, что "если через год положение в стране не улучшится, то начнется революция снизу". Свою поездку в США оценил как крайне необходимую, способствовавшую распространению там правды о ситуации в СССР и успешной работе "по спасению перестройки".

Значительная часть его выступления была посвящена теме начавшейся дискредитации народных депутатов демократической ориентации, которая, по его словам, проводится в последнее время руководством КПСС. Мол, идет клевета в их адрес в ряде средств массовой информации, в том числе и в его адрес. КГБ распространяет слухи, о том что он будто бы ведет неподобающий образ жизни, его видели пьяным в обществе

женщин и так далее. В заключение Б.Н. немного посетовал на состояние своего здоровья и напоследок прокричал простуженным голосом: "За перестройку!" Спустя минут пять после своего выступления он покинул Лужники.

В последующие дни стали понятны его слова о готовящейся против него провокации. В прессе и по ТВ прошла информация МВД о том, что несколько дней назад Ельцин был обнаружен в районе одной из дач по Успенскому шоссе весь мокрый, в не очень трезвом состоянии и при этом он говорил, что кто-то упрятал его в мешок, а затем сбросил с моста в речку.

Информация о поведении Ельцина в США и в эпизоде на Успенском шоссе не убавила ему популярности в московской демократической среде, которая, как и прежде, с недоверием воспринимала все, что публиковалось о нем в официозных изданиях.

До конца года состоялось еще несколько акций, организованных общественными движениями различной ориентации.

В понедельник 13 ноября ОФТ организовал пикетирование Дома Союзов, где в Колонном зале проходила Всесоюзная конференция экономистов с участием Горбачева, Рыжкова, Медведева и других руководителей.

Пикетчики держали в руках плакаты и транспаранты следующего содержания:

- Позор Абалкину и компании
- Позор экономистам, выступающим за безработицу
- Долой безработицу!
- Долой частную собственность
- Нет, распродаже земли
- Руки прочь от рабочего класса
- За административно-командную систему

Официозные и либеральные издания отреагировали на лозунги пикетчиков с раздражением, заклеив закулисных организаторов пикета как противников перестройки.

В середине декабря скончался академик Сахаров. Гроб установили во Дворце молодежи на Комсомольском проспекте. В дни прощания с ним очередь в ДМ растянулась примерно на 2 километра: начиналась недалеко от Усачевского рынка, затем шла по Малой Пироговке, сворачивала на улицу Льва Толстого, а оттуда на Комсомольский проспект и далее в сторону ДМ («толщина» очереди была неравномерной – от одного человека в районе Усачевки, до 4-5 человек на Комсомольском проспекте)

Несколько активистов из демократического движения ходили вдоль очереди и собирали подписи под требованием о переименовании Ленинского проспекта в проспект Сахарова. Люди подписывались. В день похорон Сахарова в Лужниках состоялся траурный митинг, в котором участвовало примерно 20 тысяч человек.

В воскресенье 24 декабря, в 12-00, в Останкино (на площадке недалеко от башни) провел митинг Российский народный фронт. Собралось не более 400 человек (пасмурно, минус 5 градусов). Это был митинг одного оратора, т.к. минут 50 выступал некто Иванов - крупный, горластый, лысеющий мужчина лет 35-ти. Хорошо поставленным голосом профессионального оратора он клял коммунизм и коммунистов, превознося демократию и рыночные отношения - это, по его словам, гениальное изобретение человечества.

Собравшиеся бурно приветствовали антикоммунистические высказывания оратора, но со скукой на лице слушали рассуждения о товарном производстве, пользе кооперативов и безработицы (после событий осени 1993 года этот Иванов стал регулярно появляться 4-го октября на траурных мероприятиях «коммуно-патриотов» возле стадиона «Красная Пресня»).

В последние дни года удалось побывать на нескольких предвыборных собраниях жителей Фрунзенского района по выдвижению кандидатов в депутаты в районные, городские и республиканские Советы от демократических и патриотических движений. Поскольку явка избирателей на эти собрания составила всего лишь от 30 до 60% от их необходимого числа, кандидаты в кандидаты не были утверждены кандидатами; зато доверенные лица кандидатов и сами кандидаты изложили свои программы, избиратели их выслушали и разошлись.

Чувствовалось, что люди подустали от всего услышанного и увиденного в этом году.

1990 год

В январе в Москве не было ни многочисленных демонстраций, ни митингов. Лишь на Пушкинской площади на широком тротуаре у здания "Московских новостей", где с осени 1989 года с молчаливого разрешения властей стал функционировать своеобразный "Гайд-парк", регулярно собирались люди, чтобы потолковать о происходящих в стране событиях. В будние дни собрания проходили обычно в вечернее время, а в выходные - с утра до вечера. Люди приходили и уходили, но одномоментно на этом пятачке находилось не более 500 человек. Все свободное пространство стены редакции "МН", до уровня вытянутой вверх руки мужчины высокого роста, было заклеено различными листовками, вырезками из газет и другими печатными материалами преимущественно антисоветского и антикоммунистического содержания. Здесь же шла продажа с рук изданий "неформалов".

Взбудоражили собрания на Пушкинской события в Баку, куда 20 января были введены войска и объявлено чрезвычайное положение в связи с происходившими там армянскими погромами. Большинство склонялось к тому, что России нечего вмешиваться в дела азиатов. Появлявшиеся на Пушкинской армейские офицеры (чаще всего, почему-то, капитаны и майоры) убеждали собравшихся в том, что "хватит проливать русскую

кровь за чужие интересы" и приводили в пример Афганистан. Либеральная пресса одобрила действия Горбачева по вводу войск в Баку, но с оговорками, что это надо было сделать раньше, до начала армянских погромов.

Первая демонстрация в 1990 году состоялась в воскресенье 4 февраля. Объявления о митинге появились на Пушкинской за три дня до его проведения. В них говорилось, что "брежневско-сусловский аппарат и клика Лигачева рвутся к власти" и поэтому всем, кто поддерживает демократические преобразования в стране, следует принять участие в намечаемом мероприятии. Предполагалось, что на митинге выступят Ельцин, Афанасьев, Попов и другие лидеры оппозиции. Сбор участников был намечен у Парка Горького к 12 часам. Оттуда они должны были двигаться по Садовому кольцу до Маяковки, а затем по улице Горького на Манежную площадь.

Официальное разрешение на проведение демонстрации и митинга оппозиции именно в Центре Москвы было дано впервые. Предстоящему мероприятию сделали небывалую рекламу: листовки у станций метро и на остановках общественного транспорта, заметки в московских городских газетах, сообщения накануне и рано утром в день проведения митинга по первым программам всесоюзного радио и ТВ (например, программа "Взгляд") и, наконец, постоянные объявления по радиосети метрополитена о том, что "в воскресенье во время проведения массовых мероприятий будут закрыты на выход станции "Пушкинская", "Горьковская", "Чеховская", "Маяковская", "Проспект Маркса" и "Площадь Революции".

Погода в этот день выдалась не по-зимнему теплой: плюс два градуса, сухо, переменная облачность. Примерно в половине второго колонна подошла к Маяковке, занимая по ширине всю проезжую часть Садового кольца. Над колонной развевались шесть бело-сине-красных флагов, два национальных флага Грузии и по одному флагу от Московского народного фронта, РНФ, КАС, РУХа, Армянского общенационального движения и экологов.

Группы милиционеров размещались только на больших перекрестках, движение на которых перекрывалось при приближении колонны. На этих же перекрестках подхода колонны дожидались от нескольких сот до 2-3 тыс. человек, чтобы влиться в нее. На Советской площади у памятника Долгорукому стояла временная трибуна и два радио-автобуса на тот случай, как говорили некоторые из милиционеров, чтобы провести митинг здесь, если соберется не очень много людей.

Двигаясь по улице Горького, люди в голове колонны (в основном молодежь) почти беспрестанно скандировали: "Долой Кузьмича», "Систему долой", "Ельцин, Горбачев", "Долой ЦК».

Кроме флагов демонстранты несли большое количество самодельных транспарантов с лозунгами:

- Свобода сегодня или никогда

- Да - перестройке Горбачева, нет - "Памяти" Лигачева
- «Взгляду» - полную гласность
- Нет фашизму
- Народ и армия едины
- Армия - не надо стрелять в свой народ
- "Память" - враг демократии
- Номенклатура - помни Румынию
- Руки прочь от Гдляна и Иванова
- Лидер ОФТ Ярин против Гдляна
- 72 года на пути в никуда
- Прекратить травлю Гдляна, Афанасьева, Ельцина
- Верх позора - партия защищает преступников
- Долой Лигачева и клику
- 1990 = 1933 (знак равенства перечеркнут)
- С кем Вы, Михаил Сергеевич?
- Коммунизм на свалку истории
- СОЦПРОФ
- Всероссийский комитет за социалистическую партию
- Демократическая платформа в КПСС
- "6" (цифра перечеркнута косым крестом)
- Шовинизм - последняя соломинка партократии
- "Память" + аппарат = ..." (нарисована колючая проволока)
- Нет - политическим привилегиям КПСС
- Рабочие и интеллигенция, не дадим нас поссорить
- Нет - попыткам раскола рабочего класса и интеллигенции
- Нет - фашизму в России
- Их греет память Гитлера и Сталина
- Лигачев - уходи
- "Память" - неофашизм в России
- Лигачева в отставку
- Не допустим повторения Сумгаита, Тбилиси, Баку
- Нет - союзу номенклатуры с черной сотней
- Убрать политорганы из армии; парткомы - с заводов
- Привет участникам февральской революции

Колонна втягивалась на Манежную площадь минут 30-35 в виде загогулины, причем руководил перемещениями толпы генерал-майор из ГУВД Москвы. По моим подсчетам, на митинг собралось около 100 тысяч человек, по мнению организаторов - 300 тысяч, по оценкам официальных средств массовой информации - 200 тысяч человек. Но Манежная площадь могла вместить максимум 200-220 тысяч человек, а в тот день она была относительно плотно заполнена лишь до линии геологического института.

Контингент собравшихся на митинг практически не претерпел изменений в сравнении с митингами лета-осени 1989 года.

Перед гостиницей "Москва" установили трибуну с микрофоном, рядом - радио-автобус. Слышимость, несмотря на большое пространство, была хорошей практически во всех точках площади, так как выступления транслировались через стационарные громкоговорители, установленные на верхних этажах здания гостиницы.

Примерно в 14-40, когда большая часть колонны вошла на площадь, митинг открыл Г.Х.Попов. поприветствовав собравшихся, он объявил основные цели митинга: нанести удар по консерватизму; показать руководству партии, что оно может опереться на демократическую общественность и продемонстрировать ее единство.

На митинге выступали, в основном, наиболее известные деятели оппозиции: Шемаев, Коротич, Травкин, Ельцин, Оскоцкий, Ю.Афанасьев, Евтушенко, Л.Пономарев, Адамович, Гдлян, Якунин, О.Румянцев. Выступления, как правило, были короткими - не более пяти минут. Практически все выступающие говорили о необходимости устранения из партийно-государственных органов консерваторов и об опасности прихода к власти национал-социал-фашистов, а наиболее радикальные из ораторов - о необходимости проведения акций гражданского неповиновения властям.

Выступивший в начале митинга Шемаев (председатель Московского объединения избирателей), предложил почтить минутой молчания память всех погибших за годы перестройки в Алма-Ате, Сумгаите, Тбилиси, Нагорном Карабахе, Фергане, Новом Узене, Баку, сказав, что "нет виновных народов, а есть виновные правители".

Коротич выразил удовлетворение тем, что "из нас уходит страх - этот стеновой хребет системы, на котором она держится". Травкин призвал к созданию демократического блока "против консерваторов, которые объединились раньше нас". Евтушенко прочитал свое очередное стихотворение для митинга: о свободе, в которую швыряют камнями.

Несколько дольше, чем другие ораторы, выступал Ельцин, который говорил о непоследовательности действий ЦК, о полумерах в экономике, о том, что предстоящий Пленум ЦК - это последний шанс для партии, чтобы вернуть доверие народа. "Если же на Пленуме - сказал он - начнутся в очередной раз аппаратные игры, то народ скажет свое "Нет!" Партии следует, по его мнению, отказаться от догм и привилегий, демократического централизма и сложившейся структуры. Пленум должен сказать "Нет" 6-й статье Конституции. Не должно быть монополии партии на власть. Нынешний состав ЦК не способен проводить демократические преобразования. Следует приостановить деятельность ЦК, создать временный Оргкомитет и провести съезд партии в мае-июне, на котором внести изменения в Устав и разрешить создание платформ и фракций в партии. В заключение Ельцин заверил собравшихся в том, что на завтрашнем Пленуме он будет отстаивать их волю.

Митингующие встречали и провожали Ельцина овацией. После его выступления, т.е. примерно через 35 минут после начала митинга, толпа на площади стала быстро редеть.

Ю.Афанасьев говорил, в основном, о проблемах межнациональных отношений в Союзе, обвинив партийно-государственное руководство в недальновидности проводимой политики. Предложил созвать "Круглый стол" с участием всех заинтересованных сторон и призвал к "единению всех левых сил" (они называли себя тогда "левыми"), а также к проведению 25 февраля всесоюзного митинга в поддержку демократических преобразований. Завершая свое выступление, Ю.А. сделанно-взволнованным голосом произнес: "Да здравствует мирная и ненасильственная Февральская революция 1990 года!".

Многим собравшимся понравилась такая концовка выступления, поскольку они не могли себе представить, что беспрепятственно прошествовав по центральным магистралям Москвы с антисоветскими и антикоммунистическими лозунгами и помитинговав два часа у стен Кремля, они совершают революцию. К мирной февральской революции призывал также писатель Адамович и другие ораторы.

Генерал в отставке Шапошников, который во время событий в Новочеркасске в июне 1962 года, будучи одним из руководителей СКВО, отказался выполнять приказ о расстреле демонстрации рабочих, призвал армию не стрелять в свой народ.

Самым продолжительным было выступление Гдляна. Он говорил обо всем: о необходимости ликвидации на предприятиях и в организациях парткомов и создании на них же комитетов консолидации, о сокращении численности и ограничении функций КГБ, о передаче контроля над всеми силовыми структурами от партаппарата народным депутатам, о необходимости бойкота газет "Правда", "Советская Россия", "Рабочая трибуна" и "Известия". Потребовал: отправить в отставку Горбачева и Лукьянова, ЦК, Политбюро, обкомы и райкомы, не выполнять решения партийных комитетов; провести новые выборы во все руководящие органы партии и создать компартию РСФСР; провести расследование по делам Брежнева, Суслова, Алиева и т.п. "Если же власти откажутся выполнять народные требования - призывал Гдлян, завершая выступление - то с 1-го Мая следует начать всеобщую забастовку, организовывать митинги и демонстрации до тех пор, пока власть не перейдет к народу".

Толпа, бурно приветствуя призывы Гдляна и других ораторов об отставке ЦК, Политбюро и других партийных органов и деятелей типа Лигачева, начинала скандировать: "В отставку, в отставку!". Скандировали не все 100 тысяч собравшихся, но тем не менее скандеж нескольких десятков тысяч глоток производил солидное впечатление.

К 17-00, когда стали выступать малоизвестные деятели дем.оппозиции, на площади осталось не более 20 тыс. человек.

В вечерних программах ТВ-новостей материал о митинге был подан таким образом, что у зрителей могло сформироваться мнение о нем как о сборище экстремистов.

Но это не соответствовало действительности, несмотря на выступления Гдляна и некоторых других ораторов. Подавляющее большинство собравшихся вело себя сдержанно, без истерической взвинченности. Сложилось впечатление, что толпа пришла "побалдеть" на виду у Кремля и участников предстоящего Пленума ЦК, проживавших, в том числе, в гостинице "Москва".

Реакция прессы на митинг была неодинаковой. Официозные издания практически умолчали о нем, дав обширные материалы о состоявшемся в понедельник Пленуме ЦК. Либеральные издания, наоборот, дали о демонстрации и митинге восторженные комментарии, а также фотоснимки, глядя на которые можно было подумать, будто Манежная площадь битком заполнена людьми.

Москва заговорила о невиданной доселе демонстрации оппозиции. Судя по разговорам москвичей, не присутствовавших на митинге и получивших сведения о нем из средств массовой информации и от участников митинга, многие из них были убеждены, что на Манежной площади собралось не меньше одного миллиона человек. Доводы о том, что Манежная площадь не может вместить такое количество людей, практически не действовали.

Но основная цель митинга заключалась, видимо, в том, чтобы произвести соответствующее впечатление не столько на москвичей, сколько на участников Пленума ЦК, принявшего в итоге платформу "За гуманный, демократический социализм", в которой, среди прочего, говорилось, о целесообразности отмены 6-й статьи Конституции (о руководящей роли компартии), о возможности введения многопартийности в стране, о переносе съезда партии на июль, т.е. в нее были внесены положения, прозвучавшие из уст некоторых ораторов на митинге 4 февраля.

Спустя две недели в средствах массовой информации стала нагнетаться истерия по поводу очередного митинга, назначенного лидерами оппозиции на воскресенье 25 февраля. Сначала было опубликовано заявление Верховного Совета СССР, который вроде бы и не запрещал проведение митинга, но в то же время предостерегал организаторов от возможных последствий. Затем последовали аналогичные обращения от ЦК КПСС и от творческих союзов.

В газетах появились статьи о митинговом экстремизме. По городу поползли слухи о возможных погромах в "дворянских гнездах" (домах для номенклатуры) и о создаваемых в них отрядах самообороны, о появлении в Москве армянских и азербайджанских боевиков, о подготовке городских больниц к возможному поступлению значительного числа раненых, о введении повышенной готовности в подразделениях московской милиции и ОМОНа.

На предприятия были спущены указания "с верхов" об организации усиленных дежурств с 17-00 субботы до 8-00 понедельника. Люди были настолько "заведены", что при встречах говорили, в основном, о предполагаемых провокациях и кровопролитии. Но все прошло спокойно.

Воскресный день 25 февраля выдался пасмурным, с небольшим морозцем (минус 5 градусов). Участники митинга собирались с 12-00 в двух точках: у станции метро "Смоленская" и у Парка Горького. Все улицы, переулки и проходные дворы в этом секторе Садового кольца (по его внутренней стороне) были перекрыты милиционерами, дзержинцами в милицейской форме, омовцами и грузовыми автомобилями, причем "живая сила" была экипирована в каски и бронежилеты (впервые за все время проведения митингов). Все это якобы для того, чтобы не допустить несанкционированного прорыва толпы на центральные улицы и площади Москвы. Люди, проходившие мимо оцепления, стыдили офицеров, говорили о недопустимости применения силы к мирным манифестантам.

Две колонны демонстрантов, двигаясь медленным шагом навстречу друг другу, соединились на Зубовской площади - самой широкой части Садового кольца - где состоялся митинг. Лозунги, возвышавшиеся над толпой, и ораторы, выступившие на митинге, были практически те же, что и три недели назад (не было Ельцина). Содержание выступлений тоже было похожим: против всевластия КПСС и ее номенклатуры, за передачу всей власти народу, за мирную и ненасильственную новую февральскую революцию. Добавилась критика властей за нагнетание истерии накануне митинга и привлечение значительного числа военизированных формирований в район проведения манифестации. И более мощный скандел толпы.

В этот день был перекрыт рекорд численности митингующих, установленный 4 февраля. Если тогда общее число собравшихся составило 100 тыс. человек, то на этот раз их было 250 тыс. человек. Такую же цифру дали органы милиции. Один из организаторов митинга - Юрий Афанасьев - сказал, что "собралось полмиллиона человек" (впоследствии, спустя два-три года, в некоторых демократических изданиях замелькали цифры об одном-двух миллионах собравшихся).

Расчет тех, кто с помощью нагнетания истерии вокруг митинга предполагал перекрыть рекорд "посещаемости" - оправдался. Эффект "запретного плода" сработал.

В последующие годы ни самим демократам, ни коммунистам, ни патриотам не удавалось вывести на улицы Москвы большее число людей.

В либеральной прессе появились восторженные отклики на митинг. Подчеркивались выдержанность и организованность демонстрантов, не предоставивших определенным силам в верхних эшелонах власти повода для разгона и последующего запрета демократического движения.

В начале весны, несмотря на предстоявшие в марте выборы депутатов в республиканские, городские и районные Советы, митинги в поддержку кандидатов в Москве не проводились. Обошлись встречами в помещениях. Лидеры объединения "Демократическая Россия" были уверены в своей победе на выборах в Москве, а "Патриотическая Россия" не сумела организовать. Победили "демороссы".

В конце марта и в апреле состоялось несколько не очень многочисленных (от 2 до 10 тыс. человек) митингов: в поддержку Гдляна и Иванова, в отношении которых генпрокуратура возбудила уголовные дела; в защиту Литвы, где местные власти провозгласили независимость от Москвы; в защиту гласности и т.п. Митинги проходили в Лужниках, на Манежной площади и в Останкино.

Единственная крупная весенняя демонстрация оппозиции состоялась 1-го мая. Ей разрешили пройти по Красной площади практически сразу же после окончания митинга-манифестации, организованного официальными профсоюзами.

В появившихся за несколько дней до этого объявлениях (сначала на Пушкинской площади, а затем в газете МГК КПСС "Московская правда") сообщалось, что для сбора "неформалов" назначены пять мест: Зубовская площадь, Баррикадная улица, площадь Белорусского вокзала, Каляевская улица и проспект Мира у одноименной станции метро. Из этих точек демонстранты должны были проследовать по центральным улицам к Манежной площади, а затем двумя "рукавами" влиться на Красную площадь.

На улице Горького между площадью Белорусского вокзала и Большой Грузинской улицей формировалась колонна представителей Пролетарского, Красногвардейского, Фрунзенского и Ленинградского районов, а также г. Зеленограда. Отдельные колонны сформировали общество "Мемориал", христианские демократы, либеральные демократы, Московское объединение избирателей и ряд других.

Всего в этом месте собралось примерно 15-17 тыс. человек. Красных флагов в колоннах не было. Только бело-сине-красные (Дем.Россия), андреевские (РНФ), желто-голубые (РУХ) и желто-зелено-красные (Саюдис, Литва). Транспаранты и плакаты с лозунгами были следующего содержания:

- Социализм без демократии - колбаса без мяса
- БТР не дави ИТР!
- Демократы нынче в силе - с нами Сергей и Гаврила
- Позор депутатам Узбекистана, защищающих своих коррупционеров
- Горбачев - генеральный покровитель мафии
- Свободу Литве. Позор президенту-империалисту
- Есть парткомы - нет портков
- Народ не объЕгоришь
- Вышел из партии - помоги товарищу!
- Долой кровавую и бесплодную диктатуру КПСС!
- Нет веры партии, лидеры которой преступны
- Руки прочь от Литвы!
- Власть народу! Созвать Круглый стол
- Народу - закон о референдуме
- Русский народ - за независимость Литвы
- Горбачев! Уйдите с пути Литвы к свету

- Блокада Литвы - преступление КПСС
- Президента выбирать всем народом
- Теснее ряды, демократы!
- Кладбищу упырей не место на Красной площади
- 72 года на пути в никуда
- Хозяин страны не КПСС, а народ. Власть - народу!
- Верх позора и безобразия - партия, стоящая у власти и защищающая своих мерзавцев
- В перестрой Егор Кузьмич вбухал цемент и кирпич. И остался Горбачев без бревен и кирпичев. Дефицит, ну чтоб он сдох. Срочно нужен рынок - ох!
- Горбачев! Народ уже Вам не верит
- Разлюблю-разорю - самый "порядочный" принцип по отношению к бывшей республике, как и к бывшей жене
- Советская мафия расправляется с Гдляном, спасая себя
- Увы, мы судим Сталина и его смену, но я скажу правильно - судить надо систему
- Демократия - не собственность президента
- Конец Прав, Свободы, Совести (т.е. КПСС)
- Вы, жадною толпой стоящие у трона, руки прочь от Гдляна и Иванова!
- Расправа и насилие - основа устава КПСС
- Беда, когда ограниченным людям дают неограниченную власть
- Долой культ Ленина!
- Спецкорыто (нарисована свинья у корыта с апельсинами)
- Христианство - идея России
- Партия Ленина, прочь с дороги!
- Коммунисты, когда ваше государство начнет отмирать?
- Власть народам, а не партиям!
- Без свободы нет солидарности (на польском языке)

Были также лозунги, уже примелькавшиеся с зимних митингов против "Памяти", фашизма и т.п.

Колонна простояла в этом месте почти целый час. В 10-00 по уличным громкоговорителям начали передавать репортаж с Красной площади, где митинговали официальные профсоюзы. Речи выступавших изобиловали привычными "штампами", но вместе с тем прорывались фразы о том, что "реформы надо проводить, но не за счет трудящихся". "Неформалы" сопровождали выступления "профсоюзников" язвительными репликами.

Примерно в 10-30 демонстранты двинулись к Центру. День выдался неплохой - переменная облачность, 14 градусов тепла. Люди шли свободно и весело. Почти все время смеялись, читая и комментируя лозунги. Периодически скандировали: "Свободу Литве" и "Долой КГБ". Горячо поприветствовали большую группу молодых литовцев (50-60 человек), которые в районе Маяковки влились в колонну, держа в руках литовские национальные флаги.

На Манежной площади со стороны Охотного ряда к колонне присоединилась не очень многочисленная колонна, шедшая со стороны Каляевской улицы и проспекта Мира. Со стороны Манежа на площадь вошли колонны, двигавшиеся с Зубовской площади и Баррикадной. Двумя "рукавами" демонстранты проследовали на Красную площадь и остановились перед Историческим музеем.

В это время над площадью гремела маршевая музыка и последние шеренги участников профсоюзной манифестации проходили мимо Мавзолея в сторону Васильевского спуска, приветствуемые с трибуны руководством страны во главе с Горбачевым.

Увидев эту картину, "неформалы" засвистели и закричали и после некоторой паузы направились нестройной толпой к центру площади, размахивая флагами и лозунгами. Их никто не останавливал, хотя на самой площади и на подходах к ней в оцеплении стояло множество милиционеров и солдат внутренних войск. Как только последние шеренги профсоюзной манифестации проследовали мимо Мавзолея, все руководство дружно покинуло его трибуну под усилившийся свист и крики "Долой!" со стороны "неформалов".

Участники демонстрации расположились на площади, развернув транспаранты и щиты с написанными на них лозунгами в сторону гостевых трибун, на которых все еще находились приглашенные на официальную манифестацию. Минут через двадцать после ухода руководства в окнах верхнего этажа здания Совмина за кремлевской стеной замелькали чьи-то головы, разглядывавшие толпу на площади. Музыка продолжала греметь. Отдельные группы демонстрантов устроили скандеж с требованием прекратить трансляцию маршей, так как люди не слышали друг друга, но оно, конечно же, не было выполнено.

К этому времени на площади находилось примерно 30-35 тыс. человек. Стояние под грохот музыки продолжалось минут 40, после чего меньшая часть демонстрантов прошла в сторону Васильевского спуска, а оттуда по набережной - к Парку Горького, а большая часть отправилась к ближайшим станциям метро.

Реакция на эту манифестацию была весьма бурной. В вечерней программе "Время" (1-я программа ТВ) сообщили о провокации на Красной площади, организованной "неформалами", не раскрыв при этом, что же именно произошло. В последующие дни в центральных газетах ("Правда", "Известия" и др.) появились статьи, в которых клеймились позором "provokatory-radikalы", вышедшие на главную площадь страны с лозунгами против Ленина и партии и оскорбляющие достоинство президента

Горбачева. В некоторых статьях акция на Красной площади преподносилась как чуть ли не попытка штурма Кремля, захвата власти и т.п. Говорилось также, что вот, мол, "неформалы" рассчитывали вывести на улицы миллион человек, а вывели всего лишь 20 тысяч.

Весьма своеобразную трактовку первомайскому инциденту дал член Политбюро ЦК и ответственный за идеологию А.Н.Яковлев (один из главных "прорабов перестройки", находившийся в тот день на трибуне Мавзолея). По его мнению, это "разноцветье флагов и лозунгов в колоннах демонстрантов - от анархистов до монархистов - представляло собой шествие ряженных и старинный российский балаган" и возложил вину за происшедшее на ... консервативные силы.

В мае и июне состоялось несколько малочисленных митингов, примечательных лишь тем, что их организовали весьма маломощные на тот период общественные организации.

В воскресенье 13 мая в Лужниках собрались сторонники СОЦПРОФа - профсоюза, альтернативного ВЦСПС, а впоследствии и ФНПР. На митинг пришло всего лишь около 300 человек. Было сравнительно тепло +18 градусов и ясно. На трибуну прикрепили транспарант следующего содержания: "СОЦПРОФ - конкурент ВЦСПС – реальная сила - Ваша солидарность - это здравый смысл". Некоторые из присутствующих держали в руках лозунги: "Долой статью 33 КЗоТ!", "23 млн. трудовых дел в судах. Позор!"

Выступали функционеры СОЦПРОФа Храмов, Пахомов, депутат Романенко и кто-то еще менее известный. Функционеры говорили о растущей силе СОЦПРОФа, членами которого в 26 городах Союза, по их словам, состояло 40 тыс. человек, в том числе такие видные оппозиционеры, как Заславский, Гдлян, Карягина и другие. Выступления были скучные, в стиле лекций для профсоюзного актива, а не для площади.

Рассказывали о своих хождениях по инстанциям, о конфликтах с начальством, которое их незаконно уволило и т.д. Некто Бойцов ругал кооператив АНТ, где, по его словам, "отмывают грязные деньги наглецы". Романенко рассказал об общеизвестных фактах по делу Гдльяна и Иванова.

Спустя час люди совсем заскучали и поодиночке удалялись в сторону метро.

В субботу 2 июня там же, в Лужниках (ясно, +20 градусов) провела свое собрание конфедерация анархо-синдикалистов (КАС). Именно собрание, так как 52 человека, пришедших на это мероприятие (без учета 6 милиционеров во главе с майором, "поддерживавших порядок"), трудно назвать митингом. Причем из этих 52 человек 40 молодых людей были, судя по их поведению и репликам, членами московской организации КАС (скорее всего, весь ее личный состав).

Сбор был посвящен 28-й годовщине Новочеркасских событий. Основной доклад сделал Александр Шубин. Сначала он изложил хронику тех событий, а затем рассказал о

Павле Сиуде, который за участие в них отсидел 7 лет, а в последние годы стал собирать материалы о причастности КГБ к тому, что произошло в Новочеркасске; о внезапной смерти Сиуды, последовавшей 5 мая 1990 года, после того как он сообщил корреспонденту "Комсомолки" об имеющихся у него фактах.

Затем выступил Андрей Исаев, после чего оба лидера КАС стали отвечать на вопросы собравшихся. Собрание длилось примерно полтора часа.

В среду 6 июня, с 18 до 20 часов, в парке Сокольники, недалеко от главного фонтана собрались сторонники ОФТ. Их было побольше, чем сторонников СОЦПРОФа и КАС на вышеуказанных митингах - примерно 2 тыс. человек. Некоторые из присутствующих держали в руках красные флаги и лозунги следующего содержания:

- Владимир Ильич! Мы Вас защитим
- Рыночная экономика - власть плутократии
- Социализм или смерть
- Нет росту цен и рынку!
- Долой министров-капиталистов!
- Трудящиеся! Нас предали архитекторы перестройки и контрреволюционеры

Социальный состав собравшихся несколько отличался от состава митингующих на "демократических" митингах. Было заметно присутствие рабочих - не большинство, но процентов 20-25 набралось. Остальные были либо инженерно-техническими работниками с предприятий, либо функционерами из райкомов-парткомов, либо преподавателями общественных наук из вузов.

Вел митинг Игорь Маляров, сформулировавший в самом его начале несколько вопросов, обращенных к верхушке КПСС:

- Почему в нашей стране все ухудшается?
- Почему создаются кооперативы только для спекулянтов?
- Почему в стране нарастает национальная вражда?
- Почему все решили, что мы, используя рынок, будем жить как в Америке, а не как в Африке или в Индии?
- Почему умалчивается о том, что состоялся союз между дельцами и партийно-государственной бюрократией?

Несмотря на свою молодость (тогда ему было примерно 25 лет и учился он в аспирантуре МГУ), Маляров выступал достаточно уверенно, говорил хорошо поставленным голосом, смог завладеть вниманием собравшихся.

После Малярова выступил Борис Гунько, которого представили как руководителя Московского отделения ОФТ. Он сравнил "демократов", утверждавших, что настал крах социализма, с фашистскими пропагандистами, говоривших то же самое летом 1941 года. После войны - продолжал Гунько - мир заговорил о советском экономическом чуде, т.к. у нас первыми отменили карточки и в короткий срок восстановили разрушенное войной, регулярно снижали цены. Но в 1965 году с одобрения партгосаппарата в стране внедрили раковую опухоль, т.е. предприятия стали поощряться за полученную прибыль, а не за снижение себестоимости продукции, что привело к количественному росту советской буржуазии, число миллионеров среди которой достигло уже 80 тыс. человек. В 1985 году, когда начинали перестройку, надо было ударить именно по советской буржуазии, но переродившийся партгосаппарат не захотел этого делать. Горбачев и Шеварднадзе смогли появиться только потому, что наших людей предварительно разложили с помощью антисоветской пропаганды. У ОФТ, есть факты, согласно которым можно утверждать, что сегодняшняя радикальная реформа в СССР была одобрена Конгрессом США в 1979 году. В конце своего выступления Гунько призвал проявлять бдительность и организованность для оказания отпора переродившимся аппаратчикам.

Следующим выступил Владимир Якушев, работавший в то время научным сотрудником в Академии народного хозяйства при Совмине СССР. Повторив некоторые положения предыдущего оратора, он основное внимание уделил критике рыночной экономики. Предложил провести конфискационную денежную реформу, чтобы изъять нечестно нажитые капиталы у дельцов и смягчить тем самым инфляцию. Наверное - говорил он - правительство получает что-то от жуликов, раз оно выступает против такой реформы. Предлагая радикальные рыночные реформы, они хотят богатых сделать богаче, а все тяготы от реформы переложить на трудящихся, создав 40-миллионную армию безработных. Общество уже поставлено на грань гражданской войны. Запад, в отличие от нас, не разоружается и планирует все так, чтобы нас развалить. У нас имеются документы о сотрудничестве академиков Богомолова и Тихонова с ЦРУ. Во всем мире идут от рынка к плану, а в нашей стране с 1965 года - наоборот. Надо отказаться от стоимостных показателей в планировании. "Демократы" не дают возможность опубликовать альтернативную экономическую программу в центральных органах массовой информации. Надо сделать так, чтобы народ сам мог выбирать, какая программа его больше устраивает.

После Якушева выступили Митрофанов (член Союза журналистов), Гинкас (активист из Литвы), Коротков из Клайпеды, Берман из Москвы, представитель Интерфронта из Эстонии, представитель русских беженцев из Баку, двое рабочих от московского отделения ОФТ.

Говорили они практически о том же самом, что и предыдущие ораторы, но в их выступлениях было больше конкретики о положении дел на местах: об угрозе единству Союза, исходящей со стороны националистов в Прибалтике, о наглом поведении руководителей некоторых предприятий в отношении рабочих, о необходимости введения

оплаты труда чиновникам не выше среднего заработка рабочего, о необходимости поднимать коллективы предприятий против антисоциалистических сил.

Собравшиеся с одобрением встречали звучащую в выступлениях ораторов критику партийно-государственной верхушки и призывы к привлечению ее к суду за развал экономики страны. Выступления этих же лидеров и с подобным же содержанием, но с учетом конкретных событий, происходивших в стране, звучали после августа 1991 г. почти на всех митингах левой оппозиции.

Митинг продолжался примерно два часа. Ближе к его завершению по краям толпы стал курсировать Жириновский, который тогда был еще малоизвестен. Он и несколько его сподвижников агитировали присутствовавших вступать в либерально-демократическую партию (во вторую официально зарегистрированную в Союзе партию), которая была создана в конце 1989 года. Раздавали также печатные материалы с программой и уставом своей партии. Люди подходили к ним, слушали, что они говорят, но многие тут же отходили, отмахиваясь руками.

Еще один митинг, организованный ОФТ, состоялся в понедельник 18 июня (в семь часов вечера, в Лужниках) - накануне открытия Российской партконференции. Состав выступавших и содержание выступлений было практически таким же, как и на митинге в Сокольниках, но людей собралось побольше - примерно 7 тысяч человек. Выдвигались требования об исключении из партии (непосредственно на конференции) всех ревизионистов и предателей.

В июле, в отличие от прошлого года, митинговая активность не затихла. Причиной тому - XXVIII съезд КПСС, состоявшийся в первой половине месяца, к досрочному проведению которого призывали лидеры Дем.России во время февральских митингов.

Первый митинг, организованный Дем.Россией, состоялся во вторник 3 июля, с 19-00 до 21-00, на площадке у входа в Парк Горького. Перед началом митинга прошел сильный ливень, было душно, 25 градусов тепла. Собралось примерно 15 тыс. человек (организаторы говорили о 20 тыс. собравшихся, а в официальных сообщениях - о 5 тыс. человек).

Набор флагов был все тот же: бело-сине-красные, желто-голубые (РУХ) бело-красно-белые (БНФ), желто-зелено-красные (Саюдис), красно-черные (КАС). Содержание лозунгов на самодельных плакатах и транспарантах практически не изменилось. Преобладали лозунги с антикоммунистическим содержанием и против КПСС. Главный лозунг, исполненный крупными буквами, гласил: "Нет, правому перевороту!" (его разместили за трибуной, на воротах Парка).

По техническим причинам прибыл на митинг с некоторым опозданием, когда уже произнесли свои речи Виталий Коротич, Юрий Любимов и некоторые другие деятели оппозиции. В дальнейшем выступали, в основном, депутаты Верховного Совета РСФСР и Моссовета, избранные весной этого года: Татьяна Карягина (экономист из Москвы), Бэла

Денисенко (из Кузбасса), Московченко (Щит), Ельцов (учитель), представитель от группы Гдляна и ряд других.

Овацией встретили выступление "свежего" отставника, генерала КГБ Калугина, который незадолго до этого дал интервью в "Комсомолке" и в "Аргументах и фактах", выступил на заседании "Дем.платформы". На митинге он говорил, в основном, о безобразиях, творящихся в КГБ, и о том, что КГБ превратился в аппарат насилия КПСС над большинством народа. Призвал покончить с произволом. Толпа устроила ему скандеж: "Молодец, молодец!"

Карягина, говорившая после Калугина, призналась, что это она привела его на митинг и добавила, что "еще будет приводить генералов", после чего ей также устроили овацию. Далее она стала говорить о тенях "Кузьмичей", которые бродят по России и возле "Сергеевича", о возможности мирной революции, если с оппозицией будут честные генералы КГБ, МВД и армии. В завершение своего выступления она призвала "жить не по лжи", не поддаваться на провокации и прокричала: "Ура Ельцину!". Народ стал дружно скандировать: "Ельцин, Ельцин" (после августа 1991 года Карягина перешла в оппозицию Ельцину).

Денисенко в самом начале своего выступления передала привет "от мятежного Кузбасса" (взрыв аплодисментов). Затем сообщила, что 11-го июля в Кузбассе будет проведена однодневная политическая забастовка с требованиями отставки правительства и лишения власти КПСС. Мол, у них уже удалили парткомы с шахт. Призвала поддержать Кузбасс (вновь взрыв аплодисментов).

Остальные ораторы говорили об опасности военного переворота, о необходимости прекращения пропаганды коммунизма в системе образования, о генеральских дачах, о деле Гдляна и Иванова.

В конце митинга была зачитана резолюция, осуждающая партаппаратчиков за их стремление сохранить старые порядки любым способом, в том числе с помощью военного переворота. В ней предлагалось также поддержать предстоящее 11-го июля выступление шахтеров и мирную манифестацию в Москве 15 июля.

Накануне намеченной на воскресенье 15 июля манифестации, на Пушкинской площади были расклеены объявления о месте и времени сбора манифестантов (у Парка Горького к 17-00), с призывом к москвичам пораньше вернуться из-за города, чтобы принять активное участие в намечаемом мероприятии.

В день манифестации погода выдалась ненастной, периодически шел дождь, но было тепло - примерно 20-22 градуса. От Парка Горького колонна прошла к Зубовской площади, затем свернула на Кропоткинскую улицу, проследовала на Волхонку, а оттуда – на Манежную площадь. Все время шли под дождем, прикрывшись зонтами. С возвышенных мест казалось, что движется очень длинная пестрая черепаха. При подходе к Манежной дождь прекратился.

Митинг начали в 19-00. Собралось примерно 120 тыс. человек (второй результат по "явке"). Сами организаторы посчитали, что собралось более 400 тыс. человек, а в

официальных сообщениях в новостных программах ТВ прозвучала информация о 50 тыс. человек.

К обычному для последних митингов набору флагов добавились азербайджанский национальный флаг, флаги кадетской партии и движения "зеленых".

Наряду со старыми лозунгами, появились новые:

- Долой империю красного фашизма
- Правительство коммунистов - в отставку
- Партию палачей и обманщиков - к суду народов
- КПСС - политический банкрот
- На кой ляд народу КПСС?
- Если ты не мракобес, выйди из КПСС
- За коалиционное правительство народного доверия
- Парткомы - за ворота предприятий
- Не ПОЛОЗКайте мозги рабочему классу России

На митинге выступили более 20 человек, но среди них не было главных лидеров оппозиции. Большинство выступлений были выдержаны в откровенно антикоммунистическом духе с призывами выходить из КПСС, делить партийное имущество, судить КПСС, отправить коммунистическое правительство в отставку и создать коалиционное правительство:

- Белозерцев (депутат СССР) - "Добиваться национализации имущества КПСС и возврата их капиталов из зарубежных банков".

- Красавченко (депутат РСФСР) - "КПСС присвоило миллиарды, а распоряжается ими политбюро".

- Фадеев (Мемориал) - "КПСС, не пора ли отдавать награбленное? ... Нас ждет второй Нюрнбергский процесс, надо судить КПСС и КГБ".

- Сулакшин (депутат СССР) - "Будем добиваться суда над КПСС. Координационный совет Дем.платформы принял решение отобрать имущество у КПСС и вернуть его народу".

- Аксютин (депутат РСФСР) - "Коммунизм - коммунистам, а Россию - обществу и народу".

- Адамович (депутат СССР) - "Мавзолей должен стать музеем для сданных партбилетов".

- Яковлев (стачком Воркуты) - "В Воркуте идет волна выходов из партии. Не имея средств, она сама издохнет".

- Любимов (театр на Таганке) - "Убрать Дзержинского во внутреннюю тюрьму Лубянки и покрасить здание КГБ в черный цвет".

- Новодворская (Дем.Союз) - "В стране нет законной власти с 25 октября 1917 года. Долой советский государственный строй! Долой преступное государство!"

- Калугин (отставной генерал КГБ) - "Никто не принес нашему народу столько несчастья, сколько принесла КПСС: ни крестоносцы, ни татары, ни цари, ни даже нацисты".

- Лысенко (депутат РСФСР) - "Шахтеры предупредили, что если в сентябре Рыжков не уйдет в отставку, то они объявят бессрочную политическую забастовку".

- Румянцев (депутат РСФСР) - "Необходимо принять новую Конституцию свободной России".

Кроме указанных ораторов выступали также Голиков (стачком Кузбасса), Карягина (депутат РСФСР) и еще несколько малоизвестных представителей демократической оппозиции.

Голиков поблагодарил москвичей за поддержку акции, состоявшейся в Кузбассе 11 июля (хотя в этот день в Москве не было никаких многочисленных уличных мероприятий), а Карягина больше говорила об идущем процессе развала дела о партийной мафии.

Толпа с одобрением реагировала на вышеприведенные высказывания и вела себя достаточно спокойно. Но когда одна из выступавших дам заявила, что "нам не нужна гражданская война и поэтому не надо призывать к Нюрнбергскому процессу над КПСС и поступать с ними так, как они поступали в свое время с нами", головка митингующих сразу же протестующе засвистела.

Манифестанты периодически скандировали свежую речевку: "Пусть живет КПСС на Чернобыльской АЭС", а также традиционное "Ельцин, Ельцин", когда кто-либо из ораторов напоминал, что на завершившемся съезде тот объявил о своем выходе из партии и покинул зал заседаний. В очередной раз устроили овацию Калугину, после того как он обрушился с обвинениями в адрес КПСС.

В конце митинга приняли резолюцию, которую решили направить в Президентский совет и в средства массовой информации. Кто-то из находившихся на трибуне объявил о начале нового этапа демократической революции. Народ поприветствовал это дело, хотя тут же в толпе многие стали делать язвительные замечания и в адрес "непонятно какой революции", и в адрес тех, кто говорит об этой революции.

Митинг продолжался до девяти часов вечера. К этому времени на площади осталось примерно 20 тыс. человек.

В августе крупных митингов не было, но были табачные и хлебные "бунты". Проблемы с табаком возникли еще в начале июля, но вплоть до последних дней августа сигареты можно было купить, отстояв в очереди 20-30 минут. Сначала городские газеты объясняли возникший дефицит тем, что московские табачные фабрики встали, как это обычно бывало в летние месяцы, на профилактический ремонт.

Однако в последние дни августа снабжение табачными изделиями резко ухудшилось. К киоскам, в которые "выбрасывались" сигареты, выстраивались очереди по

100-150 метров длиной (в некоторых очередях скапливалось до 500 человек). Но сигареты доставались не всем. Мужики в очередях зароптали. Затем ропот перерос в стихийный (внешне так казалось) протест, выразившийся в перекрытии некоторых улиц в центре Москвы отчаявшимися курильщиками.

Происходило это так. Сначала толпа терпеливо дожидалась завоза сигарет к назначенному времени. Затем это время несколько раз отодвигалось, в результате чего мужики "заходились". В этот момент 2-3 человека в толпе предлагали выйти всем на проезжую часть улицы, взяться за руки, перекрыть движение, потребовать подвоза сигарет и блокировать движение до тех пор, пока требование курильщиков не будет удовлетворено.

Поначалу люди боялись выходить на проезжую часть, опасаясь неадекватной реакции водителей и санкций со стороны милиции, но после того как одна из первых подобных акций, проведенная чуть ли не напротив Моссовета, дала положительный результат, ее стали повторять и на других центральных улицах.

Еще продолжались перекрытия улиц курильщиками, как возникла проблема с обеспечением населения хлебом. В этой ситуации главными возмутителями спокойствия выступили, естественно, женщины, которые кричали в очередях, что им нечем кормить детей. Сведения о перекрытиях улиц в связи с отсутствием хлеба в булочных поступали, в основном, из "спальных" районов.

Всего подобных акций было проведено немного, наверное не более двух десятков в течение примерно двух недель, но они произвели сильное впечатление на москвичей, так как в городе только об этом и говорили.

И хотя в последующие недели обеспечение горожан табачными изделиями и хлебом улучшилось, положение дел с продовольствием в целом было неважным. На прилавках и в витринах магазинов стояли лишь коробки с детским питанием, банки с морской капустой и какими-то несъедобными консервами. Остальные продукты, когда их "выбрасывали" (в особенности мясные и молочные), раскупались людьми в одночасье. Трудности возникли даже с водкой - якобы не стало хватать стеклянной тары. Люди не голодали, но стояние в очередях изматывало.

В официозных средствах массовой информации появились обвинения в адрес новых руководителей Москвы Г.Попова и С.Станкевича, которые были выбраны во власть весной 1990 года. Старые "аппаратчики" обвиняли их в том, что они умеют только болтать, а не заниматься делом - отсюда, мол, и трудности со снабжением продовольствием. В свою очередь, команда новых руководителей обвиняла "аппаратчиков" в преднамеренном сговоре и саботаже с целью дискредитации руководителей-демократов.

В это же время в прессе шло активное обсуждение программы "500 дней", разработанной группой Шаталина-Явлинского - экономистами либеральной школы (группа поддерживалась Горбачевым и Ельциным).

Поскольку данная программа была негативно воспринята "аппаратчиками", кто-то решил оказать ей массовую поддержку и провести манифестацию и митинг в воскресенье 16 сентября. Сбор, по традиции, назначили у Парка Горького к 17-00. Оттуда протопали по Садовому кольцу до Маяковки и по Тверской пришли на Манежную площадь. Было относительно тепло (+14 градусов), но почти весь путь шли под мелким морозящим дождем.

На Зубовской площади, когда голова колонны проходила мимо здания пресс-центра МИДа, оттуда вышел Ельцин и направился к демонстрантам. Толпа устроила ему восторженный прием, начался скандеж "Ельцин, Ельцин". Он обнялся с Г.Поповым и некоторыми активистами Дем.России, которые шли в передней шеренге, а затем стал пожимать руки, тянувшиеся к нему из толпы. Находившиеся тут же женщины прослезились от счастья. Этот эпизод продолжался 2-3 минуты, после чего Ельцин вернулся к пресс-центру.

Когда шли мимо "Макдональдса" на Пушкинской площади, некоторые из демонстрантов обратили внимание на длиннющую очередь в это заведение общепита, организованное по западным стандартам, на преобладание в ней молодежи и прокомментировали: вот, мол, дети рвутся отведать гамбургеры, а отцам приходится вместо них ходить на демонстрации ради их будущего.

На Манежную пришли к 19-00. Собралось примерно 70 тыс. человек, т.е. меньше, чем ожидали организаторы, судя по их репликам. Флаги и лозунги были практически те же, что и два месяца назад на последнем крупном митинге. На общем серо-сыроватом фоне заметно выделялись следующие лозунги:

- Программу Ельцина - программу народа - в жизнь!
- Правительство Рыжкова в отставку
- Правительство коммунистов в отставку
- Святой долг КПСС - уйти в отставку
- КПСС - к суду народа

На митинге выступили Попов, Аксютин, Нуйкин, Ковалев, Полторанин, Заславский, Гдлян, Черниченко, Станкевич и ряд других деятелей из Дем.России.

Умеренные "демократы" (вроде Попова и Станкевича) призывали поддержать коалицию Горбачев-Ельцин, которая оформилась в связи с разработкой программы "500 дней", т.е. поддержать, как выразился Попов, "левоцентристский блок в борьбе с консерваторами и правыми", а затем на основе этого блока сформировать надпартийное коалиционное правительство народного доверия, но без Рыжкова.

Станкевич больше говорил о необходимости добровольной отставки Рыжкова. Отметив положительную роль последнего в перестройке, он призывал Рыжкова уйти сейчас, чтобы сохранить о себе доброе имя. Перечисляя достоинства и недостатки руководителя Совмина, Станкевич заканчивал каждую фразу словами: "Уйдите с миром,

Николай Иванович!" Произносил он их с подвыванием. Было заметно, что в этот момент Станкевич нравился самому себе.

Радикальные "демократы" призывали отправить в отставку и Горбачева, и Рыжкова, поскольку "нет доверия не только второму, но и первому". По их мнению, страну ждет экономическая катастрофа и правая реакция, о чем свидетельствуют перебои с хлебом и другими продуктами, очень напоминающие развитие чилийских событий в сентябре 1973 года.

Гдлян заявил, что "страна стоит на грани гражданской войны" и предложил провести новые выборы в Союзный парламент, а президента Союза избирать всенародным голосованием. "Если же в стране произойдет государственный переворот - говорил он – то надо организовать всеобщую политическую забастовку и призвать мировое демократическое сообщество ввести "международную блокаду Советского Союза".

На призывы Гдляна и других радикалов бурно реагировало лишь активное ядро митингующих, периодически скандировавшее: "В отставку, в отставку" и "500 дней, 500 дней". Остальные вели себя спокойно. К тому же, сразу после выступления Попова митинг покинула примерно треть собравшихся, а к 21-30, т.е. к моменту его завершения, на площади осталось 10-12 тыс. человек.

После этого митинга и вплоть до ноябрьских праздников особо крупные уличные мероприятия не проводились. Лишь во вторник 30 октября в сквере на пл.Дзержинского состоялся митинг, посвященный Дню политзаключенного и приуроченное к нему открытие памятника. Как писалось в листовках, памятник - "миллионам жертв тоталитарного режима" (в виде большого гранитного валуна с Соловков - "соловецкий камень").

Несмотря на пасмурный и прохладный вечер (было 4 градуса мороза; митинг начался в 17-00) в самом сквере и вокруг него собралось примерно 10 тыс. человек. Собравшиеся вели себя сдержанно, разговаривали вполголоса, многие держали в руках зажженные свечи.

Выступали бывшие зеки 40-50-х годов и зеки-диссиденты 60-80-х годов, а также некоторые деятели оппозиции: С.А.Ковалев, Карякин, Адамович, Евтушенко, Якунин и другие. Говорили коротко, без истерических ноток. Основное содержание почти всех выступлений сводилось к тому, что тоталитаризм привел к жертвам, начиная с 25 октября 1917 года, но мы не должны мстить, а должны напоминать нынешним властям о трагическом прошлом, чтобы оно больше не повторилось.

В конце митинга, который продолжался примерно один час, был отслужен молебен. Уходя, люди ставили зажженные свечи вокруг "соловецкого камня" и в кустах, окружающих сквер.

7 ноября погода выдалась пасмурной, было три градуса ниже нуля. В этот день состоялись четыре демонстрации. Одна - официальная, на Красной площади, а перед ней - военный парад.

До этого, примерно с 9 до 10 часов, на Октябрьской площади у памятника Ленину митинговали представители ОФТ и общества "Единство".

В двух местах собирались "демократы": те что поумереннее, пришли на Новую площадь, другие - порадикальнее - на площадь к Белорусскому вокзалу.

Собравшиеся на Октябрьской площади (их было примерно 2 тыс. человек) даже не митинговали, а дожидались определенного времени, чтобы пройти с какой-нибудь районной колонной на Красную площадь. Некоторые держали в руках красные флаги, портреты Ленина (4 шт.), Сталина (2 шт.) и самодельные лозунги следующего содержания:

- Позор межрегиональной группе Ельцина - содержанке ЦРУ
- Очистим партию от предателей, оборотней и балласта
- Горбачев! Как можешь смотреть в глаза народу?
- Диктуют нам свои манеры, культ торгашей внушают всем иуды-"революционеры" и сионисты всех мастей
- Нет - частной собственности
- Полосков - не Горбись!
- Нет - распродаже народного имущества миллионерам
- Власть, нарушающая Конституцию и разоряющая страну - незаконна. К суду ее народному!
- Вся власть рабочим, крестьянским и армейским депутатам
- Контрреволюция не пройдет!
- Нет - капитализму в СССР!
- Русским тоже нужны права человека
- Буш-Шеварднадзе! Мать вам кузькину, а не солдат русских
- Россия, Русь - храни себя, храни
- Горбачев + Ельцин = два сапога пара. Подмяли Октябрь и топают к капитализму
- Власть застоя + власть перестроя = диктатура мафии
- Отчизна необъятная, вставай на смертный бой с проклятою, горбатою буржуйскою ордой
- Россия - встань и возвышайся!
- Советская Армия - защити социалистическое Отечество!

Здесь же лидеры московского ОФТ, обращаясь через мегафон к демонстрантам, направлявшимся в районных колоннах на Красную площадь, клеймили переродившихся аппаратчиков и призывали трудовой народ не допустить реставрации капитализма. Но люди слабо реагировали на призывы и лишь единицы брали раздававшиеся им листовки.

Вскоре, вслед за колонной Октябрьского района, в направлении Красной площади ушла колонна ОФТ со своими лозунгами и транспарантами.

Ближе к 11-00 на Новой площади у Политехнического музея собрались представители "умеренных демократов" (СДПР, РХДД, Демплатформа, СОЦПРОФ), которым разрешили в непосредственной близости от комплекса зданий ЦК КПСС выразить свое отношение к Октябрьской революции и к проводимому ЦК курсу реформ. Их было примерно 10-12 тысяч человек. Над толпой развевались трехцветные российские флаги и торчали щиты с лозунгами антикоммунистического содержания:

- День траура России
- Ленин - главный виновник коммунизма и застоя
- Народ устал ждать. Перемены - немедленно!
- Геноцид - подарок вождей-ленинцев народу
- Недолго мучить нас старушке КПСС
- Праздник Октября 1990 г. - пир во время чумы
- Не для вас, КПСС, работает время
- Довольно! С шеи народной слазьте. Кроме саботажа и подавления нет у вас больше над нами власти
- Отпусти народ мой!
- У мелких партий - мелкие дела
- КПСС - организация духовного и физического насилия над человечеством
- КПСС - вдохновителя и вождя кровавой бойни - к ответу
- Вперед, Россия!
- Геноциду нет срока давности
- Долой культ Ленина
- Убийц миллионов - к ответу
- Мы за гражданский мир и спасение России

Митинг на Новой площади продолжался минут 35-40. Содержание выступлений ораторов по смыслу мало чем отличалось от содержания лозунгов. После окончания митинга большая часть собравшихся построилась в колонну и направилась по Маросейке и Покровке на улицу Чкалова к дому, где раньше жил Сахаров.

Почти в самом начале митинга через площадь, с Ильинки на Маросейку, промаршировала колонна нахимовцев и курсантов военно-морского училища (возвращались с парада на Красной площади). Шли красиво, сквозь коридор, образованный митингующими, со стороны которых не прозвучало ни одного приветственного слова в адрес курсантов, как бывало в аналогичных ситуациях в прошлые годы. Толпа встретила моряков молча, со скрытой неприязнью.

Это был последний военный парад Советских Вооруженных Сил, но об этом еще не знали, ни митинговавшие на площади, ни маршировавшие по ней.

На площадь Белорусского вокзала к 12-00 по призыву ДПР, РНФ, и ряда других организаций собрались "радикальные демократы". Трехцветных российских флагов здесь было побольше, чем на Новой площади. Кроме них развевались флаги РНФ, РУХа, БНФ, КАС. Содержание лозунгов, несмотря на их схожесть с лозунгами "умеренных демократов", отличалось большей антигорбачевской и антиправительственной направленностью:

- 7 ноября - день траура по безвинно-погибшим, день борьбы за права человека, за суверенитет России, за гражданское и национальное согласие
- Кремлевских бандитов - с кресел на нары
- Язова и его генералитет - в отставку
- Сусанин-Горбачев, куда ты нас завел?
- Меняю правительство Рыжкова на 1 кг макарон
- России - свои Вооруженные Силы
- Президента и парламент Союза - в отставку
- Превратим красный октябрь в черный ноябрь
- Абалкина в забой
- России не нужна империя зла
- Тадеуша Мазовецкого в президенты СССР
- Горбачев - это Ленин сегодня
- Слава советскому народу - могильщику коммунизма
- Коммунизм - чума XX века
- Антинародной политике КПСС - всенародный бойкот
- Из Кремля тебе, любимый наш, лететь с одним крылом
- Ельцин - моя надежда
- Ельцина дело правое - победа
- Когда будем судить наших живковых и хонеккеров?
- Крючков, Горбачев - будя с вас
- Партсаботажников - к ответу! Ельцина - в президенты!
- 7 ноября - день национальной трагедии
- Лучше отставка сегодня, чем перестрелка завтра
- Граждане - Отечество в госбезопасности
- Закончим всемирно-историческую эпоху в этом году
- Требуем роспуска КПСС и национализации ее имущества
- Горбачеву не верю
- Господин президент, ваши желания не всегда совпадают с интересами народа

- Восстановить НКАО
- 73 года чудовищного эксперимента
- Собственность из рук бюрократов - народу
- Импотенты, отдайте власть
- Совмин СССР - сторожевой пес КПСС

В 12-00 колонна демонстрантов направилась по Тверской улице к Манежной площади. В голове колонны периодически скандировали: "Ельцину - да, Горбачеву - нет". Проходя мимо здания Моссовета кто-то из организаторов прокричал в мегафон: "Да здравствует Попов!". "Голова" проскандировала: "Попов, Попов". У здания Центрального телеграфа к голове колонны вышли Ельцин и Г.Попов. Им устроили овацию, после чего они вместе с демонстрантами дошли до гостиницы "Националь".

На Манежной площади, где собралось примерно 40 тыс. человек, лидер радикалов Гдлян предложил обойти по кругу весь Кремль, вернуться сюда же и открыть митинг. Большая часть толпы согласилась с подобным предложением и потопала по указанному маршруту, скандируя по пути антикоммунистические и антигорбачевские лозунги (военный парад и демонстрация на Красной площади давно завершились).

Действиям демонстрантов никто не препятствовал. На все эти хождения от Белорусской до Манежной площади и вокруг Кремля ушло более двух часов.

Митинг начался в 14-40. Открывая его, один из организаторов в очередной раз обрушился с обвинениями в адрес КПСС, заклеил Горбачева и демократов-соглашателей за то, что они готовят военный переворот и предложил противопоставить их действиям "формирующиеся республиканские вооруженные силы".

После него выступали, в основном, депутаты Верховного Совета РСФСР: Сурков, Лучинский, Амбарцумов, Миронов, Андронов, Ребриков, Карягина, Гдлян, а также «солдатские матери». Ругали Октябрьскую революцию и союзные власти.

Карягина обвинила Горбачева во взяточничестве, обозвала его "Михаилом Кровавым" и предложила "противопоставить ему нашу храбрость"; выразила надежду на то, что "с этого дня Красная площадь будет не большевистской, а народной"; с удовлетворением отметила, что по имеющимся у нее данным 80% работников МВД голосуют на выборах за Ельцина.

Гдлян отверг обвинения в радикализме и экстремизме, предъявляемые демократам "этим фашистским аппаратом, который уже агонизирует на последней стадии империи и в преддверии гражданской войны, поэтому ему будет выгодна наша несдержанность" и в очередной раз призвал объявить всеобщую политическую забастовку, если власти решатся пойти на военный переворот.

На выступления ораторов бурно реагировало лишь ядро митингующих. Остальные же, разбившись на кучки, обсуждали события, происходящие в стране, комментировали выступления и склонялись к тому, что пик массовых демонстраций уже пройден, на них ходят одни и те же лица; что народ, в первую очередь рабочий класс, не поднимается; что надо пережить предстоящую зиму, которая, скорее всего, будет

голодной и холодной. Митинг закончился в 16-00, когда на площади осталось 5-6 тыс. человек.

В декабре радикальные демократы (ДПР, РНФ) предприняли очередную попытку "раскачать" толпу, организовав три митинга.

Первый из них состоялся в воскресенье 9 декабря (в честь Дня прав человека). Сообщения о предстоящем митинге появились лишь на Пушкинской площади за несколько дней до его проведения. В один день намечалось организовать цепочку митингов (с некоторым сдвигом по времени): на площади Белорусского вокзала, на Маяковке, на Пушкинской площади и, наконец, единый митинг – на Манежной площади.

К 11-00 на Белорусской, в сквере у памятника Горькому и вокруг него, собралось примерно 3 тыс. человек. Флаги и лозунги были практически те же, что и на предыдущих митингах. Однако появилось несколько новых лозунгов:

- Украине безъядерную зону
- Руки прочь от 600 секунд!
- Поддерживаем курс Ельцина-Силаева
- Кто против народа? Горбачев и его I-е и II-е
- У Маркса - грязная совесть, у Ленина - грязные руки
- Ах, когда-то была Русь! Три копейки стоил гусь!
- Коммунисты до власти дорвались и все гуси извелись
- За свободную Россию без сталинистов и капиталистов
- Освобождение трудящихся - дело самих трудящихся

Ораторы выступали со ступенек возле памятника. Один из них клеймил тех демократов, "которые в результате последних выборов заняли теплые местечки в правящих структурах, например в Моссовете, и переродились: даже при Сайкине было проще попасть на прием к руководителям, чем при демократах" (персонально досталось Шемаеву и Л.Пономареву).

Н.Иванов (напарник Гдляна) в начале своего выступления поиронизировал по поводу присуждения Горбачеву Нобелевской премии мира; раскритиковал последние кадровые назначения в МВД (замена Бакатина на Пуго); отметил спад политической активности людей, больше озабоченных поисками продуктов питания, которые, по имеющимся у него сведениям, сознательно уничтожаются и укрываются, чтобы сформировать в обществе мнение о необходимости наведения порядка в стране с помощью "сильной руки". В заключение, выразив недоверие Горбачеву и его команде, он призвал поддержать новые российские власти, т.к. "в них наше спасение", и создавать свои республиканские КГБ, МВД, прокуратуру, чтобы "противостоять этому безнравственному президенту Союза".

Примерно в это же время шел митинг на Маяковке, где собралось 1.5 тыс. человек. Выступающие привычно ругали коммунистов и центральные власти. Спокойное

течение митинга нарушил рабочий Ткаченко (примерно 60-ти лет), которому предоставили слово, не поинтересовавшись кто он и откуда. С первых же слов тот призвал "не слушать этих демократов". В ответ из толпы понеслись протестующие крики и свист, а Ткаченко был удален с трибуны. В противовес ему выпустили своего рабочего-демократа, который осудил предыдущего оратора, назвав его "коммунистическим провокатором".

После этого инцидента слово дали "представителю с Дона", который рассказал о событиях в Новочеркасске в 1962 году и о роли "вождей-коммунистов" в подавлении рабочего движения.

Спустя некоторое время к Маяковке подошла колонна с Белорусской и, объединившись с "маяковцами", направилась к Пушкинской площади, откуда с присоединившимися к ним еще примерно 5 тыс. человек колонна прошла к Манежной площади.

Впервые за все время проведения демонстраций впереди колонны шел микроавтобус РАФ, из которого кто-то из организаторов периодически обращался по громкоговорителю к прохожим, призывая их присоединяться к демонстрантам, и выкрикивал различные лозунги, стараясь "завести" толпу: "Долой КПСС", "Долой КГБ", "Горбачева в отставку", "Ельцину - безопасность", "Генералитет в отставку", "Ельцину - да, Горбачеву - нет". Демонстранты, шедшие в первых рядах, пытались скандировать, но делали это вяло и не очень дружно.

При подходе к Манежной площади перед колонной выбежали неопрятно одетые, небритые и косматые молодые ребята (16 человек, от 18 до 25 лет) и, размахивая черными анархистскими флагами (не КАСовскими), стали кричать: "Долой популистских демократов!" На их выходку практически никто не отреагировал.

На площади собралось всего лишь 13-15 тыс. человек, хотя день выдался ясный, с легким морозцем - минус 4 градуса. К вышеперечисленным лозунгам добавились следующие:

- Долой империю красного фашизма
- Украинцы Москвы против союзного договора (на украинском языке)
- Россия - да! СССР (перечеркнуто крест-накрест). Хватит смерти за союзную химеру!
- Национал-социализм не пройдет
- Славяне! Мы народ аль сброд?
- Дельцов теневой экономики - к ответу

Среди ораторов - привычный набор фамилий: Н.Иванов, Карягина, Уражцев, от Комитета солдатских матерей, Белозерцев, С.Ковалев. К ним добавились Зубков (депутат СССР), Рюмин (пред. Рязанского горисполкома), Прошечкин (депутат Моссовета) и ряд других. Содержание выступлений мало чем отличалось от содержания торчавших над толпой лозунгов.

Помитинговав на Манежной площади, изрядно поредевшая толпа (осталось примерно 3-4 тыс. человек) направилась к Лубянке, где у Соловецкого камня собравшиеся почтили память погибших "от рук красного фашизма".

Следующий митинг, посвященный Дню прав человека, состоялся во вторник 11 декабря на Пушкинской площади. Митинг организовал Демократический союз во главе с Новодворской.

К 19-00 у памятника Пушкину собрались примерно 1 тыс. человек. Активисты ДС - почти сплошь молодежь в возрасте до 25-ти лет - держали в руках лозунги с требованиями свободы для политзаключенных в Советском Союзе и ликвидации навязанного народам России в 1917 году "фашистского режима". Несмотря на малочисленность собравшихся, на митинг пришло много отечественных и зарубежных корреспондентов.

Главным и практически единственным оратором на митинге была Новодворская. Сначала она осудила Запад за то, что Горбачеву была присуждена Нобелевская премия мира: "Запад в очередной раз продемонстрировал, что когда ему выгодно, то он всегда идет на сговор с фашистскими режимами".

Затем осудила новую концепцию Союзного договора, который, по ее мнению, "является таким же обманом, как и старый договор" и предъявила претензии к лидерам демократов Ельцину, Г.Попову, Собчаку за их стремление изменить "эту фашистскую систему эволюционным путем" вместо принятия мер по ее сбросу.

Завершила свои выступления "неистовая Лера" призывами: "Долой фашистский режим! Долой советскую государственную власть! Долой фашиста Горбачева!" Активисты ее партии и некоторые из числа митингующих дружно проскандировали лозунги.

Последний митинг, организованный в 1990 году Дем.Россией, состоялся в воскресенье 23 декабря. Объявления о предстоящем митинге были расклеены на Пушкинской площади. Кроме того, за два дня до митинга, в программе "Взгляд", Г.Попов, отвечая на вопрос ведущего, готовятся ли митинг или манифестация в Москве в поддержку заявления Шеварднадзе о надвигающейся угрозе диктатуры правых, сделанном им на Съезде депутатов, сказал, что в ближайшее воскресенье перед Моссоветом состоится встреча депутатов со своими избирателями и на этой встрече будет поддержана позиция, занятая экс-министром иностранных дел.

Такая "встреча" прошла на Советской площади в намеченный день с 12 до 14 часов. На нее собралось примерно 6 тыс. человек (ясно, ветрено, минус 8 градусов).

Митинг, в целом, прошел очень спокойно. Несколько человек пытались устроить скандал лозунга "Фашизм не пройдет!", однако они не были поддержаны собравшимися. Примерно через 40 минут после начала митинга слева от трибуны появились представители общества "Память" (8 человек) и стали кричать, обвиняя "демократов" в

предательстве интересов России. Пономарев предложил им покинуть площадь и не мешать проведению митинга, что они и сделали после короткой словесной перепалки с милиционерами.

Во время этого малочисленного митинга бросилось в глаза присутствие на нем заметного числа "шизиков" (примерно 40-50 человек). На больших митингах они были менее заметны. Телевизионщики обычно снимали их, однако в новостные программы ТВ они не попадали. (Когда же год спустя ситуация изменилась и митинги стали чаще устраивать коммунисты, то "шизики", а также люди с некрасивыми лицами стали основным объектом при показе людей из толпы. Кстати, одним из любителей снимать такого рода персонажей был в те годы нынешний руководитель пресс-службы ГУВД Москвы полковник Бирюков. В начале 90-х он ходил среди митингующих в штатской одежде, с тяжелой камерой на плече и снимал, в основном, манифестантов-активистов).

Открывая "встречу", Лев Пономарев заявил, что главная ее тема - угроза установления в стране правой диктатуры, о которой говорил на Съезде Шеварднадзе, объявляя о своей отставке с поста министра иностранных дел.

Остальные ораторы говорили, в основном, о том же самом, призывая отправить в отставку весь партаппарат, Совмин и Президента Союза, распустить Верховный Совет СССР.

Звучали также призывы к единению демократических сил перед "надвигающейся волной национализма и возвратом к имперскому мышлению" (Лукин, депутат РСФСР); о необходимости "бесплатной приватизации государственной собственности и лишения, тем самым, партократов, хозяйственников и мафии той почвы, на основе которой происходит слияние их интересов" (Илья Константинов, депутат РСФСР; спустя полтора года стал одним из лидеров лево-патриотической оппозиции).

Во многих выступлениях ораторы обращали внимание на заметное снижение митинговой активности населения. Один из лидеров "Демплатформы в КПСС" Лысенко признал, что "если в начале года на митинги и манифестации демократов выходило по несколько сот тысяч человек, то в последнее время - едва ли десятки тысяч". Предложил всем демократам переходить от организации митингов к конкретным делам, в частности, осуществлять контроль над распределением продуктов, т.к. Москве грозит голодная зима.

На следующий день "об угрозе диктатуры и об откате демократического движения" говорилось в статье Ю.Афанасьева, появившейся в "Независимой газете". Одной из основных причин, приведшей к такому явлению, он назвал "сильные эгалитаристские тенденции", присущие массовому сознанию населения нашей страны.

1991 год

В отличие от двух предыдущих лет начало нового года в Москве ознаменовалось всплеском уличной митинговой активности.

Поводом послужили события в Вильнюсе, где в ночь на воскресенье 13 января армейские подразделения, судя по всему кем-то спровоцированные, открыли стрельбу в людей, митинговавших возле здания местного телецентра. В результате погибли и были ранены десятки гражданских лиц.

О событиях, происшедших в Литве, узнал случайно во второй половине дня и в 18-00 был на Пушкинской. Погода была мерзкой - снег с дождем. Возле "Московских новостей" в небольшой толпе обсуждали последние события. На стене для "дацзы-бао" объявление извещало о том, что 13 января в 12-00 состоится митинг в связи с событиями в Вильнюсе (от руки было дописано: "Митинг состоится в 13-00 у Моссовета с участием Гдляна"). На одном из подоконников стоял плакат с лозунгом: "Литве свободу! Насилие рождает врагов".

Потоптавшись некоторое время на Пушкинской, поехал к постпредству Литвы на ул.Писемского. К 19-00 возле входа в постпредство находилось примерно 60 человек. Люди подходили, делились впечатлениями и уходили. Некоторые приносили медикаменты и перевязочные материалы, выражали соболезнование сотрудникам постпредства и от имени рядовых москвичей просили у них прощение за кровопролитие, учиненное союзными властями.

У одного из присутствовавших работал радиоприемник, настроенный на радиостанцию "Эхо Москвы", которая транслировала по прямой телефонной связи

сообщения из Вильнюса о происходивших там событиях. В 20-00 на крыльцо вышел представитель постпредства и сообщил, что у них ничего нового нет - только то, что передает "Эхо Москвы" - и предложил собраться в очередной раз в 22-00 после передачи программы "Время", и прокомментировать увиденное и услышанное.

Спустя пять минут после этого к постпредству подошел депутат РСФСР подполковник Юшенков (в гражданской одежде) и сообщил собравшимся, что час назад завершился пленум движения "Демократическая Россия", на котором принято решение провести 16 января всероссийскую политическую забастовку против действий союзных властей в Литве. Меньшая часть собравшихся с одобрением встретила сообщение депутата, мол, давно пора. Большая же часть выразила сомнение в возможности проведения этой акции. Послышались предложения о том, что лучше бы провести агитацию с целью организации манифестации в Москве, так как на подобное мероприятие у людей еще хватит смелости, а на забастовку - нет. Одна из дам средних лет бросила реплику: "Я хожу на демонстрации два года и с каждым разом людей приходит все меньше и меньше. Мы уже знаем друг друга в лицо. Вот и сегодня на Манежную пришло всего лишь 3 тысячи человек".

Затем у Юшенкова поинтересовались, известно ли кто давал команду на открытие огня в Вильнюсе. Тот с ехидцей ответил, что по имеющимся у него сведениям министерство обороны от всего отрешивается и, скорее всего, главным виновником будет признан "ефрейтор Петров".

Вскоре к постпредству Литвы пришла депутация из трех человек от соседей из постпредства Грузии и вручила литовцам обращение с поддержкой их требований от имени 43 депутатов Верховного Совета Грузии. Сюда же явились представители Демократического Союза Новодворской и объявили, что 14 января в 17-00 они проведут митинг протеста на Советской площади.

На следующий день к назначенному дээсовцами времени на Советской площади собралось около 2 тыс. человек (ветрено, минус 2 градуса). Над толпой развевались три бело-сине-красных флага и один литовский национальный флаг с траурной лентой.

Первым выступил Иванов (РНФ), который заявил, что коммунисты в очередной раз показали свое звериное лицо, не было и нет им никакой веры. Они негодяи, палачи и фашисты, а российские люди все терпят. Сегодня Литва, а завтра Москва. И если мы не рабы и не холоуи, то должны заставить всю эту банду уйти, ибо в противном случае они всех нас, как в 1937 году, пересажают и перестреляют. Толпа "завелась". Постоянно слышались крики "Правильно!", "Под суд их!", "Свободу Литве!"

Затем слово дали Проселкову (пожилой мужчина в форме полковника ВВС). Он говорил практически о том же, что и предыдущий оратор, призвав в конце своего выступления "ответить на насилие насилием" (с 1992 года этот отставник выступал на митингах лево-патриотической оппозиции).

Вслед за ним стали выступать какие-то тетки-кликучи. Митинг продолжался минут 30, после чего по призыву организаторов собравшиеся беспрепятственно

направились к литовскому постпредству, но не по Бульварному кольцу, что было значительно ближе, а вниз по Тверской, через Манежную площадь, Воздвиженку и Новый Арбат, в сопровождении автомобилей ГАИ. (Кому-то, видимо, очень нужна была наглядная антисоветская и антисоюзная агитация на трех центральных улицах города в час пик). В голове колонны шел Иванов с мегафоном в руке и непрерывно скандировал: "Свободу Литве", "Руки прочь от Литвы", "Литва, мы с тобой", "Горбачев - фашист", "Язова под суд", "Коммунисты - палачи", "Долой КПСС", "Долой СССР", "Забастовку". Толпа скандировала вместе с ним.

Прохожие с любопытством взирали на происходящее, а некоторые присоединялись к колонне. К улице Писемского подошла пятитысячная толпа, но к зданию постпредства прошло не более одной тысячи демонстрантов, которые вновь стали митинговать. Кто-то предложил устраивать подобные манифестации ежедневно, пока из Литвы не выведут все советские войска. Милиции возле постпредства было очень мало, но за углом, на Поварской улице, стояло шесть автобусов с омоновцами, которые не вмешивались в происходящее.

В последующие дни - вплоть до 18 января - толпа продолжала упрямо ходить к постпредству Литвы, по этому же маршруту и в это же время, но общее число демонстрантов не превышало 2 тыс. человек. 16 января на митинге перед постпредством выступила Новодворская, заявившая, что с коммунистами нельзя вести переговоры и их надо сбрасывать силой. Затем она зачитала обращение некоего "Комитета общественного действия", призвавшего всех противников режима объединяться и организовывать акции гражданского неповиновения и забастовки. Сотрудник постпредства Вербицкас обругал фильм, снятый по следам вильнюсских событий Невзоровым, показанный накануне вечером в программе "600 секунд", и назвал журналиста "апологетом империализма".

Во время этих ежевечерних хождений стало известно, что "Дем.Россия" собирается провести манифестацию и митинг протеста в воскресенье 20 января. Объявления о митинге появились на Пушкинской дня за два до его проведения, а потом, как обычно - на остановках общественного транспорта. Сбор был назначен к 11-30 на участке Садового кольца от пл.Маяковского до пл.Восстания. Оттуда колонна должна была проследовать по Новому Арбату на Манежную площадь. Основной девиз предстоящего митинга: "Сегодня Литва, а завтра Россия?"

В воскресенье к 11-30 на платформе станции метро "Баррикадная" было не протолкнуться. Все три эскалатора работали только на выход (станцию "Краснопресненская" закрыли за пару месяцев до этого в связи с капитальным ремонтом вестибюля и эскалаторов). Площадь Восстания была заполнена людьми, а они все прибывали и от Баррикадной, и со стороны Маяковки.

Тут же на площади в круговороте людей шло формирование не колонн даже, а толп представителей от отдельных партий, районов, организаций: МОИ, ДПР, СДПР, Республиканская партия, Мемориал, г.Красногорск, г.Зеленоград, Фрунзенский р-н, Академия Наук, МГУ и т.п. Над первыми рядами развевались бело-сине-красные флаги, литовские национальные флаги с траурными лентами, флаги КАС, РУХа, БНФ, азербайджанские, армянские, грузинские и латвийские национальные флаги. Как обычно, многие демонстранты держали в руках самодельные плакаты и транспаранты с лозунгами, осуждавшие власти за творимый ими произвол:

- Свободу Литве!
- Свободу Балтии!
- Кровь людская не водица - Горбачеву не отмыться
- Нет, Союзному договору с убийцами
- России - свою армию
- России - российскую гвардию
- Гостелерадио - собственность народа, а не КПСС
- Отца перестройки - к алиментам, палачей - к суду
- Отсель грозить мы будем Шведу
- Нет - второму Афганистану
- Большевиков - к ответу
- Вчера Тбилиси, сегодня Литва, завтра Россия?

Кроме этих лозунгов, было еще много других с аналогичным содержанием, а также сохранившихся от прежних митингов: против КПСС, армии, КГБ, социал-фашизма и т.п.

День выдался пасмурным, но нехолодным (минус 2 градуса). По оживленному поведению собравшихся и доносившимся с разных сторон возгласов и реплик - "Ого, сколько нас собралось!", "Наконец-то проснулись!", "Сколько можно терпеть!" - было заметно, что они сами не ожидали такого наплыва людей после осеннего спада. Как и прежде, подавляющее большинство среди демонстрантов составляли служащие и интеллигенция (в основном старше 40-летнего возраста).

Ближе к 12-00 колонна направилась к Новому Арбату, а по нему - к Манежной площади. Впереди ехал РАФик с громкоговорителем, из которого периодически раздавались призывы, повторявшие содержание лозунгов. У нового здания Министерства обороны колонна задержалась на 5-7 минут и из громкоговорителя понеслись гневные обвинения в адрес генералитета. Толпа засвистела и заулюлюкала, а затем принялась скандировать: "Свободу Литве!" и "Язова - под суд!"

Когда вышли на Манежную площадь, "голова" колонны предприняла попытку пройти на Красную площадь, направившись в сторону Исторического музея, где стояла жиденькая цепочка милиционеров, однако Гдяну удалось уговорить шедших в первых рядах развернуться и встать перед приготовленной трибуной у гостиницы "Москва".

Демонстранты втягивались на площадь двумя "рукавами" (вдоль здания Манежа) в течение примерно 25-30 минут. Всего в этот день собралось 150-160 тыс. человек, хотя некоторые из организаторов (Афанасьев и Пономарев) говорили с трибуны, что собралось более 500 тыс. человек (Манежная площадь могла вместить максимум 200-220 тыс. человек).

Люди были настроены по-боевому. Не дожидаясь начала митинга, собравшиеся принялись без всякой команды яростно скандировать: "Долой КПСС!" и "Свободу Литве!"

Митинг открыл Юрий Афанасьев, который заявил, что "мы пришли выразить протест против кровавой бойни в Вильнюсе" и предложил почтить минутой молчания всех погибших в Вильнюсе, Баку, Тбилиси, в Молдавии, Нагорном Карабахе и в Средней Азии за все годы перестройки. Далее он особо подчеркнул, что движение "Демократическая Россия" официально провозглашает о переходе в оппозицию нынешнему руководству страны, включая Горбачева, и о поддержке Верховного Совета России и его главы - Ельцина.

По ходу выступления Афанасьева толпа периодически скандировала: "Литва, мы с тобой", "Горбачева в отставку", "Ельцин, Ельцин", "Россия, Россия". Поскольку в скандировании принимали участие почти все собравшиеся, эффект от рева толпы был очень впечатляющим. Многие зарубежные корреспонденты, снимавшие и записывавшие поведение митингующих, в восторге поднимали большие пальцы рук.

Вслед за Афанасьевым слово предоставили Бурбулису, который зачитал обращение Ельцина. Наряду с обычными фразами, осуждавшими действия союзных властей в Литве, а также о начавшемся наступлении реакционных сил, в обращении прозвучал призыв "не поддаваться на провокации, чтобы не допустить применения военной силы; реакция не пройдет, если мы будем едины", после чего толпа проскандировала: "Реакция не пройдет!"

Когда объявили о выступлении представителя Литвы, толпа дружно и долго скандировала: "Литва! Литва!" Литовский представитель начал свое выступление словами: "Дорогие славяне, прибалты и москвичи!" Далее он повел разговор о стремлении народов к свободе и демократии, в борьбе за которую приходится проливать кровь и сообщил собравшимся, что во время событий в Вильнюсе убито 14, ранено более 300, а пропали без вести 60 человек. Передал низкий поклон Ельцину "за то, что он помог нам" и поэтому - "пусть Бог поможет ему" (скандеж: "Литва, мы с тобой!").

Депутат Союза от Эстонии Пальм также поблагодарил российское руководство за поддержку и в конце выступления произнес: "Берегите Ельцина!" (толпа проскандировала: "Ельцин, Ельцин").

После них выступили еще 15 человек, в основном те, кто примелькался во время прошлогодних митингов, а также представители Азербайджана, Армении и Грузии. Говорили о солидарности с народом Литвы, призывали отправить руководство Союза и КПСС в отставку и не допустить применения брежневской "доктрины ограниченного суверенитета" в отношении союзных республик. Звучали также призывы к объединению

всех демократических сил, организации бойкота Центрального телевидения, созданию российского телевидения и армии.

Большинство выступлений были короткими и динамичными (по 2-3 минуты). Лишь Гдлян, по обыкновению, говорил дольше всех, напомнив собравшимся, что о подобном развитии событий он предупреждал еще несколько месяцев назад и призвал "быть готовыми ответить насилием на возможное насилие со стороны агонизирующей верхушки".

Митинг на Манежной продолжался с 13-00 до 14-30 и завершился принятием резолюции, проект которой огласил депутат Союза Мурашов. В ее текст вошли практически все вышеизложенные положения, прозвучавшие в выступлениях ораторов.

Если на предыдущих митингах, которые обычно тянулись по 2.5-3 часа, дожидались их окончания лишь 20-25% от первоначального числа собравшихся, то на этот раз - примерно 75-80%.

В этот же день в программе "Время" прошла короткая информация о состоявшемся митинге, но собравшиеся на нем были показаны так, что трудно было определить сколько их было (о количестве демонстрантов не было сказано). В последующие дни в центральной прессе появились ТАССовские материалы, в которых говорилось и о главном лозунге митинга ("Сегодня Литва, а завтра Россия?"), и о требованиях об отставке руководства страны.

В начале февраля состоялся очередной Пленум ЦК, на котором прозвучал призыв к коммунистам страны "подниматься из окопов", проявлять большую активность в противоборстве с антикоммунистическими и антипатриотическими силами. Откликнувшись на этот призыв, горком совместно с командованием округа решили провести общемосковский митинг на Манежной площади в субботу 23 февраля, т.е. в День Советской армии и Военно-Морского флота, в поддержку армии и единства Советского Союза.

За несколько дней до митинга в официальных средствах массовой информации была проведена соответствующая агитационно-пропагандистская кампания. В парткомы предприятий и организаций, а также в воинские части (включая военные учебные заведения) была спущена команда о выделении для участия в митинге определенного числа людей.

В назначенный день к 12-00 народ стал собираться у станций метро Пушкинская, Театральная, Боровицкая и некоторых других, расположенных в центре города, чтобы оттуда организованно, колоннами проследовать на Манежную площадь (не возбранялось, естественно, добираться поодиночке или небольшими группами). День был ясный, с легким морозцем (минус 5 градусов). Судя по кислым физиономиям тех, кто шел в колоннах, многие из них направлялись на митинг не по своей воле. Шли тихо, без задиристых выкриков и, тем более, без скандирования лозунгов.

Ко времени начала митинга, т.е. к 13-00, на площади собралось 140-150 тыс. человек. Ближе к Историческому музею расположились военные, в основном курсанты училищ и слушатели академий (примерно 10 тыс. человек; в форме).

Над толпой развевалось более двадцати красных флагов и флагов Вооруженных Сил. Транспарантов и плакатов было мало. Основное содержание лозунгов сводилось к двум требованиям: "Не допустить развала Союза!" и "Руки прочь от Армии!"

Открыл митинг депутат Чехов (группа "Союз"). Начал он с описания положения дел в стране и особо подчеркнул, что этот митинг проводится в трудное время, когда в ряде союзных республик усилились сепаратистские тенденции, направленные на развал Советского Союза. Затем он поздравил собравшихся с праздником. Кто-то из стоявших на трибуне крикнул "Ура!", желая завести толпу, однако в ответ раздались вялые и нестройные крики. В заключение своего выступления Чехов призвал поддержать руководство страны и в то же время потребовать от него принятия решительных мер в отношении сепаратистов и хулиганов армии.

После него выступили еще 11 человек: рабочий Ионов (завод им.Хруничева); майор Гущин; бывший "афганец"; жена офицера из дивизии им.Дзержинского; Виноградов (бывший секретарь Моссовета); Андреянова (секретарь МГК по идеологии); ветеран Отечественной войны; Ножкин (артист); Маляров (ОФТ); Алкснис (депутат, группа "Союз"); Проханов (писатель).

Из всех выступлений наиболее интересным и эмоциональным было выступление Ножкина, который начал с обращения: "Отцы и деды! Дети и внуки! Мы забыли кто мы. Мы должны помнить, что у нас есть своя история!" Далее он говорил о развале страны, о нищающей армии и оборонной промышленности, т.е. о том, о чем говорили ораторы до и после него, но говорил он все это так, что значительная часть толпы "завелась" и периодически прерывала его выступление бурными аплодисментами и скандированием ответов "Да!" или "Нет!", на задававшиеся им в ходе выступления вопросы о том, нужна ли нам единая страна и сильная армия.

Хорошо было принято выступление ветерана войны, который заклеил желтую прессу за ее непрерывные нападки на армию, а затем обвинил Г.Попова, Станкевича и Собчака в политическом карьеризме и в использовании в корыстных целях членства в КПСС, на которую они сейчас льют грязь. Досталось и Ельцину за раздувание собственного культа личности. Людям понравилась адресность его критики и то, как он это говорил: с напором и чувством юмора.

Одним из самых слабых было выступление секретаря МГК по идеологии Андреяновой. Начав с того, что "пришло время срывать маски с тех, кто рядится в тогу радетелей за народ" и т.п., она продолжила свое выступление штампованными фразами из передовиц партийных газет о необходимости сохранения Союза и в поддержку армии. По сути вроде бы и верно, но толпу это выступление не задело.

Тепло встретили Алксниса, хорошо знакомого собравшимся своими откровенными выступлениями против межрегионалов и Горбачева на заседаниях

Верховного Совета Союза. И на этот раз он призывал к объединению, заявляя, что "нам не простят наши потомки, если мы допустим развал Союза, т.к. это приведет сначала к гражданской, а затем к третьей мировой войне". В конце своего выступления предложил проскандировать: "Союзу - да!, Развалу - нет!", но толпа отреагировала вяло.

Остальные ораторы выступили средненько. Митинг завершился в 14-20 принятием соответствующей резолюции.

В сравнении с аналогичными акциями, проводившимися Дем.Россией, интенсивный отток людей в направлении станций метро начался сразу же после подхода колонн и не прекращался до окончания митинга. К моменту принятия резолюции на площади осталось 20-25% митингующих (на митингах демороссов нечто похожее, т.е. отток манифестантов, наблюдалось лишь после выступления главных лидеров оппозиции – через 20-30 минут после начала).

Спустя две недели, в воскресенье 10 марта, Дем.Россия провела свой митинг, посвященный этой же теме - будущему Союза. Место сбора назначили на площади Восстания, к 11-00. Оттуда колонна должна была пройти по Новому Арбату на Манежную площадь. Погода благоприятствовала проведению митинга - ясно, около нуля градусов.

Как и 20 января, все эскалаторы на станции "Баррикадная" работали только на выход. Собралось примерно 140 тыс. человек. Флаги и лозунги были в основном те же, что и раньше, но в связи с предстоящим 17 марта референдумом, появились новые: "Нет, Союзу - тюрьме народов", "Нет, союзу с убийцами", "Скажи на референдуме - Нет!" и другие аналогичного содержания.

Митинг на Манежной площади открыли исполнением будущего Гимна России (в записи, на музыку Глинки, без слов), который предполагалось принять на предстоящем Съезде депутатов РСФСР. Большинству собравшихся музыка понравилась.

Первым выступил Юрий Афанасьев, заявивший, что основными задачами демократической оппозиции в марте являются проведение кампании по референдуму, подготовка к Съезду депутатов РСФСР, а также к намечаемому правительством Союза повышению цен с начала апреля. Далее он достаточно долго говорил о том, что пока, к сожалению, не видит существенной поддержки демократии, кроме проведения таких вот митингов, которые ограничиваются обычным говорением, в то время как необходимо предпринимать что-то конкретное: хотя бы оказывать материальную помощь движению в виде пожертвований. Завершая выступление, предложил проголосовать против сохранения Союза в его нынешнем виде.

После Афанасьева организаторы включили запись речи Ельцина, с которой тот выступил накануне в Доме кино перед демократическим активом. Запись оказалась плохого качества и разобрать содержание выступления было трудно. Судя по отдельным фразам, он в очередной раз критиковал союзное руководство, призывал к борьбе с ним и предложил сказать "Нет!" на референдуме.

Затем слово предоставили Г.Попову, который обвинил руководство Союза в неспособности контролировать ситуацию в стране и, более того, в осуществлении продовольственной блокады Москвы, ухудшающей жизнь москвичей. Призвал на референдуме зачеркнуть и "Да", и "Нет", на что стоявший рядом с ним Афанасьев бросил реплику - мол, на вчерашнем собрании решили зачеркивать "Да".

После них выступили Травкин, Гдлян, Станкевич и представители из Кузбасса, где в эти дни началась очередная забастовка шахтеров. Все выступавшие предлагали сказать "Нет" Советскому Союзу на предстоящем референдуме.

Представители Кузбасса (Малыхин, Денисенко, Лызлов) призвали москвичей поддержать шахтерскую забастовку, при этом Малыхин подчеркнул, что забастовщики выдвигают на сей раз не экономические, а политические требования об отставке Горбачева и других руководителей Союза.

Гдлян торжественным тоном заявил о создании Народной партии России, но это сообщение не произвело особого впечатления на собравшихся. Затем он призвал объявить мораторий на все межнациональные столкновения на территории страны, бороться за суверенитет России и за преобразование Советского Союза в Союз Суверенных Государств (спустя восемь месяцев, уже после августовских событий, именно это наименование замелькало в сообщениях по итогам совещаний в верхах о реформировании СССР).

Все эти предложения Гдляна вошли затем в резолюцию митинга, которую зачитал Шемаев.

В отличие от предыдущего крупного митинга, организованного Дем.Россией по поводу событий в Литве, собравшиеся вели себя очень сдержанно, даже вяло. Толпа лишь изредка скандировала те или иные лозунги ("Союзу - Нет", "В отставку", "Ельцин"), причем в скандировании принимали участие не более одной четверти собравшихся.

На референдуме, состоявшемся 17 марта, за сохранение Союза проголосовало более 70% от всего числа принявших участие в голосовании (отказались проводить референдум республики Прибалтики и Грузия).

Конец марта был ознаменован очередным нагнетанием страстей, теперь уже непосредственно в Москве. Поводом для этого послужило решение лидеров Дем.России провести в четверг 28 марта в 17-00 митинг на Манежной площади в поддержку демократических сил на Съезде депутатов РСФСР, на котором должны были рассматриваться вопросы о президентстве в России (по инициативе депутатов-демократов) и об отставке Ельцина с поста председателя Верховного Совета РСФСР (по инициативе депутатов-коммунистов).

За два дня до митинга Павлов (председатель правительства Союза) запретил его проведение в центре Москвы под предлогом защиты депутатов от экстремистских сил, заявив при этом, что в Москву будут введены дополнительные силы милиции и войск МВД.

28 марта в утренних репортажах со Съезда некоторые депутаты-демократы заявили, что Кремль окружен танками и бронетранспортерами. К 12-00 поехал в Центр. Было пасмурно, около нуля градусов. Движение транспорта на улицах в это время не перекрывалось. На Пушкинской - в сквере у "Макдональдса" — расположились милиционеры (примерно 100 человек). На Тверском бульваре — вниз от магазина "Армения" стояли тяжелые машины-бензовозы с военными номерами, а на Тверской улице - возле ВТО и на противоположной стороне стояли две спец.машины малинового цвета с водяными пушками; чуть ниже - ближе к рыбному магазину — шесть тяжелых бортовых машин. В переулках, выходящих на Тверскую, также стояли тяжелые грузовые автомобили. От Манежной в сторону Пушкинской проехала колонна из 40 бортовых автомобилей, в которых сидели солдаты. Среди прохожих - много милиционеров и военнослужащих. Люди, как обычно, шастали по магазинам, однако было заметно, что они встревожены всем происходящим, раздавались реплики: "Против кого все это?", "Во, нагнали техники!", "Что творят! Что творят!"

Вокруг Кремля не было ни танков, ни бронетранспортеров. Перед Историческим музеем со стороны Манежной площади стояли три реанимационных микроавтобуса, а в проездах к Красной площади - автобусы с омоновцами и бортовые автомобили с солдатами. Такие же автомобили с солдатами стояли с тыльной части Манежа напротив Кутафьей башни. Во дворах старого здания МГУ собирались офицеры - слушатели военных академий. Другой сборный пункт для офицеров находился в сквере за новым зданием МХАТ.

Ближе к 17-00 в переулках, выходящих на Тверскую улицу, появились омоновцы и солдаты. Почти на всех были надеты каски, в руках - щиты, а под шинелями и куртками - бронежилеты. Примерно в 16-45 из здания Моссовета вышел Боксер (один из помощников Г.Попова) и в сопровождении демократических дам направился в сторону Пушкинской площади. По дороге они приглашали всех желающих пройти на Маяковку, где должен был состояться разрешенный властями митинг (другой разрешенный митинг намечалось провести на Арбатской площади).

Ровно в 17-00, т.е. в тот момент, когда планировалось открыть митинг на Манежной площади, гаишники перекрыли движение транспорта по Тверской улице, в Охотном ряду и на самой площади. И сразу же со всех тротуаров, из подземных переходов и магазинов на Манежную площадь перед гостиницей "Москва" ринулись люди, которые до этого изображали из себя обычных прохожих и покупателей (всего около 10 тыс. человек). Появились трехцветные флаги, лозунги. Это был своеобразный вызов властям: мол, вы не разрешаете нам здесь собираться, а мы уже тут.

Через несколько минут из-за гостиницы "Москва" на площадь вышла цепь дзержинцев со щитами и стала теснить толпу в сторону Тверской улицы. Люди шумели, протестовали, но обошлось без стычек. Находившийся здесь же Глеб Якунин (депутат-священник) призвал собравшихся идти на Маяковку, после чего толпа, рассыпавшись горохом, быстрым шагом пошла вверх по Тверской (но многие ушли в метро). Вперед

вырвались молодые люди (примерно 200 человек), которые периодически скандировали: "Ельцин, Ельцин", "Позор, позор" и дружно освистывали попадавшихся по пути милиционеров и военных.

Когда толпа приблизилась к театру им.Ермоловой, с улицы Белинского стали выезжать грузовые автомобили и становиться поперек Тверской, оставляя пространство для прохода толпы. Установкой автомобилей руководили милицейские офицеры. Свист и протестующие крики усилились. Аналогичная картина наблюдалось при подходе к улице Огарева, откуда также выехали грузовые автомобили. Дальше, вплоть до Елисеевского магазина, улица не перекрывалась, но были перекрыты все боковые выезды на нее.

При подходе к заграждению из автомобилей у Елисеевского магазина (от Козицкого переулка в сторону кафе "Север") толпа заволновалась, т.к. многим показалось, что милиция организовала здесь ловушку и не пропускает их в сторону Пушкинской площади. Раздались сильный свист, крики. Некоторые молодые люди принялись перелезать через автомобили, отчаянно барабани кулаками и ногами по кабинам. Когда выяснилось, что проход находится где-то сбоку, толпа успокоилась.

Последнее заграждение на Тверской улице было установлено между ВТО и магазином "Армения". Здесь же на двух углах находились спец.машины с водяными пушками. Стоявшие в оцеплении милиционеры и солдаты пропустили толпу на Пушкинскую площадь, где уже было перекрыто движение транспорта. Большинство людей, подходивших с Манежной площади, а также выходившие из метро, направлялись в сторону Маяковки.

Там к этому времени собралась большая толпа. Кто-то из организаторов митинга призывал вытягиваться от Маяковки в сторону Белорусской. Судя по репликам, доносившимся из мегафонов, организаторы надеялись, что в последний момент они получат разрешение от союзного руководства на манифестацию и тогда с депутатами во главе пройдут по Тверской на Манежную площадь. Но на Пушкинской, где топтались примерно 2 тыс. "протестантов", никто не собирался убирать заграждения. Примерно в 17-50 на площади появился Боксер и призвал всех пройти на Маяковку, где в 18-00 должен был начаться митинг.

К этому времени на Маяковке и примыкающем к ней отрезке Тверской улицы собралось примерно 50 тыс. человек. Пошел мокрый снег. С кузова машины, установленного перед зданием зала им.Чайковского, выступили: Афанасьев, Попов, Заславский, Оболенский, Уражцев, Бэла Куркова, депутаты Моссовета. Основное содержание почти всех выступлений сводилось к тому, что страна катится к гибели; у Горбачева ничего не осталось кроме силовых методов; в отставку его, так как он - коммунист. Требовали также предоставления истинного суверенитета России, а Ельцина – в президенты России. Лидеры оппозиции считали, что они одержали сегодня победу, т.к. им удалось приостановить работу Съезда депутатов РСФСР до тех пор, пока войска не будут выведены из Москвы. Практически все выступления носили ярко выраженную антисоюзную и антикоммунистическую направленность.

Митинг близился к завершению, когда в 18-45 на Садовом кольце, со стороны площади Восстания, появилась толпа, занимавшая почти всю ширину проезжей части. Оказывается, к Маяковке приближались те, кто митинговал на Арбатской площади. Их движению на всем пути следования никто не препятствовал, хотя с формальной точки зрения они нарушили правила проведения митингов и демонстраций, поскольку не имели соответствующего разрешения на перемещение по центру Москвы (этот эпизод интересен тем, что в подобной же ситуации 1 мая 1993 года, когда колонна "красно-коричневых" снялась с Октябрьской площади и без разрешения на то властей направилась по Ленинскому проспекту на Ленинские горы для проведения маевки, т.е. уходила из центра Москвы, она была остановлена ОМОНОм и милицией у площади Гагарина, в результате чего там произошло кровавое побоище).

После подхода демонстрантов с Арбатской площади митинг на Маяковке продолжался еще минут 15-20, а общее число собравшихся (от Маяковки до Пушкинской площади) достигло примерно 100 тыс. человек. По окончании этого митинга начался стихийный митинг на Тверской у гостиницы "Минск". На нем выступила Старовойтова, которая обвинила коммунистическую прессу во лжи, призвала не доверять руководству страны и прошла, в частности, по Павлову, который, по ее словам, прикинулся больным, чтобы не нести ответственность за возможные последствия принятого им решения о запрете митинга на Манежной площади. Затем она выразила удовлетворение тем, что народ наконец-то проснулся и его больше не запугаешь.

Заграждения и военизированные цепи простояли на Тверской чуть ли не до полуночи и все это время перед каждой линией заграждения собирались толпы людей (от нескольких сот до нескольких десятков человек - чем ближе к Манежной, тем малочисленнее) и проводили "политико-воспитательную" работу с личным составом. До открытых конфликтов дело не доходило, хотя наиболее агрессивно настроенные молодые люди (некоторые из них - в подпитии) пытались прорваться через заграждения. Между тем, после 20-00 к Манежной площади можно было пройти не "в лоб", а боковыми переулками и дворами, откуда к этому времени было снято офицерское оцепление, но "протестанты" об этом, видимо, не знали.

В этот же вечер программа "Время" показала отдельные эпизоды событий, происходивших в течение дня в центре Москвы. Подчеркивалось, что все прошло без серьезных происшествий. Это не удивительно, так как и манифестанты, и милиционеры с военными были настроены весьма миролюбиво. Более того, люди в погонах чуть ли не извинялись за причиненные манифестантам неудобства.

На следующий день газеты противоположных направлений вышли с взаимными обвинениями: одни обвиняли власти, а другие - оппозицию, в безудержном нагнетании страстей. Министр МВД Пуго на заседании Верховного Совета Союза сообщил, что на митинге было 50 тыс. человек, оппозиционная пресса насчитала от 500 до 700 тыс. человек, а западные радио-голоса - 100 тыс. человек.

В начале апреля состоялось обещанное повышение цен (увеличение почти в два раза), но активного общественного противодействия эта мера не вызвала. Лишь в Белоруссии в ряде городов состоялись массовые стихийные забастовки и митинги протеста.

Свой очередной митинг Дем.Россия провела на Манежной площади в понедельник 29 апреля с 18-00 до 20-00 (пасмурно, сыро, +14 градусов). Мероприятие было посвящено выдвижению кандидатуры Ельцина в президенты России. Собралось 45-50 тыс. человек. По пути от Советской площади, где был назначен сбор, до Манежной площади головка толпы беспрестанно скандировала: "Ельцин, Ельцин", "Долой КПСС", "Горбачев уходи", "Кузбасс, мы с тобой".

Вел митинг Шемаев, призвавший выдвинуть в кандидаты в президенты Ельцина. Затем он дал отрицательную оценку тем депутатам Моссовета, которые прошли на эти выборные должности благодаря поддержке Дем.России, а сейчас выступают против выдвижения Ельцина в президенты. Похвалил белорусов за их акции протеста против повышения цен, после чего толпа проскандировала "Молодцы, молодцы".

Из лидеров Дем.России на трибуне присутствовал только Аркадий Мурашов, который в начале своего выступления посетовал по поводу немногочисленности собрания, сказав, что либо погода напугала людей, либо они уже устали от митингов. Призвав выдвинуть в кандидаты в президенты Ельцина, он заметил все-таки, что у него "имеются известные нам и слабые, и сильные стороны".

После него выступили малоизвестные депутаты и представители из регионов России с поддержкой кандидатуры Ельцина, в том числе полковник Смирнов из Капустина-Яра (ракетный полигон РВСН), который похвалил москвичей за то, что они не боятся ходить на митинги, в то время как в провинции люди опасаются проводить подобные акции.

Некто Кулаков проинформировал собравшихся о якобы состоявшейся 26 апреля на 120 предприятиях и организациях Москвы одночасовой предупредительной забастовке, которая была организована независимыми профсоюзами, несмотря на противодействие официальных профсоюзов, и предложил создавать забасткомы на предприятиях на базе комитетов Дем.России и независимых профсоюзов (что имел ввиду Кулаков о предприятиях и организациях трудно судить; может быть мастерские по ремонту обуви или что-то вроде этого, т.к. сведений о забастовках на крупных предприятиях не было).

В конце митинга была принята резолюция в поддержку кандидатуры Ельцина и зачитано решение Дем.России об отказе о совместном участии с официальными профсоюзами в демонстрации 1-го Мая, поскольку Московская федерация профсоюзов (бывший МГСПС) и Ассоциация независимых профсоюзов пригласили на Красную площадь Горбачева и других членов политбюро.

1-го мая на Красной площади состоялся митинг, организованный Московской федерацией профсоюзов. Доступ в центральную часть города (внутри Садового кольца)

был перекрыт с самого утра. Пропускали только колонны представителей предприятий и организаций, следовавшие на митинг.

Последний крупный митинг (до августовских событий) состоялся в понедельник 10 июня и посвящен он был предстоящим 12 июня выборам президента России и мэра Москвы, т.е. в поддержку Ельцина и Попова (организатор - Дем.Россия). Из двух мест сбора - на Маяковке и на Октябрьской площади - колонны проследовали на Манежную площадь.

Вечер выдался солнечный и очень теплый (+25 градусов). Движение манифестантов от Маяковки началось в 18-15. Милиции почти не было видно. Собравшиеся много шутили, смеялись. Над первыми рядами колонны развевались бело-синие-красные флаги, в глубине толпы - флаги РУХа, БНФ, анархистов (но не КАС).

Перед колонной несли длинный транспарант с надписью (на белом фоне красными буквами): "Народ и Ельцин - едины!" (вместо привычных "Народ и партия едины" или "Народ и армия едины"). Было много и других лозунгов в поддержку Ельцина, типа "Ельцин - наш президент". Выделялись лозунги против остальных кандидатов в президенты: "Макашов был палачом Армении. Россияне, не делайте его своим!", "Рыжков - инфаркт экономики, Макашов - диктатура генералов и КПСС, Жириновский - маленький дуче и большой бардак".

По пути на Манежную в голове колонны периодически скандировали: "Ельцин, Ельцин", "Россия, Россия", "Долой КПСС". Какие-то люди "бомжеватого" вида раздавали демонстрантам листовки в поддержку Ельцина, а также большие глянцевые цветные плакаты с его изображением и обещаниями. На площадь входили с двух сторон: со стороны здания Манежа - от Октябрьской площади, и с Тверской улицы. Всего собралось примерно 60 тыс. человек.

Вел митинг Комчатов - доверенное лицо Ельцина. В самом начале он заявил, что данным митингом подводятся итоги избирательной кампании и почти никто из демократов не сомневается в победе своего кандидата "в ходе первых свободных выборов главы России".

Состав ораторов был привычным: Травкин, Шостаковский (быв.ректор ВППШ), Евтушенко, Мартиросян (полковник, депутат Союза), Якунин, Старовойтова, Киселев (депутат Союза), Каспаров (шахматист) и т.д. Все они также выразили уверенность в победе Ельцина.

По мнению Травкина, следовало выбирать "из двух дверей, одна из которых ведет в мировую экономику, а другая - к нашему недавнему прошлому, т.к. третьего - не дано....с 13-го числа мы переходим с режима критика этого здания, т.е. Кремля, к режиму работы с ним".

Евтушенко заговорил про веру, но не в Бога, а в Ельцина и в Попова, сказав, что "мы верим им не как идолам, а как в самих себя".

Мартирисян посетовал на то, что в армии трудно вести агитацию в поддержку Ельцина, поскольку армейские политорганы призывают голосовать за Рыжкова и поэтому военные должны быть честными и порядочными перед собой и проголосовать за Ельцина, Попова и Собчака (в Питере), так как именно они представляют настоящую Россию.

Якунин и Старовойтова говорили о том, что Жириновский с его ЛДП - это "дочерняя фирма КПСС и КГБ".

Старовойтова заявила, что в уральских деревнях начальство шантажирует людей, грозит не завозить на зиму дрова в те деревни и поселки, где в пользу Ельцина будет отдан хотя бы один голос.

Каспаров, кроме призывов голосовать за Ельцина и обвинений в адрес КПСС, пообещал жизнь как в "Диснейленде", если народ выберет руководителями демократов. В "Диснейленд", по его словам, люди собираются не на митинги, поскольку у них там демократии навалом, а чтобы провести время в отличных условиях.

Большинство собравшихся вело себя спокойно. Люди беседовали друг с другом и вполуха слушали выступавших. Меньшая часть толпы, располагавшаяся поближе к трибуне, периодически скандировала: "Ельцин, Ельцин", "Попов, Попов", "Свобода, свобода", "Позор, позор" (когда речь шла о политбюро и КГБ). К концу митинга, который завершился в 21-00, на площади осталось примерно 12 тыс. человек.

Ельцин, как и ожидалось, победил в первом же туре, набрав более 57% голосов; мэром Москвы стал Попов.

В оставшееся до 19 августа время массовые акции в городе не проводились. Но судя по доходившей информации о взаимоотношениях между группами "реформаторов" и "консерваторов" в верхних эшелонах власти, можно было предположить, что во второй половине года следует ожидать обострения политической обстановки (заявления Крюкова и Пуго в Верховном Совете Союза; "Слово к народу", подписанное рядом видных деятелей, причислявшихся дем.прессой к консерваторам; заявления Ельцина о необходимости роспуска компартии; предстоящее заключение нового Союзного договора и т.д.).

19 августа (понедельник)

Утром в понедельник 19 августа по радио вместо семичасовых последних известий передавали классическую музыку. Так бывало, если в стране умирал кто-либо из больших начальников. В метро продавщица проездных билетов спросила, а правда ли, что с 4-00 в стране введено военное положение, а Горбачев арестован? На встречный вопрос, откуда у неё такая информация, она ответила, что об этом говорят другие пассажиры, услышавшие сообщение по радио.

Поезда ходили нормально. Многие пассажиры, как это чаще всего бывает по утрам, ехали молча. Лишь при выходе из вагона на "Баррикадной" одна дама сказала другой, что теперь-то, раз к власти пришли военные, ее сына обязательно заберут из

института в армию. Еще двое перекинулись репликами, из которых можно было понять, что произошло что-то серьезное.

На "Боровицкой" со стороны Александровского сада (в 7-55) - все спокойно: ни войск, ни толп, ни даже милиционеров.

На работе только о ГКЧП и говорили. В 9-00 по радио в очередной раз передали официальное сообщение о введении в стране чрезвычайного положения и образовании ГКЧП. Реакция сотрудников на происшедшее неоднозначная. Одни считали, что давно пора прекращать перестроечную вакханалию, а другие отмалчивались. В подразделениях, где проводил в этот день опрос по межнациональным отношениям, настроение среди рабочих выжидательное и, опять же, неоднозначное: "Нет веры ни демократам, ни комитетчикам", "Поживем - увидим", "Небось, опять начнется соцсоревнование", "Бардак тоже надоел" – наиболее типичные высказывания.

Вернувшись с опроса, узнал, что в Центре города появились танки. Сорвался с работы и в половине третьего был на "Боровицкой". На самом деле - танки в городе. Три танка стояли у тротуара между Волхонкой и Большим Каменным мостом, а еще три - слева от моста в проезде между набережной и перекрестком. Вдоль Александровского сада до Манежа стояли бронетранспортеры.

Люди окружили БТРы и задавали военным главный вопрос: "Неужели вы в нас будете стрелять?" Те, видимо уже устав от подобных вопросов, в ответ улыбались и пожимали плечами, но чаще всего говорили, что не будут. Здесь же шло горячее обсуждение всего происходящего, раздавались реплики: "Опять 70 лет рабства", "А мы все молчим", "Сколько можно такое терпеть" и т.п. Женщины-активистки, подошедшие от здания Верховного Совета России, стали распространять листовку-воззвание "Гражданам России" за подписью Ельцина, Силаева и Хасбулатова. В ней говорилось о незаконности ГКЧП, а его руководители названы путчистами. Далее следовал призыв не подчиняться указаниям ГКЧП и объявить бессрочную политическую забастовку.

На Манежной площади - перед Манежем и вдоль Александровского сада - также стояли БТРы. Проезды к Красной площади перекрыты автобусами, а перед ними - цепи десантников. Движение транспорта на Манежной площади и прилегающих к ней улицах перекрыто. На всем этом пространстве находилось примерно 15 тыс. человек, много молодежи. Большие группы молодых людей вели контрпропагандистскую работу с военными: мол, как им не стыдно выходить против безоружных людей и все такое. В ответ некоторые солдаты показывали пустые рожки от автоматов, да и подсумки на поясных ремнях не отвисали у них до колен, как это обычно бывает при полностью снаряженных магазинах.

Стал накрапывать дождь, но было сравнительно тепло - 18-20 градусов. У гостиницы "Москва" шел стихийный митинг (примерно 4 тыс. человек). Ораторы осуждали ГКЧП, хунту, путчистов. На асфальте крупными буквами (примерно 50 см. по высоте) белой краской было выведено: "КПСС к ответу. Большевицких путчистов под суд" (орфография оригинала).

На Тверской движение тоже было перекрыто, но работали магазины, а в них - очереди за продуктами. От здания Моссовета в сторону Пушкинской площади стояли 22 БМП с работающими движками, из-за чего улица была сильно задымлена, стоял шум. Люди задавали солдатам те же вопросы, что и на Манежной. Наиболее эмоциональные дамы плакали и взывали к совести солдат и офицеров, говоря, что те годятся им в сыновья, а выступают против них. Тут же, возле боевых машин, раздавали листовки с воззванием российского руководства, а сбежавшиеся из "Националя" и "Интуриста" иностранцы с удовольствием снимали все происходящее.

Примерно в 15-20 по команде офицера взвод вооруженных автоматами солдат направился к зданию Моссовета и попытался войти в него через вечно закрытый парадный подъезд со стороны Тверской. Из толпы им подсказали, что действующий вход в здание расположен за углом, на улице Станкевича. Сразу же разнесся слух, что пришли арестовывать мэра Москвы Г.Попова. Народ завозмущался, раздался свист, но никто не посмел преградить путь военным. Одно отделение во главе с офицером вошло в здание, а остальные солдаты рассредоточились по его периметру. Не дождавшись вывода "арестованного" Попова, толпа минут через 30 рассосалась.

На Пушкинской площади движение транспорта было открыто только по Бульварному кольцу. Люди, собравшиеся возле стены с "дацзы-бао" у редакции "Московских новостей", рассказывали об увиденном и услышанном в течение дня. Говорили, что примерно в полдень у здания Верховного Совета России состоялся митинг, на котором с брони танка выступил Ельцин, а предприниматели устроили демонстрацию против ГКЧП на центральных улицах города, неся бело-сине-красный флаг длиной чуть ли не с километр (на самом деле - не более ста метров).

В начале пятого вернулся на завод. На подступах к Автозаводскому мосту (со стороны завода) стояли шесть танков. Бастовать никто не собирався, вечерняя смена приступила к работе в обычном режиме.

После работы, к 18-00 опять был на Пушкинской. К этому времени на Тверской движение было восстановлено, а боевая техника стояла только возле здания "Известий" и в проезде МХАТ. На Манежной и вдоль Александровского сада - без изменений: те же БТРы и толпы штатских, беседующие с военными. Люди угощали солдат сигаретами, конфетами и печеньем. У Боровицких ворот несколько девиц взобрались на танк и любезничали о чем-то с высунувшимися из люков танкистами, а другая такая же группа фотографировалась на фоне рядом стоявшего танка. Все выглядело как-то не "по-переворотски".

Примерно в 18-45 по толпе разнесся слух, что в 19-00 у Белого дома (здание Верховного Совета России) состоится митинг, на котором выступят Ельцин и другие лидеры демократов. Народ потопал туда. Судя по репликам, доносившимся из толпы, люди шли к Белому дому получать указания: мол, поскольку мы его, т.е. Ельцина выбирали, то теперь пускай говорит, что нам делать.

Митинг проходил на площадке перед БД со стороны набережной. Еще при подходе к зданию СЭВ был слышен скандеж: "Ельцин, Ельцин". Он, а также Силаев, Хасбулатов, Бурбулис и ряд других лиц из российского руководства вышли к митингующим на балкон второго этажа. Первым выступил Ельцин, но говорил он недолго - минут пять. За это время он предал анафеме ГКЧП, объявил его руководителей преступниками и изменниками, призвал не подчиняться их приказам и объявить бессрочную политическую забастовку. Сообщил также, что о судьбе Горбачева ему ничего не известно, что связи с другими регионами у них нет, но что их поддерживают городские Советы Москвы, Петербурга, Свердловска, Челябинска, Кемерово, Новосибирска, Хабаровска, что им отдано распоряжение Прокуратуре и Верховному Суду России о привлечении к уголовной ответственности путчистов. В конце своего выступления Ельцин призвал народ поддержать руководство России.

Когда он говорил об отданном им распоряжении об аресте путчистов, показалось, что в его голосе прозвучала некоторая неуверенность, сомнение. Может быть он ожидал более массовой поддержки с мест, то ли что-то другое, но эту неуверенность почувствовали в толпе, хотя по ходу его выступления собравшиеся с энтузиазмом скандировали лозунги против ГКЧП: "Долой, долой", "Позор, позор", "Под суд, под суд".

Выступивший после Ельцина его советник Бурбулис призвал митингующих охранять народное правительство России, как это сделали литовцы у себя в январе. Далее он заверил, что все пожелавшие остаться на ночь возле БД будут обеспечены питанием и теплыми вещами (по возможности).

Митинг продолжался минут 20-25. К этому времени на всей территории, прилегающей к БД, находилось примерно 50 тыс. человек. По окончании митинга значительное число людей направилось к станциям метро "Смоленская" и "Баррикадная". Глядя на это, наиболее экспансивные дамы (модно "упакованные") стали укорять ухаживших мужчин в том, что тем "все до лампочки, лишь бы поддать и смотреть телевизор, а когда нужна их сила для защиты общего дела, то опять одни женщины остаются" (среди оставшихся вокруг БД 30 тыс. человек женщины составляли почти половину).

Спустя некоторое время слева от главного входа в БД со стороны набережной стали бесплатно раздавать молоко, кефир и батоны белого хлеба тем, кто решил остаться на ночь, а фактически раздавали всем желающим (продукты были доставлены в заводских контейнерах). Кто-то из организаторов обратился к мужчинам с призывом остаться возле БД на ночь и не устраивать перепалку по поводу молока и хлеба - это, мол, "не парк культуры и надо вести себя посерьезнее".

С этой же стороны БД, вдоль его фасадной части, выстроились в цепь 20 спортивного вида молодых мужчин лет 30-35. Одеты они были в маскировочные комбинезоны, а на ногах - кроссовки и обычная гражданская обувь. Судя по их поведению им была дана команда никого, кроме своих, не пропускать в здание.

Несмотря на регулярно раздававшиеся призывы оставаться на ночь для охраны БД и записываться в отряды ополчения, большинство людей практически не реагировало на них. Они беседовали друг с другом, слушали новости, передававшиеся радиостанцией "Эхо Москвы" и зарубежными "голосами" (у многих были радиоприемники) и бурно обсуждали услышанное. Записавшиеся в ополчение (в основном молодые люди до 30-летнего возраста), стали возводить первые баррикады на Конюшковской улице, а также на Рочдельской со стороны Глубокого переулка: тащили новехонькие трубы с ремонтировавшейся теплотрассы, какие-то бочки и всякий хлам из окрестных дворов и проездов.

Когда уходил оттуда (примерно в 21-00), специально прошел мимо "Трехгорки", которая находится в трехстах метрах от БД. Там всю работу выполняла вечерняя смена. В окна первого этажа хорошо просматривались производственные пролеты и работники, сновавшие у станков. (Призывы к политической забастовке до них, видимо, еще не довели...).

Социальный состав собравшихся в тот вечер у БД был практически таким же, как и во время всех демонстраций и митингов, проводившихся Дем.Россией: интеллигенция, "кооператоры", учащая молодежь. Рабочих было очень мало - примерно 5-7%.

20 августа (вторник)

На следующее утро по дороге на завод в 7-00 опять был на "Баррикадной". На улице шел дождь. Рядом с метро парень лет 30 и две женщины неопределенного возраста призывали всех идти к Белому дому, поскольку те, кто провел там целую ночь очень устали и им требуется замена. Люди интересовались у агитаторов, как прошла ночь. Оказывается, в 22-00 к БД приехала колонна танков из 10 машин во главе с майором Евдокимовым, который объявил, что они прибыли для защиты российского руководства. Ближе к утру туда же прибыли на своих машинах десантники из Тульской дивизии ВДВ с непонятной целью, но толпа их разагитировала (это были подчиненные тогда еще неизвестного стране генерала Лебеда).

Из каждой группы пассажиров, вышедших из метро, практически половина направлялась в сторону БД. Навстречу им шли добровольцы из "ночной смены", пропахшие дымом от костров. Вокруг БД были рассредоточены прибывшие ночью 10 танков и 20 БМД. У машин толпились люди, нахваливавшие военных за их самоотверженный поступок и угощавшие сигаретами и едой.

Вдоль здания БД со стороны стадиона стояли 5 автобусов ЛАЗ для поочередного отдыха остававшихся на ночь. В разных местах на газонах виднелись туристические палатки. На кострах шла готовка: что-то варили в котелках и чайниках, жарили колбасу, сушили хлеб. Тут же раздавали горячую еду, которая была доставлена сюда в больших термосах (наподобие армейских).

Из 30 тыс. человек, находившихся вокруг БД накануне вечером, к этому времени осталась примерно пятая часть. Несмотря на внешне измотанный вид, люди вели себя достаточно бодро, шутили, кто-то брэнчал на гитаре. Переживали по поводу того, что с

открытием станций метро ряды добровольцев быстро поредели, обсуждали поведение ГКЧПистов, в особенности дрожащие руки Янаева, на показанной вечером по ТВ пресс-конференции.

По толпе ходили слухи о предстоящем неизбежном штурме Белого дома силами спецподразделений КГБ и МВД при поддержке армии. Большинство сходилось во мнении, что штурм состоится с наступлением темноты.

После работы вновь приехал к БД. К этому времени (18-00) дождь, который шел с перерывами в течение всего дня, прекратился, стало выглядывать солнце. На "Баррикадной" на выход работали два эскалатора. Практически все выходявшие из метро направлялись в сторону БД. Там уже находилось 40-50 тыс. человек, причем основная масса людей располагалась со стороны тыльной части здания у стадиона и детского парка, а также на Конюшковской улице.

Атмосфера была чуть ли не праздничной. Над толпой, на высоте 50-60 метров, раскачивался аэростат. На тросе, которым он был притянут к земле, развевались бело-сине-красный, желто-белый, грузинский и литовский флаги. На Белом доме вдоль всего балкона второго этажа (со стороны стадиона) был прикреплен бело-сине-красный флаг, с которым накануне днем дефилировали предприниматели по центральным улицам города. Было много молодых людей "хиппового" вида, брэнчавшие на гитарах что-то из репертуара Бориса Гребенщикова и Виктора Цоя. К вечеру из 10 танков осталось только 6 штук, а БМД вообще исчезли. "Постояльцы" объяснили, что всю эту технику рассредоточили по Москве "для охраны других демократических объектов". Но некоторые говорили, что те вернулись к своим.

В начале седьмого из гаража БД выехали четыре черные "Волги", в которых восседали особы начальственного вида, и помчались в центр по Новому Арбату. Вскоре из БД вышла группа депутатов из 20 человек и направилась в сторону Калининского моста. Впереди шли Юшенков (в военной форме), Бэла Куркова и депутаты от северо-кавказских республик (в высоких бараньих шапках). Люди поинтересовались - куда это они направляются. Оказалось - "останавливать войска, которые движутся в Москву по Минскому шоссе для штурма Белого дома". Народ завозмущался происками путчистов, а многие дамы прослезились (потом оказалось, что останавливать было некого).

Со стороны набережной людей было намного меньше. Лишь на парадной лестнице было устроено, что-то вроде баррикады, за которой расположились добровольцы. Еще одна баррикада на этом направлении была сооружена в Глубоком переулке. Над ней возвышалась эмблема МАИ. Молодые люди, охранявшие баррикаду, с шутками-прибаутками разрывали на полоски простыню, которую им сбросили с четвертого этажа жильцы соседнего дома. Один парнишка объяснял, что в случае газовой атаки они используют замоченные в воде полоски ткани в виде маски на лицо. Крутившийся тут же пожилой мужчина порекомендовал использовать для этого дела не воду, а каждому свою мочу, как более эффективное средство. Во время разговора к баррикаде подошла женщина средних лет и предложила ребятам вареную картошку и

сосиски (таких добровольных кормилиц - бесплатно, естественно - много бродило вокруг БД).

На газоне перед Горбатым мостом был организован пункт сбора пакетов с едой, которую приносили из дома те, кто не собирался оставаться на ночь. На самом мосту молодые мужчины, выстроившись в пять цепочек, с остервенением разбирали брусчатку и укладывали камни в баррикаду со стороны Конюшковской улицы (на все это у них ушло два часа).

Ближе к 20-00 по толпе распространился слух о готовящемся с наступлением темноты штурме БД. На территорию, окруженную баррикадами, перестали пропускать женщин, а тем из них, кто находился внутри кольца, предлагали расходиться по домам, но на эти призывы практически никто не реагировал.

На перилах балкона БД (со стороны стадиона) установили два мощных громкоговорителя, по которым "Радио Белого дома" передавало новости и интервью. Вели передачу "взглядовцы" Любимов и Политковский, которые сообщили собравшимся, что они работают непосредственно из здания Верховного Совета на коротких и средних волнах.

За относительно небольшой промежуток времени (примерно с 20-00 до 21-30) по радио пять раз прокрутили запись с выступлением Сергея Станкевича о том, как и кем конкретно был блокирован в Форосе Горбачев: полк КГБ, оцепление вокруг дачи, 16 военных кораблей на рейде, изоляция от ближайших сотрудников, отключение связи с внешним миром. И якобы вся эта акция проводилась под руководством генералов войск ПВО и Генштаба Мальцева, Есинского, Бойко, Денисова и других (впоследствии выяснилось, что не вся "фактура" была достоверной).

Трижды прозвучало сообщение о том, что Ельцин разговаривал по телефону с Назарбаевым, а тот, в свою очередь, с Янаевым и последний сказал, что "сегодня штурм Белого дома не будет". При этом радио-ведущие каждый раз добавляли, что это непроверенные данные. После этих сообщений интенсивность оттока людей в сторону "Баррикадной" возрастала, но вместо убывших подходили новые люди, которые говорили, что радиостанция "Эхо Москвы" призывает москвичей идти на защиту БД в связи с угрозой штурма.

По радио БД зачитывали сообщения о поддержке руководства России рядом областных и городских советов. С восторгом была встречена новость о том, что командующий ЛенВО генерал Самсонов дал слово русского офицера не вводить войска в Ленинград.

В прямом эфире давали интервью: Глузский (киноактер), Иванов (депутат Союза), Белозерцев (депутат Союза), Никита Михалков (кинорежиссер), Ярошенко (депутат Союза), Малей (зам. Силаева), Явлинский и много других. Все они клеймили путчистов и коммунистов и призывали поддержать руководство России.

Примерно в 21-30 часть толпы, слушавшая "Эхо Москвы" по какому-то приемнику, в восторге заорала (как болельщики на стадионе). Стали выяснять, в чем дело.

Оказывается, по радио сообщили вроде бы об отставке ГКЧП и о болезни Павлова. Проходившая мимо дама крикнула в их сторону: "Придурки, не комитет, а Язов подал в отставку!" (сообщения не подтвердились).

Вскоре по радио БД передали, что с Ходынского поля по Ленинградскому проспекту сюда движется колонна танков, и что в районе американского посольства на Садовом кольце чей-то танковый батальон перешел на сторону Верховного Совета России. Сообщили также, что приказом военного коменданта Москвы в городе с 23-00 вводится комендантский час.

Народ загудел. Принялись обсуждать возможные варианты развития событий. Одни считали, что штурм не будет, так как придется пролить много крови, а эти путчисты на такое не способны. Другие им отвечали, что ради сохранения собственной шкуры эти аппаратчики пойдут на все. Некоторые направились к "Баррикадной".

В одиннадцатом часу на Садовом кольце - ни со стороны Маяковки, ни со стороны Смоленки - не было заметно каких-либо признаков военной техники, хотя за время, прошедшее после сообщения по радио БД, танковая колонна с Ходынского поля уже должна была бы подойти к этому месту.

В самом начале Б.Девятинского переулка, у старого американского посольства, группа молодых мужчин устанавливала поперек проезжей части заграждение из бетонных плит, чтобы не пропустить военную технику вниз по переулку в сторону БД. Установив его, парни стали советовать, а не уложить ли оставшиеся плиты (толщиной примерно 10-15см.) у въезда в тоннель, который проходит под Новым Арбатом. Но в это время пошел сильный дождь и они решили повременить (через час с лишним, когда им, судя по всему, удалось выполнить задуманное, именно с этого места начался эпизод, завершившийся гибелью трех человек в противоположном конце тоннеля).

Потоптавшись под дождем около часа и не дождавшись подхода танковой колонны, пошел на "Баррикадную". И хотя наступил комендантский час, ни военных, ни каких-либо других патрулей на улицах не было. На "Баррикадной" работали все три эскалатора. Один из них работал на спуск и был забит людьми, а два других работали на выход. На эскалаторах, работавших на выход, людей было столько же, сколько на спускавшемся вниз, т.е. между убывающими от БД и прибывающими туда же сохранялся примерный баланс.

В толпе, направлявшейся к БД, преобладали мужчины, экипированные для дождливой погоды (в плащах, куртках, с зонтами, в резиновых сапогах). От многих молодых ребят, которые шли к БД как в турпоход - целыми компаниями, с рюкзаками и большими сумками - пахло спиртным. Спиртным пахло и от некоторых мужчин у Белого дома, особенно возле разбитых на газонах туристических палаток, откуда регулярно доносились бульканье и звон стаканов. В этот вечер, в отличие от предыдущего, в толпе стало заметнее присутствие всякого рода "кооператоров", лавочников и молодых парней с повадками хулиганов. Но значительное большинство

составляла, все-таки, интеллигентная публика, что и придавало всему собранию более пристойный вид.

Некоторые из интеллигентов интересовались, а почему руководители ГКЧП не лишили российское руководство связи с внешним миром, хотя по Москве об этом ходят слухи как о состоявшемся факте, да и радио у них работает, и "Эхо Москвы" вещает без помех, и никто не отключил электричество в Белом доме. Слышались реплики об опереточности такого "путча", но они тут же пресекались «истинными демократами».

21 августа (среда)

Утром 21 августа ближе к 7-00, по дороге на работу, вновь вышел на "Баррикадной". Стены станции были оклеены листовками, в которых сообщалось о событиях прошедшей ночи. Судя по их содержанию, штурм БД не было, но произошел инцидент в районе пересечения Садового кольца и Нового Арбата, в результате которого погибло от 1 до 3 человек. Сообщалось также, что ночью несколько раз устраивалась тревога в связи с подходом войск и что к защитникам БД приезжал Шеварднадзе.

Вокруг БД к этому времени находилось примерно 15 тыс. человек (массовый отток людей начался примерно с 6-00). Вся территория выглядела какой-то "растрепанной". Молодежь на баррикадах что-то жевала и запивала еду кто чаем, а кто чем-то покрепче. В детском сквере на асфальте лежала статуя Павлика Морозова, которую ночью сбросили с пьедестала в знак протеста против всего советского.

За сутки с небольшим баррикады стали намного мощнее. В них появились бетонные плиты, длинные прутья арматуры и другое железо. Судя по всему, для доставки к БД этого добра были задействованы грузовые автомобили и краны. Люди, оставшиеся на баррикадах с ночи, выглядели очень усталыми и растерянными. Не было слышно ни шуток, ни песен. Говорили о пережитом кошмаре, когда после полуночи со стороны Садового кольца послышалась стрельба. После этого, в ожидании штурма, несколько раз объявляли тревогу, но все обошлось.

В 7-00 "взглядовец" Любимов зачитал по радио последнюю сводку новостей о событиях прошедшей ночи, практически повторив содержание листовок, распространявшихся на "Баррикадной". Добавил только, что по сведениям на 6-00 в сторону Москвы двигалась Витебская дивизия ВДВ-КГБ, но где-то в районе Кольцевой автодороги она была остановлена.

Некоторые из женщин, комментируя сообщения Любимова, стали уверять окружающих, что на самом деле погибли пять человек, а то и все десять. И хотя лично они, по их словам, не были свидетелями этого инцидента, но им об этом якобы рассказали непосредственные участники с "того самого места". Слух о десяти погибших стал расползаться по городу.

В 10-00 по союзному радио было передано сообщение коменданта Москвы генерала Калинина о последних событиях. Согласно этой информации, в первом часу ночи на Садовом кольце, в районе американского посольства (перед въездом в транспортный тоннель) была остановлена, а затем обстреляна с одного из окрестных

домов колонна БМП, следовавшая в направлении Зубовской площади. В ответ с одной из БМП был дан предупредительный огонь в воздух, а несколько машин прорвались в тоннель, но на выходе из него они были заблокированы. БМП забросали бутылками с зажигательной смесью, камнями и металлическими предметами. В результате инцидента имеются погибшие и раненые. Нападавшие на БМП были квалифицированы как "хулиганские элементы", находившиеся, к тому же, в нетрезвом состоянии.

После полудня резко изменилось содержание радиопередач. Вместо мелодий народов СССР и симфонических произведений, звучавших в течение двух с лишним дней, опять стали передавать эстрадную и рок-музыку, вновь пошла реклама. В 15-00 в новостях уже не было сообщений ни от ГКЧП, ни от коменданта Москвы. В 17-00 зачитали заявление Гостелерадио о незаконности ГКЧП и о навязанной им Гостелерадио цензуре. Стало понятно, что затея с ГКЧП провалилась или, что вернее всего, необходимый кому-то результат был достигнут.

К 18-00 вновь был на "Баррикадной". Обстановка на станции и на улице оживленная, гораздо больше улыбок. Люди поздравляли друг друга с победой. Практически все выходявшие из метро (на выход работали два эскалатора) направлялись в сторону БД, вокруг которого к этому времени находилось примерно 60 тыс. человек. В толпе, судя по доносившимся разговорам, было много людей впервые оказавшихся у БД и пришедших поглазеть на баррикады и баррикадников, некоторые из которых превратились по сему случаю в экскурсоводов.

Перед БД со стороны стадиона шел стихийный митинг. Скорее даже не митинг, а коллективные комментарии выступлений на заседании Верховного Совета РСФСР, передававшиеся по бело домовскому радио (сессия открылась в этот же день в 11-00). Депутаты единодушно осуждали ГКЧП, путч, переворот, КПСС.

В 18-15 в заседании был объявлен перерыв до 19-00 и почти все депутаты вышли на балкон к народу. Первым выступил Руслан Хасбулатов, поздравивший собравшихся с победой. Затем он коротко остановился на решениях, принятых ВС: о незаконности ГКЧП и его постановлений, об одобрении действия руководства России и т.п. Призвал не терять бдительность, т.к. "это еще не полная победа". Остальные российские депутаты выступали примерно в том же ключе. Представитель от донского казачества заверил всех в "верности казачества - хранителя и основателя Русского государства". Депутат из Грузии поблагодарил москвичей за мужество и заявил, что "Москва, Россия боролись и за свободу Грузии".

В это время к БД подъехали автобусы, из которых стали бесплатно выдавать бутерброды и булочки. К автобусам сразу же выстроились очереди. Возле Горбатого моста установили мусорные баки, на которых было написано: "Для партийных билетов". Время от времени к этому месту подходили взрослые мужики, доставали партийные билеты, рвали и бросали их в баки под одобрительные возгласы окружающих.

Многие из приходивших к БД, направлялись затем в сторону пересечения Садового кольца и Нового Арбата, где произошел ночной инцидент. На месте гибели

людей - на выезде из тоннеля в сторону Смоленской площади - вокруг пятен засохшей крови лежали цветы. На серой стене проезда виднелась надпись белой краской: "Помоги нам, Господи!" Выезд на площадь был забаррикадирован пятнадцатью троллейбусами, из них шесть машин были основательно помяты и частично обгорели, а один троллейбус сгорел полностью, остался только металлический кузов. В его оконные проемы люди вставляли цветы и зажженные свечи.

Всего на этом пятачке одновременно находилось не больше одной тысячи человек, а с учетом их движения прошло несколько тысяч. Подходившие останавливались возле пятен крови, осматривали побитые троллейбусы и обменивались гневными репликами в адрес "путчистов".

Тут же некоторые из участников и очевидцев события рассказывали о ночном происшествии. Из услышанного стало понятнее, что никакой попытки прорыва к БД (о чем с утра твердили сторонники российского руководства) со стороны армейских подразделений не было. Колонна БМП двигалась по Садовому кольцу с какими-то иными целями и, преодолев ограждение из уложенных в начале тоннеля бетонных плит, оказалась в ловушке. Кому-то очень нужна была кровь гражданского населения. И эти кто-то, учитывая взвинченное настроение части толпы накануне вечером, а также не возбранявшееся потребление спиртных напитков, сумели спровоцировать людей «на подвиг» (сами участники и свидетели инцидента говорили, что "среди ребят были нетрезвые, но меньшинство, поскольку ночью было холодно и сыро").

На площади перед БД все также бурлила толпа, а с балкона в этот раз выступали: Марк Захаров (театр Ленком), Гурнов и Молчанов (ведущие телепрограмм), много другой публики. Русский священник из Аргентины, прибывший на конгресс соотечественников, заявил о поддержке руководства России всей российской эмиграцией и призвал "побыстрее покончить с коммунистической системой". Певец Малинин исполнил три песни (включая «Поручика Голицына»), а Хазанов – свои "хохмы".

Толпа пребывала в состоянии эйфории. Массовое гуляние возле БД и выступления различных поп- и рок-групп (впоследствии названные "Рок на баррикадах") продолжались почти всю ночь.

Те, кто находился с 19 августа возле БД были довольны и собой, и результатом, достигнутым при их непосредственном участии. Но в большинстве своем они не представляли, каковы будут последствия подобного исхода событий.

22 августа (четверг)

В четверг 22 августа, в 12-00 на том же самом месте состоялся "митинг победителей". Все пространство возле БД со стороны стадиона, а также на прилегающей части Конюшковской и Рочдельской улиц было заполнено людьми (собралось примерно 70 тыс. человек). День выдался ясный и теплый - около 20-22 градусов.

Вел митинг Бурбулис. Первым выступил Ельцин, встреченный овацией и скандированием: "Ельцин, Ельцин". Сначала он поздравил собравшихся "с победой над реакцией", а затем объявил о решении депутатов Верховного Совета установить в

качестве государственной символики России новый флаг - бело-сине-красный (толпа с энтузиазмом проскандировала: "Молодцы, молодцы"). Далее он сообщил, что накануне вечером, в 22-00, ликвидирован ГКЧП, а группа авантюристов арестована, т.к. по их вине страна была поставлена на грань гражданской войны, за считанные дни была растоптана гласность, опасность нависла над Москвой, Ленинградом, Прибалтикой и другими демократическими регионами. Выразив благодарность всем тем, кто в дождь и холод пришел поддержать демократию, Ельцин объявил благодарность майору Евдокимову (привел 10 танков) и генерал-майору Лебедеву (командиру Тульской дивизии ВДВ), а также "тысячам военнослужащих, трудящимся, шахтерам и церкви".

Когда он заговорил о том, что все действия путчистов были негласно санкционированы "нео сталинским руководством КПСС", площадь стала скандировать: "Долой, долой" (к числу нео сталинистов были причислены руководство РКП и Лукьянов - "идеолог движения путчистов"). Заявив, что рядовые коммунисты не имеют отношения к действиям верхушки КПСС, Ельцин призвал осуществить в обществе департизацию, а "преступников и изменников Родины предать суду, но не ради мести, а ради человеческой справедливости".

Далее он повел речь о том, как было организовано противодействие ГКЧП со стороны российского руководства и выразил удовлетворение тем, что руководители западных стран поблагодарили Россию и россиян за проявленную ими в эти дни верность демократическим принципам. Затем упомянул о союзных руководителях (Щербаков, ряд министров), примазавшихся, по его словам, к победителям. Мол, почему они молчали 19 августа и лишь 21-го числа заявили о своем несогласии с путчистами. Похвалил молодежь, пришедшую защищать демократию и курс на реформы.

В последней части своего выступления Ельцин остановился на вопросах государственного строительства, предложив создать правительство народного доверия из представителей всех республик Союза и переработать некоторые статьи нового союзного договора. В очередной раз заявил о необходимости создания в России национальной гвардии. Предложил организовать такие политические структуры, которые исключили бы возможность повторения августовских событий. Сообщил о подписанном им распоряжении о передаче всех предприятий, а также средств массовой информации, находящихся на территории России, под юрисдикцию России и о предоставленных ему Верховным Советом России полномочиях по отстранению от должности тех руководителей, которые поддержали путчистов.

Свое выступление Ельцин завершил словами: "Народ освободился от страха. За победу демократии над реакцией! И как на Руси было всегда принято - Ура!" Толпа вслед за ним закричала "Ура!", а затем в течение нескольких минут скандировала "Ельцин, Ельцин".

После него выступили: Силаев, Хасбулатов, Михаил Ненашев (капитан-лейтенант, руководитель ополчения БД), Г.Попов, Б.Куркова, Руцкой, А.Яковлев, старший

сержант срочной службы, Шахрай, Г.Якунин, представитель президента Миттерана, Шеварднадзе.

Силаев: сначала сказал, что в течение последнего года российское руководство поливали грязью и все закончилось путчем. Но российский народ проявил свои лучшие, благородные качества, которые присущи ему с древности и смог отстоять свободу. Россия спасла мир. Поблагодарил всех, кто следил за борьбой россиян и выражал сочувствие им все эти дни. Руководство России установило в качестве награды Георгиевский крест и его первыми обладателями станут те, кто проявил стойкость и самообладание в критической ситуации. "Да здравствует Россия!" (толпа проскандировала: "Россия, Россия").

Хасбулатов: поблагодарил в первую очередь москвичей, т.к. утром 19 августа еще не было уверенности в том, что столь быстро удастся справиться с путчем, но лишь благодаря стойкости жителей Москвы удалось переломить ситуацию. Руководство России с самого начала выразило свое предельно жесткое отношение к изменникам. О примазавшихся к победе сказал, что так уже не раз бывало в истории. Предложил национализировать здания на Старой площади, а также здания издательства "Правда". По его мнению, прощения этим газетам, т.е. "Правде", "Советской России", "Рабочей трибуне", быть не может. Экономика страны в тупике, поэтому необходимо углубление экономической реформы, хозяйство страны выручит только хорошо организованный труд. "Спасибо всем Вам, и низкий поклон!"

Ненашев: в начале выступления заявил, что как и многие офицеры Вооруженных Сил он не потерял совесть. Ему повезло в том, что он здесь. Военных хотели сделать прутьями новой клетки. Предложил Ельцину отправить в отставку опозорившихся офицеров, генералов и адмиралов. Вооруженные Силы должны быть немедленно департизированы, иначе новой беды не избежать (скандеж толпы: "Долой КПСС!"). "Честь имеем, защитники Верховного Совета России!"

Г.Попов: поздравил собравшихся с победой, т.к. это именно они ее одержали. Если бы не эта победа, то всех в очередной раз загнали бы в стойло военного коммунизма. Эта победа была одержана потому, что в стране сформировалось мощное демократическое движение. В эти дни в ряды движения в широких масштабах влилась молодежь. Это те, кто сформировался идейно за последние шесть лет. Смена есть, она проявила себя в боевом деле. Сессия Моссовета вышла с ходатайством о присвоении Ельцину звания Героя Советского Союза и избрала его Почетным гражданином Москвы, как Минина и Пожарского (оvation толпы, скандирование "Ельцин, Ельцин"). Москвичи отстояли страну. Низкий поклон москвичам. Но нельзя впадать в эйфорию. Надо упразднить преступные структуры. В отношении КПСС принять кардинальные решения. КГБ - разделить. Реорганизовать министерство обороны и поставить во главе него гражданского министра. Прекратить функционирование Президиума и Верховного Совета СССР, убрать оттуда Лукьянова. Провести в стране новые выборы депутатов всех уровней. Организовать не только политический процесс над организаторами путча, но и

суд чести. Горбачев должен выйти из партии (скандеж толпы: "В отставку, в отставку", т.е. Горбачева в отставку).

Когда Попов предложил присвоить Ельцину звание Героя, то сидевший на жердочке рядом со мной 40-летний работяга сплюнул со зла, выматерился и ушел, а стоявшие неподалеку дамы-интеллигентки, наоборот, одобрительно заверещали.

Куркова: "Взявшись за руки, друзья, мы никогда не пропадем поодиночке".

Руцкой: "На этой площади мы отмечаем день победы России. Теперь у нас два дня победы - 9 мая 1945 года и 21 августа 1991 года. Спасибо, Вам, дорогие!"

Яковлев: утром 19 августа началась необольшевистская революция, но сегодня можно с уверенностью сказать, что победила народная революция. Следует быть очень бдительными. Было противно смотреть на тех, кто встречал вчера Президента на аэродроме. Демократия не мстительна, но необходимо дать оценку всем, кто и как вел себя в эти дни. Многие генералы должны быть отправлены в отставку. Следует прекратить деятельность КГБ против народа. Средства массовой информации должны быть переданы в руки народа. "Я всех Вас поздравляю и обнимаю. Желаю семейного и личного счастья!"

После выступления Яковлева Ельцин предложил назвать площадь перед БД - "Площадью Свободной России" (скандеж толпы: "Свобода, свобода").

Старший сержант: сказал, что был направлен в составе своего подразделения против Верховного Совета России, а стал его защитником. Привел сюда 10 БТР. И когда ехал и видел людей с флагами, то осознал, что народ и армия едины. Никогда не думал, что он, простой человек, будет стоять рядом с Президентом, которого избрал народ, но революция делает невозможное.

Шахрай: зачитал указ о запрете деятельности партийных организаций в Вооруженных Силах и любых формах партийного контроля над ними.

Якунин: "Это великая победа, это победа России в день Преображения Господня. Да поможет нам Господь!"

Представитель президента Миттерана: от имени французского народа выразил свое восхищение русским народом. "Вы – солдаты свободы. Цвета российского флага - это цвета французской революции. Спасибо Россия! Спасибо Ельцин!"

Во время выступления француза с флагштока на башенке БД был спущен государственный флаг РСФСР.

Шеварднадзе (встречен скандежем: "Шеварднадзе, Шеварднадзе"): привел слова Ельцина о том, как тот вспоминал вчера его (т.е. Шеварднадзе) предупреждение о надвигающейся диктатуре. Эта попытка установления диктатуры состоялась. Но как и говорил он сам более полугодом назад, что диктатура не пройдет и победит народ, так и вышло - народ победил. Напомнил о своем присутствии в эти дни в рядах защитников Верховного Совета и выделил решающую роль Ельцина в победе демократии. Под конец предложил похоронить погибших героев на Красной площади, а «если кто-то скажет, что для них там не хватит места, то можно найти, кого выкопать оттуда» (наверное, как в

фильме «Покаяние», разрешение на съемки которого он сам же давал будучи еще начальником Советской Грузии). "Да здравствует демократия, Россия, москвичи!"

Бурбулис, закрывая митинг, с восторгом в голосе прокричал: "Россия возродится!" Толпа проскандировала: "Россия, Россия", а на флагштоке в это время пополз верх бело-сине-красный флаг (стрелки часов на башенке БД показывали 13 часов 32 минуты). Толпа бурно зааплодировала и заорала "Ура!", кто-то выстрелил вверх зеленую ракету, по радио заиграл российский гимн. После того как люди уgomонились, один из координаторов митинга предложил всем собравшимся идти на Красную площадь.

Толпа направилась к Новому Арбату. Шли весело. Спонтанно возникал скандеж: "Долой КПСС" и "Долой КГБ". Дольше всего и дружнее всего скандировали возле нового здания министерства обороны (антиармейских лозунгов на этот раз не было). На Манежной площади толпа разделилась: часть людей осталась на площади слушать выступления депутатов, а часть прошла на Красную площадь. На Красной площади толпа опять разделилась, т.к. одни призывали идти на Старую площадь к ЦК, а другие призывали не делать этого и даже выстроили живую цепь поперек Ильинки. Один из активистов, обращаясь к толпе через мегафон с Лобного места, говорил, что призывы идти к ЦК - это провокация.

Тем не менее, большая часть толпы, около 15 тыс. человек, направилась по Варварке к ЦК кружным путем (было примерно 15-00). Остановившись на Старой площади, сначала у здания МГК и МК, а затем у главного подъезда ЦК (не заходя на тротуар), толпа принялась скандировать: "Долой КПСС", "Палачи", "Фашисты", "Убийцы" и т.п. Над толпой вырос лес кулаков, стоял шум от бесконечного свиста и гневных выкриков демонстрантов. Вывески МГК и МК разбились камнями, оставив окна в покое. Милиционеры у подъездов никак не реагировали на происходящее.

От Старой площади толпа направилась на Лубянку, где вокруг памятника Дзержинскому уже расположились примерно 5 тыс. человек, пришедшие сюда с Манежной площади. Постамент памятника был облеплен людьми, многие из них размахивали российским триколором. На постаменте уже успели сделать надпись белой краской крупными буквами: "Палач". К ногам статуи кто-то привесил самодельный плакат "Хунте - хана!"

Толпа, пришедшая со Старой площади, прошла к зданию КГБ и вновь раздалась протестующие крики, свист, скандеж: "Долой КГБ", "Позор", "Фашисты", "Палачи", "Убийцы". Спустя минут 15 люди рассредоточились по площади, разбились на кучки и пошел обычный для этих дней треп. Многие, в особенности молодые, были уже пьяны, а несколько десятков человек в открытую пили "из горла" пиво и водку.

Брожение на площади, продолжавшееся несколько часов, завершилось снятием статуи Дзержинского с постамента под крики, свист, аплодисменты и ликование толпы (статую снимали автокраном; а до этого наиболее оголтелые из числа "победителей" пытались сбросить статую с постамента при помощи веревок, однако они были остановлены прибывшими на площадь депутатами во главе со Станкевичем).

В последующие дни с центральных улиц и площадей убрали памятники Свердлову и Калинину, а памятник Марксу на Театральной площади забросали пузырьками с чернилами, тушью, краской. На нижней части памятника появились надписи: "Горбачев", "Блядь", "Хуй", "Ну и завел", "Простите".

24 августа (суббота)

В конце этой бурной недели - в субботу 24 августа - состоялись похороны троих погибших: Усова, Комаря и Кричевского. Траурный митинг начался в 10-00 на Манежной площади (ясно, тепло - 22-24 градуса). Церемония проходила перед зданием Манежа. На митинге выступили: Г.Попов, Руцкой, Горбачев, Е.Боннер, поэт Карпенко, ветеран-афганец, представители от Литвы и Молдавии, посол США в СССР. Горбачев зачитал указ о присвоении погибшим званий Героя Советского Союза. После выступлений состоялось короткое отпевание по православному обряду, а затем - по иудейскому (Кричевский был евреем).

Митинг завершился в 11-00. Траурная процессия проследовала по Воздвиженке и Новому Арбату к БД. Впереди шли "ополченцы", ветераны-афганцы, знаменосцы с флагами союзных республик и дем.движений, священнослужители. Товарищи погибших несли их фотопортреты (по три портрета в сторону каждого тротуара), за портретами несли венки, а за венками следовали три грузовых автомобиля ЗИЛ-130 с открытыми платформами и с установленными на них гробами. Гробы были накрыты трехцветными российскими флагами. За автомобилями шли родители и близкие погибших, а за ними - с небольшим интервалом - депутаты Союза и России. Эта часть процессии передвигалась в окружении выстроившихся в каре "ополченцев". Остальные шли в обычном порядке (в проводах погибших приняли участие примерно 240-250 тыс. человек).

К площади перед БД со стороны стадиона подошли к 14-00. Процессию встретил Ельцин, произнесший прощальное слово. В нем он, в частности, попросил прощение у родителей погибших за то, что не смог сберечь их детей. После выступления Ельцина прозвучал гимн России и процессия направилась в сторону Ваганьковского кладбища.

Баррикады возле БД, а также надписи на его стенах и на больших стеклах первого этажа СЭВ ("Долой ГКЧП!", "Хунта не пройдет!" "Кошмар на улице Язов", карикатуры на Павлова и других членов ГКЧП, названия отрядов "самообороны" и т.п.) продержались еще несколько недель. Первое время туда приходило много людей поглазеть на весь этот "дизайн", даже привозили экскурсантов на автобусах, но к середине сентября поток любопытствующих почти иссяк и соответствующие городские службы восстановили прежний облик зданий и окружающей их территории.

После августовских событий демократы покинули Пушкинскую площадь, а тротуар возле "Московских новостей" достался патриотам, но собиралось их там в 2-3 раза меньше, чем демократов. Листовками была оклеена уже не вся стена, а лишь

небольшая ее часть. Если раньше основным объектом критики толпы на Пушкинской площади были "коммунисты, аппаратчики и номенклатурщики", то сейчас - "демократы, жида и масоны".

Свой "красный уголок" появился и у сторонников впавших в немилость левых организаций (возле Музея Ленина). Здесь ругали "перевертышей, предателей и перерожденцев", по вине и при непосредственном участии которых был осуществлен "августовский контрреволюционный переворот".

Прошел всего лишь месяц после августовских событий, а радикальные демократы устроили митинг против демократов, пошедших во власть, за их авторитаризм и диктаторские замашки (в основном против Г.Попова и его команды в мэрии Москвы). Митинг состоялся в воскресенье 22 сентября в 16-00 на Манежной площади (день выдался серенький, плюс 15 градусов). Организовали его ДПР, СДПР, НПР, РХДД, "зеленые", анархисты (не КАС). Несмотря на значительное число организаторов, на митинг пришло не более 5 тыс. человек. Флагов тоже было немного: несколько бело-сине-красных, флаг ДПР, бело-красно-желтый (осетинский), черный и, давно не появлявшийся на митингах демократов, андреевский флаг. Лозунги были с антиПоповским содержанием: "Мэрия Москвы - КПСС сегодня", "Гавриил - бедоносец", "Г.Х.Попов - наследник КПСС", "ГХЧП" (при этом буква "Х" в обоих случаях была выполнена в виде свастики, а буквы "СС" - в виде эсэсовских молний).

На митинге выступили: Дайнеко (депутат Моссовета), представитель от ДПР, Жуков (РХДД), Шубин ("зеленый", бывший КАСовец), Боровой (предприниматель), Денисов, Воронов (СДПР), Филимонов (депутат Моссовета), Левин (Свободная Россия), представитель ДПР-Москва, Проселков (Свободная партия), Марков (деп.Октябрьского райсовета), Иванов (РНФ), Червяков (анархист).

Основное содержание практически всех выступлений сводилось к тому, что после разгрома ГКЧП соблюдение законности не стало правилом для части демократов. Во власть приходят перекрасившиеся коммунисты, а бывшая партноменклатура протаскивает наверх своих людей (Никольский, Брячихин). Попов - это человек старой и новой номенклатуры. Его группа тащит на ответственные должности в ГУВД и УКГБ Москвы только своих (Мурашов и Савостьянов). Приватизацию тоже делают только для своих, минуя аукционы. Ни одно здание, принадлежавшее КПСС, не передано народу. Народ в очередной раз обманут, лидеры Дем.России желают полной и абсолютной власти.

По словам Константина Борового, началась травля лидеров новых оппозиционных демократических движений и даже запланированы теракты против них, что в итоге может привести к гражданской войне.

Представитель от московской организации ДПР заявил, что на счетах КПСС в западных банках находятся от 30 до 200 млрд. долларов, которые предполагается вбросить сюда и приватизировать практически всю бывшую советскую экономику. Тогда, мол, КПСС будет в полном смысле хозяином страны - и в юридическом, и в экономическом, и в политическом.

Иванов стал доказывать, что никакого правого переворота в августе не было, что был левый переворот, а России левизна не нужна. Попов узурпировал власть. России никто не поможет: "ни дядя Сэм, ни Попов, ни Ельцин". Призвал к организации всеобщей политической забастовки.

На этом митинге впервые при большом стечении людей прозвучал термин "приХватизация". Прозвучал он из уст полковника Проселкова, давшего соответствующую оценку действиям Попова и его команды в отношении раздела собственности КПСС. Он же призвал защищать Советы и выступить против грабительских цен, которые растут ежедневно, несмотря на снятие Павлова с должности руководителя правительства страны.

В заключение Шубин зачитал обращение митинга ко всей демократической общественности. В обращении давалась негативная оценка деятельности московской мэрии; осуждалась номенклатурная и партийная приватизация, в противовес которой предлагалось проводить народную, гласную приватизацию; прозвучал призыв не превращать в вождя популярного политического деятеля (т.е. Ельцина) и установить в стране верховенство закона и реальное разделение властей.

Когда Шубин зачитывал резолюцию, то стоявшие неподалеку ребята-анархисты начали говорить в его адрес колкости, чтобы слышали все окружающие: мол, КАС раскололась, они не настоящие "черные" анархисты, да и вообще КАСовцы - это комсомольцы, а сейчас комсомол разогнали и они подались кто куда - делать политическую карьеру (на самом деле, спустя какое-то время бывшие лидеры КАС Исаев и Шубин объявились: один - в Московской федерации, а затем в лидерах ФНПР и депутатом Госдумы, а другой побывал и в Московской федерации, и в советниках по экологии у вице-премьера Немцова).

Собравшиеся довольно бурно реагировали на выступления ораторов, периодически скандируя: "Позор, позор" (в адрес Попова и его команды) и "Долой, долой" (в адрес перекусившихся номенклатурщиков). Состав митингующих отличался от предыдущих митингов демократов тем, что на нем преобладали люди, одетые не "в фирму", а в старую советскую одежду, donaшивавшие ее.

В конце митинга к толпе подошли участники "ленинской цепочки", которые после августовских событий приняли решение защищать Музей и Мавзолей Ленина в связи с их возможным закрытием. Прибывшие (во главе с Анпиловым) попытались объяснить рядовым демократам суть августовского государственного переворота, однако ничего кроме взаимной перебранки у них из этого не вышло (в скором времени лидеры "ленинской цепочки" основали "Трудовую Россию" и Российскую Коммунистическую рабочую партию – первые относительно массовые оппозиционные организации левого толка).

Три дня спустя, в среду 25 сентября, с 18-00 до 20-00, перед зданием Моссовета на Тверской провели свой митинг умеренные демократы из Дем.России и ДДР. На этот

митинг, в отличие от митинга радикалов, пришло в пять раз больше людей - примерно 25 тысяч (было пасмурно, плюс 18 градусов). Наряду с несколькими российскими флагами, над толпой развевались флаги РУХа, осетинский и черно-красный (одной из фракций анархистов). Вел митинг Шемаев. Выступавшие защищали новую исполнительную власть, в том числе и Попова, от нападков радикальных демократов. Наиболее примечательными были установочные выступления Шеварднадзе и А.Яковлева.

Шеварднадзе вспомнил августовские дни, когда, по его словам, "все честные граждане Москвы были на баррикадах у Белого дома и отстаивали свободу". Тогда, мол, никто не задавал вопросы, кто и к какой партии принадлежит. Сейчас надо заниматься практическими делами, т.к. спад производства составит к концу года 20% и страну ждет суровая зима, а это страшно. Когда начинали перестройку, говорили о необходимости передачи власти Советам. Но наряду с этим демократы говорили, что без сильной исполнительной власти нельзя проводить реформы. Москва оказалась запущенной. Продуктов нет, принимаемые решения не выполняются. "Слава богу, что мы избрали мэра города, который знает, что надо действовать смело и решительно". От имени ДДР попросил поддержать Попова, Собчака, Ельцина и тот поворот Горбачева, который он совершил после путча. Новая опасность для страны состоит также в том, что на арену выходят правые силы, фашисты и всем демократическим движениям и партиям надо стоять на единой платформе (по ходу его выступления толпа периодически скандировала "Правильно, правильно" и "Попов, Попов").

Яковлев начал с того, что до 19 августа и после некоторые демократы ругали и ругают Попова за то, что он делает что-то не так. Но он борец за свободу и демократию. Надо его оценивать с точки зрения той пользы, которую он приносит народу. А вместо этого звучат амбициозные протесты, кое-кто занимается его травлей. Пора кончать с охаиванием исполнительной власти и всем вместе решать одни и те же задачи.

В выступлениях некоторых ораторов часто звучали слова "экстремисты", "популисты", "запретить", "распустить" и т.п.

Заславский: "Мы выступаем в поддержку законных властей, против которых некоторые экстремисты и популисты начали грязную борьбу. Не допустим диктатуры популистов!"

Якунин призвал распустить Советы всех уровней (скандеж толпы: "Распустить, распустить"). Надо выбирать не только мэров и префектов, но и губернаторов, назначаемых Ельциным. Попов пользуется международным авторитетом и Америка окажет ему помощь. Нужна сильная исполнительная власть. "Не допустим, чтобы еретики от демократии препятствовали нам!" Толпа поприветствовала и это...

Боксер и Вик.Миронов отвергли обвинения в адрес мэрии и Попова, звучавшие в последнее время, за якобы проявленную ими трусость в августовские дни. Мол, Попов 20 августа был в Белом доме, а Лужков "крепкими русскими словами руководил доставкой арматуры и бетонных плит" на баррикады у Белого дома.

Когда Шнейдер (из команды Попова) сообщил собравшимся, что руководителем ГУВД Москвы назначен Мурашов, толпа устроила овацию.

В резолюции митинга отмечалось беспокойство по поводу действий "крайне левых и популистских кругов" (на тот момент у либералов в "крайне левых" ходили те, кто организовал митинг на Манежной); осуждалась атмосфера безвластия в городе и выдвигалось требование провести новые выборы, а до этого - опрос или референдум, чтобы выяснить, какая форма власти больше устраивает горожан; прозвучал призыв убрать представителей КГБ из Советов всех уровней. И в заключение: "Да, работе, а не забалтыванию решений! Да, критике, а не критиканству!"

Минут за 30 до окончания митинга по краям толпы появились радикалы с лозунгами: "ДДР - партхозклуб", "Критика – вакцина от диктатуры", "Закон - выше президента и мэра", а из окна второго этажа Моссовета, где находились помещения для депутатов, кто-то выставил плакат с надписью: "Мафия - мэрия". Сторонники Попова стали отгонять радикалов, но те, отойдя на небольшое расстояние, так и простояли с лозунгами все оставшееся время.

До 7 ноября, когда левые провели свою первую массовую демонстрацию, состоялись две акции: одна - незапланированная – в день похорон певца Игоря Талькова 10 октября, а вторая - организованная профсоюзами - 23 октября.

Талькова убили в Ленинграде во время концерта. Хоронили в Москве. Панихида прошла во Дворце молодежи на Комсомольском проспекте. Очередь в зал для прощания вытянулась примерно на 300 метров. Собралось не более 5 тыс. человек, в основном патриотически настроенная интеллигенция, много офицеров.

О возможных причинах убийства Талькова мнения в прессе разделились. Газеты демократической ориентации считали, что это обычное уголовное преступление. Патриотические издания писали о преднамеренном политическом убийстве, поскольку певец пользовался популярностью как исполнитель песен патриотического содержания. Собравшиеся на похоронах Талькова придерживались, естественно, второй точки зрения.

Когда гроб с телом Талькова вынесли из зала с намерением установить его в обычный ритуальный автобус, толпа запротестовала и стала скандировать: "На руках, на руках" (одни предлагали пронести гроб на руках какую-то часть пути, а наиболее ретивые - вплоть до Ваганьковского кладбища, т.е. примерно 5 километров). Организаторы и милиция вроде бы пошли на компромисс и пустили ритуальный автобус, с установленным в нем гробом, на медленной скорости с тем, чтобы он передвигался в окружении толпы. Возглавили шествие люди из васьковской "Памяти", одетые в офицерскую форму царских времен. Вперед вынесли российский триколор и икону.

Проехав по проспекту метров 300, автобус резко прибавил скорость и оторвался от толпы. Обманутые патриоты закричали и засвистели, в адрес милиции понеслись проклятия и обвинения в поддержке жидо-масонов, но автобус и организаторы похорон, в числе которых были актер театра на Таганке Борис Хмельницкий, экстрасенс Джуна

Давиташвили и поп-певец Муромов, беспрепятственно проследовал в сторону Садового кольца.

На следующий день в некоторых газетах появились сообщения о том, что расходы на организацию похорон Игоря Талькова взяло на себя общество "Память".

В среду 23 октября свой митинг провели российские профсоюзы (в рамках недели действий за интересы трудящихся). Митинговать было из-за чего, так как осенью продовольственное снабжение в городе значительно ухудшилось. В большинстве семей основными продуктами питания стали хлеб, картофель, макаронные и крупяные изделия. Сахар отоваривался только по талонам (в очередях приходилось простаивать по 3-4 часа). Молочные продукты раскупались в течение первых полутора-двух часов после открытия магазинов. Мясные и колбасные изделия, иногда появлявшиеся в магазинах, были такого качества, что их отказывались есть даже домашние животные. Многие люди недоумевали, куда могли в одночасье подеваться продукты, учитывая, что предыдущий 1990 год был рекордным по урожайности зерновых.

Листовки о митинге распространялись на некоторых предприятиях за несколько дней до его проведения. Предполагалось, что он состоится на Советской площади в 17-00. Затем в газетах появились противоречивые сообщения о месте и времени его проведения: в одних говорилось, что митинг пройдет в то же время и на том же месте, что было указано в листовках. В других газетах писали о Манежной площади и начале в 19-00. В итоге, митинг прошел на Манежной площади в 17-00 и продолжался всего лишь 40 минут. Людей было не очень много - не более 20 тыс. человек.

Выступившие на митинге лидеры от ВКП (бывший ВЦСПС) и ФНПР, а также некоторые активисты осудили бездействие властей в ситуации, сложившейся с обеспечением трудящихся продовольствием и защитой их прав. Но по тому, как они это все говорили было понятно, что дальше правильных слов дело не пойдет. Профаппаратчикам просто было необходимо обозначить свою якобы борьбу за интересы трудящихся (профсоюзные активисты и аппаратчики составляли примерно треть собравшихся).

Поддержать митингующих пришли группы коммунистов (с красными флагами) и анархисты (с черными).

После митинга на площади осталось 4 тыс. человек, в основном люди старших возрастов. Разбившись на группы, они горячо обсуждали текущие события. В центре одной из групп выступал Жириновский, ставший очень популярным среди обывателей после последних президентских выборов, когда он был зарегистрирован кандидатом в президенты России и получил доступ к средствам массовой информации. Из гуци толпы то и дело доносилось: "демократы обманывают", "я всем все дам", "единая Россия" и прочие фразы из его стандартного набора.

В последних числах октября дефицитным стал хлеб. В очередях за ним приходилось простаивать по 1.5-2 часа. Народ запаниковал, поскольку до этого хлеб был практически единственным продуктом, продававшимся без больших очередей. Как и год назад, демократы обвиняли в саботаже аппаратчиков КПСС (хотя партия фактически не существовала), а те, в свою очередь – демократов - за неумение управлять экономикой. Кроме того, дем.пресса принялась обличать колхозно-совхозную собственность (мол, по этой причине страна не может сама себя прокормить) и призывать к введению частной собственности на землю.

28 октября на заседании Верховного Совета РСФСР с программой вывода страны из кризиса выступил Ельцин. В ней предусматривалось проведение либерализации цен (начиная с января 1992 года), приватизации государственной собственности, ее демонополизации и т.п. Обязанности премьер-министра Ельцин взял на себя, а возглавить проведение реформ по методу "шоковой терапии" было поручено новому вице-премьеру Егору Гайдару.

6 ноября Ельцин подписал указ о запрете деятельности КПСС на территории России. Еще раньше были отменены (как государственные мероприятия) традиционные «военный парад и демонстрация трудящихся» на Красной площади 7 ноября.

С инициативой провести манифестацию 7 ноября в честь очередной годовщины Октябрьской революции (с 9-00 до 12-00, от Октябрьской до Красной площади), выступили Союз рабочих Москвы, ОФТ и недавно созданное объединение "Трудовая Москва". В городские исполнительные органы была подана соответствующая заявка, однако Попов с Лужковым поначалу запретили проведение демонстрации именно по этому маршруту, предложив место за пределами Садового кольца и время с 16-00 до 18-00. За два дня до манифестации по телевидению выступил чиновник от Попова и сообщил, что руководство Москвы разрешает провести митинг на Октябрьской площади в утренние часы.

7 ноября день выдался пасмурный и слякотный (ночью выпал снег, который к утру стал таять; температура - около нуля). На Октябрьской площади собралось примерно 20-25 тыс. человек. Много красных флагов. Несколько портретов Ленина и Сталина. На самодельных транспарантах - лозунги против рыночной экономики, "шоковой терапии", грядущей "прихватизации", против политических деятелей-реформаторов (Ельцина, Горбачева, А.Яковлева, Е.Яковлева (новый руководитель Центрального телевидения), Шеварднадзе, Г.Попова), а также академиков-рыночников (Абалкина, Аганбегяна, Примакова, Петракова). На одном из таких транспарантов была надпись: "Что не смог Адольф - делает Майкл".

Среди собравшихся, как и на митингах демократов, большинство составляла интеллигенция (не переметнувшиеся на сторону властей партийные активисты и работники бывших партийных комитетов, преподаватели вузов, инженерно-технические

работники предприятий, служащие). Рабочих было примерно 10-15%, пенсионеров 20-25%. Средний возраст митинговавших составлял примерно 50 лет (у демократов - лет на 10 моложе).

Ораторы выступали с кузова грузовика, установленного возле памятника Ленину (начали в 9-00). Митинг вел Анпилов, являвшийся в то время депутатом Моссовета и лидером "Трудовой Москвы". Говорил он очень эмоционально, с надрывом и хрипотцой в голосе. Из более или менее известных деятелей левого толка на митинге выступили Слободкин (депутат ВС РСФСР), Якушев (лидер ОФТ), поэт Гунько (лидер движения "Единство"). Кроме них слово было предоставлено работнице прядильной фабрики, офицеру внутренних войск МВД, студенту МФТИ, ветерану войны - участнику военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, капитану первого ранга ВМФ.

Все ораторы говорили практически об одном и том же, но каждый с учетом своей "отраслевой" специфики. В выступлениях чаще всего звучали слова: контрреволюция, переворот, капитализация, прихватизация, мафия, коррумпированные аппаратчики, перевертыши, извратили и предали социализм, измена Родине, продают страну, развалили такое государство, грабительский рост цен, нищета, голод, возродить КПСС, верность делу Ленина и т.д.

Когда некоторые из выступавших начинали говорить, что до 1985 года в нашей стране не было проблем, а магазины были забиты дешевыми товарами и т.п., по толпе прокатывался недовольный ропот: мол, нечего преувеличивать - было лучше, чем сейчас, но не до такой же степени.

Толпа, в целом, вела себя достаточно спокойно и заводилась лишь в тех случаях, когда кто-либо из ораторов разражался проклятиями в адрес Горбачева и Ельцина.

В конце митинга Якушев зачитал резолюцию, в которой выдвигались следующие требования:

- ознакомить население страны с программой КПСС-ОФТ по выводу страны из кризиса, для чего потребовать эфирное время на радио и ТВ, а также публикации в "Известиях" и в других общегосударственных органах печати;

- не допустить усиления исполнительной власти в лице президентов, мэров и т.п.
- "Вся власть Советам!"

- не допустить частной и аппаратной приватизации государственных предприятий; вопрос о формах собственности должны решать только СТК предприятий и сами трудовые коллективы;

- не допустить создания дикой рыночной экономики;

- не допустить развала армии, МВД, КГБ и других силовых и правоохранительных структур;

- отправить в отставку Горбачева, Ельцина и их приспешников и привлечь их всех к суду за измену Родине.

Когда прозвучало последнее требование, собравшиеся дружно проскандировали: "Под суд, под суд!"

После принятия резолюции поэт Борис Гунько прочитал стихотворение (у демороссов эта роль отводилась Евгению Евтушенко). В завершение включили фонограмму с хоровым исполнением "Интернационала". Слова партийного гимна подхватили, в основном, в передних рядах. Несколько десятков человек вытянули вверх руки со сжатыми кулаками.

В 10-30 организаторы принялись формировать колонну "головой" в сторону центра (оказывается, накануне поступило разрешение на проведение демонстрации к Васильевскому спуску, но без захода на Красную площадь). До начала шествия активисты очень интересовались оценками о числе собравшихся. Когда им говорили о 20-25 тыс. человек, они "по секрету" сообщали, что раз собралось больше 10 тыс., то скорее всего будет принято решение идти на Красную площадь, несмотря на запрет.

Впереди колонны вынесли транспаранты "Трудовая Москва", "Объединенный фронт трудящихся", "ОФТ", "Ветераны фронта и тыла", а также большое количество красных флагов. В 10-45 небольшой духовой оркестр заиграл марш "Прощание славянки" и колонна зашагала по Большой Якиманке в сторону Кремля. По пути оркестр исполнял "Священную войну", "Варяга", а также старые советские марши. Перед колонной шли отечественные и зарубежные корреспонденты (как обычно - россыпью)

Демонстранты беспрепятственно дошли до кинотеатра "Ударник", где поперек проезжей части выстроилась цепь милиционеров, преграждавшая путь в сторону Большого Каменного моста. Толпа, спокойно "проглотив" эту цепь, продолжила движение. Увидев это, организаторы выбежали вперед и стали громкими криками (чуть ли не матом) призывать передние шеренги развернуться направо в сторону Болотной площади. Слышались выкрики: "Не допускать провокации!"

При приближении к Москворецкому мосту милицейский полковник, возглавлявший сопровождение колонны от ГУВД, передал кому-то по рации, что к Васильевскому спуску приближаются примерно 10 тыс. человек, а на реплику одного из демонстрантов, что на самом деле в колонне в два раза больше людей, он снисходительно заметил: "Мы располагаем надежной методикой счета и не ошибаемся".

На Васильевском спуске колонну уже ждали немногочисленные цепи милиционеров. Выйдя на спуск, демонстранты без остановки продолжили движение в сторону Красной площади справа от храма Василия Блаженного. Милиция лишь обозначила свое противодействие. Организаторы безостановочно призывали демонстрантов соблюдать порядок. Вступив на площадь, передние шеренги, а за ними и все остальные, прокричали "Ура!". Затем колонна проследовала вдоль ГУМа к зданию Исторического музея и, повернув в сторону Мавзолея, прошла мимо него, остановившись напротив гостевых трибун поближе к Спасской башне. Всего на площади собралось не более 30 тыс. человек, с учетом некоторого числа присоединившихся к колонне по пути ее следования, а также тех, кто специально дожидался подхода демонстрантов в районе Красной площади и ее обычных посетителей.

Анпилов продолжил митинг, начатый на Октябрьской площади. Говорили, в основном, те же и о том же, но покороче. Первые 5 минут ораторы выступали с помощью мегафона, а затем им был предоставлен, по не понятно чьему разрешению, микрофон и включена стационарная громкая радиотрансляция на всю площадь. Возле ГУМа стояли две площадки с телекамерами и операторами возле них, которые вели телерепортаж неизвестно для кого.

Митинг длился с 12-00 до 12-30, после чего люди разбрелись по площади и, разбившись на кучки, продолжили обсуждение политических событий. Здесь же находились Зюганов, Косолапов, Пригарин, другие менее известные партийные деятели.

К некоторым группам подходили низовые активисты-демократы, примелькавшиеся по прошлым митингам, и вступали в дискуссии по вопросам социализма, ГУЛАГа, рыночной экономики и т.п. Как признавались некоторые из них, они не ожидали, что в поддержку коммунистов в этот день на площадь выйдет столько людей, в то время как к Соловецкому камню на Лубянке пришло всего лишь несколько сот человек. По их мнению, Ельцин и Попов совершают ошибки, если уж 7-го ноября, после всех предшествующих разоблачений большевизма, сложилось такое соотношение сил на улице.

Ближе к 13-30 справа от Мавзолея появился Жириновский, который через мегафон стал вести свою пропагандистскую работу, суть которой, несмотря на обилие слов, можно было свести к одной фразе: "Я создам единую Россию и всем все дам: каждой бабе по мужику, а каждому мужику по бутылке водки".

Вечером в программе "Время" показали эпизоды митингов на Октябрьской и Красной площадях, а также у Соловецкого камня на Лубянке. Последнему событию было уделено в два раза больше времени. Сообщили также, что на Лубянке собралось более 1.5 тыс. человек, в то время как о численности собравшихся на Красной площади было сказано, что там было несколько больше людей. В последующие дни в "Советской России" появилось сообщение о 90 тыс. собравшихся на Красной площади, а в демократических изданиях - о 10 тыс. человек.

20 ноября после программы "Время" дали интервью с Ельциным о предстоящих экономических реформах. По сравнению с его выступлением в Верховном Совете России почти месячной давности ничего нового в этом интервью не прозвучало. Главное было в его заключительной части, когда он, как заботливый отец, в доброжелательной и мягкой манере, обратился к народу с призывом потерпеть полгода, после чего все пойдет на поправку.

Спустя месяц после ноябрьской демонстрации, в четверг 5-го декабря, "Трудовая Москва", "Единство", движение "Коммунистическая инициатива" и "маяковский" комсомол провели митинг на Манежной площади (с 18-00) в честь 50-летия начала

Московской битвы. Людей собралось мало - около 3 тыс. человек, в основном пенсионеры и ветераны войны (пасмурно, ветрено, 5 градусов мороза).

Кроме двух десятков красных флагов, митингующие держали пять портретов Сталина и два портрета Жукова, а также несколько лозунгов следующего содержания: "Долой клику Горбачева-Ельцина!", "Долой белый дурдом!", "Демо-фашизм не пройдет!", "ССГ - недоношенное дитя М.С.Г." На митинге присутствовали представители Жириновского с транспарантом "Либерально-демократическая партия".

Вел митинг Игорь Маляров, который сказал, что 50 лет назад наш народ развеял миф о непобедимости фашистов и не дал развалить страну; в 45-м году все государства уважали нас как великую державу, наш народ отстоял свою свободу под знаменами социализма и интернационализма, а сейчас идет предательство со стороны верхов, национальная вражда, капитализация и нищета.

После него выступили Анпилов, подполковник Терехов, ветераны войны и труда. Практически все ораторы говорили в том же ключе, что и Маляров, но каждый добавлял что-то свое: Анпилов призывал организовываться для отпора вновь формирующейся буржуазии; один из ветеранов предложил отдать под суд Горбачева; Терехов говорил о развале армии и о том, что «армия будет защищать и защищаться».

Люди вели себя спокойно. Многие говорили, что узнали о митинге случайно, т.к. информации о нем было мало: ни листовок, ни объявлений в наиболее людных местах.

В воскресенье 8 декабря, в 12 часов дня состоялся митинг-пикет (пятый по счету) у посольства Латвии, которая к тому времени стала независимой. Вся эта серия митингов и пикетов у посольства шла под лозунгом "Свободу Парфенову!" (Парфенов - зам.командира рижского ОМОНа - после августовских событий был выдан российским руководством латвийским властям).

У посольства собралось примерно 2 тыс. человек. Наряду с несколькими красными флагами митингующие принесли один бело-желто-черный и два андреевских флага. В лозунгах, обращенных в сторону окон посольства, осуждались действия латвийских властей, а также Ельцин и Степанков (ген.прокурор РФ) за их решение выдать Парфенова Латвии.

На митинге выступили: жена Парфенова, Скурлатов (РНФ), священнослужитель катакомбной православной церкви, Жириновский, Анпилов, Алкснис, Коган и Петрушенко (трое последних – бывшие депутаты Союза). Практически все ораторы, сказав несколько слов в защиту Парфенова, затем больше говорили о политической ситуации в стране, т.е. ругали Ельцина, Горбачева, демо-фашистов и их реформы, которые ведут к развалу Союза и обнищанию народа.

Спустя некоторое время к посольству подошло несколько сот участников цепочки от Музея Ленина и над толпой заметно прибавилось красных флагов. По окончании митинга приняли решение идти колонной на Манежную площадь. Двигались по Покровке, Лубянской площади, Театральному проезду и Охотному ряду. Пока шли по

относительно узкой Покровке, толпа под красными флагами выглядела довольно внушительно. Когда же вышли на Лубянку и далее вниз к Манежной площади, то эта пара тысяч людей, сбитая в "коробочку", затерялась на широком пространстве. Зато шли весело, всю дорогу дружно скандируя: "Советский Союз", "Ельцин иуда", "Попова долой", "Фашизм не пройдет", "Свободу ОМОНу".

Прохожие на улицах, кто осуждающе, а кто с одобрением (первых было больше), слушали скандеж демонстрантов, а частники, проезжавшие мимо, выразительно крутили пальцами у виска. Один из них, высунувшись из окна "девятки" чуть ли не до пояса, заорал на всю Лубянскую площадь в сторону демонстрантов, что они сумасшедшие и их время прошло.

Примечательный инцидент произошел перед выходом с улицы Чаплыгина, где расположено посольство, на Покровку. Когда один из демонстрантов, несший андреевский флаг, пристроился к первой шеренге, над которой реяли только красные флаги, то к нему подбежали анпиловцы и с криками - "Не лезь сюда со своим царским, буржуйским флагом" - отогнали его в задние шеренги. А ведь буквально за 5 минут до этого, у здания посольства кто-то из ораторов призывал к единению всех патриотов (правых и левых), дабы противостоять идущему развалу Союза, а собравшиеся дружно аплодировали ему.

Неприязненные отношения между различными группами формировавшейся в то время объединенной оппозиции наблюдались еще в течение полугода, до событий в Останкино, где и "красным", и "белым" в равной мере досталось от омовцев. Лишь после заработанных от них синяков и шишек взаимная отчужденность между рядовыми участниками совместных политических акций заметно ослабла (но не исчезла вовсе).

В этот же день - 8 декабря - руководители России (Ельцин), Украины (Кравчук) и Белоруссии (Шушкевич) втайне от общественности подписали так называемые Беловежские соглашения, в соответствии с которыми прекращалось действие законодательных актов от 30 декабря 1922 года об образовании СССР и провозглашалось создание Содружества Независимых Государств. Сообщения об этом скрытом сговоре появились лишь на следующий день, но уже во вторник 10 декабря (с 19-00 до 19-45) на Манежной площади состоялся митинг против этих соглашений.

Его организовали травкинская ДПР, кадеты, РХДД. Несмотря на важность происшедшего события, людей на площади было мало - 6 тыс. человек (пасмурно, минус 3 градуса). Наряду с демократами-патриотами на митинге присутствовала большая группа (примерно 500 человек) анпиловцев и такое же число ярых ельцинистов. Над трибуной возвышался российский триколор с надписью "Демократическая партия России", еще пять таких же флагов, но без надписей, держали стоявшие в стороне ельцинисты. Коммунисты принесли 18 красных флагов.

Еще до начала митинга на площади появился Жириновский, который в последние месяцы стал регулярно пристраиваться к массовым уличным акциям оппозиции. На этот

раз он со своими соратниками расположился ближе к центру площади и завел все тот же разговор о том как он "всем все даст", когда придет к власти (вокруг него собралось 400-500 человек).

Не одобряя в открытую Беловежские соглашения, лидер ЛДП уверял окружавших его людей, что "Россия станет освободительницей Европы" и, в частности, освободит "отуреченную Германию от турок, обарабленную Францию - от арабов, а обмулаченные США - от негров и мулатов". Собравшиеся слушали разглагольствования Вольфовича как замороженные и только поддакивали ему. Но кто-то все-таки не выдержал и крикнул: "Ну что вы слушаете галиматью! Вот, страна дураков!" На крикуна зашумели и отогнали прочь.

Первым на основном митинге выступил Травкин, но поначалу ему не давали говорить, так как ельцинисты, находившиеся слева от трибуны, скандировали в его адрес "Позор, позор" (за то, что он выступает против "соглашения трех"), а анпиловцы, стоявшие справа, скандировали "Флаг СССР, флаг СССР", требуя его водружения над трибуной. Травкин, указав на тех и на других, сказал, что они являют собой пример размежевания в обществе: "Одни – за развал Союза, а другие - якобы за его единство". Истинные же демократы "против восстановления тоталитарного Союза, но за его воссоздание на демократической основе". В конце своего выступления он призвал Верховный Совет не принимать на ратификацию Беловежские соглашения.

Кроме Травкина на митинге выступили представители молодежного крыла ДПР, крестьянской и кадетской партий, кто-то из Приднестровья. Все они осудили "соглашение трех", обвинили руководство России в келейности при принятии решений, пренебрежении волей народа, выраженной им на референдуме 17 марта.

Астафьев (депутат России, кадет) обвинил ельцинистов в антидемократизме, обругал Ю.Афанасьева за его троцкистский по форме лозунг "Россия единая, но делимая", предрек развал армии на три части и не исключил возможности возникновения вооруженного конфликта между братскими славянскими республиками.

В резолюции митинга выдвигалось требование к руководству России подписать договор с бывшими республиками о создании нового Демократического Союзного государства. "Нет - сепаратизму!"

Завершая мероприятие, Травкин заявил, что "мы с вами в силах остановить этот бедлам, мы уже другие и мы заставим остановить развал" (эти слова, как многие и предполагали, оказались пустой декларацией с его стороны, и довольно скоро он вновь оказался среди тех, кто готовил Беловежские соглашения).

После окончания митинга на площади осталось несколько сот человек, которые разбились на небольшие группы и стали обсуждать политические новости. В центре внимания одной из таких групп оказался недавно назначенный на должность руководителя управления КГБ по Москве и Московской области Е.Савостьянов (геолог по образованию, выдвиженец Г.Попова). Приехав вместе со своим окружением посмотреть

на митинг, он был кем-то опознан ("А-а, комитетчик!") и ему стали задавать вопросы, в основном по проблемам преступности и снабжения города продовольствием.

Его ответы изобиловали штампами, наработанными за последние годы в среде демократов-рыночников. Мол, раньше в Союзе было продовольствие потому, что гнали за рубеж нефть, а сейчас объемы добычи нефти сократились и еды не стало. Но вот придет рынок, все расставит по своим местам, как в Польше, и много чего появится в магазинах, но подороже. И уровень преступности сократится, так как те, кого сейчас считают спекулянтами и преступниками, они вовсе не спекулянты и не преступники, а деловые люди. После таких доводов число слушателей вокруг Савостьянова заметно поубавилось и вскоре он покинул площадь.

Учитывая растущее недовольство москвичей нехваткой продовольствия в магазинах, лидеры "Трудовой Москвы" решили провести массовую акцию протеста под названием "Марш голодных очередей". По мнению организаторов, это мероприятие должно было привлечь гораздо больше участников, чем, например, их было 7 ноября, так как люди уже осатанели от постоянных очередей, обвиняя во всем не только старую, но и новую номенклатуру.

Марш - от ВДНХ к телецентру в Останкино - назначили на воскресенье 22 декабря. За несколько дней до этого активисты из "Трудовой Москвы" распространили на своих пикетах в центре города, а также перед проходными крупных московских предприятий листовки с призывом к москвичам принять участие в марше. В назначенный день к 11-00 (пасмурно, временами снег, 1 градус мороза) на площадке у главного входа ВДНХ собралось всего лишь 17-18 тыс. человек (открывая митинг, один из его организаторов, Якушев, назвал цифру 40 тыс.; в вечерних новостях по ТВ сообщили о 10 тыс. и эта же цифра мелькнула затем в "Независимой газете"; желтые "Куранты" опустили до 5 тыс. человек).

На митинг пришли в основном те, кто ходил на демонстрацию 7 ноября. Над толпой возвышались транспаранты с названиями партий и движений: "Российская Коммунистическая рабочая партия", "Российская партия коммунистов", "Союз коммунистов", "Либерально-демократическая партия", "Российский национальный союз", "Совет рабочих Москвы". Кроме транспарантов, митингующие принесли 26 красных флагов, 4 андреевских и один черно-желто-белый флаг (в толпе его называли "имперским"). На трибуне, устроенной на полуприцепе МАЗа, укрепили транспарант с надписью (белым на красном фоне): "Демо-фашизм не пройдет!" Некоторые из участников держали в руках лозунги следующего содержания:

- Господи, защити детей от растленного яковлевского Тель-Авидения" (рядом нарисована звезда Давида)
- Радио и ТВ - орудие развала армии, государства, геноцида русского народа
- Вон - троянского демо-коня из средств массовой информации"
- Сговор удельных князей - путь к новому игу

- Сионизм - это опасность для всех
- Знакомьтесь - приватизация. Одни покупают завод, а другим достается акция
- Демократы и оппозиция - одна банда. Не дурите народ!
- Фашисты Молдовы, дерьмократы с вами
- Ликвидация СССР - это государственное преступление - путч
- Попова не в отставку, а под суд
- Экран - народу, а не наследникам Геббельса
- НАШИ
- Требуем от демократов соблюдения Конституции 1977 года
- Долой мафиозные цены!
- Наши - объединяйтесь!
- Голодный народ - голодное правительство? Да!
- Высшую меру Горбачеву за измену Родине
- Мишку на Север, Борьку в Сибирь, всех перестройщиков на Анадырь
- Долой диктатуру буржуазии!
- Мэры, префекты и белый дурдом, мотайте к хозяину в ваш Вашингтон
- Мы русские - с нами Бог!

Первым выступил Анпилов, встреченный собравшимися бурными аплодисментами. Говорил он в привычной уже манере: громко, энергично, с небольшой хрипотцой в голосе. В отличие от многих других ораторов его всегда слушали на митингах. И не только потому, что он умел говорить, но и потому, что практически в каждом выступлении он давал своим сторонникам и попутчикам определенные установки на ближайшую или более отдаленную перспективу.

Начал он с того, что напомнил о недавнем своем избиении милиционерами в районе Красной площади. Но "болят у меня - продолжил он - не ребра, а душа, когда вижу, что дети идут в школу полуголодными". Осудив беловежских подписантов, он сказал далее: "Мы должны быть навеки с патриархом русских городов - Киевом...Мы - гордый народ...Нам следует отказаться от западной гуманитарной помощи, как это сделали белорусы...Мы должны сказать народу правду, т.к. ему долго лгали оба Яковлевых, Лапин, Ельцин, Горбачев...Мы не экстремисты, мы хотим справедливости...Следует образовать рабочие Советы и передать под их контроль собственность...Ельцин предает наши интересы, он хочет в НАТО, а мы - нет. Предательству нет прощения!"

Толпа вслед за ним прокричала "Нет!", а когда Маляров заявил, что "у нас есть лидер и этот лидер - Анпилов", то собравшиеся стали скандировать: "Анпилов, Анпилов".

Выступивший вслед за ним Слободкин (депутат России), почти все предоставленное ему время уделил обличению Ельцина и Горбачева, предложив, в итоге, отправить их в Матросскую тишину взамен Лукьянова. По ходу его выступления толпа завелась и при каждом упоминании ненавистных ей фамилий скандировала: "Позор, позор".

Увидев реакцию толпы, Маляров (в этот момент он вел митинг) прокричал в микрофон: "Ельцина на рельсы!" (имелось в виду одно из предвыборных выступлений Ельцина, в котором он обещал лечь на рельсы, если во время его президентства положение россиян ухудшится). Люди сначала не поняли Малярова, но когда до них дошел смысл сказанного им, все с удовольствием принялись скандировать новую речевку.

Затем слово дали представителю Ленинграда Половодову и толпа некоторое время дружно скандировала "Ленинград, Ленинград". Говорил он в основном о том, что истинные коммунисты не предали интересы рабочего класса и крестьянства. Поблагодарил московских коммунистов за их выступления против антигосударственной политики верхов и призвал повсеместно организовывать Советы рабочих. "Да здравствует рабочий класс!"

Экономист Сергеев, говоря о крахе Советского Союза, во всем обвинил Горбачева и Ельцина, которые "проводили и проводят курс на капитализацию страны в интересах мирового капитала".

После него выступили: Губанов (ОФТ); рабочий с завода автоматических линий; ветеран труда; ветеран войны и ряд других. Все они говорили практически об одном и том же: контрреволюция, капитализация, обнищание, развал Союза. Среди митингующих стали раздаваться реплики, что, мол, мы и так ходим на все митинги и нас не надо агитировать за Советскую власть, а надо призывать к каким-то реальным действиям.

Ближе к концу митинга выступил Жириновский, отношение к которому в среде собравшихся было противоречивым. Он говорил вроде бы правильные слова, но люди не видели в нем своего. Обрушившись с критикой на демократов, лидер ЛДП сказал далее, что "СНГ - это всего лишь на несколько месяцев...Ельцин поздравит нас с Новым годом 31-го декабря и это будет его последнее поздравление...Возродим СССР от Балтики до Тихого океана". В заключение он призвал всех москвичей, включая военных, "выйти 23 февраля на улицы Центра Москвы, устроить бессрочное многомиллионное стояние, как декабристы на Сенатской площади, и в результате эта продажная власть падет...К православной Пасхе нам надо избавиться от них...Только единая Россия в границах СССР, а если кому не нравится, то в границах России 1913 года". Ему поаплодировали, но без особого энтузиазма.

После него выступили представитель Союза коммунистов и Алкснис, но тот не стал долго говорить, сказав лишь, что пора идти в Останкино к телецентру и требовать там свободы слова: "Слово - народу!".

Митинг у главного входа ВДНХ продолжался примерно один час, но редко кто из многочисленных посетителей выставки останавливался возле митингующих и, тем более, выражал поддержку их требованиям. Гораздо чаще со стороны прохожих раздавались язвительные реплики: "собралось старичье", "осколки империи", "ненормальные" и т.п.

По окончании митинга колонна под нестройное пение "Вставай страна огромная..." направилась по 1-й Останкинской улице в сторону телецентра. В первой шеренге несли только красные флаги (вновь, как и после митинга у латвийского

посольства, из головы колонны изгонялись те, кто нес андреевский и черно-желто-белый флаги). По пути толпа с энтузиазмом скандировала: "Советский Союз, "Ельцин Иуда", "Ельцина на рельсы", "Горбачева под суд", "Слово народу".

Подойдя к телецентру со стороны пруда (шли 45 минут), манифестанты остановились на площадке перед входом в концертную студию, не зная, что делать дальше. В этот момент кто-то из организаторов прокричал в мегафон, что вот, мол, Егор Яковлев не вышел на встречу с народом потому, что он боится его. И тогда толпа проскандировала из "Кота Леопольда": "Подлый трус, выходи!" К ним, естественно, никто не вышел, а спустя пять минут к телевизионному начальству отправились Анпилов, Алкснис, Крайко (депутат Союза) для передачи следующих основных требований: сегодня же, 22 декабря, с 14-00 до 16-00 предоставить прямой эфир сторонникам нерыночных реформ для изложения ими своей программы; выделить постоянное эфирное время на ТВ для оппозиции, чтобы ее представители могли давать свою оценку происходящим в стране событиям.

В ожидании гонцов решили продолжить митинг (от ВДНХ к телецентру подошли 10-12 тыс. человек). Слово давали чуть ли не любому желающему. Опять понеслись проклятия в адрес Горбачева, Ельцина, демократов, мафии, партийных перевертышей и телевидения. Досталось и новому начальника ГУВД Мурашову за то, что неделю назад омоновцы избили Анпилова после пикета на Красной площади.

Во время одного из таких выступлений к тротуару на ул.Королева подъехал служебный "Мерседес", из которого вышел Мурашов в сопровождении милицеских чинов. Его окружили человек 10 из числа митингующих и стали задавать практически те же самые вопросы, какие задавались Савостьянову на Манежной площади две недели назад. Мурашов отвечал им теми же самыми штампами. Спустя минут пять с трибуны сообщили, что где-то здесь у края площадки за митингом наблюдает Мурашов. Толпа загудела, от нее отделились примерно 200 человек, отправившиеся на поиски "этого демократа" (Мурашов, теплофизик по образованию, до роспуска ВС СССР входил в межрегиональную депутатскую группу).

Обнаружив его, наиболее ретивые манифестанты стали с остервенением размахивать перед ним руками и скандировать: "В отставку", "Фашист". Видя такой поворот событий, милицеские чины отвели своего начальника к машине. Однако когда он усаживался в нее, одной из женщин удалось протиснуться поближе к Мурашову и вклепить ему пощечину. Чины растерялись, толпа торжествующе заревела, а близко стоявшие к машине манифестанты заколотили по ее кузову руками и ногами и колотили до тех пор, пока она не отъехала.

Видевшие все это милиционеры (судя по всему из районного отделения) даже не пытались задержать ни ударившую Мурашова женщину, ни кого-либо из других манифестантов. Более того, по репликам и ухмылкам "ментов" можно было понять, что они удовлетворены таким исходом события, поскольку принародно был унижен их вышестоящий начальник из "чужаков".

Вскоре после инцидента с Мурашовым к митингующим вернулись гонцы, ходившие к телевизионному начальству. Анпилов доложил, что Е.Яковлев их не принимает, после чего предложил всем переместиться к главному подъезду телецентра и пикетировать там до 22-00. Изрядно поредевшая к этому времени толпа (к 14-30 осталось примерно 4 тыс. человек) перешла на указанное место, окружив главный вход плотным кольцом. Гонцы вновь отправились к телевизионному начальству, на этот раз к заместителю Яковлева - Трусову. К 18-00 у подъезда осталось лишь несколько десятков человек.

Что касается требований оппозиции, они не были удовлетворены ни в этот день, ни в последующие дни, месяцы, и годы.

1992 год

Со 2-го января, как и обещали Ельцин и его команда, в стране были отпущены цены практически на все виды товаров. Лишь на некоторое время сохранялось регулирование цен на хлеб, молоко, кое-какие лекарства. Цены сразу же выросли в 3-4 раза. Продукты стали продаваться без очередей, но, в основном, в крупных магазинах. В большинстве других изобилия продуктов не наблюдалось еще в течение нескольких месяцев.

Первое время, пока в семьях оставались прошлогодние запасы продуктов, люди ходили в магазины как в музеи, дивясь на выставленные цены. Если что и покупали, то понемногу. Рядовые москвичи при общении друг с другом жаловались на непомерный рост цен, однако это недовольство не трансформировалось в массовые акции протеста наподобие "табачных бунтов".

Несмотря на пассивное поведение горожан, общественные организации, объединенные в движение "Трудовая Москва", решили провести в воскресенье 12 января митинг "против либерализации цен, ведущей к обнищанию трудящихся". Листовки о предстоящей акции распространялись возле крупных предприятий и во многих "спальных" районах (митинг был разрешен городскими властями на Манежной площади – впервые для левой оппозиции).

В назначенный день к 11-00 перед гостиницей "Москва" собралось примерно 40 тыс. человек (было пасмурно, временами шел мокрый снег, температура около 2 градусов мороза). По мнению организаторов, на площадь явилось 50-60 тыс. человек; ГУВД насчитало 50 тыс., а дем.пресса - 15 тыс. человек. Митингующие принесли более 20 красных, 6 андреевских и 2 "имперских" флага. Самодельные лозунги были практически те же, что и на предыдущих акциях протеста.

Внимание собравшихся привлек новый плакат с именами "лучших людей": "М.С.Горбачев - лучший немец 1941-1991 г.г.; Б.Н.Ельцин - лучший американец 1991г.;

Камикадзе Шеварднадзе и Камикадзе Кунадзе - лучшие японцы 1991 г.; Р.И.Хасбулатов - лучший федераст 1991г.; Е.Т.Гайдар - лучший Егор и лучший внук А.Гайдара".

Митинг открыли исполнением Гимна Советского Союза (фонограмма). Народ зааплодировал. Вел митинг Якушев, который во вступительном слове сообщил, что организаторы приглашали Ельцина пообщаться с народом, но он, естественно, не пришел, а вот на приглашение предпринимателей откликнулся, встретившись с ними накануне днем (часть людей возмущенно зашумела, засвистела и проскандировала: "Позор, позор").

Затем перед собравшимися выступили: Анпилов, Сергеев, Терехов, Илюхин, Гунько, Тюлькин, Коган, Слободкин, Сухов (депутат Союза), Шебаршин (рабочий завода "Серп и Молот"), Шишкарев (рабочий ЗИЛа), Дудко (председатель Пролетарского райсовета), Маренич (депутат Октябрьского райсовета), Пичужкин (священнослужитель) и ряд других.

Содержание выступлений, за небольшим исключением, мало отличалось от выступлений тех же ораторов 7 ноября или 22 декабря. С некоторым интересом было выслушано выступление Сергеева, который заявил, что "либерализация нам ничего не даст и через несколько месяцев экономика рухнет". Затем он предложил изъять у коммерческих структур несколько десятков миллиардов долларов и использовать их для закупки продовольствия на Западе и повторил свое прежнее требование об организации общественного трибунала над Горбачевым и Ельциным за измену Родине (толпа дружно проскандировала: "Трибунал, трибунал").

С восторгом и криками "Ура!" было встречено выступление армейского майора, который, завершая рассказ о тяжелой доле военнослужащих, призвал передать власть Вооруженным Силам, используя для этого предстоящее 17 января Всеармейское офицерское собрание (призыв так и остался призывом).

Бывший депутат Союза Коган призвал к объединению разнородные патриотические силы - "от монархистов до коммунистов", чтобы остановить развал страны и наладить справедливое распределение товаров, но "после того как справимся с демократами". Если последняя часть фразы пришлась по душе практически всем собравшимся, то ее начало было воспринято неоднозначно: кто-то стал вспоминать "красный террор" 1918 года и ГУЛАГ, а кто-то - "Ходынку" и "кровавое" воскресенье.

В других выступлениях звучали призывы к созданию Советов рабочих на предприятиях и аналогичных организаций в воинских частях, поступило предложение организовать пикетирование офицерского собрания 17 января. Объявлено было также, что на 9 февраля намечен "Поход на Белый дом", в связи с чем предлагалось провести агитационную работу среди родственников и знакомых, дабы обеспечить высокую явку.

Митинг продолжался более двух часов и к его завершению на площади осталось 12-13 тыс. человек. В течение всего этого времени и манифестанты, и милиционеры, которых на площади было не очень много, вели по отношению друг к другу вполне корректно.

За две недели до проведения очередной акции стало известно, что мэрия Москвы вместо "Похода на Белый дом" разрешила оппозиции провести митинг в районе Парка культуры. В ответ организаторы "похода" заявили, что они все равно поведут людей к БД, так как явка, по их оценкам, должна была составить не менее 100 тыс. человек.

В субботу 1 февраля по ТВ показали репортаж с собрания актива Дем.России, на котором также было принято решение провести митинг у БД 9 февраля в часы, намеченные оппозицией, чтобы "противостоять красно-коричневой чуме" (термин "красно-коричневые" впервые был озвучен для широкой аудитории).

В конечном итоге, городские власти разрешили провести 9 февраля два митинга (но без "походов" и "противостояний"): один - "Трудовой Москве" - на Манежной площади с 12-00, а второй - демороссам - возле БД с 11-00. Лидеры оппозиции, не согласившись с решением мэрии, призвали своих сторонников собираться у Парка культуры и оттуда идти организованной колонной на Манежную площадь.

В течение всей недели, предшествовавшей митингам, в средствах массовой информации, контролировавшихся демократами, нагнетались страсти против оппозиции. Мол, одна часть коммунистических главарей ушла в подполье и оттуда руководит толпой недовольных реформами, а другая часть осела в новых властных структурах и активно саботирует все реформы. Участники массовых акций оппозиции именовались не иначе, как "красно-коричневыми", "люмпенами" и "рабами".

С четверга 6 февраля на станциях метро и на остановках наземного транспорта развернулась "война" листовок, в которых каждая из сторон призывала горожан явиться на свой митинг. В субботу 8 февраля в программе "Время" дали прогнозы экспертов о возможном числе участников предстоящих мероприятий. По их оценкам выходило, что демократы соберут в 2-3 раза больше людей, чем оппозиция.

В воскресенье 9 февраля погода выдалась пасмурной, минус 3-4 градуса. Ближе к 11-00 возле БД собралось примерно 25 тыс. сторонников Дем.России, но митинг не открывали, поскольку люди еще шли от Баррикадной, Смоленской и Арбатской. Когда все-таки решили начать митинг (было примерно 12-00), набралось не более 45 тысяч человек.

Над толпой развевались 16 бело-сине-красных флагов и один "жовто-блакитный". Многие держали в руках самодельные плакаты с лозунгами против "красно-коричневых", в поддержку реформ Гайдара и против бывших аппаратчиков, проникших в окружение Ельцина:

- Красно-коричневые, черные, белые, серые - фашисты всех мастей! Руки прочь от Ельцина! Не мешайте реформам!

- Дадим отпор красно-коричневым!

- К социальной справедливости через срочную приватизацию

- Нет, возврату к развитому социализму!

- Старой партноменклатуре нет места в Белом доме и т.п.

Содержание большинства лозунгов было направлено против "перекрасившихся" аппаратчиков, которых на митингах оппозиции именовали "перерожденцами".

Состав толпы практически не отличался от других собраний демократов, но в сравнении с августовскими событиями в ней стало меньше "кооператоров". Никакой напряженности в поведении собравшихся не наблюдалось несмотря на то, что группка наиболее радикальных ельцинистов все время призывала дать отпор "красно-коричневым", если те вздумают подойти к БД.

На Манежной площади в первом часу дня подхода колонны оппозиции, двигавшейся от Парка культуры, дожидались 15 тыс. человек. Когда голова колонны под красными флагами вступила на площадь со стороны Манежа, по радио заиграли "Священную войну". Люди, ожидавшие манифестантов, встретили их аплодисментами и приветственными криками, многие «со слезами на глазах». В передних шеренгах беспрестанно скандировали: "Ельцин иуда" и "Ельцина долой". Колонна втягивалась на площадь около 20 минут. Замыкала шествие большая группа манифестантов под черно-желто-белыми и андреевскими флагами (всего на площадь внесли более 50 красных, 6 "имперских" и 5 андреевских флагов).

Лозунги были те же, что и на предыдущих митингах: против капитализации и обнищания, за воссоздание СССР и дружбу народов, за доступ к средствам массовой информации и за отставку Ельцина. Анпиловцы изготовили портрет-коллаж, на котором был изображен Горбачев в форме эсэсовского офицера. Свои транспаранты с лозунгами на русском и турецком языках принесли представители турецких рабочих (более 100 человек), работающих в Москве. Один из принесенных ими лозунгов гласил: "Рабочий, не борющийся за свои права - раб".

Перед началом митинга под звуки Гимна Советского Союза в воздух были подняты (с помощью небольшого аэростата) флаги СССР и РСФСР. Подъем флагов сопровождался бурными аплодисментами собравшихся и криками "Ура!".

Митинг открыл Анпилов, который с воодушевлением прокричал в микрофон, что "несмотря на злобную клевету всех этих демо-фашистов мы впервые собрали более 100 тыс. человек и прошли организованной колонной по центру Москвы" (на самом деле число собравшихся составило примерно 80 тыс. человек).

Вели митинг, как обычно, Маляров и Якушев. Состав выступавших также практически не изменился: Шебаршин, Гунько, Терехов, Тюлькин, Крайко (бывший депутат Союза), Сергеев, Илюхин, Шишкарев, Пичужкин. Кроме них выступили: студент одного из московских вузов, представитель от турецких рабочих, посланец с Курил, представительница гагаузского населения Молдавии. На трибуне впервые присутствовал бывший секретарь ЦК запрещенной в то время РКП - Зюганов.

Наряду с привычными обвинениями в адрес Ельцина и его команды, на митинге прозвучали призывы к созыву Съезда народных депутатов СССР и к проведению довыборов в его состав депутатов от трудовых коллективов (с совещательным голосом). В целях поддержки этой акции предлагалось провести манифестацию в Москве 15 марта, а

сам Съезд открыть 17 марта - в день первой годовщины проведения референдума о Союзе. В ответ на возможный запрет Съезда предлагалось провести политическую забастовку (последнее предложение было принято бурными аплодисментами). Кроме этих заявлений впервые открыто прозвучало требование предоставить свободу арестованным по делу ГКЧП, т.к. они выступали за сохранение Союза.

Толпа периодически скандировала "Долой" и "Позор", когда выступавшие обличали Ельцина, Гайдара и других "реформаторов".

Наибольшее негодование собравшихся вызвало сообщение Анпилова о том, что Попов и Лужков сделали заявление по российскому радио (когда уже шел митинг), в котором пригрозили руководителям московской милиции дисциплинарными санкциями за непринятие должных мер в отношении к демонстрантам от оппозиции, нарушивших запрет городских властей на передвижение колонн в центре Москвы. В конце своего сообщения Анпилов прохрипел: "Мать их ити!", после чего толпа с воодушевлением проскандировала "Позор, позор" в адрес московских градоначальников.

Спустя 45 минут после начала на площади осталось 50% митингующих. Люди стали активно расходиться, когда увидели, что с трибуны выступают практически те же самые ораторы, что и на предыдущих митингах и говорят о том же самом, что и прежде. Еще раньше площадь покинули группы, пришедшие на митинг под "имперскими" и андреевскими флагами. Они отправились манифестировать на Пушкинскую площадь к кинотеатру "Россия", где уже второй день проходил конгресс патриотических организаций.

В вечерних сообщениях по радио и телевидению прозвучала следующая информация о числе собравшихся на митинги:

- по первой программе радио: у БД - 30-40 тыс. человек, на Манежной - 100 тыс. человек;
- по первому каналу ТВ, в программе "Итоги": прошла информация о митингах, но без указания числа собравшихся;
- по второму каналу ТВ, в программе "Вести": у БД - 70 тыс. человек, на Манежной - 30-40 тыс. человек (т.е. подогнали результат под "ответ", дававшийся накануне «экспертами»).

В последующие дни в дем.прессе фигурировала численность, указанная в "Вестях", а в лево-патриотической печати – близкая к сообщениям первой программы радио.

Как показали события 9 февраля, пропагандистская кампания, направленная против оппозиции, принесла ей больше пользы, чем вреда. Если до этого информация о предстоящих митингах распространялась лишь с помощью небольшого числа листовок и оппозиционных газет, то на этот раз соответствующую "рекламу" дали ведущие телеканалы. Не исключено, что во многом благодаря данному фактору оппозиции удалось собрать 80 тыс. человек. Этот результат не удалось превзойти в ходе всех последующих массовых акций, проводившихся в Москве лево-патриотической оппозицией, хотя из уст

ее лидеров неоднократно звучали сообщения о сотнях тысячах собравшихся во время проведения той или иной массовой акции.

Практически одновременное проведение двух митингов позволило более четко представить "социальный портрет" как активных сторонников, так и противников "рыночных реформ". Подавляющее большинство среди участников этих мероприятий составляла интеллигенция (работники умственного труда). Однако, если к БД пришли, в основном, представители научно-технической и творческой интеллигенции, а также "новые русские", то на Манежную площадь - инженерно-технические работники предприятий, бывшие работники партийных комитетов различного уровня, преподаватели общественных наук, пенсионеры и иные категории «старых русских».

Рабочих было побольше на митинге оппозиции, но их доля не превышала 10-12 процентов (возле БД - 5-7%). Даже на глаз было видно, что большинству сторонников оппозиции перевалило за 50 лет, в то время как среди сторонников реформ преобладали 40-летние. Собравшиеся возле БД были лучше одеты и выглядели - как принято говорить в буржуазной среде - "поинтеллигентнее". В дальнейшем социальный состав участников массовых политических акций (по обе стороны "баррикад") не претерпел существенных изменений.

Свой очередной митинг, посвященный Дню Советской Армии и Военно-Морского флота, лево-патриотическая оппозиция намеревалась провести на Манежной площади в воскресенье 23 февраля с 11 часов утра (организаторы: тереховский "Союз офицеров", "Трудовая Москва", Российский общенародный союз). И вновь за несколько дней до намеченной акции в средствах массовой информации развернулась кампания против "красно-коричневых". Попов с Лужковым запретили проведение митинга на Манежной площади, мотивируя это тем, что в указанное время в Александровском саду, у могилы Неизвестного солдата должны были проходить официальные церемонии в связи с отмечаемой датой, а присутствие оппозиционной властям толпы могло привести к обострению политической ситуации в городе. Организаторам предложили провести митинг у Парка культуры, в Останкино и на площади Суворова (б.площадь Коммуны).

23 февраля погода выдалась неплохой - переменная облачность, легкий морозец (6-7 градусов). В центре города с 10-00 все станции метро, расположенные недалеко от Манежной площади, были закрыты для выхода пассажиров. По внутренней стороне Бульварного кольца (от Гоголевского до Страстного бульвара) перекрыли все проезды и проходы в сторону центра: во дворах стояли милиционеры, а на перекрестках улиц - тяжелые грузовые машины и снегоуборочная техника (картина напоминала события почти годичной давности, когда правительство Союза запретило Дем.России проводить митинг на той же Манежной площади).

Ближе к 11-00 на пересечении Бульварного кольца и Воздвиженки, возле заграждения из машин, собрались 600-700 сторонников оппозиции, которые пытались выяснить у милиционеров, где же состоится митинг. В ответ те либо пожимали плечами,

либо предлагали пройти на Пушкинскую площадь. Со стороны манифестантов звучали громкие комментарии к происходящему: вот, демократы показали свое истинное лицо и даже в такой день не дают людям поклониться святым местам, все это происки сионистов и масонов. Досталось и милиционерам, которых собравшиеся обвиняли в продажности капиталистам и в неспособности с таким же рвением бороться с преступниками.

На Пушкинской площади заграждения из машин стояли поперек Тверской улицы между ВТО и магазином "Армения" (было начало двенадцатого). Со стороны Страстного бульвара проход на площадь перекрывали милицейские цепи и переносные металлические барьеры. Вдоль старого здания "Известий" стояли 12 крытых грузовых машин, в которых сидели дзержинцы, одетые в милицейскую форму, а в Настасьинском переулке - 10 "черных воронов". С самой площади, где к этому времени собралось около 2 тыс. манифестантов, людей не вытесняли. Несколько человек держали в руках лозунги:

- Отечество в опасности! Армия, не пора ли исполнить свой долг перед Родиной!
- Свободу ГКЧП! Судить президента-предателя!
- Сердечный привет лучшему американцу Шапошникову от лучшего немца Горбачева
- Не позволим великий советский народ превратить в палестинцев
- Японцам и чухонцам - ни пяди русской земли
- Да здравствует ленинизм - идеология трудящихся!

Находившиеся на Пушкинской площади никак не могли понять, где же искать основную группу митингующих. Кто-то предлагал проехать на площадь Коммуны, другие говорили, что надо добиваться прохода на Манежную площадь и там возложить венки к могиле Неизвестного солдата. Наконец, один из активистов "Трудовой Москвы", появившийся в это время на Пушкинской, предложил пройти на Маяковку, куда, по его словам, перенесли митинг. Толпа пошла в указанном направлении, однако дальше театра им. Станиславского пройти не смогла, так как в этом месте Тверскую перегораживали три цепи дзержинцев, вооруженные дубинками и щитами. За ними были установлены заграждения из автобусов, а возле Благовещенского переулка - из автомобилей для перевозки заключенных (автозаки).

Остановившись напротив театра, люди слышали шум, свист, крики и скандирование "Позор, позор", доносившиеся со стороны дальних заграждений. Над машинами замелькали красные флаги и транспаранты, слышались глухие удары. Шум с той стороны продолжался минут 10-15. В 11-30 милиционеры сдвинули в сторону на короткое время одну из машин и в образовавшееся свободное пространство хлынула толпа (этого хватило на то, чтобы сквозь заграждение проскочила примерно одна тысяча человек). Во главе манифестантов шел Макашов в генеральской форме, а следом за ним - группа ветеранов с большим венком в руках. Продавив оцепление возле театра (дзержинцы не очень-то и сопротивлялись), группа слилась с находившимися там же манифестантами и направилась в сторону Пушкинской.

Когда толпа шла мимо магазина "Академкнига", ей наперерез, из-за угла старого здания "Известий", бросилась рота дзержинцев со щитами и дубинками в руках. Манифестанты ускорили шаг, стремясь выскочить на простор Пушкинской площади, но сделать это им не удалось. Стороны схлестнулись "стенка на стенку" почти по всей ширине Тверской улицы. Военные пустили в ход дубинки, не различая ни пола, ни возраста демонстрантов. Женщины истошно закричали, а мужики, отчаянно матерясь, стали с остервенением молотить кулаками по щитам, одновременно пытаясь перехватить дубинки из рук солдат. В ход пошли древки от флагов и транспарантов. Схватка продолжалась 3-4 минуты, в ходе которой двухтысячной толпе удалось расчленив цепь дзержинцев и остудить их наступательный порыв, после чего с ними была проведена воспитательная работа ("Сынки, как вам не стыдно в такой день набрасываться на безоружных людей, женщин и стариков" и т.п.). Среди демонстрантов серьезно никто не пострадал - спасла зимняя одежда, но у некоторых появились синяки и ссадины на лицах. После этого инцидента Макашов вместе с группой ветеранов вернулся к основной группе манифестантов, все это время находившейся за ограждениями возле Благовещенского переулка. Манифестантов со стороны Пушкинской площади туда не пропустили.

Некоторое время спустя к цепи дзержинцев у театра им. Станиславского подошел армейский капитан и попросил пропустить его в сторону Маяковки. Ему тоже отказали. Тут один из манифестантов спросил его: "Где же офицеры? Почему их не видно на Тверской в такой день? Штатские вышли и пытаются как-то противостоять ментам, а офицеров, которых в Москве навалом и которые любят поговорить о своей нелегкой доле, не видно". Капитан оказался из порядочных и во всеуслышание заявил, что подобный вопрос ему сегодня задавали неоднократно, и что ему стыдно за офицеров. Толпа одобрительно загудела. Кто-то сказал, что многим офицерам выдали на эти выходные семейные путевки в дома отдыха, чтобы они 23 февраля были подальше от Москвы. Собравшиеся сочли подобный довод неубедительным.

В начале первого со стороны Пушкинской к толпе подошел депутат Бабурин. Манифестанты поздоровались с ним и рассказали о происшедших событиях. Бабурин мило улыбался и пообещал сделать соответствующий запрос на очередном заседании Верховного Совета. Подойдя к цепи дзержинцев, он предъявил офицеру свое депутатское удостоверение и тот дал команду пропустить депутата. Цепь разомкнулась и вслед за Бабуриным в образовавшуюся щель проскочили 40-50 человек, которые затем проходными дворами вышли к основной группе манифестантов у Благовещенского переулка, где уже шел митинг (здесь собралось примерно 7 тыс. человек).

Импровизированную трибуну устроили на лесах ремонтировавшегося жилого дома по Тверской улице (через два года дом был снесен, а на его месте построили отель "Мариотт"). С лесов на уровне второго этажа выступили Макашов, Терехов, Алкснис, Бабурин и другие, менее известные, представители оппозиции. Практически все выступавшие осудили произвол властей и призвали к проведению активных действий по защите прав трудящихся в ходе проводимых реформ (все это время у края толпы, возле

магазина "Эфир", стоял Зюганов с букетиком красных гвоздик в руках; на митинге он не выступал).

В толпе манифестанты делились впечатлениями о происшедших час назад событиях: как им достаточно легко удалось продавить обычное милицееское оцепление у Маяковки, а затем о столкновении напротив магазина "Эфир" с озверевшими омовцами, против которых пришлось пустить в ход кирпичи и доски с соседней стройки. Досталось и манифестантам: некоторые ходили с синяками и перевязанными головами, а одну женщину, которую омовцы избили до крови, пришлось отправить на скорой помощи в больницу (место на мостовой, где была пролита кровь, огородили досками).

Одновременно с этим митингом шел митинг на Маяковке, так как там осталась значительная часть манифестантов (примерно 15 тыс. человек), не сумевшая преодолеть милицееские заслоны. Здесь солировал Жириновский со своим обычным репертуаром.

В 13-30 митинг "на лесах" завершился и толпа по призыву организаторов направилась к Арбатской площади по Благовещенскому переулку, Малой Бронной улице и Суворовскому бульвару. Появление на тихих Патриарших прудах возбужденной толпы с красными флагами, скандировавшей "Банду Ельцина по суд!" и «Ельцина на рельсы!», вызвало у обитателей этого буржуазного квартала негативную реакцию. Со стороны публики, прогуливавшейся в это время возле пруда, а также из некоторых окон раздались крики в адрес манифестантов: "Дураки", "Фашисты". Аналогичной была реакция торговцев и прохожих на Арбатской площади, причем многие из них забросали манифестантов металлическими монетами (катастрофически обесценившимися после 1-го января).

Обойдя заграждение из автомобилей через сквер возле кинотеатра "Художественный", толпа прошла по Воздвиженке к "Военторгу", где уже стояла вторая линия заграждений из тяжелых машин (КАМАЗы, КРАЗы) с поднятыми платформами. Большая часть манифестантов (4 тыс. человек) осталась митинговать возле заграждения, а меньшая (1 тыс. человек) вышла проходными дворами в Староваганьковский переулок (между Ленинкой и Музеем архитектуры), однако вырваться из него в сторону Манежной площади не получилось. Узкую горловину переулка перекрыли несколько шеренг дзержинцев и несмотря на отчаянные усилия толпы, возглавлявшейся Алкснисом, продавить цепь военных, орудовавших дубинками и щитами, не удалось.

Вскоре после этого (примерно в 15-00) на митинге возле "Военторга" зачитали обращение, поступившее от властей. В нем предлагалось выделить от манифестантов группу в количестве 20 человек для возложения венков и цветов к могиле Неизвестного солдата. Несмотря на протестующие крики наиболее радикально настроенной части толпы (скандеж: "Вместе пойдем!"), большинство, уставшее от многочасового напряжения, согласилось на формирование группы. Люди стали расходиться.

Ближе к 16-00 на Тверской улице все еще стояли заграждения из автомобилей, возле которых собирались небольшие группы людей. В это время в районе Центрального

телеграфа вниз по улице, в сторону Манежной площади, в одиночку проследовал Зюганов, все с тем же букетиком красных гвоздик в руке.

Вечером в ТВ-новостях показали эпизоды столкновения манифестантов с омоновцами в районе Маяковки (подробнее всего по московской программе). Комментарии к показанному изобиловали привычными штампами: "красно-коричневые", "хулиганствующая толпа", "группы пьяных", "нарушители общественного порядка". В "Известиях" появилась статья Выжutowича, злорадствовавшего по поводу избияния демонстрантов: мол, так и надо обращаться с коммунистами и фашистами. Из влиятельных демократических изданий лишь в "Независимой газете" попытались дать объективную картину произошедшего. В левой прессе ("Правда", "Советская Россия") было много эмоций, много праведного гнева в адрес властей, но мало хроники событий.

Реакция значительного числа горожан на события 23 февраля была почти такой же, как и в демократических СМИ.

Спустя всего три недели - во вторник 17 марта – состоялся очередной митинг сторонников оппозиции, запланированный еще в начале февраля и названный затем его организаторами "Всенародное Вече" (организаторы: РКРП, "Трудовая Москва", РОС). Такое название решили дать в связи с тем, что в этот день должен был состояться Съезд народных депутатов СССР, на котором предполагалось подтвердить итоги референдума 17 марта 1991 года о сохранении Союза ССР и возобновить деятельность его высшего законодательного органа, а "Всенародное Вече" должно было выразить массовую народную поддержку его решениям.

По уже сложившейся традиции, за неделю до намеченных мероприятий власти стали нагнетать страсти. Началось все с перепалки между Хасбулатовым (Председатель ВС России) и Г.Поповым (мэр Москвы): разрешать или не разрешать проведение Съезда и митинга. Наиболее либеральные либералы выступили против запрета митинга, не видя в нем особой опасности, поскольку, по их мнению, коммунисты не способны были вывести на площадь большое число людей (в этом они были абсолютно правы), а запрет мог вызвать лишь сочувствие к оппозиции со стороны некоторых групп населения.

Радикальные демократы, наоборот, требовали запретить митинг и запустили в своей прессе слухи о том, что Анпилов завозит в Москву боевиков, что "красно-коричневые" готовят провокации и собираются штурмовать Кремль чуть ли не по веревочным лестницам.

В конечном итоге Хасбулатов запретил проводить Съезд, но разрешил митинг и предложил Попову обеспечить общественный порядок в Москве 17 марта.

"Вече" открылось в намеченный день, в 17-30 на Манежной площади (ясно, плюс два градуса). За 20 минут до начала по краям толпы появились три небольшие группы молодых людей "хиппового" вида, которые своим развязным поведением "заводили" наиболее несдержанных манифестантов, в связи с чем кто-то из организаторов

предупредил по радио о возможных провокациях со стороны внедренных в среду манифестантов людей.

Возле Исторического музея стояли два штабных автобуса ГУВД и две машины "скорой помощи", еще четыре "скорох" находились поближе к Манежу. Милиции на самой площади было мало (автобусы с милиционерами и омоновцами были рассредоточены в проездах и в переулках, прилегающих к Манежной площади).

Перед гостиницей "Москва" организаторы установили флаги всех 15-ти союзных республик. Кроме этих флагов над толпой возвышались 52 красных, 4 "имперских" и 2 андреевских флага. С двумя бело-сине-красными флагами пришли небольшие группы демократов, но их не стали прогонять, так как те высказались за "единую демократическую Россию в границах бывшего Союза".

Лозунги на плакатах и транспарантах были практически те же, что и на предыдущих митингах, но появился один свежий: "Демократы тоже люди, а поверили Иуде".

Явка на этот раз оказалась ниже, чем на митинге 9 февраля - примерно 65-70 тыс. человек.

Открывая митинг, Анпилов сообщил, что для участия в нем в Москву специально прибыли более 2 тыс. человек из разных регионов Союза - от Камчатки до Прибалтики - и что тысячи москвичей бескорыстно предоставили им места для проживания. За ходом Веча следят во всех республиках, в первую очередь в Приднестровье и в Нагорном Карабахе, где льется кровь, и в тюрьмах Прибалтики, где сидят настоящие советские патриоты. Затем он предложил поднять флаг Советского Союза, подаренный военными моряками Кронштадта, и прокричал в микрофон: "Союзу быть! Ура!" Под фонограмму Гимна Советского Союза был поднят красный флаг, а ядро митингующих проскандировало "Советский Союз!".

Маляров и Якушев, которые, как обычно, вели собрание, объявили повестку дня: подтверждение итогов референдума 17.03.91.; об антиконституционном перевороте, совершенном в Беловежье лидерами России, Украины и Белоруссии; о событиях 23 февраля и о Г.Х.Попове; выборы руководителя государства.

Всего на митинге выступило более 30 человек. Много выступавших было от регионов: из Питера и Самары, с Кубани, из Чечни, Дагестана, Якутии, Приднестровья.

Сообщив о состоявшемся Съезде депутатов, ведущие предоставили слово Сажи Умалатовой. Та взволнованным голосом доложила собравшимся о завершившемся два часа назад в Подольском районе внеочередном VI Съезде, в работе которого приняли участие 438 депутатов Союза из всех республик, кроме Азербайджана, Армении, Литвы, и поэтому, по ее мнению, Съезд можно считать состоявшимся: "Мир говорит, что Союза нет, но Союз есть и 17 марта этого года войдет в историю... Съезд состоялся несмотря на противодействие властей и угрозы со стороны прокуратуры... Дошло до того, что в зале, где проходило заседание, был отключен свет и работать пришлось при свечах... Депутаты избрали президиум Съезда, которому поручено вести работу по организации очередного

Съезда" (после ее выступления митингующие вразнобой проскандировали: "Молодцы! Молодцы!").

Затем слово дали Зюганову, который посетовал на переживаемый обществом очередной раскол, гневно заклеил "мародерское правительство" реформ, заявил, что армия не может быть вне политики, предложил объединяться в народно-патриотические фронты и, завершая свое выступление, с воодушевлением произнес: "Да здравствуют народность, справедливость, патриотизм!" (народ поаплодировал, а анпиловцы прокричали: "Куда дел "социализм?").

Тепло было встречено митингующими выступление Невзорова (ТВ-программа "600 секунд") несмотря на то, что он говорил подчеркнуто обыденным тоном: "Я политикой не занимаюсь. У нас есть законное правительство, но оно арестовано. У нас есть законы, которые никто не отменял и я по ним живу. Это Вече должно было бы состояться 23 августа прошлого года, но мы долго думаем, а когда додумаемся, то знаете, что у нас бывает...Всего, ребята!" (толпа с энтузиазмом проскандировала "Невзоров, Невзоров").

Депутат Союза Вавила Носов практически повторил сказанное Умалатовой и предложил обратиться к генералам Макашову и Родионову и к адмиралу Чернавину с тем, чтобы они встали во главе государства (часть толпы с восторгом зааплодировала).

Во время выступления Носова на площади появился УАЗик, в кузове которого расположились молодые люди с транспарантом ЛДПР. Вместе с ними был Жириновский. Подъехав к краю толпы со стороны "Националя", Жириновский стал вещать через мегафон, что, мол, коммунисты стали собираться лишь тогда, когда сами развалили страну. На него зашикали, но он продолжал говорить. И о том что придя к власти он всем все даст - тоже. Из толпы слышались реплики: "Еще один клоун приехал".

Митинг тем временем продолжался. Депутат Верховного Совета России Н.Павлов (РОС) сказал об ошибке, совершенной народом (выборы Ельцина президентом), призвал к единству все патриотические силы, а на свой же вопрос, кому выгодно разделять русских людей на красных и коричневых, ответил: "голубым". Признав, что состоявшийся в этот день Съезд не имеет юридической силы, счел его моральной победой. Призвал к бдительности и предложил собраться здесь же 5-го апреля, чтобы выразить свою волю, а "6-го апреля эта клика будет сброшена". Завершил выступление призывом: "Единство, единство, единство!" (Комментируя его выступление, митингующие задавались вопросом: "А каким же образом будет сброшена эта клика?").

Алкенис в своем выступлении приравнял прошедший в Подольском районе Съезд к битве под Москвой в декабре 41-го года, заявив: "Мы спасли свою страну. Да здравствует Советский Союз!"

Подполковник Терехов заклеил позором "нынешних правителей-временщиков" и сообщил, что Союз офицеров принял активное участие в подготовке и проведении Съезда.

После выступления Терехова стали говорить о событиях 23 февраля. Дьякон Пичужкин отслужил молебен в честь пострадавших в тот памятный день. Затем какая-то дама призвала "быть добрыми и не допускать революций и восстаний". В ответ толпа загудела, в первых рядах митигующих раздались протестующие крики, свист и Якушеву пришлось оттеснить даму от микрофона. Анпилов зачитал резолюцию по поводу событий 23 февраля, в которой, в частности, говорилось о необходимости начать сбор подписей за отзыв с поста мэра Г.Попова, предании его суду и за подготовку процедуры импичмента президенту Ельцину. Зачитав резолюцию, Анпилов прохрипел в микрофон: "Долой Попова!", преднамеренно сделав ударение на первом слоге в фамилии московского градоначальника, что вызвало веселое оживление среди митингующих.

После выступлений жены Шенина и дочери Лукьянова была принята резолюция о членах ГКЧП - узниках Матросской тишины – с требованием об их освобождении.

Главный редактор газеты "День" Проханов говорил, в основном, о роли телевидения в обществе и особо - о засилии программ, направленных на растление и оболванивание граждан, в первую очередь молодежи. Потребовав предоставления времени на ТВ для оппозиции, он предложил провести бессрочное пикетирование телекомплекса в Останкино в случае невыполнения этого требования (пикетирование состоялось спустя три месяца).

Один из лидеров РОСа Бабурин призвал, как и выступивший до него Павлов, к народному единству, к сохранению страны, где "на протяжении целого тысячелетия не знали межнациональной розни".

Весьма эмоционально говорил Эдуард Лимонов: "Где мы живем? Кто у власти? Сегодня у власти в нашей стране преступники...Они просто так не уйдут...Приготовьтесь к тяжелой борьбе, приготовьтесь к крови, так как столкновение неизбежно...Народ имеет право на бунт, на революцию...Одна Страна, одна Родина, один Народ...Да здравствует Россия! Да здравствует Советский Союз!" (митингующие проскандировали: "Советский Союз!").

Выступившие от РКРП Сергеев, Хорев, Косолапов и Губанов говорили, как обычно, о преимуществах социализма и о губительности для страны политики либерализации экономики, о том, что руководство России выполняет указания МВФ, о недопустимости приватизации госпредприятий, о необходимости ликвидации бирж и других коммерческих структур, о недопустимости разработки и принятия новой конституции, в соответствии с которой будут ликвидированы все социальные завоевания трудящихся и утверждены "волчьи законы".

Перейдя к последнему пункту повестки дня, Анпилов предложил кандидатуру генерала Макашова на должность руководителя страны. Площадь бурно зааплодировала.

Поблагодарив собравшихся за доверие, Макашов заявил: "Я - генерал Советского Союза и никакой другой стране служить не буду...Тем, кто меняет присягу, боясь лишиться благ - позор...Я в июне проиграл, но я всегда был за народ, за Союз...Надо

высечь предателей на Лобном месте...Готов выполнить любое поручение, данное мне народом. Служу Советскому Союзу!"

Как только генерал закончил свое выступление, Маляров прокричал в микрофон: "Минин! Пожарский! Ма-ка-шов!" (вслед за ним толпа несколько раз проскандировала: "Ма-ка-шов!").

После этого Анпилов объявил, что Вече выполнило свою задачу и поблагодарил всех собравшихся за оказанную поддержку. Затем под фонограмму "Священной войны" произвели три залпа из двух ракетниц и народ начал расходиться (было примерно 19-50).

Судя по замечаниям и репликам, которыми обменивались многие участники митинга, мероприятие вызвало у них двойственные чувства: удовлетворенность - от того, что, наконец-то, "красные" и "белые" стали объединяться и разочарованность - в связи с тем, что на Манежную пришло меньше людей, чем ожидалось (мало кого убедило сообщение Анпилова, сделанное им в ходе митинга, о 350 тыс. человек собравшихся).

Получился обычный митинг с тем же составом участников, что и предыдущие, несмотря на предпринятые организаторами усилия представить его как "проявление всенародного волеизъявления". (Если бы весной 1992 года Москва на самом деле захотела и смогла выставить на площадь 350 тыс. сторонников оппозиции, то вряд случились бы события осенью 1993 года).

В последующие дни демократические СМИ с явным удовлетворением писали о небольшом числе собравшихся "красно-коричневых" (по разным оценкам - от 30 до 50 тыс. человек). Появились также статьи о незаконности состоявшегося Съезда депутатов СССР и неправомерности принятых им решений.

Оппозиционная пресса в информации о количестве собравшихся дала то же число, что прозвучало из уст Анпилова в ходе митинга. А состоявшийся в совхозе "Вороново" Съезд, квалифицировала как чуть ли не общенародную победу над режимом.

В конце марта - начале апреля, незадолго до начала работы Съезда депутатов РФ средства массовой информации раскрутили кампанию по дискредитации депутатов от оппозиции. Мол, они своими решениями мешают работе правительства реформаторов, связывают ему руки, а посему было бы неплохо разогнать этот состав депутатов и ввести президентское правление.

В воскресенье 5 апреля, также накануне Съезда, свой первый митинг провели патриоты (организаторы: РНС, РХДД и кадеты). Хотя информации о предстоящем митинге было мало, к 11-00 возле Дома художника на Крымском валу собрались примерно 20 тыс. человек (было относительно тепло, +6 градусов, переменная облачность). Отсюда они должны были пройти к Октябрьской площади, а затем по Якиманке и Моховой - на Манежную площадь.

Поскольку организаторами мероприятия были патриотические организации, предполагалось, что во главе колонны пойдут их сторонники с "имперскими" и андреевскими флагами. Однако минут за пятнадцать до намеченного начала движения, от

основной массы манифестантов отделилась большая группа под красными флагами (примерно половина от всего числа собравшихся) и направилась по вышеуказанному маршруту, скандируя: "Советский Союз", "Ельцина в отставку", "Ельцин Иуда", "Измена". Вслед за ними, после некоторого замешательства, были вынуждены пойти остальные. Так и шли две колонны (на расстоянии примерно 60 метров друг от друга) до самой Манежной площади. При подходе к "Президент-отелю" перед колонной с красными флагами появилась арендованная патриотами радио-машина, из которой передавали, в основном, песни в исполнении Талькова, в том числе и с антикоммунистическим содержанием.

К 12-00 обе колонны прибыли на Манежную площадь, где подхода манифестантов дожидались еще 3 тыс. человек. Минут через 10 после начала митинга подошли анпиловцы с красными флагами. Их было примерно 2 тыс. человек и пришли они с пикета у концертного зала "Россия", где утром открылось "Собрание граждан России", организованное демократами.

На площадь принесли 55 красных, 50 "имперских" и 15 андреевских флагов. Появилось несколько новых лозунгов:

- Бьют в Кремле не те куранты - ждать России оккупантов
- Купцам-демократам не терпится более побыстрее продать Русское поле
- Нет, антинародной конституции преступника Эльцина!
- Депутаты! Вы в ответе за развал страны и геноцид ее народа
- Ленин/Вильгельм = Ельцин/Буш
- Правительство нищеты и национального предательства - в отставку!
- Нет, правительству национального унижения!
- Беловежских пуЩистов к ответу!
- Сионизм - единственный враг народов России
- Сколько миллионов награл демократ Попов? Ответьте, правдолюбцы Гдлян и Иванов!
- Долой самодержавие Бориса II-го
- Россия, вставай с колен!

Перед началом митинга объявили минуту молчания, а затем по радио дали запись песни "Матушка-Русь" в исполнении Татьяны Петровой (во время исполнения этой песни многие прослезилась).

Первым выступил лидер РХДД Аксючиц. Он начал с того, что назвал действующее правительство оккупационным, поскольку оно способствует разорению, распродаже и расчленению России, а затем заявил: "Мы хотим порядка, но не того, который нам предлагают...Правительство национального предательства - в отставку!" (толпа дружно поддержала его предложение, проскандировав: "В отставку!").

После Аксючица слово предоставили скульптору Клыкову, который сказал о последних 75-ти годах в истории России, как о годах беззакония, темном периоде и т.п.

Сторонники "красных", а их на площади было больше половины, сразу же всполошились, раздался свист, понеслись крики: "Долой оратора!", "Это провокация!"

В итоге кто-то из организаторов оттер Клыкова от микрофона и предоставил слово Зюганову. Тот, обвинив сначала в измене Родине Горбачева и Ельцина, продолжил: "Мы пришли к стенам Кремля, чтобы выразить протест...Горбачев - это единственный лауреат Нобелевской премии, кто развязал гражданскую войну...Это "гуманист", который заставил торговать порнографией детей и женщин...Правительство Ельцина продолжает политику предательства... Депутаты Съезда не должны разъезжаться до тех пор, пока не выберут правительство национального согласия" (его речь периодически прерывалась бурными аплодисментами).

Вслед за Зюгановым выступил депутат Астафьев (кадет), выдвинувший следующие требования: отправить действующее правительство в отставку и не допускать возможные рокировки в его составе; пересмотреть решения предыдущего Съезда депутатов РФ и лишить Ельцина чрезвычайных полномочий; не допустить разработки новой конституции, так как она нужна реформаторам для того, чтобы распустить все органы власти и установить президентскую диктатуру. После изложения указанных требований он призвал убрать из власти "антинародную клику" и завершил свое выступление словами: "Народ победит!" (толпа проскандировала: "В отставку!").

Затем выступил некто Наумов, представленный ведущим как походный атаман какого-то казачества. Основной смысл выступления "атамана" заключался в том, что "новые комиссары рвут на части нашу Святую Русь" и их надо остановить (за "комиссаров" его слегка освистали).

Анпилов, получив слово, сначала напомнил собравшимся, что 5-го апреля исполнилось 750 лет битвы на Чудском озере и прохрипел здравицу в честь "наших предков-героев", которые умели бороться с врагами России. Затем он заклеил позором Горбачева и Ельцина, дал отповедь Г.Попову на его предложение отдать 9-го мая "дань русским полкам" и призвал к единству патриотические силы. В заключение он рассказал, как пикетчики "Трудовой России" оплевали на подходе к концертному залу "Россия" некоторых из лидеров демократов (в частности Яковлева, руководителя телеканала "Останкино") и потребовал освободить всех политзаключенных, включая членов ГКЧП.

Н.Лысенко (лидер Национально-республиканской партии) также призвал к объединению "белых" и "красных" и потребовал отставки правительства. Главными врагами России и русских, по его словам, являются: "Продажный президент, бурбулисы, гайдары и т.п.; пресса и телевидение, которые контролируются врагами русского народа; местные сепаратисты". Далее он продолжил: "У нас не будет суверенного Татарстана и суверенного Башкортостана, а будет неделимая Россия...В правительстве нет ни плохих, ни хороших – там преступники...Русская идея - это идея справедливости и добра...Единой, великой и неделимой России - ура!" (собравшиеся подхватили "Ура!").

После Лысенко слово предоставили православному священнослужителю, который, как и Клыков до него, стал говорить что-то против Советской власти, напомнив

собравшимся о патриархе Тихоне, который "предал анафеме коммунистов". Сторонники "красных" вновь возмутились, раздался дружный свист и оратора убрали от микрофона.

Депутат ВС генерал Тарасов выразил возмущение тем, что "мы великий народ, а нас вся эта дем.пресса обзывает люмпенами". Затем он призвал дать отпор попыткам криминальной буржуазии установить свою диктатуру, заклеил руководство России за то, что оно безвольно отдало Прибалтику, где "мы были со времен Петра, а нам не оставили даже портов и пристаней". Призвал к сплочению все патриотические силы.

Вслед за ним слово взял один из организаторов митинга, который сообщил, что на проходящем в концертном зале "Россия" собрании демократов выступил Ельцин и потребовал введения в стране президентского правления на 3-4 года для проведения радикальных реформ. Комментируя это заявление Ельцина, оратор прокричал в микрофон: "Они решили, что уже сломали нам хребет и пошли на установление диктатуры. Позор им!" (площадь дружно проскандировала: "Позор! Позор!").

Кто-то из стоявших на трибуне продолжил тему предыдущего оратора и предложил создать народное ополчение в ответ на угрозу введения диктатуры, так как "без силы их не выместить" (митингующие зааплодировали, раздался крик: "Правильно!", "Давно пора").

Выступивший после этого бывший кандидат в президенты, депутат ВС Тулеев повторил многое из того, о чем говорили предыдущие ораторы, а в заключение заявил, что стране нужна народная конституция, а не та, которую разрабатывают так называемые демократы и потребовал отставки правительства.

Удивило появление перед микрофоном Скурлатова (его представили как руководителя движения РНФ-Возрождение, хотя три года назад, на митингах демократов, его представляли как руководителя просто РНФ. И говорил он тогда, в частности о Ельцине, прямо противоположное тому, что прозвучало из его уст на этом митинге). Начал он с требования "предать суду народа Иуду Ельцина и его команду", а затем продолжил: "Мы встаем с колен...Мы победим...Мы не должны отдавать Приднестровье...Если они хотят борьбу - они ее получат...Сегодня 750 лет Чудской битвы...Мы вместе сможем победить силы зла...Александр Невский кровью закрепил единство славян и тюрок...Сейчас важно не отдать Приднестровье...Вступайте в отряды народного ополчения!" (выступление его было сумбурным и встречено с прохладцей).

Выступивший вслед за ним мусульманский священнослужитель, не стал вспоминать, в отличие от своего православного коллеги, последние 75 лет нашей истории, а поздравил всех собравшихся с 750-летием Ледового побоища и призвал к единению все патриотические силы.

Об уроках истории говорил Александр Казинцев (журнал "Наш современник"), завершивший свое выступление на оптимистической ноте: "Теперешняя война против нашего народа закончится тем же, что и в 1612, 1812 и 1945 годах!"

Весьма радикальное предложение - ввести женский пост для мужиков - поступило от одной из выступавших дам. Мол, тогда "они (т.е. мужики) поймут, что надо делать с нынешним правительством" (люди заулыбались).

Экономист Лемешев заклеил отечественную мафию, которая вывозит из страны нефть, газ, лес, золото на миллиарды долларов, потребовал прекратить начавшуюся распродажу земли и отдать под суд "всю мафию, Горбачева и его Яковлевых", а в заключение произнес: "С верой в православие и в Россию - мы победим!".

После него Гунько прочитал свои стихи про Ленина, партию и социализм, что вызвало недовольство уже со стороны патриотов.

На митинге выступили также представители от Приднестровья, гагаузов, от русской общины Азербайджана и из других регионов, которые говорили о бедах, обрушившихся на них после распада Союза.

В принятом на митинге обращении к депутатам Съезда было выдвинуто следующее основное требование: отправить в отставку президента и правительство России и сформировать правительство народного согласия.

Завершая митинг (было 14-00), один из ведущих прокричал в микрофон: "Россия встанет с колен! Да здравствует единая и неделимая Отчизна. Ура!", после чего включили "Священную войну".

Люди стали расходиться. Однако часть толпы (не более 2 тыс. человек) пошла на Кузнецкий мост к посольству Молдавии митинговать в защиту Приднестровья. Подойдя к посольству, стали скандировать: "Фашисты", "Снегур фашист" и т.п. Когда в одно из окон посольства высунулся кинооператор и стал снимать с уровня второго этажа толпу, в него полетели твердые предметы. Одним из них разбили витрину книжного магазина на первом этаже здания.

Пошумев полчаса возле молдавского посольства, решили пойти к латвийскому посольству, куда направились примерно 500 человек. Там все повторилась, но уже без оператора и метания твердых предметов.

6-го апреля, в день открытия VI-го Съезд депутатов РФ, никакого "сброса этой клики", как обещал на митинге 17 марта депутат Павлов, не произошло.

В дни работы Съезда власти разрешили собираться у Кремля сторонникам противоборствующих фракций: демократам - возле Спасских ворот, оппозиции - на Васильевском спуске. Больше всего людей собралось, когда на Съезде был поднят вопрос о доверии правительству (в начале второй недели работы Съезда).

В понедельник 13 апреля к 18-00 у Спасской башни толпились 300-400 человек. Но туда просто так не пропускали – только большими группами по 30-40 человек в сопровождении депутатов-демократов или их помощников из числа активистов, которые знали, кого они ведут.

Сторонники оппозиции (примерно 2 тыс. человек) расположились вдоль барьеров, установленных в средней части Васильевского спуска от Кремля в сторону

гостиницы "Россия". В толпе разместились шесть "агитбригад" с мегафонами, через которые передавалась информация о ходе Съезда, приглашались для выступления депутаты, возвращавшиеся с заседаний, периодически крутили Гимн Советского Союза и "Священную войну". Вдоль всего живого коридора развевались 30 красных, 6 "имперских" и 3 андреевских флага.

В этот день Бурбулис, в ответ на язвительное замечание Хасбулатова в адрес команды Гайдара, увел из зала заседания все правительство (но отставка правительства так и не состоялась).

Когда в 18-15 по коридору пошли депутаты, толпа оживилась, раздались крики, скандеж: "Банду Ельцина под суд!" и "Иуду Ельцина под суд!" Из мегафонов зазвучали обращения к депутатам отправить в отставку правительство. Некоторые из них откликались на приглашения со стороны "агитбригад" и подходили к мегафонам, делясь своими впечатлениями о Съезде. Остальные же понуро следовали в гостиницу.

Через несколько дней, когда на Съезде приступили к обсуждению поправок к Конституции (еще Советской), численность "коридора" сократилась в два раза.

К концу второй недели работы Съезда активизировались демократы, которые не проводили массовые уличные мероприятия с осени 1991 года. В городе, чуть ли не на всех остановках общественного транспорта, появились листовки, приглашавшие на митинги 18 и 19 апреля. Соответствующая информация прошла по некоторым каналам телевидения.

На субботу 18 апреля созывал своих сторонников Константин Боровой, возглавлявший в то время одну из "бирж" и "Конвенцию предпринимателей". В его листовке говорилось о продажности и коррумпированности московских городских властей, которые не дают развернуться отечественным предпринимателям, о необходимости борьбы с преступностью, рэкетом и т.п. Помещено было также требование к властям убрать памятники Ленину с московских улиц, а его Мавзолей - с Красной площади. Листовка заканчивалась такой вот фразой: "Митинг разрешен. Коммунистов, фашистов, социалистов и прочих красно-коричневых просим не беспокоиться".

В назначенный день, к 12-00 у здания бывшего СЭВа, куда к тому времени перебралась часть мэрии Москвы, собрались примерно 300 сторонников Борового.... Митинг, на который не побеспокоились прийти не только "красно-коричневые", был сорван.

В воскресенье 19 апреля (ясно, плюс 6 градусов), к 11-00 демократы собрались у Белого дома, откуда они должны были проследовать по Новому Арбату на Манежную площадь. Согласно заявлениям организаторов, это мероприятие должно было продемонстрировать массовую поддержку реформам Ельцина-Гайдара, а также требованиям роспуска Съезда и Верховного Совета и созыву Учредительного собрания для принятия новой конституции.

В начале двенадцатого духовой оркестр заиграл "Прощание славянки" и колонна зашагала по Новому Арбату. Во время движения оркестр исполнял "Москву майскую",

"Летят перелетные птицы" и советские военные марши (свою музыку для массовых мероприятий демократы так и не сочинили). Во главе колонны шел помощник Попова Боксер. Периодически толпа не очень дружно скандировала: "Ельцин, Гайдар", "Ельцин, Ельцин", "Президентская власть", "Под суд КПСС" и "Съезд в отставку".

Выйдя на Манежную площадь (было начало первого), манифестанты, как обычно, направилась к трибуне у гостиницы "Москва", однако более 1 тыс. человек, отколовшись от основной массы, решительно направились к Музею Ленина, где по воскресным дням собирались "красные" в защиту Музея и Мавзолея Ленина (в этот день их было около 1.5 тыс. человек).

Неожиданный маневр части демократов чуть не привел к стычке между "красными" и "голубыми", но ее предотвратили милиционеры, которые оперативно подтащили со стороны Исторического музея металлические барьеры и не дали разъяренным людям сойтись "стенка на стенку". С обеих сторон посыпались обвинения в том, что это именно их власть довела страну до развала. На остервенелые крики: "Фашисты!" - с одной стороны, следовал ответ: "Сами фашисты!" - с другой. Некоторые начали фехтовать древками флагов и транспарантов. Во взаимной словесной перепалке участвовали, в основном, бедно одетые пожилые люди, а празднующавшие тут же молодые парни с девицами лишь подхихикивали над ними.

К началу митинга на площади собралось 45-50 тыс. человек. Над толпой развевались 25 бело-сине-красных флагов. Лозунги на плакатах были следующего содержания:

- России - президентскую республику
- Референдум - воля народа
- Не мешайте правительству России
- Чтобы сытым быть и пьяным, надо землю дать крестьянам
- Дать Ельцину власть для реформ
- Поддерживаем экономическую реформу
- Да, Учредительному собранию
- ХАМбулатов у-у-Долой!
- Ельцину - да! Хасбулатову - нет!
- Депутаты - отдайте мандаты
- Съезд предал избирателей
- Стукачей предать гласности
- Коммуняки - покайтесь!
- Гайдар - держись!
- Долой Съезд партмафии, провокаторов от КПСС - Бабурина, Исакова
- Руслана Умалатовича ХАМбулатова - в отставку!
- Коммуняки, хватит драть глотки, давайте работать, халява для вас кончилась
- Президент и команда Гайдара - надежда России
- Руки прочь от Ельцина и Гайдара!

- Спасибо Бушу и Колю, что поддерживают нашего Борю
- Пусть 7-й Съезд работает при свечах

Перед началом включили запись российского гимна. Вели собрание Лев Пономарев и Труевцев. Всего выступили более 20 человек, в основном из той же "обоймы" ораторов, что и на предыдущих демократических митингах.

Открывая митинг, Пономарев начал с информации о квартире Хасбулатова, мол, он выбил для себя и своей семьи ту самую спецквартиру в доме на улице Щусева, в которую в свое время не захотел переезжать Брежнев: "И такой человек называет себя демократом. Позор ему!" (публика проскандировала: "Позор, позор" и "В отставку, в отставку"). "Нам нужна сильная президентская власть...Провести референдум о новой конституции...Начать кампанию по сбору подписей об отзыве депутатов".

Несмотря на то, что Пономарев пытался завести собравшихся, люди вели себя довольно спокойно. Лишь небольшое ядро митингующих участвовало в скандировании. Подобным же образом вела себя толпа во время выступлений других ораторов.

Черниченко: "Съезд - это дикость нравов и бесплодности... Они отказали людям в земле. Позор...Или мы, или они...Мы не рабы...Даешь референдум о земле!" (скандеж: "Землю, землю").

Якунин: "Коммунисты боятся референдума о земле...Старые аппаратчики и председатели колхозов - помещики...Они просто так землю не отдадут".

Филатов (артист театра на Таганке): "Смотреть Съезд тягостно...Надо доверить президенту проведение реформ до конца".

Брагинский (мэрия Москвы): "Реформы тормозятся, т.к. это выгодно коммунистам и номенклатуре...Нужно дать людям землю и новую конституцию. Для этого созвать Учредительное собрание, а проект конституции вынести на всенародное обсуждение".

Заславский: "На Съезде они хотят остановить реформы...Они пошли на компромиссы, т.к. почувствовали силу президента, силу народа...Нужен референдум о земле...Необходим закон о люстрациях, чтобы убрать старых аппаратчиков из властных структур" (скандеж: "Ельцин, Ельцин").

Капитан первого ранга: "Армия с народом и правительством"

Полковник Андреев: "Стране необходим гражданский мир...Мы, военные, будем защищать Родину от внешних врагов".

Голиков (Кузбасс): "Нынешние депутаты не проявляют мудрости...Власть следует полностью передать президенту...В руководство профсоюзов проникли коммунисты, поэтому необходимо призвать людей подтвердить свое членство в таких профсоюзах...Государство должно взять собственность этих профсоюзов в свои руки, а затем передать ее новым, демократическим профсоюзам...Гнать из всех структур тех, кто не вышел добровольно из КПСС до 25 августа 91-го года"

Работница Тульского оружейного завода: "Позор Съезду и в отставку всех депутатов!"

Боксер: Заклеймил позором Съезд и персонально Хасбулатова. Предложил лишить депутатских мандатов Хасбулатова и Исакова. Напомнил о предстоящей годовщине августовских событий 91-го года.

Миронов (депутат ВС): Предложил разогнать Советы всех уровней..."Долой советскую власть!...Ввести прямое президентское правление!" (скандеж: "Долой, долой", "Ельцин, Ельцин").

Дама от Комитета солдатских матерей: "В армии ничего не меняется".

Полковник Кузнецов: "Армия разлагается, в ней процветает коррупция...Вторая волна генералов после Язова делает то же самое".

Григорянц (фонд "Гласность"): "До каких пор КПСС и КГБ будут вмешиваться в наши дела...Пришли люди из КГБ и сказали, что "Гласности" больше не будет и отключили телефоны. Мы должны помешать им".

Шабад (депутат ВС): "Попытка бывших коммунистов отправить правительство в отставку провалилась...Мы плевали на установленный оппозицией для правительства трехмесячный испытательный срок...Мы все равно будем...Этот Съезд надо разогнать, Хасбулатова отправить в отставку...Провести референдум по новой конституции и о земле".

Представитель РДДР: "Надо поддержать президента...Оппозиция мешает...Собрать Учредительное собрание...Принять новую конституцию" (скандеж: "Ельцин, Ельцин").

Прошечкин (антифашистский центр): "Или власть собственников, или наступит хаос и диктатура фашистов...Съезд мешает проведению реформ...Следует ввести президентскую республику, чтобы решительнее проводить реформы...Красно-коричневые не должны пройти...Мы победим!"

Самым последним выступил представитель Ельцина по Москве и области Комчатов, повторивший положения предыдущих ораторов о необходимости введения президентского правления и проведении референдума.

По ходу митинга была зачитана и принята резолюция примерно следующего содержания: Депутаты Съезда были избраны до событий августа 91-го года...Съезд блокирует все законопроекты, необходимые для проведения реформ...Будем добиваться проведения референдума о земле и новой конституции...Выражаем политическое недоверие Хасбулатову...Убрать с руководящих постов всех тех, кто до 20 августа 91-го года занимал ответственные должности в партийных комитетах, начиная с уровня райкомов и выше...Землю народу...Принять новую конституцию...Власть президенту Ельцину!

Митинг продолжался полтора часа и вряд ли принес удовлетворение его организаторам. По их репликам чувствовалось, что они ожидали большей явки и более активной реакции на выступления со стороны манифестантов (один из ведущих объявил о почти 100 тыс. собравшихся, хотя на глаз было видно, что пришло в два раза меньше

людей). В заключение опять включили запись российского гимна и люди стали расходиться.

Накануне майских праздников обошлось без нагнетания страстей, хотя демократические СМИ не преминули в очередной раз вылить порции грязи в адрес оппозиции. Власти разрешили провести 1-го мая два митинга: "официальным профсоюзам" (ФНПР) - у входа в Парк Горького; левой оппозиции - на Красной площади.

Левые, как обычно, расклеили свои небольшие листовки-объявления в центре города и возле крупных предприятий. ФНПРовцы подготовили специальные плакаты размером примерно в ватманский лист и расклеили их также возле предприятий и на некоторых рекламных стендах.

1-го мая выдался достаточно теплый день: плюс 12 градусов, переменная облачность. К 10-00 у входа в Парк Горького собралось примерно 8 тыс. человек. Флагов было немного: один - российский "триколор", два - темно-голубых (ФНПРовские), два красных (принесли левые с Октябрьской площади), один - черно-красный ("анархисты") и, почему-то, звездно-полосатый флаг США.

Лозунгов было немного. Изготовлены они были, судя по качеству исполнения, профессионалами. И без всякой "политики" - только экономические требования:

- Нет - замораживанию зарплат!
- Зарплату не ниже прожиточного минимума
- Судьба предприятий должна решаться самими предприятиями
- Восстановить разорванные экономические связи
- Прекратить спекуляцию в сфере торговли
- Мировым ценам на энергоносители - мировую цену на труд
- Экономику спасет труд, а не спекуляция

Сбоку от толпы пристроился кто-то из патриотов с лозунгом: "НТК-600 - мы с вами!"

Собравшиеся, а это были в основном функционеры профсоюзных организаций (многие с детьми), вели себя очень спокойно. Было видно, что они пришли сюда по обязательке, отбывать номер. На трибуне, установленной перед колоннадой, находились Щербаков (бывший председатель ВЦСПС, а в то время - ВКТ), Шмаков (председатель Московской федерации профсоюзов) и еще кто-то из профбоссов.

Выступающие говорили о необходимости социальной защиты, о разваливающемся военно-промышленном комплексе с его квалифицированными работниками, о нищенской зарплате учителей и врачей, грядущей массовой безработице и т.д. Приводились примеры падения жизненного уровня трудящихся, но ничего не говорили о виновниках происходящего и как с ними бороться. Лишь Андрей Исаев (бывший анархо-синдикалист, а на тот момент - главный редактор газеты МФП

"Солидарность") обвинил в падении жизненного уровня новую буржуазию и правительство страны, которое им потакает. Говорил он хорошо, с напором, но и его речь не смогла потревожить спокойствие собравшихся.

Так и митинговали в течение целого часа профессиональные "защитники" трудового народа.

В это же время Октябрьская площадь, где собиралась оппозиция, все больше "краснела" от обилия флагов и транспарантов (всего было более 150 красных, 12 "имперских" и 10 андреевских флагов). Колонна начала движение в направлении Красной площади в 11-00 под музыку "Варяга", исполнявшуюся духовым оркестром. Шли по Садовому кольцу, Кропоткинской улице, Волхонке, Моховой, Манежной площади. Во время движения оркестр играл "Прощание славянки", "Смело товарищи в ногу", "Москву майскую", "Священную войну", Гимн Советского Союза, "Интернационал", "Марш коммунистических бригад", советские военные марши.

На этот раз колонну сопровождали три машины ГАИ, было выставлено боковое оцепление дружинников из числа активистов "Трудовой Москвы". У дружинников-командиров появились совершенно новенькие мегафоны и портативные рации (по три штуки того и другого).

Перед колонной несли длинный транспарант с надписью "Трудовая Россия" (появился впервые), а за ним – средних размеров портрет Ленина. Кроме указанного транспаранта были и другие: "Движение Трудовая Москва", "Совет рабочих Москвы", "КПСС", "Российский общенародный союз", "РКРП", "Союз коммунистов", "Социалистическая партия трудящихся", "Российская партия коммунистов", "Единство", "Партия Возрождение".

Когда проходили мимо Парка Горького, перед входом в который завершался митинг ФНПР, в колонне стали скандировать "Ельцин Иуда". Анпилов через мегафон призвал эфэнпезровцев присоединяться к колонне "истинных борцов за интересы трудящихся", но проффункционары не отреагировали и были дружно освистаны манифестантами.

Большая группа, шедшая в голове колонны, периодически скандировала: "Советский Союз", "Банду Ельцина под суд", "Попова под суд", "Макашов, Макашов", "Фашизм не пройдет". Когда шли по Волхонке, демонстранты обратили внимание на российский триколор, висевший на фасаде одного из жилых домов (в честь праздника "Весны и труда", так теперь официально именовали 1-е Мая). Кто-то из дружинников не выдержал и под одобрительные крики демонстрантов сорвал флаг и бросил его под ноги проходивших мимо людей. Аналогичным образом поступили с триколором, висевшим на Кутафьей башне, но взамен него установили красный флаг (под скандеж толпы: "Советский Союз").

На Манежной площади от здания Манежа до Исторического музея стояла, непонятно для чего, цепь автобусов. Миновав ее, колонна прошла к Красной площади, где

уже всюду гремела песня "Москва майская" (включены были стационарные радиоустановки). Манифестанты, число которых в этот день составило 50-55 тыс. человек, втягивались на площадь в течение 20 минут. Войдя на нее, люди оторопели: на здании Исторического музея висел огромный транспарант серовато-грязного цвета с надписями на английском и русском языках в обрамлении каких-то рисованных цветочков и листиков ("Freedom works - Свобода срabатывает"), а напротив Мавзолея, перед ГУМом установлены большие щиты с изображением морского побережья и рекламой отдыха на Канарских островах.

Многие манифестанты возмущались издевательским отношением властей к чувствам людей, продолжавших чтить советские традиции, кто-то даже попытался поджечь рекламные щиты, но его отговорили от этой затеи.

Только красные флаги и самодельные лозунги в честь 1-го Мая, принесенные манифестантами, напоминали о празднике. Наряду с уже известными лозунгами, появились новые:

- Самоуправление, а не приватизация
- В стране идет, пока ты ждешь, дерьмократический грабеж
- Тузы и шестерки, разыгрывающие карту СССР, будут биты
- Долой оккупационное правительство Ельцина!
- Люди Российские - защитим Приднестровье!
- Президентов - могильщиков Союза и экономики - к суду!

- История, социология и минздрав предупреждают: *за выдающийся вклад в разгром СССР и Советской Армии фюрер присвоил очередные воинские звания: полковнику вермахта Горбачеву - "Генерал Власов"; маршалу Люфтваффе Шапошникову - "Фельдмаршал Паулюс";

*106% членов ЛДП назвали Жириновского политиком не менее здравомыслящим, нежели покойный Шикльгубер, в то время как 99.99% клиентов ЛТП убеждены, что Ельцин политик не менее трезвомыслящий, чем Брежнев".

Трибуну для выступающих разместили левее Мавзолея (как обычно, на платформе грузовика). В 12-30 Анпилов открыл митинг. Затем по радио прозвучал гимн Союза, а толпа не очень дружно проскандировала: "Советский Союз".

Первым выступил В.Шишкарёв (наладчик ЗИЛа, председатель Совета рабочих Москвы), который сначала поздравил собравшихся с Днем международной солидарности трудящихся, а затем стал говорить о "пробравшихся к власти обманщиках", о том что простой народ начинает разбираться в происходящем и отдельные профессиональные группы (водители, учителя, врачи) стали подниматься на борьбу. Затем он сообщил о состоявшемся в Горьком съезде Советов рабочих с целью объединения трудящихся России против наступления капитала (это сообщение было встречено бурными аплодисментами).

После Шишкарева выступили еще 15 ораторов, в основном те же, что и на предыдущих митингах левой оппозиции (Макашов, Бабурин, Умалатова, Шебаршин, Пичужкин, Гунько, Якушев, Носов и другие).

Пичужкин, например, опять предал анафеме российские власти и сказал, что "империализм будет покаран Богом, как Вавилонская блудница". Макашов, в свою очередь, выразил готовность идти "хоть дворником ради наведения порядка в стране и в армии", а Бабурин рассказал о поездке Ельцина в Череповец 30 апреля, где тот в очередной раз предложил разогнать Съезд депутатов (собравшиеся с энтузиазмом проскандировали: "Банду Ельцина под суд!").

В резолюциях, принятых на митинге, выражалось недоверие правительству за развал экономики и оборонного потенциала страны, за угодничество перед МВФ и перед Западом в целом; звучали призывы к организации "патриотического сопротивления оккупационному режиму Ельцина", к созданию Советов рабочих на предприятиях и народных дружин для подготовки всероссийской политической стачки. Люди соглашались со всеми призывами, но выражали сомнение в возможности их практической реализации, поскольку проводимая "шоковая терапия" не вызвала ожидавшегося в левых кругах массового протестного движения снизу (наиболее расхожая реплика: "Рабочий класс еще спит").

В завершение митинга был исполнен "Интернационал" (по радио), Анпилов сообщил о предстоящем митинге 9 мая в Сокольниках и в 14-20 народ стал расходиться. Некоторые подходили к партийным лидерам и просили прокомментировать события, происходившие в стране. Одна из групп образовалась вокруг Е.Лигачева (бывшего члена Политбюро и Секретаря ЦК КПСС), но он говорил такими штампованными и обтекаемыми фразами, что кроме пожилых людей никто не стал выслушивать его разглагольствования.

Немного поодаль несколько женщин и мужчин среднего возраста сцепились в словесной перепалке с немкой (примерно 35-ти лет, из Гамбурга), которая бросила реплику на ломанном русском, что если бы не их, т.е. западников, гуманитарная помощь минувшей зимой, то мы бы в России все перемерли. Одна из дам (судя по облику и говору - казачьих кровей) с жаром доказывала немке, что Запад сам способствовал нашему развалу, а сейчас шлет нам якобы помощь, чтобы унижить нас, и было бы лучше, если бы западники не вмешивались в наши дела, а мы уж сами разберемся между собой. "Казачку" дружно поддержали другие манифестанты и обескураженная немка удалилась в направлении гостиницы "Россия".

На площади Революции (между Музеем Ленина и гостиницей "Москва") витийствовал Жириновский, которого за его манеру выступать недалеко от митингов оппозиции их участники уже стали называть "прилипалой" и "паразитом". Стоя в кузове УАЗика в окружении полуторатысячной толпы, В.В. раздавал автографы и периодически изрекал ответы на задававшиеся из толпы вопросы: "Бурбулиса я пошлю в УПИ преподавать основы антикоммунизма, поскольку раньше он преподавал основы научного

коммунизма...Гайдара отправлю писать диссертацию по шоковой терапии...С Гамсахурдия я не знаком, но поскольку грузины выбрали его президентом, то Шеварднадзе является незаконным руководителем Грузии...Гамсахурдия очень правильно поступил 19-го августа прошлого года, когда поехал в штаб ЗакВО сдавать ключи от Грузии...Никаких национальных государств я не допущу...Будут Казанская, Уфимская и другие губернии...Земле нужен хозяин, но колхозы и совхозы не надо насильно разгонять...Земли всем хватит, в том числе и частникам".

Толпа с удовольствием выслушивала то, что хотела услышать, хотя многие понимали, что Жириновский в очередной раз занимается политической клоунадой.

В вечерних теленовостях дали лишь коротенькое сообщение и несколько кадров о состоявшемся митинге оппозиции. Больше внимания (около двух минут) было уделено профсоюзному митингу и так называемому "митингу ЛДПР".

На следующей неделе в городе появились листовки, призывавшие сторонников оппозиции собраться 9 мая к 13-00 у метро "Сокольники", чтобы проследовать к тюрьме на Матросской тишине, где находились в заключении организаторы ГКЧП.

К назначенному времени у метро "Сокольники" собралось примерно 15 тыс. человек (ясно, плюс 18 градусов). На митинг принесли 38 красных, 12 "имперских" и 6 андреевских флагов. В самом начале произошел очередной инцидент с участием руководителя ГУВД Москвы Мурашова, который полгода назад получил пощечину от одной из манифестанток во время митинга в Останкино. На этот раз его обругали и оплевали (в прямом смысле этого слова) "бабули-анпиловки", когда он со своим окружением появился возле митингующих.

Состав выступавших почти не изменился. Ораторы поздравляли всех с праздником Победы и выражали уверенность в скорой победе патриотических сил над предателями, захватившими власть в стране. Выступивший под конец генерал Калинин (военный комендант Москвы в августовские дни 91-го года) предложил всем пройти к тюрьме, где содержались члены ГКЧП, и выразить свой протест против их ареста.

Толпа высыпала на Стромынку, вперед выехал ЛуАЗ с установленной на нем звонницей и манифестанты зашагали к Матросской Тишине под мерный звон небольших колоколов. Выйдя к тюрьме и расположившись на проезжей части улицы, опять стали митинговать (к этому времени осталось не более трети от первоначального числа собравшихся). Анпилов потребовал от администрации тюрьмы организовать встречу с участниками войны Язовым и Варенниковым, чтобы поздравить их с Днем Победы, но это требование, естественно, не было выполнено. Пошумев на Матросской тишине до 16-00, люди стали расходиться.

Месяц спустя оппозиция провела свою наиболее громкую массовую акцию в 1992 году: "Осаду империи лжи" – круглосуточное пикетирование телецентра в Останкино с устройством палаточного городка (идею о бессрочном пикетировании телецентра огласил

Проханов на митинге 17 марта). "Осада" началась 12 июня и завершилась избиением пикетчиков омоновцами в 4 часа утра 22 июня (в течение всех этих дней стояла хорошая погода).

Агитационная кампания по проведению акции развернулась в оппозиционной прессе с конца мая. Затем стали распространяться листовки с соответствующими призывами. Прологом к пикетированию должен был стать митинг в Останкино, разрешенный Лужковым, несмотря на призывы демократических СМИ к городским властям запретить его (незадолго до описываемых событий Г.Попов ушел в отставку с поста мэра и на его место был назначен Лужков)). Организаторы намеревались провести митинг непосредственно возле телецентра с 12-00, а после его завершения взять здание в "живое кольцо", однако по решению властей место для митинга выделили подальше - у телебашни, а пикетировать здание разрешили лишь небольшими группами.

12 июня за один час до начала митинга по чьему-то указанию закрыли выход в город на станции метро ВДНХ и манифестантам пришлось добираться до Останкино более длинным путем - от станции "Алексеевская", в связи с чем митинг пришлось начать на полчаса позже назначенного времени. Реакция людей на булавоочные уколы властей была озлобленной, раздавались соответствующие комментарии и реплики в их адрес (чаще всего звучало слово "сволочи").

К 12-30 на площадке перед металлическим забором, ограждающем территорию телебашни, собралось примерно 30 тыс. человек (день выдался ясный, 25 градусов). На митинг принесли 80 красных, 12 "имперских" и 4 андреевских флагов, а также транспаранты с названиями общественных организаций: "Трудовая Россия", "Трудовая Красная Пресня", "Трудовой Харьков", РКРП, "Союз коммунистов", "Российская партия коммунистов", "Союз русского народа". Появилось несколько новых лозунгов:

- Вторая социалистическая революция сметет буржуазную контрреволюцию в России
- Средства массовой информации за ярый цинизм и антинародную пропаганду - к позорному столбу!
- Пора бы нам освободиться от излишка пРезидентуры
- Дикторы - будьте голосом совести, а не Голосом Америки
- Кто не с нами, тот против себя
- Ельцин резал себе вены (фев-88г.)
- Горбачев завербован ЦРУ (май-85г., Италия)
- И будет жид скорпионом терзать землю Русскую
- Еврейское телевидение - в Израиль!
- Русские, очнитесь - мы теряем Россию!
- Сионисты, хватит вешать на уши лапшу!
- Мафия и МЭРин близнецы-братья. Кто более нашей столице вреден? Мы говорим МЭРин - подразумеваем мафию, мы говорим мафия - подразумеваем МЭРин

Открыл митинг Борис Гунько. Затем по радиоустановке сыграли Гимн Советского Союза.

Состав выступающих изменился не намного, но изменился тон их речей. Если на прежних митингах ораторы в основном обличали правящую верхушку и призывали к объединению разнородные политические силы, то на этот раз некоторые из них потребовали переходить к решительным действиям.

Выступивший первым Маляров, заявил: "Никакого доверия временному оккупационному правительству...Пора брать власть, хватит митинговать...Необходимо переходить к практическим действиям".

Гунько, в очередной раз заклеив Ельцина ("алкоголик и некультурный тип"), в завершение своего выступления призвал мужчин записываться в народное ополчение, так как "на оккупированной территории народ сам должен стать и судьей и исполнителем приговора".

Генерал Макашов, встреченный овацией, также прошелся по правящей верхушке и сообщил об открывшемся в этот же день заседании Русского национального собора, который должен объединить всех патриотов России.

Кроме указанных ораторов выступили депутаты РФ Исаков и Саенко, Гарифуллина (газета "Советская Россия"), Луночкин (Совет рабочих Москвы), Зеленский (комсомол), представители из Приднестровья и Прибалтики. Невзоров со своими помощниками вел съемки. По ходу митинга были приняты резолюции о движении "Демократическая Россия", о московской милиции и о средствах массовой информации.

Движение Дем.Россия обвинялось в разжигании классовой и межнациональной вражды, патологической ненависти к коммунистам, разжигании антирусских настроений и межрелигиозной розни, а также в коррупции, воровстве и разрушении культуры. Предлагалось обратиться в Конституционный Суд для возбуждения дела о признании Дем.России антиконституционной организацией.

В обращении группы офицеров московской милиции говорилось о ее возможном разгоне, поскольку ее личный состав в своем большинстве поддерживает "Трудовую Москву" и не хочет защищать торговцев и дельцов. В принятой резолюции было заявлено: "Трудовая Москва - вместе с трудовой милицией" (последующие события показали, что "группа офицеров московской милиции" - это еще не вся московская милиция).

В резолюции о средствах массовой информации подчеркивалось, что все они, а телевидение в особенности, являются главными орудиями обмана и занимаются обработкой общественного сознания в нужном для правящего класса направлении. Было также выдвинуто требование о предоставлении времени на ТВ лидерам "Трудовой России" для изложения своей социально-экономической программы по выводу страны из кризиса, а также о выделении для оппозиции одного часа эфирного времени ежедневно.

В завершение митинга Анпилов прокричал в микрофон: "Мы не можем смириться с тем, что они врут в каждой квартире...Народ имеет право на выражение своего мнения". Затем он призвал собравшихся идти к зданию телецентра, несмотря на милицееское

оцепление, организовать круглосуточную осаду здания, потребовал выйти к народу Полторанина (вице-премьер по СМИ) и Егора Яковлева (директор ТВ-Останкино), а женщин, сторонниц "Трудовой России", попросил "носить еду пикетчикам".

После выступления Анпилова, в 13-40 манифестанты вышли на проезжую часть улицы Королева и направились в сторону телецентра, однако милицейские цепи не собирались расступаться перед ними. Поскандировав пару минут "дорогу, дорогу", передние шеренги манифестантов, в которых находились преимущественно молодые мужчины, раздвинули металлические барьеры, перегораживавшие улицу, и в короткой потасовке с милиционерами расчистили остальным путь к основному зданию телецентра (милиционеры сопротивлялись слабо).

Толпа с криками "ура!" хлынула на свободное пространство, и, расположившись на площадке перед зданием, стала скандировать: "Позор, Позор" и "Советский Союз". В течение нескольких минут на установленные вдоль площадки стационарные флагштоки под одобрительные крики собравшихся были подняты четыре красных и шесть "имперских" флагов, а также один андреевский флаг и один флаг с изображением "Спаса" (на красном фоне). Снизу было видно, как к открытым окнам телецентра подходили его сотрудники, чтобы рассмотреть толпу, а в некоторых окнах появились люди с телекамерами.

В начале третьего Анпилов и Невзоров направились в здание телецентра на переговоры с Егором Яковлевым. Примерно в это же время на площадку подогнали старенький ЗИС-5, принадлежавший "Трудовой России", установили на нем громкоговоритель и продолжили митинг. Говорили о том же, что и прежде: империя лжи, продали Россию, капитализм, мафия, дерьмократы-фашисты, грядет голод, народ устал и готов биться, социализм-коммунизм-ленинизм - единственно верное учение, сионисты на ТВ - это разврат и порнография, долой Ельцина, Гайдара, Лужкова, Попова, Горбачева, А.Яковлева и Е.Яковлева, под суд их всех.

Спустя минут тридцать люди заматались в поисках воды, так как стояние на солнцепеке очень изматывало, а никаких лотков с водой, пусть и за деньги, поблизости не было (к этому времени на площадке осталось 18-20 тыс. человек). Кто-то попытался пить воду из пруда, но его отговорили. Наконец обнаружили тянувшуюся вдоль здания телецентра длинную водопроводную трубу с краном, но без маховичка. Тут же у кого-то нашлись плоскогубцы, ими открыли кран. За водой выстроилась очередь из 250-300 человек, пили из всего, что напоминало емкость: из банок, пластиковых бутылок и полиэтиленовых пакетов.

Однако "водопой" прекратился через 15 минут, так как ретивые милиционеры, чьи силуэты мелькали за стеклами-стенами главного подъезда, видимо дали команду обслуживающему персоналу перекрыть воду. Народ озверел, мужики кинулись искать твердые предметы, а обнаружив их, стали жестами и криком объяснять ментам, что побьют стекла в здании, если те не дадут воду (судя по настрою разгневанных людей, угрозы были не пустыми). Минут через пять включили воду и народ успокоился.

Ближе к 16-00 появился Анпилов и сообщил, что руководство ТВ во главе с Е.Яковлевым не желает выделять ежедневное время для оппозиции, но готово показать в 17-30 заявления Анпилова и Макашова. Затем, обратившись к собравшимся, лидер трудороссов спросил, готовы ли они и дальше поддерживать требования о предоставлении времени для оппозиции на ТВ. Услышав ответ "Да!", попросил женщин помочь организовать питание для пикетчиков, остающихся у телецентра.

После 17-00 в Останкино начали возвращаться некоторые из манифестантов, покинувшие площадку часа два назад. Они несли палатки и прочее туристическое снаряжение. Посоветовавшись, организаторы пикета решили разбить палаточный городок вдоль тротуара на краю дубовой рощи, напротив основного здания телецентра. К началу седьмого были установлены 22 палатки, причем слева от дорожки, ведущей к стационарному общественному туалету в глубине рощи, были расположены палатки коммунистов, а справа - патриотов (впоследствии на месте общественного туалета появился ресторан "Твин Пиггс").

Разделение палаточного городка по идеологическому принципу не было случайным, поскольку еще до того, на площадке перед телебашней, а затем перед зданием телецентра, среди отдельных групп наиболее ортодоксально настроенных коммунистов и патриотов велись разговоры о том, что патриоты для коммунистов и коммунисты для патриотов - враги, что теперешний союз между ними временный и вынужденный.

Ближе к полуночи в роще и на площадке перед телецентром оставалось не более 3 тыс. человек, т.е. очень мало для столь серьезной акции, как «осада (некоторые говорили – блокада) империи лжи».

В вечерних теленовостях показали и соответствующим образом прокомментировали отдельные эпизоды митинга и момент прорыва милицейского кордона. В последующие дни в дем.прессе появились материалы с критикой в адрес властей, которые, по мнению демократов, чересчур мягко отнеслись к действиям "красно-коричневых": их, мол, следовало жестко и решительно пресечь, дабы они знали свое место. Реакция большинства горожан на происходившие события была не в пользу оппозиции.

Пикетирование в Останкино продолжалось, но упоминали о нем в теленовостях редко. Вдруг 16 июня по ТВ началось нагнетание истерии: пикетчиков обвиняли в том, что они оскорбляют идущих на работу сотрудников телевидения, создают им препятствия и т.д.

В этот же день поздно вечером на площадке перед телецентром и в палаточном городке находилось не более 1.5 тыс. человек. С грузовика ЗИС-5 читали стихи. В начале двенадцатого на грузовик взобрался Анпилов и созвал пикетчиков. Обратившись к ним, он заговорил о методе провокации, напомнил об операции "Гляйвиц" перед нападением нацистов на Польшу и обвинил власти в разжигании страстей по поводу пикетирования телецентра. Затем он продемонстрировал кистень чуть ли не фабричного изготовления и большую банку с бензином. Эти предметы, по его словам, обнаружили женщины-

пикетчицы, заинтересовавшиеся подозрительной возней двух неизвестных парней возле одной из вновь появившихся палаток (всего к этому времени их было более 30-ти). Заметив интерес к себе со стороны пикетчиков, парни исчезли, оставив вышеуказанные предметы в палатке.

Объяснив пикетчикам, что данный инцидент является не чем иным, как подготовкой к крупномасштабной провокации против оппозиции, Анпилов призвал всех участников пикета проявлять бдительность, предложил оставить в палаточном городке только дневальных, а всем остальным перейти на эту сторону улицы к телецентру и пикетировать по-настоящему (его призыву последовала лишь половина участников пикета).

Ближе к часу ночи к палаточному городку подъехали на трех автобусах омоновцы, потребовали освободить территорию, разобрали палатки и увезли их с собой (под песню "Варяг", исполнявшуюся пикетчиками).

На следующий день к 19-00 перед телецентром собралось 5 тыс. человек. Анпилов, описывая события прошедшей ночи, говорил: "Когда ОМОН разбирали палатки, то мы - здоровые мужики терпели, стиснув зубы...Лужкова под суд! (толпа проскандировала)...Начинаем подготовку к решающему бою 22 июня...Приходите сюда каждый день...Только война может очистить нашу землю от этой нечисти, только борьба приведет к освобождению!"

Затем было зачитано обращение некоего депутата Балашова, в котором тот призывал российское руководство отдать под суд Анпилова и других организаторов пикета в Останкино за разжигание антисемитизма, национальной и социальной вражды. Свое отношение к услышанному собравшиеся выразили свистом и криками "Долой!" (кстати, на этот раз, в отличие от предыдущих дней, лидеры коммунистов открыто выражали свое несогласие с патриотами, когда те допускали в своих речах откровенно антисемитские высказывания).

Содержание выступлений других ораторов не отличалось разнообразием. Дольше всех говорил Гунько: "Нам надо эффективнее использовать свои малые силы, идти в город и разъяснять людям, почему мы стоим здесь...Вчера приехал ОМОН, а мы не вооружены...Хорошо еще, что это был "интеллигентный" ОМОН... Нам тоже надо вооружаться - иметь каждому дубину...Все революции побеждали с помощью булыжника...У нас есть все основания перекрыть эту улицу до тех пор, пока они не вернут нам нашу собственность - палатки...С фашистами, с этим дерьмом нам не следует пользоваться цивилизованными методами...Эта орда действует против нас жестко и мы должны действовать против них как людоеды - жестко. На войне, как на войне!"

Большинство митингующих с удовольствием слушало выступающих, в особенности тех, кто призывал к "решительной борьбе с оккупационным режимом" и назначал дату открытого выступления против властей. Вслед за подобными призывами раздавались бурные аплодисменты и крики "Правильно!" Однако наряду с

восторженными оценками, в отдельных группах манифестантов циркулировали мнения иного рода, прозвучало слово "гапоновщина".

18 июня пикетирование в Останкино продолжилось. В этот же день в первом гуманитарном корпусе МГУ, в первой поточной аудитории состоялась межпартийная конференция коммунистов, на которой обсуждалась программа "100 дней после Ельцина". Вел конференцию Р.Косолапов, представлял программу - Б.Хорев. Судя по выступлениям ораторов, большинство из них почему-то считало, что в стране сложилась революционная ситуация и через три-четыре месяца к власти придет народное правительство, которому и будет предложена рассматриваемая программа по выводу страны из кризиса.

Ближе к 20-00 Косолапов сообщил, что в Останкино, где в это время шел митинг (встреча с коллективом редакции газеты "День"), патриоты собираются провести какую-то акцию и надо после конференции поехать туда, чтобы предотвратить возможную провокацию с их стороны. Часть участников конференции убыла в Останкино, не дожидаясь ее завершения. В начале десятого в Останкино находилось не более 3 тыс. человек, но в отличие от предыдущего вечера они располагались не перед телецентром, а на площадке перед телебашней, куда еще утром были вытеснены пикетчики (власти реквизируют у пикетчиков и автомобиль ЗИС-5). Здесь же, на газоне возле площадки, пикетчики разбили две большие палатки. Все пути в сторону телецентра перекрывали плотные шеренги милиционеров с дубинками и щитами в руках.

Встреча с газетой "День" уже закончилась и, по словам манифестантов, все прошло спокойно. В это время лишь Маляров ходил с мегафоном перед цепью милиционеров, призывая их не выполнять преступные приказы властей и не применять силу против мирных манифестантов. Милиционеры, стоявшие в оцеплении, а это были в основном дзержинцы, внимательно слушали Малярова и манифестантов, которые также проводили с ними разъяснительную работу, но, как показали последующие события, вся эта пропагандистская акция не дала должного эффекта.

В понедельник 22 июня по городу поползли слухи о разгоне оминовцами остатков пикета в Останкино, в результате чего имелись убитые и раненые.

На этот день оппозиция наметила антифашистский митинг возле телебашни, однако Лужков запретил его. Ко времени начала митинга (18-00) подходы к Останкино были блокированы милицией. Общественный транспорт следовал по улице Королева мимо пруда и телецентра без остановок. На территории от начала пруда у трамвайного круга и до Ботанической улицы (включая дубовую рощу) находилось примерно 10 тыс. милиционеров, подразделение конной милиции и группы милиционеров со служебными собаками, 11 пожарных машин с водометами, не менее трех десятков "черных воронов" и автозак.

Перед милицейским кордоном, растянувшимся от Останкинского дворца в сторону Новомосковской улицы, бродили примерно 3 тыс. человек, пришедших на митинг. Разговоры велись о разгоне пикета в символическое время (4 часа утра) и о количестве погибших пикетчиков (по разным версиям - от двух до пяти человек). На вопросы о

митинге люди отвечали, что основная масса манифестантов уже ушла в сторону проспекта Мира, а оттуда на Манежную площадь, где состоится митинг для ветеранов войны, разрешенный властями.

Часть манифестантов осталась на площадке у главного входа ВДНХ (не более одной тысячи). Здесь же одному из помощников Невзорова кто-то пересказывал с чужих слов о побоище, учиненном омоновцами. Это же событие бурно обсуждалось в вагоне метро теми, кто решил поехать на Манежную и там встретить колонну. Большинство пассажиров отнеслось к услышанному очень спокойно, а некоторые с раздражением говорили, что это, мол, ваше дело (тех, кто бежит по митингам), а наше дело - сторона. На Манежной площади шел митинг ветеранов войны (около 7 тыс. человек). На трибуне находились известный герой войны Маресьев и несколько генералов. Над толпой развевались шесть красных флагов. О колонне манифестантов из Останкино никто ничего не слышал.

В 19-00 выход в город на станции метро "Рижская" был закрыт, а на проспекте Мира перекрыто движение транспорта. Лишь при подходе к площади Рижского вокзала со стороны центра стало понятно почему: поперек проспекта стояли грузовые машины, а перед ними - цепи милиции. С площади доносились крики, аплодисменты и скандирование: "Фашисты", "Позор". С улицы Гиляровского пропускали к вокзалу только тех, кто предъявлял билеты на поезда Рижского направления.

В 19-20 на площади находилось примерно 10 тыс. манифестантов, часть из них сидела на мостовой. Трибуной для выступления служила крыша троллейбуса, отогнанного манифестантами из-под контактных проводов. На троллейбусе висел плакат с надписью: "Останкино. Сегодня в 4-30 убито 5 человек. 1 - женщина, 1 - мальчик 15 лет, 2 - девочки 16 лет, 1 - мужчина".

Участники демонстрации рассказывали, как они беспрепятственно дошли от ВДНХ до Рижской, но здесь проспект уже успели перекрыть (было 18-40). Когда же колонна направилась в сторону ул.Гиляровского (параллельной проспекту Мира), ей наперерез ринулись вооруженные дубинками и щитами омоновцами и в самом начале улицы схлестнулись с манифестантами. Ожесточенная драка между ними длилась минут 5-7, однако продавить омоновцев в узком пространстве не удалось и демонстрантам пришлось расположиться на площади, где и начался стихийный митинг. Во время стычки с омоновцами с верхних этажей жилого дома на углу ул.Гиляровского в демонстрантов бросили три бутылки, но они, к счастью, никого не задели. Тем не менее, после этой стычки три человека ходили с перебинтованными головами, а на лицах некоторых демонстрантов виднелись свежие синяки и ссадины.

На митинге выступили Анпилов, Бушин (писатель), Скурлатов, Пичужкин, Н.Павлов, Аксючиц, участники разогнанного утром останкинского пикета и ряд других ораторов (за несколько дней до этого, давая интервью по ТВ, Аксючиц отмежевывался от действий сторонников оппозиции в Останкино). Выступавшие клеймили и московские и центральные власти за чинимый произвол, предлагали создать единый Совет оппозиции

для координации действий, призывали к организации всероссийской политической стачки и выражению недоверия действующему президенту и его команде.

В 19-45 к цепи дзержинцев, перегораживавших проспект Мира, подошла группа писателей-патриотов во главе с Ю.Бондаревым и тот стал объяснять бойцам, что нынешний режим ведет народы России к голоду и рабству, и что они должны быть прежде всего защитниками народа, а не той власти, которая разрушает страну. Обращение Бондарева поддержали стоявшие тут же манифестанты, но военные практически не реагировали на все эти разговоры. Лишь некоторые из них, наученные наверное отцами-командирами, повторяли, как заведенные, одну и ту же фразу: "Вы сами выбрали эту власть, которая запрещает ваши демонстрации".

Вскоре после этого эпизода к мегафону подошел гармонист и заиграл "Священную войну". Люди запели: кто-то от начала и до конца, а большинство - только припев. В 20-25 появился Анпилов и сообщил, что к вице-президенту Руцкому отправились депутаты Бабурин и Исаков, чтобы доложить ему о сегодняшних событиях в Останкино и у Рижского вокзала для принятия мер к виновным за избивание мирных пикетчиков и демонстрантов. Затем он еще раз призвал к проведению общероссийской политической забастовки, начиная со 2 июля, после чего была принята очередная резолюция с требованием о предоставлении лидерам оппозиции времени на ТВ и с призывом к населению России более активно противодействовать властям, вплоть до объявления забастовки.

Затем слово предоставили юноше Жене Коневу, очевидцу событий в Останкино, который рассказал, что рано утром, когда почти все спали, к пикету подъехали шесть автобусов с омоновцами: "Они были злые, как цепные псы и стали крушить палатки и гоняться за пикетчиками... Жестоко избили даже убегающую от них женщину... Гонялись за ребятами на патрульной машине, а догнав, также жестоко избивали". Дальше он не смог говорить и, сев на крышу троллейбуса, заплакал (собравшиеся проскандировали: "Ельцин убийца!").

Примерно в 21-00 среди митингующих стали распространять свежие номера газет "Правда" и "Советская Россия" (за 23 июня). В "Правде" говорилось о возможном числе погибших в Останкино, а "Советская Россия" напечатала фамилии погибших: одной женщины и двух подростков - девочки и мальчика. Когда газеты с этими материалами показали одному из полковников милиции, возглавлявшему милицейское оцепление, он заорал, что все это клевета, что никаких погибших не было и нет.

В 22-00 на крышу троллейбуса взобрался депутат Бабурин (скандеж: "Бабурин, Бабурин") и обратился к собравшимся: "Мы не предполагали, что 22 июня опять будет для нас трагичным...Мы были у вице-президента РФ и передали письмо...Поставили вопрос о наказании виновных...Никто не должен уйти от ответственности...Сейчас вице-президент дал указание открыть станцию метро "Рижская"...Мы оставляем за собой контроль за переговорами с телевидением и от своих требований не отступим...На митинге на Манежной площади было меньше людей, и когда кто-то из организаторов попытался

убрать красный флаг с трибуны, то генералы и адмиралы покинули ее и тогда организаторы были вынуждены оставить на трибуне флаг цвета Победы...Не теряйте чувство ответственности, чтобы не дискредитировать себя...Спасибо. Мужества всем нам!" (народ бурно зааплодировал).

Вскоре после выступления Бабурина люди направились к метро, но не только для того, чтобы разъехаться по домам – многие поехали митинговать на Советскую площадь к зданию Моссовета. Там собралось не более 3 тыс. человек, но митинг не состоялся, так как спустя 20 минут после появления манифестантов (примерно в 23-30) их разогнали омоновцы.

На этом завершилась "Осада империи лжи", а организовать всероссийскую политическую забастовку, несмотря на неоднократные призывы лидеров оппозиции, так и не удалось.

Узнав о событиях 22 июня, "демократическая общественность" либо отмолчалась, либо выступила с одобрением поведения властей: мол, так и надо поступать с этими "коммуно-фашистами".

Спустя неделю - в понедельник 29 июня - Дем.Россия провела на площадке перед телебашней контр-митинг против "красно-коричневой" опасности. Его участники собрались к 18-30 у главного входа ВДНХ, а оттуда проследовали по улице Королева к назначенному месту (было ясно, 23 градуса). Всего на митинг явилось не более 20 тыс. человек и многие из присутствующих стали вспоминать 200-тысячные митинги Дем.России двухлетней давности.

Во главе колонны шла группа представителей от объединения "Август-91", а за ними - Союз солдатских матерей. Во время движения духовой оркестр периодически исполнял "Прощание славянки", "Славься!" и военные марши. Когда колонна приблизилась к пруду, ее встретила небольшая группа анпиловцев, скандировавших: "Ельцина на рельсы! " и "Ельцин Иуда!". В ответ из колонны раздались угрожающие крики и свист.

На площадку перед телебашней манифестанты принесли 26 российских флагов, 2 флага РУХа и 2 - экологов. Содержание большинства лозунгов соответствовало заявленной теме:

- Нет, национал-большевизму!
- Нет ни Еллина, ни Иудея, ни Скифа
- Вставай страна огромная - фашисты опять наступают
- Трудовая Москва и Трудовая Россия - партии хулиганов, истеричек, лодырей, полит.шпаны
- Конституционный Суд! Добей смертельно раненого зверя - КПСС
- Антисемитизм, коммунизм, фашизм - не пройдут!
- Антисемитизму - нет!
- NO RASARAN!

- Советы - логово коммунистов
- Борис и Егор! Да поможет Вам Бог!
- Комифашистов - к ответу!
- Ельцин, Лужков! Требуем укрощения анпиловцев и наведения порядка
- Власть! Пора ловить мышей, прими озверин
- Открыть архивы КГБ. КПСС - под суд
 - КПСС и нацистов под суд
 - Анпилову и Невзорову - прямой эфир только со скамьи подсудимых
 - Наша последняя надежда - неподкупные светлые головы из 4-й власти
 - Защитим Россию от фашизма-большевизма
 - Мы с вами, Е.Яковлев и О.Попцов. Нет, анпиловщине!
 - Россияне, будьте бдительны! Новому путчу не пройти!
 - Сейчас не время для конфронтаций. Согласие - путь к возрождению (на плакате
- портрет Горбачева)
 - Обнародовать все преступления против человечества
 - Спасем Россию от большевиков и дебилов-патриотов
 - Ельцин - наш законно избранный президент. Стерлиговы не пройдут!
 - Руби, Борис! (нарисованы красная и коричневая головы дракона)
 - Борис, добей красного дракона!

На митинге выступили более 20 человек: А.Иванов (поэт-пародист), Нуйкин, Якунин, Л.Пономарев, Селюнин (публицист), П.Гусев (редактор "Московского комсомольца"), Прошечкин, Гиль (нар.-патр. партия), Лымарь, Борисов (священнослужитель), Суворов (Союз СТК), Уражцев, Мирошник (рок-музыкант) и ряд других.

Практически во всех выступлениях говорилось о "красно-коричневой угрозе", о том, что "они совсем распоясались и выступают с погромными лозунгами". Сторонники оппозиции и их лидеры именовались не иначе, как "фашисты", "уголовники", "бесовские рожи", "перекошенные лица" и т.д. Звучали призывы к Ельцину жестко пресечь "этот шабаш красно-коричневых", запретить все их партии и движения, а также печатные издания. Если же власти, как сказал Прошечкин, "не будут пресекать их незаконные действия, то мы сами выйдем защищать демократию".

В разгар митинга на трибуну поднялся молодой человек, представился сторонником "Трудовой России" и попросил дать ему слово (при подходе колонны он находился в группе скандирования анпиловцев). Толпа возмущенно зашумела, раздались крики "Долой!", однако Пономарев, сославшись на демократический принцип свободы слова, разрешил ему выступить. Паренек назвал себя (Дмитрий Якушев) и сказал, что он хочет найти общий язык с собравшимися: "Я не был даже комсомольцем, мне 22 года...Такая же нетерпимость характерна и для наших митингов...И если, как в 17-м году, мы пойдем друг на друга, то плохо будет всем...Давайте сядем, поговорим, обсудим

проблемы страны...". Тут уж толпа не выдержала, шум и свист усилились, понеслись крики "Долой", "Фашист" и организаторы митинга оттеснили юношу от микрофона.

Одним из наиболее страстных выступлений против лево-патриотической оппозиции было выступление Уражцева: "Стерлигов - иуда мерзопакостная...Кровавые лапы большевиков...Надо, чтобы они нашу молодежь не увели...Организовать патрулирование, чтобы фашисты не прошли...Мафия захватила власть и мы приглашаем офицеров в налоговую инспекцию...Борис Николаевич, отрешитесь от старой номенклатуры и продавшихся депутатов...Надо лишить Макашова звания русского генерала (тут же и проголосовали за это предложение)...Лишить их (т.е. старую номенклатуру из ЦК и Политбюро) всех пенсий...Разобраться с дачами Рыжкова и генералитета и с 240 фондами, где пасется КПСС" (всего лишь через 15 месяцев Уражцев вдруг оказался в рядах "красно-коричневых" и стал одним из наиболее активных организаторов прорыва милицейского кордона на Крымском мосту 3 октября 1993 года).

По ходу митинга было принято несколько резолюций. В одной из них говорилось, что экстремисты требовали в Останкино предоставления им эфирного времени, но "нигде в мире не дают эфир "красным бригадам"...Моссовет встал на сторону экстремистов - позор Моссовету...Удивляет позиция прокурора Москвы, т.к. оппозиция организовывала в Останкино не массовые митинги, а массовые беспорядки...На каком основании функционирует "Трудовая Москва"?...Мы за законность и правопорядок...Фашизм не пройдет!"

В другой резолюции речь шла о том, чтобы пресечь давление "Трудовой Москвы" на Конституционный Суд, когда в нем начнут рассматривать дело КПСС. Если же власти будут бездействовать - говорилось в резолюции - то Дем.Россия готова обратиться за массовой поддержкой к москвичам, чтобы суд мог вынести верное решение.

Помитинговав два часа, люди стали расходиться.

Очередная серия митингов была организована в дни первой годовщины августовских событий 1991 года. В среду 19 августа выдался почти такой же день как и год назад - пасмурно, временами накрапывал мелкий дождь, 20 градусов. Люди стали появляться возле Белого дома еще с утра, но больше всего их собралось ближе к 19-00 (примерно 15-17 тыс. человек). Многие пришли в той же одежде, в какую они были одеты год назад и принесли таблички с названиями отрядов. Толпа оказалась намного "моложе" прошлогодней, причем вели себя молодые довольно развязно, матерились чуть ли не после каждого второго слова, кричали и визжали, распивая спиртные напитки "в честь победы над коммунистами".

20 августа в 21-00 состоялся главный митинг (было пасмурно, 14 градусов). На площади перед БД со стороны стадиона собралось около 25 тыс. человек. Из российских руководителей на балконе находились Хасбулатов, Гайдар, Бурбулис, Шохин, Филатов (манифестанты, стоявшие внизу, недоумевали по поводу отсутствия Ельцина и Руцкого).

Первым выступил Хасбулатов, встреченный частью собравшихся свистом и протестующими криками. В начале своей речи он подчеркнул, что год назад москвичи собрались в поддержку российского руководства "по призыву парламента". Далее, говоря о проводимых в стране реформах, Хасбулатов обратил внимание на необходимость принятия согласованных решений (между правительством и Верховным Советом) с учетом критических замечаний со стороны граждан. В заключение прозвучал призыв к сохранению в стране гражданского мира, без которого невозможно проведение реформ (часть собравшихся поаплодировала ему, а десятка два-три его активных противников стали свистеть и скандировать: "Хасбулатова долой!").

После него выступили еще 22 человека, в основном из числа "штатных" ораторов (Адамович, Якунин, Черниченко, Брагинский, Боровой, Нуйкин, Уражцев, Гдлян, Комчатов, Прошечкин и ряд других). Теплее всего были приняты толпой Бурбулис и Гайдар.

Бурбулис своим бабьим голосом передал низкий поклон от Ельцина, а затем продолжил: "Пусть корчатся от гнева те, кто предрекает падение демократам. Этого никогда не будет...Мы доказали, что российский народ достоин своей истории...Мы будем всю жизнь признательны погибшим в те августовские дни...Наши реформы в надежных руках и те, кто их осуществляет, сверяют их с вами". В конце своего выступления Бурбулис призвал оппонентов правительственному курсу реформ к согласию с правительством.

Гайдар начал с осуждения ГКЧПистов: "Они думали, что стукнув кулаком можно решить все проблемы, они считали народ безгласным". Затем, остановившись на проблемах реформирования экономики, он обвинил старую номенклатуру в стремлении повернуть страну вспять: "К сожалению, нам не удалось сразу сломать тоталитаризм, эти люди не ушли, они выжидают, но они ошиблись...Народ умнее, чем они думали, народ не идет за ними, несмотря на все их потуги...Мы не обречены быть все время нищими, не обречены быть второсортными...Главное - дать народу свободно работать...Надеждам тех, кто хочет вернуть народ в прошлое не суждено сбыться...Будущее за нами!" (аплодисменты).

Своим выступлением Гайдар задал тон другим ораторам, каждый из которых все негативные последствия от проводимых им реформ связывал с подрывной деятельностью старой номенклатуры или КГБ.

Руководитель Независимого профсоюза горняков (НПГ) А.Сергеев заявил, что аппарат КГБ опять начинает собирать сведения на рабочих лидеров и завершил речь предупреждением: "Мы говорим: номенклатура - ты допрыгаешься!" (аплодисменты).

Весьма эмоциональным было выступление Гдляна: "Сегодня не демократы, а дерьмократы у власти...Если раньше грабили ведрами, то сейчас - вагонами. Нельзя этого допускать, иначе мы останемся голодранцами...Правовые органы вчера защищали красную мафию, а сегодня - белую...Все это потому, что демократическая власть на 80% состоит из бывшей номенклатуры...Еще немного, еще чуть-чуть и они нас победят...Надо

суметь вторично объединиться в единый демократический блок, чтобы противостоять всем им" (крики "правильно", "давно пора", аплодисменты).

Прошечкин в очередной раз обратился с призывом остановить фашизм в России, обозвал трудороссов "анпиловской шпаной" и довел до сведения собравшихся, что "идеологический фашизм" в лице газеты "День" вышел из окопов, а "Трудовая Россия" создает свое боевое ополчение. Услышав такое, многие в толпе завозмущались, вспомнили события в Останкино и пришли к выводу - "Трудовая Россия" является основной ударной силой перекрасившихся номенклатурщиков и ее следует запретить.

Митинг прошел довольно спокойно. Даже когда кто-то из ораторов, пытаясь раскачать толпу, начинал скандировать: "Россия, Россия" (Бурбулис) или "Ельцин-Гайдар" (Уражцев), люди реагировали достаточно вяло. Лишь когда Адамович в заключение своего выступления произнес: "А коммунизм все-таки сдох!" - собравшиеся устроили овацию.

В 23-00 организаторы призвали манифестантов вытягиваться на Конюшковскую улицу, чтобы проследовать оттуда к месту гибели защитников Белого дома (к этому времени на площади осталось не более 12 тыс. человек). Колонна направилась к пересечению Нового Арбата с Садовым кольцом более длинным путем - через Красную Пресню. Венки от российского руководства несли солдаты из роты почетного караула. Люди в колонне шли молча и медленно, с зажженными свечами. На Конюшковской, у станций метро "Краснопресненская" и "Баррикадная" расположились военные духовые оркестры, а на площади Восстания - хоровая капелла, исполнявшие траурные мелодии во время прохождения колонны.

У памятного знака на месте гибели состоялся траурный митинг, были возложены венки и цветы.

Спустя несколько дней, 26 августа, свой митинг, посвященный событиям августа-91г. ("против унижения страны") провела оппозиция. Перед входом в Парк Горького к 18-00, несмотря на дождь, собралось примерно 20 тыс. человек. Над толпой развевались 50 красных и 5 "имперских" флагов. На главных воротах в парк висел большой красный транспарант с надписью: "Вставай страна огромная!" По радиоустановке "крутили" старые советские песни: "Широка страна моя родная", "Марш коммунистических бригад", песни о Ленине.

Вели митинг руководители московской организации РКРП. По сложившейся традиции при открытии митинга сыграли Гимн Союза, а на временный флагшток подняли государственный флаг СССР (собравшиеся дружно проскандировали: "Советский Союз!").

Выступали, в основном, уже известные ораторы: Гунько, Умалатова, депутат Исаков, Подгузов, генерал в отставке Титов и ряд других. Основное содержание выступлений свелось, как обычно, к проклятиям в адрес правящей верхушки и обвинениям в предательстве: политические власовцы, государственные преступники,

программа реформ - это ограбление народа, братоубийственные войны на территории Союза, преступная программа приватизации, прозападная внешняя политика, дети забыли запах колбасы, интеллектуальная катастрофа, рынок - это дикость, это война.

Умалатова сообщила, что инициативная группа собирается созвать в конце года Съезд депутатов СССР и избрать на нем новое правительства Советского Союза (многие заплотировали, а часть собравшихся восприняла услышанное с изрядной долей скепсиса).

Когда митинг близился к завершению, Гуныко заговорил о Сталине: "Вокруг имени Сталина много всякой клеветы...Руки прочь от Сталина!...Еще придет время скандировать имя "Сталин! Сталин!" (слова в защиту Сталина впервые прозвучали с трибуны на митинге красно-белой оппозиции; многие манифестанты бурно заплотировали, а некоторые, группировавшиеся в основном вокруг "имперских" флагов, возмутились и направились в сторону метро).

Помитинговав под дождем почти два часа, люди стали расходиться. Судя по всему, организаторы рассматривали этот митинг как своеобразную репетицию перед "осенним наступлением трудящихся" и были довольны тем, что в такую погоду на митинг пришло сравнительно много людей.

В Москве "осеннее наступление трудящихся" началось в сентябре, когда Московская федерация профсоюзов (МФП) провела три малочисленных митинга перед зданием Кабинета министров на Старой площади (здание бывшего ЦК). Последний митинг состоялся 17 сентября в 16-30, на который собралось примерно 4 тыс. человек, в основном инженерно-технические работники предприятий ВПК, представители сельских районов Подмосковья и профактив (было пасмурно, временами шел дождь, 14 градусов).

На импровизированной трибуне находились Клочкин (руководитель ФНПР), Шмаков (руководитель МФП), отраслевые профбоссы и очередные ораторы. Всего выступили 12 человек: представители заводов и НИИ военно-промышленного комплекса, а также агропрома и системы образования.

Выступавшие искренне говорили о наболевшем: о ведущейся правительством политике по развалу ВПК, о низкой заработной плате в производящих отраслях, о необходимости индексации оборотных средств, об угрозе интеллектуальной деградации народа в связи с переориентацией молодого поколения на коммерцию, о необходимости государственного регулирования розничных цен на важнейшие товары и услуги, о грядущей ваучерной приватизации как инструменте для обмана людей в интересах мафии и т.д.

Радикально настроенные ораторы призывали выразить недоверие правительству и президенту, в том числе путем проведения всеобщей 24-часовой забастовки, а один из них даже предложил взяться за оружие, если в результате забастовки Ельцин и его окружение не уйдут в отставку. Толпа очень тепло принимала именно радикальные предложения, звучали крики "правильно", "надоело так жить", "сколько можно терпеть", "давно пора".

Находившиеся в толпе анпиловцы (25-30 человек) периодически скандировали: "Банду Ельцина под суд", "Оккупанты", "Советский Союз", "Ельцина на помойку". Они же в конце митинга потребовали предоставить слово Анпилову, но их требование не было удовлетворено.

Несмотря на звучавшие в ходе митинга радикальные требования и положительную реакцию на них большинства манифестантов, профбоссы в очередной раз протащили "беззубую" резолюцию. Опять предлагалось создать комиссию для переговоров с правительством, ну а если переговоры не дадут результатов, то уж тогда в октябре провести общероссийские акции протеста. Анпиловцы и часть манифестантов освистали профбоссов за такую резолюцию, а те быстренько свернули митинг и предложили расходиться по домам.

Однако анпиловцы на этом не утомились и, развернув пару красных флагов, направились во главе со своим лидером по Варварке к Красной площади, скандируя по дороге анти-ельцинские лозунги (за ними увязалась толпа из 500 человек).

В отличие от руководителей-примиренцев из ФНПР, лидеры оппозиции решили "поднимать народ на борьбу с оккупационным режимом" непосредственно у проходных ряда московских предприятий.

Один из таких митингов состоялся 23 сентября перед второй проходной ЗИЛа (организаторы - профсоюз "Защита" и Московский стачечный комитет). К 15-30, т.е. ко времени окончания работы утренней смены, к заводу прибыли активисты различных компартий и некоторые их руководители (Анпилов, Пригарин, Крючков), а также депутаты Исаков и Саенко из блока "Российское единство". Появились и телевизионщики с камерами. На площадке перед проходной одномоментно находилось не более 500 человек, несмотря на то, что в течение 2-х часов, пока продолжался митинг, из нее вышли примерно 10 тыс. заводчан (из указанных 500 человек почти половину представляли активисты "Трудовой России", не являвшиеся работниками завода).

Трибуной для ораторов служил большой контейнер для мусора. С него выступили: Анпилов, Захаров (Московский стачком), Ю.Леонов (профсоюз "Защита"), Дудко (председатель Пролетарского райсовета), Стефанович (экономист из РУСО), а также представители некоторых заводов. Говорили, в основном, о том же, что и на предыдущих митингах, однако на этот раз больше внимания уделили начавшемуся процессу приватизации государственных предприятий, в том числе и ЗИЛа. Звучали призывы к передаче заводов в собственность трудовых коллективов и даже к захвату предприятий самими работниками, а также к созданию боевых рабочих дружин и к подготовке всероссийской политической стачки.

В самом начале митинга понаблюдать за происходящим пришли несколько заместителей ген.директора ЗИЛа, один из заместителей председателя МФП и представители префектуры Южного округа, но удостоверившись, что автозаводцы

практически не задерживаются возле митингующих, а проходят к автобусным остановкам, большие начальники успокоились и вернулись в свои кабинеты.

В вечерних ТВ-новостях показали и прокомментировали отдельные эпизоды митинга, в очередной раз обвинив оппозицию в разжигании страстей и в провоцировании беспорядков на промышленных предприятиях Москвы. На этом "хождение в народ" лидеров оппозиции завершилось.

Последнее мероприятие из цикла "осеннее наступление трудящихся" состоялось в четверг 22 октября во Дворце спорта "Сокольники" (организатор МФП). Собралось 4 тыс. человек, в основном профсоюзный актив предприятий и организаций Москвы и Московской области. Опять, как и на предыдущей акции на Старой площади, ораторы ругали правительство, призывали к всеобщей забастовке, а собравшиеся дружно им аплодировали.

Весьма примечательной была реакция зала на выступление ученого из Института военной истории. Пока он говорил о том, что правительство предоставило нечестным людям свободу спекулировать и воровать и за это его следует отправить в отставку, зал поддерживал выступавшего. Но когда он заговорил о том, что все происходящее в стране стало возможным из-за отсутствия направляющей и руководящей роли компартии, раздались протестующие крики, свист и оратор был вынужден прервать свое выступление.

При обсуждении проекта резолюции функционеры МФП воспротивились включению в нее пункта об объявлении на предприятиях забастовочной готовности, на чем настаивали со своих мест представители предприятий ВПК, занимавшие целую трибуну. В ходе возникшей перепалки, которая длилась минут десять, собрание, за счет голосов всегдашнего "болота", ограничилось принятием в адрес правительства очередного "китайского предупреждения".

Спустя два дня, в субботу 24 октября, в Москве состоялись два мероприятия, организованные оппозицией. Утром в 10-00 в большом зале Парламентского центра на Цветном бульваре начал работу учредительный конгресс Фронта национального спасения (ФНС), а в полдень на Октябрьской площади "Трудовая Россия" собрала второе по счету "Всенародное Вече".

Желающих попасть в Парламентский центр было много. Лишние пригласительные билеты на конгресс спрашивали у станции метро "Цветной бульвар" еще за час до его начала. Свободных мест в зале не было, люди стояли даже в проходах. Настроение у собравшихся (в основном левая и патриотическая интеллигенция) было приподнятое. С разных сторон доносились реплики: "Наконец-то решили объединиться", "Слава богу, сподобились" и т.д.

Оформление зала соответствовало моменту. Над сценой висел транспарант с цитатой: "Россия, встань и возвышайся!", несколько ниже - полотно с изображением силуэта памятника Минину и Пожарскому. На заднике сцены - два больших флага: слева (если смотреть из зала) - черно-желтый-белый, справа - красный, с пятиконечной звездой и серпом и молотом. Вдоль стола президиума прикрепили транспарант: "Фронт национального спасения", а чуть ниже него - флаг с надписью "Русь". Такие же два флага вывесили на балконе зала.

В президиуме находились: Алкснис, Астафьев, Бабурин, В.Белов, Зюганов, Исаков, Константинов, Р.Косолапов, Крайко, Лимонов, Н.Лысенко, Макашов, Павлов, Проханов, Распутин, Саенко, Скурлатов, Умалатова, Чикин, Шафаревич и ряд других деятелей оппозиции, всего около 40 человек. Многих в зале удивило отсутствие в президиуме лидера "Трудовой России" Анпилова. (Некоторые активисты этого движения пояснили еще накануне, что Анпилов счел нецелесообразным вхождение "настоящих коммунистов" в организацию с "национально-буржуазным уклоном").

Первому слово было предоставлено академику Шафаревичу, как самому старшему по возрасту члену оргкомитета. В своем выступлении он сравнил положение в России после августа 1991 года с положением, в котором оказалась Германия после разгрома в 1945 году. Тогда, по словам Шафаревича, Германию наказывали в соответствии с планом Morgenthaу: проводилось расчленение страны, раскручивалась спираль инфляции, огромными темпами росла безработица, из страны выкачивался интеллектуальный потенциал нации. Сейчас практически по такому же сценарию наказывают Россию. Поэтому, чтобы не произошло непоправимого, "надо брать судьбу в свои руки" и переходить от создания ФНС к формированию правительства национального спасения.

После Шафаревича выступили четыре докладчика: Константинов, Проханов, Бабурин и Зюганов.

Константинов: "У нас нет выбора, мы должны быть вместе...Страна в кольце фронтов, но самая горячая точка - Москва, где сидят президент и правительство и дают команды о капитуляции...Гайдар - это национальное бедствие, Козырев - национальный позор...Здесь у нас решается - быть или не быть России...Поэтому необходимо отставить в сторону партийные различия и национальные предрассудки, объединить трудовые коллективы, военных...Народ услышал и поддержал нас...Надо создать единое интегрированное движение, со своими структурами, печатью, группами поддержки в профсоюзах, Советах...Борьбу за власть следует вести конституционными и законными методами, но действовать надо решительно, как никогда, поскольку до краха осталось несколько месяцев...Депутатский корпус колеблется...Мы будем готовить чрезвычайный Съезд с одним вопросом - отставка президента...Надо сделать все, чтобы этот зал не раздирала борьба, надо забыть обиды и амбиции и делать все для единственной задачи - спасения России".

Проханов: "Враг - в доме, пахан - в суде...Нам нечем обороняться...В России сейчас хорошо только крысам и воронью...Народ терпит, но напоследок рванет рубаху на

груди...Красные - идея справедливости...Белые - идея Русской судьбы...Эти силы злосчастно столкнулись в Гражданскую войну...Трагедия красно-белого противоборства должна быть преодолена...Мы, государственники, вернем государство народу...Быть государственником в России просто, а быть антигосударственником - тяжело...Мы с презрением отвергаем хулителей России...Никто не скажет, каким будет будущее России: Царь, Президент, Дума?...История нам сама подскажет...Три сущности, три Космоса России: пространственный, социальный, духовный...Мы остановим этот оползень, остановим войну...Воссоздадим наш Союз...Не рассоримся – славяне и турки, православные и мусульмане...Сейчас в России царствует хам - сытый, хохочущий...Старый мир исчерпал себя и мы, россияне, сделаем вклад в историческое творчество...Мы будем строить не на насилии, а на гармонии материи и духа...Жертвенность и бесстрашие - вот что нам необходимо...Они держатся за счет нашего малодушия...Не устрашимся застенков...Все распри должны быть забыты...Россия не мстительна...За единство красных и белых!"

Бабурин: "Мы собрались, чтобы реализовать идеи бывшей депутатской группы "Союз"...Надо собрать на основе гражданского единения многонациональную Россию...Октябрь 17-го года – это отрицание предыдущей социальности, август 91-го года - отрицание отрицания...У интеллигенции без масс никогда не было и не будет возможности что-то сделать...Разжигание между ними противоречий неоднократно ввергало Россию в бедствия...Перед нами альтернатива: либо правительство национального спасения, либо диктатура - левая или правая со всем арсеналом насилия...В этом столетии лимит на войны для России исчерпан...Мы сами должны выступить инициаторами экономических реформ и политических преобразований...Нам нужен такой основной закон (конституция), который бы создавал государство...Нам надо восстановить механизм правительственных заказов...Пересмотреть политику либерализации цен, восстановить их регулирование...Осуществить поворот к инвестиционной политике...Резко сжать бюджетный дефицит...Ограничить выпуск денег...Если президент и правительство отмахнутся от наших предложений, поставить на предстоящем Съезде вопрос об их отставке...Если же Съезд не пойдет на это, то надо проводить досрочные выборы и депутатов, и президента, но по новой системе - мажоритарно-представительной и многопартийной...Не надо питать иллюзий, что мы избежим противоречий после создания ФНС...Главное - уйти от конфронтации между красными и белыми".

Зюганов: "От "Слова к народу" до совместной политической декларации левой и правой оппозиции минул год, но за этот год мы потеряли государство...Нас решили скупить оптом и в розницу...Мы опомнились лишь тогда, когда увидели, что бал правят воры и негодяи...Главный вопрос - сохранится ли наша история?...Любую организацию можно победить организацией же...На нашем пути нет лавровых венков, все развалено и подорван дух россиян, но все поправимо, если обуздаем гордыню...Необходимо формировать структуры для сохранения страны, проводить работу в трудовых коллективах, создать информационную сеть...Опубликовать состав правительства

национального спасения...Провести общероссийский митинг под девизом "Россия страна народная, а не мафиозная"...Организовать поход против империи лжи...Разоблачать идеи сепаратизма и Беловежский сговор...Провести заседание общественного трибунала по Горбачеву...Да здравствует Отечество!, Да здравствует Победа!, Да здравствует наше братство!"

Выступления докладчиков принимались залом "на ура", часто прерывались бурными аплодисментами всех собравшихся, в особенности когда звучали призывы к объединению всех ветвей оппозиции и обвинения в адрес Ельцина и его "правительства реформаторов".

В субботних ТВ-новостях дали относительно объективную информацию о состоявшемся конгрессе ФНС. Однако через два дня в средствах массовой информации появились статьи об угрозе фашизма и коммунистического реванша, а затем Ельцин издал указ о запрете ФНС. Лидеры ФНС, в свою очередь, заявили о неконституционности данного указа и отказались его выполнять.

В этот же день в 12-30 на Октябрьской площади уже шел митинг. Людей собралось не более 15 тысяч (было пасмурно и ветрено, минус 5 градусов). На площадь принесли 50 красных и два "имперских" флага.

За несколько дней до этого "Трудовая Россия" подала заявку на проведение шествия от Октябрьской до Манежной площади, но мэрия дала разрешение лишь на проведение митинга на Октябрьской площади без всякого шествия. В связи с этим на координационном совете движения возникли разногласия между Анпиловым, который настаивал на проведении шествия несмотря на запрет, и большинством совета, решившего не идти на бесплодную конфронтацию с властями, учитывая снижение степени активности сторонников оппозиции.

На митинге выступили Анпилов, Диас (от бразильских левых), Сергеев (его представили в качестве премьера "теневое" правительства, избранного на последнем Съезде рабочих в Н.Новгороде), Хорев (профессор МГУ), Милосердов (Союз офицеров), Гунько, рабочий из Краснодара и ряд других.

Сергеев изложил основные положения экономической программы "теневое" правительства: заморозить цены; объявить спекулянтов главными врагами России и национализировать спекулятивный капитал; провести денежную реформу и отменить хождение иностранной валюты в стране; принять необходимые меры по возврату в страну 40 миллиардов долларов, вывезенных мафией и новой номенклатурой; отменить все акты о приватизации госсобственности; допустить пожизненное владение землей без права передачи ее в частную собственность.

В 13-15 на трибуне появились Макашов и Саенко, прибывшие на митинг с конгресса ФНС. Толпа встретила генерала овацией и с подачи Анпилова стала скандировать: "Макашов, Макашов". Тот выступил с краткой речью, суть которой

заклучалась в следующих словах: "Один Макашов ничего не сделает...Необходимо единение разнородных политических сил оппозиции".

В резолюции митинга, которую зачитал своим "левитановским" голосом Гунько, в очередной раз выражалось недоверие Ельцину и его команде и требование их отставки во избежание гражданской войны; говорилось о поддержке "теневого" Советского правительства; был одобрен проект новой Советской Конституции, в соответствии с которой до 1 марта 1993 года в стране следовало провести выборы в Советы по производственному принципу, а при формировании исполнительных органов власти руководствоваться принципом равного социально-национального представительства (последнее положение было впервые озвучено на митинге левых).

Помитинговав до 15-00, "Вече" завершило свою работу исполнением Гимна Советского Союза (к этому времени на площади осталось не более 5 тыс. человек).

День 75-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября левые партии и движения отметили шествием от Октябрьской до Манежной площади, где состоялся митинг. Кроме них свои мероприятия провели патриоты (РХДД, кадеты) и троцкисты ("Рабочая демократия").

Патриоты собрались к 9-30 на Лубянской площади у Соловецкого камня (их было не более 1 тыс. человек). На трибуне, с установленным на ней транспарантом "Прости, распятая Россия", находились Аксючиц, Астафьев, Константинов, В.Осипов. Участники собрания принесли 6 "имперских" и 2 андреевских флагов. На непродолжительном митинге, который вел Аксючиц, выступили Осипов, кто-то из поэтов, представители казаков и Союза офицеров. Все выступления были выдержаны в спокойных тонах. Ораторы говорили о миллионах замученных и убитых, начиная с 1917 года, о том что народ тогда, как и сейчас был обманут, но тогда обманывали социализмом, а сейчас - капитализмом.

Осипов в своей речи подчеркнул, что несмотря на трагедию, пережитую русским народом, патриоты не хотят никому мстить, что следует чтить память погибших от рук большевиков, но при этом надо прекратить борьбу между красными и белыми, поскольку перед грядущими испытаниями важно найти согласие между различными силами, выступающими против превращения России в колониальный придаток Запада.

По окончании митинга был отслушен молебен.

Троцкисты собрались к 10-00 на Пушкинской площади у "Известий". Несмотря на листовки, распространявшиеся ими накануне возле некоторых московских предприятий, на митинг явились всего лишь 10 человек (очевидно, весь актив московских троцкистов).

Группировались они возле красного знамени, на котором была изображена черная пятиконечная звезда со сжатым кулаком белого цвета посередине. Тут же были развернуты два транспаранта: "Революция продолжается!" и "Вся власть рабочим

комитетам!" Спустя два часа эти же транспаранты и знамя появились на Манежной площади.

Левые, собравшиеся на Октябрьской площади, начали движение к Центру в 10-45. Манифестанты несли транспаранты с наименованиями партий и движений - "Трудовая Россия", РКРП, РПК, "Союз коммунистов", СПТ, "Единство", "Союз офицеров", "Совет рабочих Москвы" и множество флагов (более 100 красных, 6 "имперских" и 2 андреевских).

Как рассказывали активисты, организаторы хотели провести колонну по маршруту: Октябрьская площадь - Zubовский бульвар - Новый Арбат - Манежная площадь, чтобы манифестантов с их флагами и лозунгами увидели как можно больше людей, однако мэрия навязала короткий маршрут - по Якиманке и Моховой.

Во время движения в голове колонны под руководством Гунько периодически скандировали лозунги: "Власть народу", "Советский Союз", "Ленин, Ленин", "Сталин, Сталин", "Ура, русскому народу", "Фашизм не пройдет", "Слава советской милиции", "Позор Мурашову", "Слава Великому Октябрю". Скандирование лозунгов перемежалось исполнением советских песен по радио-машине: "Яблочко", "По долинам и по взгорьям", "Тачанка", "Наш паровоз вперед лети", "Широка страна моя родная" и другие.

Колонну на всем пути следования попеременно сопровождали два вертолета ГУВД Москвы. По этому поводу некоторые участники шутили, что это, мол, Мурашов решил напоследок посмотреть сверху на тех, кто давал ему пощечины и плевал в лицо (за несколько дней до этого было принято решение об освобождении Мурашова с должности руководителя ГУВД Москвы).

При подходе к Малому Каменному мосту на перекресток выскочил какой-то парень и стал размахивать бело-сине-красным флагом, выкрикивая антикоммунистические лозунги. Шедшие впереди дружинники-трудороссы налетели на парня, надавали ему тумаков и отогнали к набережной, а отнятый у него флаг изорвали в клочья (на все это спокойно взирали находившиеся поблизости офицеры милиции).

Митинг на Манежной площади начали в 12-30 (собралось 50-55 тыс. человек; переменная облачность, минус 2 градуса). Сыграли Гимн Советского Союза и подняли два красных флага: один – на флагштоке возле трибуны у гостиницы "Москва", а второй – на конце длинной стрелы передвижного подъемного крана возле ремонтировавшейся гостиницы "Националь". Появились новые лозунги:

- Долой власть выродков!
- Защитим Родину от ЦРУ и сионизма
- МАИ - не вотчина Боинга
- Кто не с нами - тот против себя!
- Господа демократы, не считайте нас дураками. Нищему народу приватизация не по карману
- Дембуржиям - собственность, а народу - волчеры

- Проснитесь, люди - ведь нас обокрали!
- Американский народ одобряет реформы Ельцина

Вели митинг Маляров, Якушев и Терехов. Выступили: Пригарин (Союз коммунистов), Зюганов, Анпилов, Крючков (РПК), Терехов, Умалатова, Мельников (Совет рабочих), Нечаев (ветеран войны), Гунько, Константинов (ФНС), Скляр (СПТ), Шишкарев, Кудрявцев (ВКПБ), Чехоев (депутат СССР), представители от комсомола, а также от итальянских, сирийских и турецких коммунистов.

В большинстве выступлений звучали ставшие уже привычными обвинения в адрес команды Ельцина-Гайдара ("оккупационное правительство", "демократическая диктатура"), ссылки на жизнь при Советской власти ("мы жили скромно, но знали, что в следующем году будем жить лучше") и призывы к единству оппозиции.

Зюганов заявил, что "если власти введут чрезвычайное положение в стране, о чем ходят разговоры в околопрезидентских кругах, то это будет началом новой гражданской войны" и призвал проявлять бдительность.

По словам Анпилова, "власти боятся красных флагов" и поэтому "Лужков вывел сегодня на улицы Москвы 350 омонцев, 5 тыс. милиционеров, а всего 12 тыс. вооруженных людей". Далее он сказал, что "не хочет единства с Руцким и Стерлиговым, а хочет единства рабочих и крестьян, русских, татар и представителей других национальностей".

Гунько обозвал ваучеры (приватизационные чеки) - "волчерами" и "вонючерами" и призвал собравшихся не брать их у властей, поскольку, "если ты коммунист, то тогда идешь в кабалу к частнику, если христианин, то потворствуешь обману, а если патриот, то продаешь кусочек Родины".

Один из сопредседателей ФНС - Константинов, впервые выступавший на столь многочисленном митинге сторонников оппозиции, сказал: "ФНС - с народом, там, где куется наше единство... Нас пытаются запугать... Они боятся нас, так как в ФНС объединяются коммунисты и беспартийные, христиане и мусульмане... На нашей земле идет война и мы знаем, кто ее виновники - они за этими стенами Кремля... Надо объединяться во имя нашей страны... Да здравствует наше единство! Вместе - мы победим!"

Лидер Российской партии коммунистов Крючков призвал всех вступать в ФНС.

Представители зарубежных компартий передали приветствия от своих товарищей, выразили солидарность с борьбой российских коммунистов против капиталистической реставрации и провозгласили здравицы в честь "товарища Сталина", что вызвало бурю восторга у многих собравшихся.

Митинг завершился исполнением записи "Священной войны", после чего лидеры и активисты всех компартий (примерно 50 человек) были пропущены милицией на Красную площадь для возложения венков и цветов к Мавзолею Ленина и к захоронениям у Кремлевской стены. Исполнив ритуал, партийные лидеры разошлись, не задерживаясь и даже не попрощавшись друг с другом.

По ходу митинга его участники вели себя достаточно спокойно и периодически, но не очень дружно, скандировали: "Советский Союз", "Ленин, Ленин", "Сталин, Сталин", "Банду Ельцина под суд". Люди потянулись к метро спустя 30 минут после начала митинга и ко времени его окончания на площади осталась примерно третья часть от первоначального состава собравшихся.

Во второй половине ноября, примерно за две недели до начала VII-го Съезда депутатов РФ, Ельцин выступил с заявлением, в котором в очередной раз обвинил оппозицию в реваншизме и пригрозил разогнать Съезд, если депутаты попробуют отобрать у него дополнительные полномочия. Соответствующую "волну" против оппозиции подняли демократические СМИ.

В связи с этим ФНС призвал своих сторонников собраться в воскресенье 29 ноября на Манежной площади на митинг в поддержку депутатов от оппозиции (ФНС впервые со дня своего основания решил провести массовую акцию; в листовке под обращением стояли следующие фамилии: Астафьев, Бабурин, Зюганов, Валерий Иванов, Исаков, Константинов, Макашов, Ник.Павлов, Саенко). В мэрию подали заявку, однако Лужков запретил проводить митинг. Тогда Исаков и Константинов обратились к сторонникам ФНС и предложили им собраться не на Манежной площади, во избежание провокаций со стороны властей, а у входа в Парк Горького, где в этот же день должен был состояться разрешенный митинг "Трудовой России".

29 ноября было холодно - минус 18-20 градусов (за все время проведения митингов в Москве такой морозный день выдался впервые). Ближе к 12-00 у Парка Горького появились небольшие группы людей с красными и "имперскими" флагами и с небольшими транспарантами, на которых было написано "ФНС". К этому же времени власти подтянули в район Парка Горького несколько автобусов с милицией и омовцами, две пожарные машины с водометами, а также большегрузные автомобили, чтобы перегородить Садовое кольцо, если манифестанты решат пойти на Манежную площадь.

Поначалу митингующих было около 3 тыс. человек, но минут через 20 к ним присоединились сторонники "Трудовой России", пришедшие со стороны Октябрьской площади, и число манифестантов увеличилось до 5 тысяч. Судя по репликам организаторов, они были разочарованы низкой явкой, объясняя ее холодной погодой и неразберихой, возникшей вследствие запрета митинга на Манежной площади.

Мероприятие прошло по обычному сценарию: исполнение в записи Гимна и подъем флага Союза, выступления ораторов (Терехов, Константинов, Астафьев, Скурлатов, Анпилов, представители из регионов), исполнение "Священной войны".

Говоря об общеполитической ситуации в стране накануне Съезда, Константинов сообщил собравшимся, что депутаты от оппозиции решили поднять на Съезде вопрос об отставке президента и правительства и призвал организовать массовую поддержку их требованиям, поскольку имея такую поддержку, "они смогут пойти и в огонь, и в воду".

Астафьев привел слова представителя президента Буша о том, что США "поддержат Ельцина с парламентом и без него", т.е. намекнул на возможность разгона Съезда.

Анпилов в очередной раз заявил, что несмотря на необходимость единства всех патриотических сил, "мы своего знамени, политого кровью, никому не отдадим и от него не отречемся".

Остальные ораторы ограничились обвинениями в адрес Ельцина-Гайдара в развале страны и экономики и призвали депутатов "донести до высокого собрания чаяния обнищавшего народа".

Большинство собравшихся в этот день у Парка Горького мужественно выдержали почти двухчасовое пребывание на морозе, периодически скандируя: "Банду Ельцина под суд!" В вечерних ТВ-новостях показали отдельные эпизоды митинга (на это раз без злобных комментариев) и сообщили, что в нем приняли участие 4 тыс. человек.

С 1-го по 14-е декабря - в дни работы Съезда депутатов - сторонники оппозиции и Дем.России собирались на Васильевском спуске для выражения поддержки своим депутатам, когда те направлялись на заседания в Кремль и возвращались с них в гостиницу "Россия". По опыту работы предыдущего Съезда был устроен коридор (шириной примерно 60 метров) из переносных металлических барьеров, возле которых со стороны Москворецкого моста собирались трудороссы с патриотами, а со стороны Собора – демороссы (все эти дни температура была не ниже 6-8 градусов мороза).

В первое время милиция пропускала к коридору ограниченное число людей, в особенности к сторонникам оппозиции, однако в субботу 5 декабря ограничения были сняты и милиция следила лишь за соблюдением порядка. В этот день на Съезде голосовались внесенные оппозицией поправки к конституции, принятие которых позволило бы заметно ужать полномочия президента.

Ближе к 18-00, т.е. ко времени окончания вечернего заседания, на стороне трудороссов собрались примерно 2 тыс., а на стороне их оппонентов - 1 тыс. человек. Вдоль цепочки сторонников оппозиции развевались более 50 красных, 6 "имперских" и 2 андреевских флагов; демократы принесли 10 бело-сине-красных флагов. Каждая из сторон периодически скандировала свои лозунги, как бы соревнуясь друг с другом:

- сторонники оппозиции: "Ельцин предатель", "Ельцин Иуда", "Банду Ельцина - под суд", "Ельцина - в отставку", "Сионизм не пройдет", "Фашизм не пройдет", "Депутат, депутат - это твой Сталинград" и, наконец, новую речевку, которую скандировали чаще других - "Ельцин пил, Ельцин пьет, Ельцин Родину пропьет".

- демократы: "Ельцин-Гайдар", "Президентское правление", "Ельцин, Ельцин", "Коммунизм не пройдет", "Фашизм не пройдет".

В промежутках между скандированием с обеих сторон неслись взаимные обвинения в развале страны, в доведении ее "до ручки", доходило и до прямых оскорблений. Более горластыми оказались анпиловки. Милиционеры, патрулировавшие внутрикоридорное пространство говорили друг другу: "Если нас убрать отсюда, эти две стенки сцепятся и порвут пасти друг другу". Они были правы, так как многие пикетчики включались в перебранку с таким остервенением, что буквально вылезали из себя.

Отдельные группы пикетчиков слушали по приемникам прямую трансляцию со Съезда об итогах голосования, но проку от этого прослушивания было мало, так как практически никто толком не знал, что означает тот или иной номер статьи конституции, в которую была внесена (отвергнута) поправка. Лишь когда из Кремля потянулись депутаты (примерно в 18-20), картина прояснилась.

Большинство депутатов проходили не задерживаясь ни на стороне демократов, ни на стороне трудороссов. Лишь единицы "причаливали" к одной из "стенок", чтобы прокомментировать итоги голосования. Трудороссы многого ожидали от Тулеева, но он лишь поблагодарил их за поддержку и сказал, что все еще впереди. Довольно подробную информацию дал малоизвестный депутат от оппозиции. По его словам, для принятия основной поправки о правительстве не хватило четырех голосов, но эту неудачу оппозиция собирается компенсировать во время голосования при утверждении Гайдара на пост руководителя правительства. Относительно принятой поправки о возможности продажи земли он сказал, что она не так страшна, поскольку продажа пахотной земли будет затруднена за счет всякого рода ограничений. После его комментариев у слушателей сложилось впечатление, что все идет более или менее нормально, а если и не нормально, то не совсем.

Когда заканчивался проход депутатов и пикетчики стали сворачивать флаги, на стороне трудороссов появились два человека из "Памяти" - в своей обычной черной форме. Увидев их, некоторые стали донимать их вопросами, а почему "Память" стоит в стороне от движения оппозиции и т.д. Те заговорили о популизме лидеров оппозиции, о том что "Память" исповедует идеи монархии и православия, а это многим в оппозиции не нравится, а "Память" не хочет подлаживаться под кого-либо.

Пикетирование на Васильевском спуске в последующие дни продолжилось. Самым массовым оно оказалось в четверг 10 декабря после обращения Ельцина к народу, в котором он в очередной раз обвинил оппозиционных депутатов в саботировании курса реформ и т.п. Затем в течение всего дня на Съезде обстановка накалялась. Демократы грозились организовать массовый митинг на Манежной площади в 14-00, а депутаты от оппозиции говорили, что Кремль окружен омоновцами, что вокруг Кремля курсируют, непонятно зачем, тяжелые автомобили, груженные песком, и что люди из команды Ельцина поехали на московские заводы поднимать трудовые коллективы против Съезда.

В 17-45 обстановка вокруг Кремля была спокойной. Лишь на Васильевском спуске кипели страсти. Демороссы, подогнав на свою сторону радио-машину, вели митинг. Мощные звукоусилители забивали дружное скандирование со стороны

трудороссов и патриотов, собравших довольно много людей - примерно 5 тыс. человек. Над их рядами развевались более 60 красных, 18 "имперских" и 10 андреевских флагов. На стороне демороссов людей было в два раза меньше и 16 бело-сине-красных флагов (по радио-новостям в 17-00 сообщили, что демократы собрали 5 тыс., а оппозиция - от 500 до 1 тыс. человек).

Неподалеку от трудороссов в небольшой толпе ораторствовал Жириновский, который с присущим ему напором утверждал, что все эти пикеты ничего не дадут, что весной следующего года состоятся выборы нового парламента и президента страны, что у народа нет иного выхода, как избрать президентом его - Жириновского.

На трибуне у демороссов митинг вели Боксер и Шемаев, призывавшие своих сторонников собраться на следующий день у Моссовета на Тверской. Для большей массовости предлагали каждому привести с собой еще 10 человек, чтобы дружной колонной пройти от Моссовета на Васильевский спуск и продемонстрировать всем свои силу и единство.

Разговоры в толпе демократов велись о том, что вот старая коммунистическая номенклатура, окопавшаяся среди депутатов, сдерживает реформы и опутывает Ельцина по рукам и ногам; что ради будущей хорошей жизни при рынке надо бы потерпеть годик-другой, а эти красно-коричневые (следовали кивки в сторону противоположного барьера) пользуются моментом и "пытаются развернуть все назад, к Госплану". Одна очень впечатлительная дама неожиданно воскликнула: "А вдруг вся эта орава коммунистов сюда хлынет? Они же нас растопчут!" Остальные согласно закивали головами, но все-таки выразили надежду на то, что милиция подобного не допустит. Ближе к 19-00 радио-машина у демократов уехала и толпа стала расходиться.

В 19-25 со стороны Спасской башни в гостиницу "Россия" потянулись депутаты. Их бурно приветствовали трудороссы и патриоты, в разных местах раздавался скандеж: "Депутаты молодцы!" Оппозиционные депутаты жестами благодарили собравшихся, а некоторые из них подходили к барьеру и рассказывали о событиях дня, в частности о том, что Ельцин съездил на АЗЛК, дабы заручиться у коллектива завода поддержкой и при этом обещал решить в течение двух месяцев все их проблемы, в том числе с жильем. Многие депутаты справедливо сетовали на то, что они не видят массовой поддержки Съезду со стороны российских граждан, рабочего класса.

В девятом часу вечера, когда поток депутатов иссяк, Анпилов призвал своих сторонников, оставшихся к этому времени на Васильевском спуске (не более 4 тыс. человек), обойти Кремль со знаменами и лозунгами. Несколько в стороне от основной толпы стояла группа из 30 человек под "имперскими" флагами, часть людей была одета в форму "Памяти". Анпилов предложил патриотам идти вместе с колонной, обратившись к ним, сначала, со словом "Товарищи!", а затем, разглядев форму - "Братья-славяне!". Люди под имперскими флагами без особого энтузиазма присоединились к трудороссам и следовали за ними в некотором отдалении.

Колонна прошла по набережной, затем вдоль Александровского сада к Манежной площади, непрерывно скандируя по пути антиельцинские лозунги. Милиция не препятствовала шествию, лишь в районе Боровицкой башни взбудораженный майор поинтересовался у Анпилова, далеко ли он поведет своих людей, а услышав, что только до Исторического музея, успокоился и вместе со своими подчиненными проводил колонну до указанного места.

Свою обещанную манифестацию демороссы провели не на следующий день, а в воскресенье 13 декабря. Сбор был назначен на площади Восстания к 11-30, откуда манифестация должна была проследовать по Новому Арбату на Манежную площадь (так значилось в листовках, расклеенных накануне возле станций метро).

К назначенному времени на пл.Восстания собралось 13-15 тыс. человек (временами шел мокрый снег, минус 1 градус). Организаторы отложили начало движения минут на 20, ожидая подхода большего числа людей, но это не помогло. Тогда, в связи с невысокой явкой манифестантов, руководители милицейского оцепления предложили провести митинг у Парка Горького, а не на Манежной площади, чтобы не создавать неудобства в Центре. Организаторы согласились с ними и колонна потопала по Садовому кольцу.

По пути к Парку Горького передние ряды манифестантов периодически скандировали: "Ельцин-Гайдар", "Коммунизм не пройдет", "Коммунисты не пройдут", "Россия, Россия", "Фашизм не пройдет", "Хасбулатова долой", "Президентскую власть", "Козырев, Козырев" (возле МИДа). Когда проходили мимо дома, в котором размещался магазин "Руслан", толпа дружно освистала красный флаг, периодически выставлявшийся в форточку кем-то из жильцов, видимо для раззадоривания манифестантов. Люди на тротуарах с любопытством взирали на демонстрацию и судя по их репликам большинство поддерживало лозунги, скандировавшие ее участниками.

Подойдя к Парку Горького к 13-00, открыли митинг. Состав выступавших был обычным: Л.Пономарев, Заславский, Черниченко, Шабад, Якунин, Боксер и ряд других.

В своих выступлениях некоторые лидеры демократов выражали недовольство поведением Ельцина в дни работы Съезда. Они ожидали от него более решительных действий, нежели просто "обращение к народу", и считали, что он делает неоправданные уступки красно-коричневым депутатам. Раздавались также предостережения в адрес Ельцина, что Дем.Россия встанет в оппозицию к нему, если подобная политика будет продолжена.

Практически все ораторы обвиняли Съезд и Верховный Совет в саботаже реформ и реваншизме. Если два-три года назад из уст этих же ораторов раздавались призывы к передаче всей полноты власти Советам, то сейчас Советы третировались ими как "порождение большевизма и сталинизма", а главным инструментом демократического волеизъявления признавался лишь референдум, поскольку, по словам одного из ораторов - это "высшая форма проявления власти народа, а народ у нас - суверен".

Собравшиеся бурно приветствовали подобные выступления и периодически скандировали: "Долой Советы! Власть народу!" В конце митинга была принята резолюция с призывом распустить Съезд и Верховный Совет, а активистам Дем.России предлагалось организовать сбор подписей для проведения референдума о доверии различным ветвям власти.

Работа Съезда завершилась компромиссом между представителями старой и новой номенклатуры, в результате чего Ельцин предложил утвердить на должность председателя правительства не Гайдара, а Черномырдина. Большинство депутатов, включая многих оппозиционеров, сочли его кандидатуру более приемлемой в сложившейся ситуации, поскольку он являлся «выходцем из советских хозяйственных структур», возглавляя при Горбачеве газодобывающую отрасль (восемь месяцев спустя, осенью 1993 года, Черномырдин показал, чего стоят такие вот выходцы...).

Несмотря на относительно спокойное завершение Съезда, было понятно, что осевшие в правящих кругах сторонники радикальных реформ и их западные покровители не успокоятся и постараются в следующем году переломить ситуацию в свою пользу. Этого же следовало ожидать и от тех, кто стоял за лево-патриотической оппозицией. Подобного мнения в конце 1992 года придерживались многие политики и даже политизированные обыватели.

1993 год

Начало 1993 года, в отличие от двух предыдущих лет, прошло спокойно, без массовых политических акций, несмотря на относительно бурное завершение года предыдущего.

21 января в 18-50 "Трудовая Россия" провела возле Мавзолея митинг, посвященный очередной годовщине со дня смерти Ленина. На Красную площадь пришли примерно 3 тыс. человек.

В воскресенье 24 января, на Шаболовке, в конференц-зале бывшего Октябрьского райкома, по инициативе той же "Трудовой России" состоялся Съезд рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции Москвы и области, в котором приняли участие более 800 человек (в основном активисты различных организаций левой ориентации). На Съезде произошел раскол "Трудовой Москвы", поскольку поведение многих членов ее Координационного совета, по словам некоторых активистов, не устраивало Анпилова. Лидер "Трудовой России" настаивал на радикализации массовых акций левой оппозиции, в первую очередь уличных, в то время как умеренные члены Координационного совета (Косолапов, Якушев и ряд других) предлагали накапливать силы, в том числе за счет союза с патриотами, чтобы "увереннее противостоять режиму компрадоров" (сторонники Анпилова называли умеренных "националистами"). В результате, на Съезде была создана новая организация - "Трудовая Столица", руководство в которой безраздельно принадлежало анпиловцам.

В своем выступлении на Съезде Анпилов с присущим ему напором утверждал, что "народ уже созрел для борьбы и решительных действий" и представил свой план по

организации и проведению массовых уличных акций на ближайшие три месяца - "три волны наступления трудящихся": первая волна - 23 февраля, вторая – 8 марта, третья - 17 апреля (после планировавшегося властями референдума). Именно третья волна, по его словам, должна была "накрыть и смести этот предательский антинародный режим".

В середине февраля в пансионате на Клязьминском водохранилище состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), лидером которой стал Зюганов. В дальнейшем значительная часть умеренных из РКРП и "Трудовой России", включая "Трудовую Москву", переключались на сторону КПРФ.

Во вторник 23 февраля, как и обещал Анпилов, была поднята «первая волна». Заявку на проведение манифестации от площади Белорусского вокзала по Тверской улице и до Манежной площади подал Союз офицеров. Московские власти разрешили шествие, но по более короткому маршруту - от Пушкинской площади до Манежной. Организаторы не согласились с этим решением и призвали своих сторонников собираться на площади Белорусского вокзала, что внесло сумятицу в среду манифестантов, которые собирались в трех разных местах, вследствие чего шествие по Тверской заметно потеряло в масштабности.

К 17-00 на площади Белорусского вокзала вокруг памятника Горькому собрались примерно 12-13 тыс. человек. Спустя некоторое время они пошли по Тверской, ведомые подполковником Тереховым, но милиция не препятствовала им в этом. Демонстранты несли более 50 красных, 16 "имперских" и 10 андреевских флагов. Лозунги были те же, что и на предыдущих митингах. Впереди колонны шли знаменосцы: полковник-общевойсковик, полковник-летчик и капитан первого ранга, которые несли, соответственно, знамена Советской Армии, ВВС и ВМФ. Следом за знаменосцами маршировала офицерская "коробочка" численностью примерно в две роты и состоявшая в основном из полковников и подполковников (в форме) предотставного и отставного возраста, в ней практически не было ни лейтенантов, ни капитанов. За офицерской "коробочкой" шли ветераны Вооруженных Сил, одетые кто в гражданскую, а кто в военную одежду. Отдельными колоннами шли представители КПРФ, ФНС, "Трудовой России" и других организаций.

Когда манифестация подошла к тому месту на Тверской, где ровно год назад пролилась кровь демонстрантов (напротив магазина "Эфир"), Терехов призвал всех остановиться и склонить знамена в память об этом событии. Возле Настасьинского переулка некоторые манифестанты кинулись к краю проезжей части и стали кого-то нещадно ругать и оплевывать. Оказалось, что это в очередной раз досталось Мурашову, которого еще четыре месяца назад сняли с поста руководителя ГУВД Москвы, но его, видимо, очень тянуло поглазеть на своих бывших "подопечных". На Пушкинской площади колонна увеличилась почти в два раза, так как здесь в нее влились наиболее законопослушные сторонники оппозиции. Еще примерно 13 тыс. человек присоединились

к манифестантам на Манежной площади и общая численность собравшихся достигла 30-35 тыс. человек (вечер выдался ясный, минус 4 градуса).

С размещением на Манежной площади возникли трудности, так как еще в начале февраля середину площади огородили сетчатым забором (судя по материалам в прессе, московские власти собирались соорудить на этом месте подземный торговый центр) и чтобы расположиться на привычном месте перед гостиницей "Москва", манифестантам пришлось общими усилиями растаскивать ограду.

Пока колонна втягивалась на площадь, по радио-машине исполняли советские военные и патриотические песни и марши. Открыли митинг исполнением Гимна Советского Союза. Вели митинг Терехов и Якушев. Приветствуя собравшихся, Терехов заявил об успехе проводимой акции, в ней, мол, участвуют более 250 тыс. человек, что было явным преувеличением. Затем Якушев прошелся по поводу начала строительных работ на Манежной площади, сказав, что эта "мэрская власть" специально роет яму, дабы оппозиция не могла проводить здесь свои митинги, но "кто роет яму другому, тот сам в ней и окажется".

Состав выступавших и содержание выступлений были обычными. В новинку оказалось присутствие на трибуне и выступление генералов Варенникова и Стерлигова, с восторгом встреченных собравшимися, поскольку появление в рядах оппозиции военных такого ранга, да еще из бывшего КГБ (Стерлигов) добавляло людям уверенности. Поздравив присутствующих с праздником, генералы ограничились общими фразами о давней традиции отмечать День Советской Армии и Военно-Морского флота, что этот праздник никто у нас не отнимет, вспомнили ветеранов Вооруженных Сил, отстоявших Родину в борьбе с интервентами всех мастей и т.д.

Митинг продолжался два часа и к его завершению на площади осталась примерно пятая часть от первоначального числа собравшихся. Судя по составу и настроению манифестантов, трудно было согласиться с утверждением Анпилова месячной давности о том, что "народ уже созрел для борьбы и решительных действий".

Спустя две недели настала очередь "второй волны": на понедельник 8-го марта - Международный женский день - "Трудовая Россия" назначила "Марш пустых кастрюль" (20 лет назад похожая акция проводилась в Чили тамошними буржуазными дамами против правительства Альенде). Участники марша - примерно 5 тыс. человек - собрались к 11-00 на Октябрьской площади, откуда проследовали по Садовому кольцу, Большой Ордынке, Москворецкому мосту и Варварке на Старую площадь (манифестация была разрешена).

В голове колонны несли длинный транспарант "Конгресс Советских женщин", а за ним - транспаранты "Трудовая Россия" и "Трудовая Столица". Среди множества плакатов с лозунгами, известных по другим акциям, появился лозунг, обличавший патриарха Алексия II: "Позор патриарху РПЦ за то, что он предал Христа и Святую Русь!"

День выдался ясный и теплый - плюс три градуса. Люди шли весело, некоторые распевали песни под гармошку. В передних рядах топали примерно две сотни женщин среднего и старшего возраста с пустыми кастрюлями, по которым они нещадно колотили кто крышками от кастрюль, кто ложками, а кто поварешками. Шум стоял, как в производстве по обработке металлов. Другие манифестанты, не занятые кастрюлями, скандировали новую речевку: "Бабы русские идут - банде Ельцина капут!"

Весь этот почти карнавальный гвалт вызывал у прохожих улыбки, многие люди выглядывали из окон жилых домов, чтобы получше разглядеть происходящее. Находились и такие, кто бросал язвительные реплики в адрес манифестантов по поводу несоответствия их внешнего облика символике акции: "Ишь, рожи наели, а гремят пустыми кастрюлями".

Когда проходили мимо израильского посольства на Большой Ордынке, манифестанты по команде Анпилова проскандировали "Нет, сионизму" и "Долой сионизм". И хотя кое-то призывал бросить пару-другую камней в посольство, обошлось без эксцессов.

Придя на Старую площадь, колонна расположилась напротив здания бывшего ЦК, где в то время размещалось правительство России. Погромев минут 15 кастрюлями и освистав осторожно выглядывавших из-за занавесок работников аппарата (скорее всего дежурных, так как был праздничный день), анпиловцы стали митинговать в своем обычном стиле.

В вечерних новостях по ТВ дали информацию о манифестации, показав женщин с кастрюлями. Комментарии по поводу проведенной акции мало чем отличались от вышеприведенной реплики одного из прохожих. В последующие дни фотографии анпиловки с кастрюлями замелькали в разных изданиях. Вот и весь результат от "второй волны".

"Третья волна", которая, по словам Анпилова, должна была "накрыть и смести этот антинародный режим", так и не набрала необходимой силы, хотя в течение двух месяцев - с середины марта по 9 мая - оппозиция провела несколько массовых акций, в том числе первомайскую манифестацию, завершившуюся побоищем на подступах к площади Гагарина на Ленинском проспекте.

В среду 10 марта, когда в Кремле открылся внеочередной Съезд депутатов, на котором решался вопрос о проведении референдума, у коридора на Васильевском спуске на стороне оппозиции собрались 3 тыс. человек, а на стороне демороссов - не более 1 тыс. человек. У сторонников оппозиции работали две радио-точки: одна - "Трудовой России", а вторая - "сборная" ФНС. Весь вечер у микрофонов выступали уже известные ораторы, а также представители от женщин, молодежи, из регионов и т.д.

Особое внимание собравшихся привлекло неожиданное появление Стерлигова (в штатском), попросившего слова у микрофона. Отставной генерал КГБ заявил, что по имеющимся у него сведениям, накануне Съезда Ельцин провел ряд совещаний с высшим

комсоставом силовых структур, стараясь заручиться поддержкой силовиков на случай задуманного им разгона Съезда и Верховного Совета и введения президентского правления. Однако полную поддержку он получил только от министра обороны генерала Грачева (услышав эту фамилию, толпа проскандировала: "Пашку - долой!"). Затем Стерлигов предупредил, что не стоит обольщаться недостаточной поддержкой Ельцина со стороны силовиков, что в такой ситуации Ельцин и поддерживающие его властные структуры могут пойти на любые провокации, что надо внимательно следить за сообщениями в средствах массовой информации и в случае угрозы антиконституционного переворота выйти на улицы и поддержать действующую конституцию.

Вслед за Стерлиговым выступил публицист-патриот Э.Володин, представивший собравшимся свои доводы в пользу необходимости проведения референдума (среди лидеров оппозиции мнения по этой проблеме не совпадали).

Спустя некоторое время от толпы отделилась кучка комсомольцев во главе с Маляровым, решивших перейти с красным флагом на сторону демороссов, чтобы посмотреть на их реакцию. Выйдя по подземному переходу к демороссам с красным флагом, они продержались там не более 30 секунд. Сначала на них с криком и бранью, потрясая кулаками налетели тетки-демократки (аналог анпиловки), а затем на поднятый дамами шум подтянулись мужчины и, увидев красный флаг, полезли бить морду "этим красно-коричневым молокососам". Дальнейшее развитие конфликта предотвратили милиционеры, выпроводившие комсомольцев на сторону трудороссов.

В последний день работы Съезда, в пятницу 12 марта, по обеим сторонам коридора собралось равное число оппонентов - примерно по 3 тыс. человек. Вдоль барьеров, где собрались коммуно-патриоты были развешены плакаты с такими лозунгами: "Даешь правительство национального спасения!", "Нет, шантажу Ельцина!", "Матери России - за Родину!", "Коммунизм – неистребимое учение сына божия - Христа". С противоположной стороны свои лозунги выставили демороссы: "Съезд = ЦК КПСС", "Или сильная власть, или Россия во мгле", "Президент - в Вашей власти Власть употребить!".

Лидеры демократов (Боксер, Шемаев, Шелов-Коведяев и ряд других), выступившие перед своими сторонниками, выразили неудовлетворенность итогами работы Съезда, вынесшего на референдум не устраивавшие их вопросы, говорили о проигрыше Ельцина на Съезде и в очередной раз призвали его "разогнать коммуно-номенклатурный отстойник", а в поддержку этого требования предложили собрать в ближайшее время общемосковский митинг демократической общественности.

Спустя неделю, в субботу 20 марта, в 21-35, т.е. сразу же после передачи новостей, по первой программе ТВ выступил Ельцин. Говорил он долго, минут 30. В очередной раз обвинив Съезд и Верховный Совет в противодействии реформам, он объявил о введении режима особого порядка управления страной (ОПУС), на деле означавшего переход к президентской форме правления и ограничение деятельности выборных органов власти всех уровней.

В полночь по второй программе ТВ выступили вице-президент Руцкой, председатель Конституционного Суда Зорькин, Генеральный прокурор Степанков и зам.председателя Верховного Совета Воронин. Каждый из них, кто в осторожной форме (Руцкой и Степанков), а кто в открытую (Зорькин и Воронин), осудил заявление Ельцина.

На следующий день с утра к Дому Советов (ДС) со стороны Рочдельской улицы стали прибывать сторонники оппозиции, к 10-00 их собралось 2 тыс. человек (пасмурно, 2 градуса тепла). С оценкой заявления президента перед собравшимися выступали политические деятели и депутаты. Для усиления звука использовалась самодельная радио-установка "Трудовой России".

Зюганов, обвинив Ельцина и его сторонников в нарушении конституции, призвал всех набраться терпения, не поддаваться на провокации, вести себя спокойно, чтобы не дать повод властям для введения чрезвычайного положения: мол, хватит нам за эти 90 лет войн и революций, которые унесли жизни 100 млн. человек. Затем он выразил уверенность в том, что ельцинистам недолго осталось властвовать, поскольку своими действиями они показали всем, какие они "демократы", и народ их отвергнет.

Выступивший после него полковник ВВС сообщил о состоявшемся накануне в Парламентском центре на Цветном бульваре собрании офицеров московского региона (фактически - сторонники тереховского Союза офицеров), которое обратилось к военнослужащим с призывом соблюдать действующую конституцию и осудило конфронтацию между различными ветвями власти.

Вслед за полковником слово предоставили депутатам некоторых районных Советов Москвы, осудивших антиконституционные действия Ельцина и призвавших передать всю власть в центре и на местах - Советам.

В 10-30 на балконе ДС появились генералы Макашов и Стерлигов (оба в штатском), встреченные собравшимися приветственными криками. Помахав митингующим руками, генералы удалились. В это же время Скурлатов (РНФ-Возрождение) и группа мужчин растягивали на перилах балкона длинный транспарант с надписью (красными буквами на белом фоне): "Фронт национального спасения". Выступивший вскоре депутат Саенко объявил о намеченном на 15-00 большом митинге и призвал манифестантов провести агитационную работу среди своих близких и знакомых, чтобы к назначенному времени собрать здесь как можно больше сторонников оппозиции.

В 11-00 на балконе вновь появился Макашов и обратился к собравшимся через мегафон: "У нас появилась уникальная возможность мирным путем устранить от власти ненавистный режим — без танков, стрельбы и кровопролития...Своим заявлением по ТВ Ельцин обнажил все свое тело со всеми язвами...Необходимо потребовать от депутатов низложения президента и отправить в отставку всех министров-предателей...Не выпускать депутатов из здания до тех пор, пока они не выполнят требования народа".

В стороне от митингующих, ближе к забору стадиона "Красная Пресня", у костра расположилась группа мужчин из 16 человек. По их словам, они прибыли сюда сразу же после выступления Ельцина. Ночью их было побольше, примерно 60 человек. Кроме них

к зданию ВС прибыли "демократы", но в меньшем количестве. Обе группы стремились "застолбить" место для своих, понимая, что с утра на площадь прибудет гораздо больше людей - сторонников и противников Верховного Совета. Милиция, во избежание конфликтов, развела прибывших в разные стороны - "демократам" разрешили остаться на ночь ближе к зданию мэрии (СЭВа).

К 12-00 число митингующих увеличилось. От Баррикадной подходили группы по 40-50 человек с красными и "имперскими" флагами. Над некоторыми группами (возраст участников от 55 лет и старше) возвышались транспаранты с названиями парторганизаций: "Объединение коммунистов Советского района", "Объединение коммунистов Красногвардейского района" и ряд других. Проследовала также группа молодых людей с транспарантом "Фронт патриотической молодежи". Видевшие все это обыватели (возле зоопарка и на Баррикадной), выражали свое недоумение происходящим. Судя по доносившимся репликам и замечаниям, многие из них ничего не слышали о выступлении Ельцина накануне, а узнав о его содержании от активистов-трудороссов, чаще всего бросали фразы: "Это нас не касается", "Да, надо наводить порядок" и т.п.

К 15-00 перед ДС собралось примерно 30 тыс. человек. И тут на глазах собравшихся какие-то типы стали растягивать на перилах балкона длинное полотнище "власовского" флага. Поначалу люди оторопели от такой наглости, но через несколько секунд раздались возмущенные крики протеста и свист. Кто-то попытался объяснить с балкона, что это государственный флаг России, а поскольку собравшиеся пришли к Верховному Совету, утвердившему в свое время этот флаг, то надо с уважением относиться к его решению и тому подобное. Но толпа не унималась и флаг, в итоге, пришлось убрать.

В различных местах манифестанты держали плакаты и транспаранты от предыдущих митингов, но появились и новые:

- Нет - диктатуре, чрезвычайному положению, войне!
- Нет, буржуазной диктатуре Ельцина
- Кремлевского антихриста - в отставку!
- Ельцин, пьяная свинья, убирайся из Кремля!
- Ельцина на рельсы, а Попова на мыло
- Раздавил страну фашизм под названием сионизм

Вскоре на балкон вышли депутаты и лидеры оппозиции. Начался митинг (трансляция велась через радио-машину).

Первым выступил Бабурин (депутат ВС): "Ельцинская авантюра, гос.переворот - не пройдет...Попытки растоптать Конституцию обречены на поражение...Поступают сообщения из регионов России о том, что большинство Советов и общественных организаций категорически осуждают заявление Ельцина...Народ не даст обмануть себя, как в августе 1991-го года...Те, кто против роспуска представительных органов власти - настоящие демократы, а все те, кто выступает за переворот - должны нести юридическую

ответственность...Диктатура не пройдет!" (манифестанты несколько раз проскандировали последнюю фразу).

Умалатова: "С 85-го года в стране идет переворот...Ельцин - изменник Родины...Только от нас зависит - быть Союзу или нет...Неужели мы не справимся с этими бандитами?...Место преступникам - за решеткой...Фашизм не пройдет!" (проскандировали и эту фразу).

Астафьев (депутат ВС): "Оппозиционные депутаты выступают против закулисных сделок...Ельцин нарушил Конституцию и мы обратились в Конституционный Суд об импичменте президенту...Он оказал противодействие деятельности Верховного Совета и Съезда, а это означает автоматическое лишение его поста президента".

Константинов (депутат ВС): "Сегодня, как и в 41-м году, мы говорим - Отечество в опасности!...Угроза компрадорской диктатуры...Не уходите с площади, пока Верховный Совет не уберет Ельцина и его продажных министров. Мы должны стоять насмерть! Наша задача - восстановить Союз. Если мы с этим не справимся, то потомки проклянут нас...Вместе - победим!" (скандеж).

Лукьянов: (быв.Председатель Верховного Совета СССР): "Фактически произошел антисоветский переворот... Это переворот против Советов, против наших традиций духовности и коллективизма...Сегодня нельзя говорить о принципе разделения властей - власть принадлежит народу...Конституции - да, демократии - да, авторитаризму - нет!...Да здравствует Советский Союз! Да здравствует наш советский народ! Нет, и еще раз нет, диктатуре и авторитаризму!".

Проханов (гл.редактор газеты "День"): "Донесся слух, что Ельцин закрыл газету "День"...Нет, это мы закроем Ельцина!..."День" будет выходить...Даже если запретят и не дадут бумагу - будем на камнях делать!"

Анпилов: "Мы пришли сюда, чтобы Верховный Совет услышал наше требование: "Товарищ, смелее, гони Бориса в шею" (скандеж)...Ельцин - вчерашний секретарь обкома и член Политбюро - политический проходимец, верить проходимцам невозможно...Мафия отобрала у народа все...Задача в том, чтобы Верховный Совет дал слово на своих заседаниях представителям "Трудовой России" и ФНС и добился для нас слова на телевидении...Надо идти до конца. Мы не уйдем отсюда, пока Верховный Совет не примет решение об отставке Ельцина...А потом мы оплатим отгулы-прогулы всем участникам сопротивления режиму и выдадим медаль за освобождение страны от этих оккупантов...Мы победим!" (скандеж).

Стерлигов: "У Белого дома все это началось и здесь же должно закончиться...Верховный Совет должен сказать, что президент поставил себя вне закона...Это будет последним днем всей этой банды". (В августе 1991 года Стерлигов был членом штаба Ельцина по противодействию ГКЧП).

После Стерлигова выступили депутаты ВС РФ Сидоренко и Горячева, бывший депутат Союза Крайко, Терехов и другие. Говорили они, в основном, о том же, что и предыдущие ораторы. Митинг продолжался до 16-00, после чего депутаты удалились на

заседание Верховного Совета, а люди остались на площади послушать обещанную прямую трансляцию из зала.

Почти одновременно с митингом оппозиции проходил митинг демороссов, которые собрались неподалеку, возле здания мэрии со стороны Конюшковской улицы. Их было не более 12 тыс. человек. Плотные цепи милиции не позволяли коммуно-патриотам приблизиться к митингующим "демократам", которых кроме милиции охраняли группы молодых людей похожие на рэкетиров.

Со стороны демороссов в адрес оппозиции неслись обвинения в фашизме и реваншизме, стремлении восстановить режим ГУЛАГа по всей стране и т.д. В свою очередь, подошедшие поближе к демократам коммуно-патриоты обзывали тех (используя мегафон) лавочниками, фашистами и сионистами.

В 16-30 из зала заседаний Верховного Совета началась трансляция выступлений депутатов и прибывших туда Руцкого, Черномырдина, Зорькина, Степанкова, Баранникова (ФСК), Ерина (МВД) и Грачева (МО).

Что касается Руцкого, Зорькина и Степанкова, они практически повторили свои ночные выступления. Остальные ушли от прямой оценки ельцинского заявления, в особенности Грачев, на что коммуно-патриоты отреагировали скандежем "Грачева в отставку!" Когда же начали выступать депутаты, люди поняли, что дело идет не к импичменту Ельцина, а к заволокиванию вопроса, т.к. большинство депутатов (кроме оппозиционных), предлагали передать вопрос на рассмотрение Конституционного Суда и только после его постановления принимать решение ВС о возможности созыва Съезда депутатов, который был правомочен решать вопрос об отставке президента. Слушая подобные выступления, толпа периодически скандировала "Позор!" и "Долой!".

Кто-то из лидеров "Трудовой России", комментируя по самодельной радиоустановке выступления, говорил собравшимся: "Мы вам объясняли, что весь этот Верховный Совет способен только на то, чтобы заменить одного предателя - Ельцина на другого предателя - Руцкого...Это единственное на что они пойдут в случае, если поймут, что им не удастся удержать Ельцина у власти".

В перерыве заседания (было уже 18-35 и к этому времени на площади остались примерно 15 тыс. человек) на балкон вышел Константинов и заорал в микрофон: "Вы все слышали?", толпа в ответ заревела - "Да!"; "Вы все поняли?", опять рев - "Да!". После этого он призвал собравшихся стоять до конца, дабы вынудить депутатов отправить Ельцина в отставку.

После Константинова выступили Астафьев, его помощница Наталия Нарочницкая и еще кто-то. Анпилов вел себя на балконе как хозяин, распоряжался микрофоном и периодически что-то хрипел в него. Затем возобновилось заседание ВС, продолжавшееся до 20-00, на котором было принято решение, протаскивавшееся демократами и центристами.

В вечерних выпусках новостей поднялась истерика по поводу событий этого воскресного дня. Мол, недобитые депутаты-партократы и прочие реваншисты хотят

отставки Ельцина, этой чуть ли не самой прогрессивной личности во всем мире, столько сделавшей для становления демократии в России. По российскому радио сообщили, что в поддержку требований оппозиции перед Белым домом собралось всего лишь 500 человек, а в защиту Ельцина перед мэрией - 20 тыс. человек. Информационщики нагло лгали.

На следующий день, в понедельник 22 марта, к 18-30 у здания Верховного Совета под морозящим дождем топтались несколько сот человек. Радиоустановкой "Трудовой России" распоряжался Гунько. Шли обычные в таких случаях разговоры. Вскоре кто-то из активистов-трудороссов сообщил, что к ним подошла сотрудница генерала Ачалова и передала его просьбу созвать на площадь побольше людей для охраны ВС, т.к. банда Ельцина может пойти на крайние меры и применить силу к депутатам. Собравшиеся почти не отреагировали на призыв, поскольку прекрасно понимали, что людей, даже по заказу генерала, сейчас не созовешь. Один из митингующих рассказал, что примерно час назад на балкон выходили Бабурин, Астафьев и Аксютин, ругали нынешний состав Верховного Совета и обозвали Хасбулатова предателем за то, что он предложил передать вопрос об импичменте в судебные инстанции и заволокитил вопрос о контроле Верховного Совета над телевидением.

В который уже раз прозвучала знакомая реплика: "А рабочий класс все еще спит". В развитие этой темы одна из дам пожелала с досады, чтобы нашу страну оккупировали американцы, поскольку только в этом случае, когда они начнут эксплуатировать нас как рабов, народ может быть и проснется.

Спустя несколько дней - в пятницу 26 марта - в Кремле начал работу Съезд депутатов. На Васильевском спуске вновь устроили коридор, вдоль которого к 18-00 собрались сторонники и противники Ельцина: первых было примерно в два раза больше, нежели вторых - 6 тыс. человек.

На самом Съезде в этот день ничего особенного не происходило. Когда в седьмом часу вечера депутаты стали возвращаться из Кремля, демороссы принялись скандировать "Ельцин, Ельцин", "Дармоеды", "Позор"; трудороссы - "Вся власть Советам!", "Банду Ельцина под суд" и т.д. Между 18-55 и 19-10 толпа у демократов как по команде поредела, в то время как большинство сторонников оппозиции находились на спуске до тех пор, пока не иссяк поток депутатов.

Подобным же образом вели себя демороссы и во время предыдущих стояний - толпа на их стороне интенсивно редела именно в это время, вне зависимости от того, прошли депутаты из Кремля или нет. Среди анпиловцев на этот счет циркулировало мнение, что у демократов "массовка" подкуплена и каждому пришедшему на пикет выплачивают 500 рублей (неденонмированных) за нахождение на спуске до 19 часов. На стороне демократов, в свою очередь, также говорили о 500 рублях, выплачиваемых анпиловцам не просто за явку на пикет, а за непрерывно создаваемые ими шумовые эффекты (скандирование, крики, свист и прочее).

Кульминационным в весеннем противостоянии президента и парламента стало воскресенье 28 марта, когда на Съезде решался вопрос о доверии Ельцину и Хасбулатову. В этот же день состоялись две манифестации. Одна - в поддержку Ельцина (от Пушкинской площади по Тверской, Охотному ряду, Лубянской площади, Китайгородскому проезду и далее по набережной к Васильевскому спуску); другая - против Ельцина (от здания Верховного Совета по Новому Арбату на Манежную площадь).

Демороссы собирались к 11-00 между Пушкинской площадью и Маяковкой. Было относительно тепло (плюс пять градусов), но облачно. Впереди формирующейся колонны организаторы поставили четыре синих и один красный трактор "Беларусь" с лозунгами: "Ельцин-Да-Черномырдин", "Землю крестьянам", "Фермеры за свободный труд на своей земле", "Советы без партократов".

Ближе к полудню колонна из примерно 60 тыс. человек направилась к Васильевскому спуску. Участники манифестации несли несколько десятков красно-синих флагов, а также транспаранты и плакаты с лозунгами:

- Когда же придет последний Съезд Советов?
- Съезд - позор России
- Хасбулатова, Умалатову - вон из России!
- Россияне - демократия в опасности!
- Агент Бабурин ("Николай"), на чьем heru поедешь в рай?
- Долой съезды!
- Студенты - за Президента
- Феминистки - за Ельцина
- Съезд красных бесов - стихийное бедствие
- Не дрейфь, Президент!
- Долой проституционный суд!
- Ельцину - да! Руцкому - нет!
- Кто больше пугает гражданской войной? Коммунисты! Они и будут зачинщиками войны
- Коммуняки - съездюки
- Нет Съезду! Нет реваншу коммунистов!
- Руцкой - это хасбулатизация всей страны
- Ты прав, Борис!
- Президент! Никаких компромиссов с коммуняками

Колонна прибыла на Васильевский спуск в начале второго и в 13-25 начался митинг, который вели Боксер и еще кто-то. Трибуну (бортовой ЗИЛ-130) установили перед подиумом храма Василия Блаженного. Число манифестантов к этому времени увеличилось до 70-75 тыс. человек. Многие считали, что их собралось более 100 тыс. человек, слышались возгласы: "Люди почуяли угрозу со стороны фашистов

(коммунистов) и прибежали". Состав участников был обычным для демороссов: научная и творческая интеллигенция, предприниматели, новые аппаратчики, студенты.

Первой слово было предоставлено Елене Боннэр: "Только народ может диктовать волю Президенту, так как он избран народом...Ему не надо идти на компромиссы...Конституцию должна принимать конституционная ассамблея".

Затем один из ведущих сообщил, что в это время на Съезде голосуется вопрос о приостановке полномочий Ельцина и призвал собравшихся не уходить с площади, пока не завершится Съезд. Под конец он прокричал: "Долой Съезд!" (толпа проскандировала).

После скандежа выступил Г.Попов: "Все это стало возможным потому, что с помощью Конституционного Суда была разрешена деятельность компартии...Необходим единый блок реформаторов...Если объединимся, то обязательно победим".

Для поднятия настроения выпустили рок-группу, исполнившую песню со значимым для этого дня вопросом-припевом: "Вы готовы пойти за мной?" Часть толпы периодически кричала в ответ "Да!"

Бурными аплодисментами встретили выступление Гайдара: "Руководители государственных предприятий и их лоббисты на Съезде не хотят отказываться от своих привилегий...Они доводят ситуацию в стране до хаоса, чтобы устранить всенародно избранного президента...Нас туда не пустят, пока мы не получим законно избранное большинство депутатов"

В 13-50 на трибуне появился Ельцин. Собравшиеся устроили ему овацию, стали размахивать маленькими "власовскими" флажками и скандировать: "Ельцин, Ельцин". Некоторые прослезились от избытка чувств. "Всенародное" выражение любви продолжалось 3-4 минуты, после чего выступил объект обожания: "Дорогие москвичи и гости столицы! Давно я не чувствовал такого дыхания множества людей...Москва может непосредственным своим участием выступить в поддержку президента...Трудное это было время с 12 июня 1991 года, но мы сбросили ярмо тоталитаризма, сбросили ярмо коммунизма и встали на путь цивилизованной демократии...Те, кому мы встали на мозоли - им неудобно: и национал-демократам, и другим...Они хотят Ельцина уничтожить, если не физически, то с помощью Съезда...Вы пришли вовремя, когда решается судьба Президента россиян...Вы знаете, что такое наш Съезд (многозначительная пауза и соответствующая мимика оратора, толпа свистит, крики "Позор!")...Только народ может решить судьбу Президента. Для этого нужен референдум 25-го апреля. Если "Да", то да, если "Нет" - уйду в отставку...Несмотря на мои компромиссные предложения, референдум мы им не отдаем...Сейчас там идет голосование через кабины об отречении от должности первого Президента России (очередная пауза, свист, крики "Позор!")...Кто захочет взять на себя такую ответственность, чтобы забурлила Россия, начались беспорядки - это на их совести...В отношении голосования ничего сказать не могу, надо ждать часа 2-3...Специального документа о моих нарушениях нет. Они судят за то, что я обратился к народу...Не им, этим 600 депутатам, решать судьбу Президента. Я им не подчинюсь!" (после последней фразы толпа зашлась в восторге).

В этот момент Елена Боннэр подошла к микрофону и своим хриплым, прокуренным голосом сначала проскандировала "Ельцин, Ельцин" (толпа поддержала), а затем заявила: "Никто не может отстранить всенародно избранного президента...Борис Николаевич, не пугайте нас, мы умнее, чем те - за стеной, мы не допустим гражданской войны...Я принимала детей у этого народа, я была в окопах...Вас хотят свалить за то, что Вы не хотите возврата старого...Вы должны поклясться нам, что не пойдете на компромиссы с теми" (отмашка в сторону Кремля).

Слова о том, что Б.Н. должен поклясться перед собравшимися, Елена Боннэр произнесла тоном старшей пионервожатой, на что "пионер" Ельцин послушно ответил: "Все, пора компромиссов кончилась". Кто-то проскандировал в микрофон: "Президент, мы с Вами!", а толпа дружно поддержала.

Выступившие после этого эпизода актриса Федосеева-Шукшина, Шумейко (вице-премьер), Гайдар (повторно), Якунин, Салье (из Питера), Черниченко, Бурбулис, Гдлян заверяли президента в своей поддержке и всячески клеймили коммунистов, фашистов и реваншистов. Митинг продолжался.

В это же время возле здания Верховного Совета собрались сторонники оппозиции, но их было намного меньше – примерно 13-15 тысяч человек. Еще за несколько дней до акции ее организаторы планировали пройти оттуда по Новому Арбату и Кремлевской набережной к Васильевскому спуску, чтобы занять место демороссов, которые в 14-00 должны были покинуть спуск. Однако сторонники президента решили "стоять до упора", т.е. до объявления результатов голосования. Поэтому милиция, чтобы не допустить непосредственного противостояния "красно-белых" с "голубыми", перекрыла все подходы к набережной.

В 15-00 с Воздвиженки на Моховую вышла колонна сторонников оппозиции, предводительствуемая подполковником Тереховым. Поначалу он попытался повести людей в сторону Кремлевской набережной, но узнав, что проход туда перекрыт, свернул на Манежную площадь и привел колонну к традиционному месту проведения митингов у гостиницы "Москва". К этому времени лидеры оппозиции уже знали содержание выступления Ельцина на Васильевском спуске, поэтому, открывая митинг, Терехов сообщил манифестантам, что час назад президент выступил перед своими сторонниками с конфронтационной по отношению к оппозиции речью, а раз так, то и оппозиция не должна идти с ним ни на какие компромиссы.

Вслед за Тереховым выступил депутат Астафьев: "Там, на Васильевском спуске собрались лишь 20 тыс. человек... Сейчас на Съезде перерыв для голосования...Хватит терпеть эти постоянные игры со стороны Хасбулатова... Мы видим столкновение двух мафиозных кланов - ельцинского и хасбулатовского... Хасбулатов охраняет Ельцина и как бы находится в оппозиции к нему... Чтобы уйти от мафиозных разборок, необходимо всю власть передать Советам... Набрать две трети голосов за отстранение Ельцина проблематично, скорее всего не хватит нескольких десятков голосов... Будем надеяться на победу!"

Константинов: "Сегодня хороший день, мы перешли в наступление и решаем вопрос об импичменте Ельцину...Мы были на Васильевском спуске - наших здесь больше...Как бы ни повернулись события, мы не отступим...Мы должны победить в ближайшие дни, а победив - восстановим Союз. Победа!" (трудно сказать, как считали число сторонников Ельцина на Васильевском спуске Астафьев и Константинов, но они ошибались).

Стерлигов: "Ельцину все мешает: и Ипатьевский дом, и закон, и депутаты, а до этого - Горбачев...Мы ему говорим - растопчете закон - мы вас выкинем...Если решение Съезда будет в пользу Ельцина, то у нас останется одно - сформировать свое правительство национального спасения и мы выкинем их...В эти решающие для России дни надо стоять до конца...Мы - русские, мы - славяне, мы должны стоять до конца...Родина или смерть!"

Кроме указанных ораторов на митинге выступили также Анпилов, Маляров, представители от женщин, от молодежи и т.д. Все они проклинали Ельцина, говорили, что фашизм и диктатура не пройдут, призывали стоять до конца, чтобы дать "последний и решительный бой" антинародным силам.

Как и на Васильевском спуске, организаторы акции решили митинговать на Манежной площади вплоть до объявления результатов голосования.

Вскоре по радио и ТВ сообщили, что результаты голосования станут известны ближе к 9 часам вечера. К этому времени на Васильевском спуске остались примерно 30 тыс. человек, а на Манежной площади - не более 5 тыс. человек.

Городские власти, желая, очевидно, продемонстрировать свою лояльность Ельцину и его команде, подогнали на Москворецкий мост 35 сочлененных "Икарусов" и несколько передвижных лотков с бутербродами, чтобы митингующие на Васильевском спуске имели возможность отдохнуть и выпить-закусить. И хотя повального пьянства не наблюдалось, но многие мужики, отойдя в сторонку, распивали водку, вино и пиво прямо "из горла".

Среди пьющих и жующих обратили на себя внимание две хорошо "упакованные" супружеские пары (возраст около 40 лет). Один из супругов рассказывал, как он ездил с кем-то в Израиль и они проиграли в казино значительную сумму в долларах, и как после этого их уважал хозяин казино и познакомил с какими-то местными "крутыми дельцами", в результате чего между ними наладились нормальные контакты, а проигрыш, в итоге, обернулся чуть ли не выигрышем. Такие, вот, сторонники демократии.

Между тем, на спуске продолжался митинг-концерт. В очередной раз выступил Гайдар, затем представители от казаков, от профсоюза горняков из Кузбасса, от организации солдатских матерей, зам.секретаря ООН по Восточной Европе (поляк с украинской фамилией), а также поэты и певцы. В десятом часу на трибуну вышел Боксер и объявил, что согласно неофициальным результатам Ельцин и Хасбулатов сохранили свои посты. На Ельцина толпа отреагировала восторженным ревом, а услышав фамилию председателя ВС, собравшиеся засвистели и закричали: "Позор депутатам!"

На Манежной площади в начале одиннадцатого один из руководителей Союза офицеров решил потренировать "народное ополчение". Добровольцев построили повзводно (6 взводов - от юнцов до седобородых дедов) и под руководством офицеров-отставников они приступили к отработке строевых приемов возле Исторического музея. Вскоре со стороны Красной площади к митингующим подошел Терехов с группой активистов и сообщил официальные результаты голосования. Как и предполагал пять часов назад депутат Астафьев, для отставки Ельцина не хватило нескольких десятков голосов. Узнав, что Ельцин остался у власти, сторонники оппозиции возмущенно загудели, послышались крики "Позор депутатам!". Спустя некоторое время люди стали расходиться.

Примерно в половине одиннадцатого к собравшимся на Васильевском спуске вышел Ельцин со своими приближенными. Публика в очередной раз зашла в восторге и в течение нескольких минут скандировала "Ельцин! Ельцин!". Тот, в свою очередь, поприветствовал митингующих и выразил благодарность за оказанную ему массовую поддержку.

В последующие дни демократические СМИ, выражая удовлетворение итогами работы Съезда, не уgomонились и продолжили кампанию по дискредитации Съезда и Верховного Совета, подстрекая Ельцина к разгону законодательных органов власти.

Недели через две после этих событий началась активная пропагандистская кампания по референдуму. Свои митинги провели "Трудовая Россия", ФНС и "Дем.Россия".

Первыми отметились трудороссы, которые провели свое очередное "Всенародное Вече" в субботу 17 апреля с 17-00 на Октябрьской площади (вечер выдался ясный, но прохладный - 7 градусов тепла). Несмотря на громкое название, на митинг пришли не более 10 тыс. человек, и посвящен он был не столько предстоящему референдуму, сколько принятию новой Конституции РСФСР, разработанной депутатом Слободкиным.

Чтобы не допустить прохода манифестантов в сторону Кремля на Васильевский спуск, к чему призывали незадолго до этого дня некоторые лидеры трудороссов, Якиманку перегородили грузовыми автомобилями, а ближе к зданию МВД были размещены большие группы милиционеров, вооруженные дубинками и щитами. Грузовые автомобили, готовые перекрыть путь демонстрантам по Садовому кольцу, стояли на Крымском валу.

Митинг открылся исполнением Гимна Советского Союза. Над толпой развевались более 70-ти красных, 6 "имперских" и 4 андреевских флага. На митинге выступили: Анпилов, Лукьянов (представили как Председателя Президиума Верховного Совета СССР), Белокопытова (Конгресс Советских женщин), Слободкин, Игошин (рабочий из Н.Новгорода), Тюлькин (секретарь РКРП), Нина Андреева (ВКПБ), Маляров, Гунько, Пичужкин (священнослужитель), представители из некоторых бывших союзных республик.

Выступления практически всех ораторов не отличались особой новизной: ругали Ельцина, предупреждали о грозящей диктатуре, говорили о необходимости принятия новой Конституции РСФСР и восстановления Советского Союза, а на предстоящем референдуме призывали голосовать против Ельцина и проводимых им реформ.

В течение всей недели, предшествовавшей референдуму, в средствах массовой информации шла тотальная пропаганда в пользу Ельцина. Штатные и нештатные агитаторы трубили об угрозе компартийного реванша вкупе с фашизмом и внедряли в сознание обывателей простую формулу ответов на вопросы, вынесенные на референдум: "Да-Да-Нет-Да".

Отличился также "цвет российской интеллигенции". Э.Рязанов, к примеру, снял и показал по ТВ лизоблюдский фильм о семье Ельцина, а пианист Петров на встрече "творческой интеллигенции" с Ельциным в Бетховенском зале Большого театра призвал президента поступить с оппозицией так, как поступали в старые добрые времена дворяне, когда кто-то покушался на их честь - бить канделябрами (в переносном смысле, естественно).

Завершающим аккордом всей этой пропагандистской кампании стал митинг, организованный Дем.Россией в среду 21 апреля на Васильевском спуске. Причем, для привлечения на свою сторону молодежи (в большинстве своем не столько аполитичной, сколько политически пассивной) был организован не просто митинг, а митинг-концерт с участием популярных среди молодежи рок-групп и исполнителей,

Участники митинга собрались к 18-00 на Тверской улице между зданием Моссовета и Пушкинской площадью (было ясно, но прохладно - плюс 5-6 градусов). Впереди разместился духовой оркестр, музыканты которого были наряжены в некое подобие русской военной формы начала XIX века. Следом - манифестанты (около 20 тыс. человек). Первая шеренга держала длинный транспарант с лозунгом "Мы с тобой, Президент!" (белые буквы на голубом фоне).

По пути к Васильевскому спуску (тот же маршрут, что и 28 марта) оркестр исполнял старые русские марши и мелодии из американских мюзиклов. В колонне и впереди нее шли большие группы молодежи. Те несколько сот молодых людей что рассыпались "горохом" перед колонной, вели себя развязно, кривлялись и постоянно что-то выкрикивали, не чураясь нецензурных выражений. Многие из них были пьяны.

Когда эта ватага вышла на Лубянскую площадь, несколько пожилых дам-демократок, ожидавших подхода колонны, расценили появление такого сорта молодых людей как провокацию. На что тут же последовала реплика со стороны группы анпиловцев, наблюдавших за происходящим: "Какие воспитатели (жест рукой в направлении основной колонны) - такие и воспитанники". Дамы в ответ раскричались и обозвали анпиловцев провокаторами. На что те отреагировали, тоже криком: "Ну конечно, это мы их специально напоили и привели сюда, дуры сумасшедшие!"

Ближе к 19-30 колонна вышла на Васильевский спуск, где в ожидании концерта уже находились 20 тыс. молодых людей. Всего в этот вечер на спуск пришли примерно 40 тыс. человек, из них две трети молодежь, в большинстве своем в нетрезвом состоянии. Распитие горячительных напитков продолжалось и во время митинга-концерта. Опорожненные бутылки преднамеренно разбивались о мостовую, вследствие чего почти вся брусчатка вскоре покрылась слоем битого стекла, а пьяные "тинэйджеры" орали, матерились и метались туда-сюда по площади.

В один из моментов, глядя на всю эту вакханалию, дама интеллигентного вида обратилась к находившимся рядом с ней взрослым участникам митинга: "Разве можно было допускать такое безобразие, они же компрометируют нас, все демократическое движение". Те промолчали. Стоявший же неподалеку капитан милиции бросил реплику: "А вот Анпилов ни разу не приводил своих людей на митинги в таком состоянии". Тут уж как с цепи сорвались тетки-демократки и принялись укорять капитана: мол, как ему не стыдно, он получает зарплату от президента, а защищает коммунистов, которые против президента и т.д. Капитан, не выдержав бурного натиска, отошел в сторону.

Митинг открылся в 20-00 перезвоном колоколов и исполнением российского гимна (все в записи). Затем на громадную сцену, сооруженную в проезде между храмом Василия Блаженного и Кремлем, вышел артист Михаил Ульянов и заговорил о России и демократии. Завершил он свое выступление тем, что сравнил референдум с двумя дорогами, одна из которых ведет туда, где можно стать человеком, а "не членом трудового коллектива", т.е. ведет к цивилизации, другая же дорога ведет к тоталитаризму и варварству и призвал голосовать на референдуме за доверие Ельцину и за курс проводимых им реформ. Стоявшие кое-где по краям толпы небольшие группы анпиловцев, услышав выступление Ульянова, возмутились и решили, что когда НАШИ придут к власти, надо будет прилюдно лишить деятелей типа Ульянова звания "Народный артист СССР".

После Ульянова выступили: хор под руководством Минина, Любимов и Хмельницкий (оба из театра на Таганке), журналист из "МК" Гаспарян, поп-певица Долина, хохмач Хазанов, поп-певец Кузьмин, рок-группа "Алиса" и другие. Весьма примечательным было выступление журналиста из "МК", заявившего, что через несколько дней предстоит "последняя схватка с коммунистическим драконом, в которой МЫ должны победить, чтобы петь те песни, которые МЫ хотим петь".

Примерно через час после начала митинга его стали покидать группы молодых людей, не желавшие, судя по их репликам и замечаниям, принимать участия во всем этом разгуле (таких было примерно 20-25%). Активизировались милиционеры, которые ходили среди толпы и выдергивали из нее наиболее крикливых и неугомонных подростков, отводя их в милицейские автобусы.

В начале десятого перед пьяной молодежью и оставшимися на площади трезвыми демороссами выступил Ельцин (всего осталось не более 30 тыс. человек). Встретили его бурными аплодисментами, восторженными криками и одобрительным свистом.

Проскандировали "Ельцин, Ельцин". Говорил он недолго и привычными штампами: о свободной России, о коммуно-фашистской угрозе, поблагодарил за поддержку и призвал проголосовать на референдуме за демократические реформы. После его выступления концерт продолжился.

В вечерних ТВ-новостях показали отдельные эпизоды прошедшей акции, но толпу показывали так, чтобы не шокировать телезрителей видом собравшихся молодых людей - дали только общий план и выступления отдельных ораторов и артистов.

Через два дня, в пятницу 23 апреля, с 17-00 до 20-00 состоялся организованный ФНС "Марш возмущенного народа" - от Маяковки по Тверской улице и Охотному ряду на Новую площадь – и митинг по референдуму (было тепло, 13-15 градусов, переменная облачность).

Для сторонников оппозиции, пришедших к намеченному времени на Маяковку (здесь собралось не более 5 тыс. человек), полной неожиданностью стало присутствие на площади значительного числа милиционеров, перекрывших Тверскую улицу в сторону Центра. Чуть дальше, в Благовещенском переулке, стояли наготове 10 грузовых автомобилей.

После непродолжительной перепалки с представителями власти, которые предлагали начать шествие с Пушкинской площади, манифестанты в 17-15 легко продавили милицейскую цепь на Маяковке и пошли по правой стороне проезжей части. Откуда-то появилась конная милиция (10 всадников) и люди зароптали. Прозвучало предположение, что сейчас начнут разгонять нагайками, как во времена царизма, но все обошлось - конники лишь сопровождали манифестантов, двигаясь вдоль белой разделительной полосы. Тем не менее, появление конной милиции впритирку с толпой – впервые за все время проведения крупных демонстраций в Москве - "подогрело" людей, слышались нелестные высказывания в адрес властей и лошадей. Манифестанты периодически скандировали: "Ельцин Иуда", "Ельцин враг народа", "Ельцин пьяная свинья - убирайся из Кремля", "Люди русские идут - банде Ельцина капут", "Сионизм не пройдет", "Ельцин Иуда - пьяная паскуда".

Когда вышли на Тверскую, колонна увеличилась почти в 1.5 раза, так как к ней присоединились те, кто до этого делал вид, что прохаживается по тротуарам и глазееет на витрины магазинов. Перед Пушкинской площадью, у магазина "Академкнига", улицу перегородили грузовыми автомобилями, в кузовах которых торчали корреспонденты с видео- и фотоаппаратурой. Демонстранты стали шуметь, свистеть, скандировать "Позор!" "Позор!", а корреспонденты - снимать все это. Через пару минут между машинами и толпой появился Константинов с мегафоном, призвал всех успокоиться и проходить в зазоры между автомобилями и стенами домов.

На Пушкинской колонна вновь увеличилась почти в два раза, т.к. здесь ее поджидали манифестанты, сбившие с толку противоречивой информацией о месте сбора. По обеим сторонам площади стояли наготове 10 тяжелых грузовых автомобилей, а на

Тверской улице в 12-ти автобусах сидели омоновцы. Однако вся эта техника и живая сила не были задействованы против демонстрантов, которые не могли понять, в связи с чем поднят такой ажиотаж вокруг, в общем-то, обычной демонстрации. (После первомайских событий многие его участники пришли к выводу, что власти заранее "разогревали" толпу).

У здания Моссовета проскандировали: "Вся власть Советам!", а ближе к Манежной площади: "Сталин - отец, Ельцин - подлец" и "Ельцин - параша, победа будет наша!" До Новой площади колонна шла спокойно, хотя в Охотном ряду и на Театральной площади стояли наготове крытые грузовики с сидевшими в них дзержинцами. Большинство прохожих с неприязнью встречали демонстрантов, в их адрес периодически раздавались реплики: "Коммунисты", "Фашисты", "Недобитки" и т.п. На Лубянской площади манифестанты, шедшие впереди основной колонны, чуть было не поколотили сгоряча одного из западных корреспондентов за то, что тот очень упорно снимал пожилых людей. Его обвинили в том, что и западные и российские телевизионщики не показывают истинную картину происходящего и поддерживают тех, кто разваливает страну, и вообще - "все западники надоели нам!"

Дальний конец Новой площади, ближе к Ильинке, был перегорожен десятью контейнеровозами. Возле сквера, где установлен памятный знак – «соловецкий камень» - находился новый начальник ГУВД Москвы генерал Панкратов и его приближенные. Выйдя на площадь в 18-20, колонна разместилась перед Политехническим музеем, где уже были приготовлены трибуна (ЗИЛ-130) и радио-машина. При подходе колонны сыграли в записи "Священную войну". Манифестанты, число которых к этому времени увеличилось до 20 тыс. человек, принесли на площадь более 30 красных, 10 "имперских" и 9 андреевских флагов, а также плакаты и транспаранты с лозунгами:

- Долой оккупационный режим Ельцина!
- Родина-мать зовет!
- Ельцин - это гражданская война
- Ельцин - это развал России
- Нет реформам Ельцина!
- Игры президента - это разорение страны. Хватит играть Россией!
- Преступник Ельцин должен сидеть
- Ельцинизм - это новое преступление желтой прессы интеллигенции против

России

Открывая митинг, сыграли Гимн Союза, затем кто-то проскандировал с трибуны: "Президенту Ельцину - нет!", "Прокапиталистическому правительству России - нет!", "Россия - да, Ельцин - нет!", а собравшиеся дружно поддержали - "Нет-нет-да-нет" (формула ответов от ФНС на вопросы референдума). На трибуне расположились почти все лидеры оппозиции за исключением Анпилова, Зюганова, Стерлигова и Терехова. Кто-то из анпиловцев сказал, что Анпилов митингует на Горбатом мосту и что их там около 4 тыс. человек.

Первым выступил Константинов, который сравнил методы ведения пропаганды, используемые правящей верхушкой, с геббельсовской пропагандой. Затем, указав в сторону зданий на Старой площади, он произнес: "Вон там сидят те, кто несет раскол, развал и нищету нашим детям...Они уже устроили бойню на Юге, а сейчас на очереди - Россия...Народ на референдуме победит...В чистые майские праздники мы дадим им решающий бой...Родина или смерть!" (собравшиеся проскандировали последнюю фразу, а некоторые участники митинга поинтересовались друг у друга, что имел в виду Константинов, когда говорил про решающий бой в предстоящие майские праздники, но все пожимали плечами).

После Константинова на митинге выступили более 20 ораторов: Лукьянов, Осипов (быв.диссидент), Астафьев, Скурлатов, Исаков (депутат РФ), генерал Макашов, Р.Косолапов, Умалатова, Жириновский, Пригарин, генерал Титов, Рыбников (НРПР), Чехоев (быв.депутат Союза), Кузнецов (Союз офицеров), представители от молодежи и казаков, от бывших республик Союза.

Выступавшие клеймили позором правящий режим и призывали собравшихся активнее агитировать своих родственников и знакомых против Ельцина и его реформ. Один из ораторов предложил всем, кто находится на площади, сделать мелом надписи на стенах домов: "Ельцину - нет!", а генерал Макашов призвал выйти к станциям метро с таким же лозунгом и доказать, что "москвичи, породившие Ельцина, способны его убрать".

Депутат Астафьев высказал предположение, что на следующий день после референдума Ельцин захочет разогнать Верховный Совет и тогда сторонники оппозиции должны защитить его. Скурлатов призвал всех явиться к зданию ВС в понедельник 26 апреля до 10 часов утра и "выстроить там живую стену", а представитель Союза офицеров предложил мужчинам, умеющим владеть оружием, по первому зову выйти на защиту Родины.

Жириновский со своими сторонниками (25 человек) и флагом ЛДПР появился на площади со стороны Лубянки уже после начала митинга и был тепло встречен частью митингующих. В своем выступлении он заявил, что "это правительство должно уйти, а после следует провести новые выборы...Надо просить Ельцина не идти против результатов референдума и самому уйти с миром". Затем он пожелал всем сплоченности и сказал, что провинция проголосует против Ельцина.

Надежды на провинцию и на положительный для оппозиции итог референдума высказали большинство ораторов. В заключение опять прозвучала запись "Священной войны" и в 20-00 манифестанты стали расходиться. Наиболее активные из них (в основном анпиловки) приступили к агитации уже на станции метро "Китай-город", где они, к неудовольствию многих пассажиров, принялись скандировать: "Нет-нет-да-нет" - это Ельцину ответ!"

Согласно официальным результатам, на референдуме большинство проголосовало за доверие Ельцину и его реформы, но в то же время и за доверие Верховному Совету. В понедельник 26 апреля у здания ВС все было спокойно.

Несмотря на относительную победу, правящие круги не успокоились. Ельцин издал указ, запрещающий массовые шествия и митинги на центральных площадях вокруг Кремля. Лужков не дал разрешение "Трудовой России" и ФНС на проведение 1-го мая демонстрации от Октябрьской площади к Центру города. Средства массовой информации нагнетали истерию в связи с предстоящими майскими праздниками, запугивая обывателей возможными беспорядками, инициаторами которых заранее объявлялись сторонники оппозиции.

Под горячую руку попала и верноподданейшая Московская федерация профсоюзов (МФП - ФНПР), которой не разрешили проводить свой Первомайский митинг на Красной площади, но разрешили на Манежной площади.

Участники демонстрации голубых профсоюзов (по цвету знамен) собрались к 9-00 на Тверской улице между гостиницей "Минск" и Маяковкой. День выдался ясный, 13-15 градусов тепла.

Перед колонной вынесли большой флаг МФП, а в первой шеренге растянули длинный транспарант с надписью: "Единство! Солидарность! Права человека труда!" Тут же духовой оркестр играл "Москву майскую" и старые советские марши (все в разных местах колонны шли шесть самостоятельных духовых оркестров).

В разных местах над колонной возвышались транспаранты с названиями профсоюзных организаций, а также лозунги с экономическими требованиями (как представляется, не менее актуальными, чем политические):

- Да - демократии! Да - Президенту! Да - профсоюзам!
- Да - достойной жизни!
- Уровень минимальной заработной платы - не ниже прожиточного минимума
- За рабочие места
- За стабильность производства
- За перемены в интересах людей труда
- Цены и качество продуктов питания и лекарств - под контроль государства
- На зарплату - жить, а не голодать
- Безработице - нет!
- Налоговые льготы - производителям продукции и товаров народного потребления
- Требуем защиты промышленности от развала
- Предотвратить развал транспорта
- Мы не боимся работы - боимся ее потерять

- Профсоюзам - бесплатное и удобное время на телевидении

В начале десятого колонна во главе со Щербаковым (ВКТ) и Шмаковым (МФП) уаправилась к Манежной площади. На Пушкинской колонну встретили 12 молодых анархистов с тремя черно-красными флагами. Они выкрикивали в мегафон лозунги против соглашательской политики ФНПР и буржуазной демократии, а затем шли параллельным курсом до телеграфа и пытались встроиться в колонну со своими флагами, пока их не отогнала милиция (дружинники МФП в это дело не вмешивались).

На Манежную площадь колонна, в которой насчитывалось примерно 17-18 тыс. человек (в основном профсоюзные активисты с членами семей), вступила под песню группы "Любэ" - "Атас...рабочий класс", доносившуюся из радио-машины, установленной, как и трибуна, перед Историческим музеем. Оба проезда на Красную площадь были перегорожены грузовыми автомобилями.

В 10-00 к микрофону подошел Шмаков, который сначала мягко попенял абстрактным чиновникам из абстрактного аппарата за то, что они не разрешили провести профсоюзный митинг на Красной площади, а затем стал рассказывать о "титанической" борьбе МФП по отстаиванию прав трудящихся.

Доминирующими цветами на митинге МФП были голубой, синий и серовато-беловатый. Флаги красного цвета, т.е. цвета рабочей солидарности, более уместные в День 1-го Мая, практически отсутствовали, если не считать таковыми пять флагов спортивного общества "Спартак", которыми размахивала группа пэтэушников, а также двух-трех транспарантов красного цвета с наименованиями профсоюзов.

В это же время на Октябрьской площади под красными флагами бурлили сторонники оппозиции ("имперских" и андреевских флагов было мало - по 3 шт., а красных - более 80 штук). Люди возмущались решением властей, которые, формально разрешив Первомайскую демонстрацию "Трудовой России" и ФНС, определили маршрут движения от Октябрьской площади до входа в Парк Горького, т.е. на расстояние всего лишь 500 метров. Иначе как преднамеренное унижение это решение не воспринималось.

Кроме того, чтобы не допустить возможного прорыва демонстрантов в Центр города, район Октябрьской площади заблокировали с трех сторон. Улицу Большая Якиманка у "Шоколадницы" перегородили двумя рядами грузовых автомобилей (17 машин ГАЗ и ЗИЛ), а перед ними выставили две цепи милиционеров в касках и с дубинками в руках. Аналогичная картина наблюдалась на Садовом кольце со стороны Добрынинской площади. Но наибольшее раздражение собравшихся вызывал вид на Крымский мост, где перед линией большегрузных автомобилей (КрАЗы и КАМАЗы), преграждавших путь на мост, стояли цепи милиционеров и омоновцев в касках, с дубинками и высокими, отсвечивавшими на солнце, дюралевыми щитами, а также конная милиция. Вдоль сквера у Дома художника прогуливались милиционеры со служебными собаками.

В толпе раздавались реплики: "Псы-рыцари...Как на Чудском озере перед Ледовым побоищем...Фашисты...Позор...Доголосовались...Люди - дебилы, голосовали за Ельцина...То ли еще будет!"

В 10-30 с грузовика ЗИЛ-130, на котором размещалась радио-установка "Трудовой России", выступил Анпилов. Начав с того, что на Октябрьской площади собралось 150-180 тыс. человек (на самом деле - не более 25 тысяч), пришедших отметить День международной солидарности трудящихся, он заявил, что в создавшейся ситуации, когда все заблокировано милицией, а митинг разрешен чуть ли не под носом у омоновцев, в связи с чем возможны провокации, следует направиться по единственному свободному маршруту - по Ленинскому проспекту - в сторону Ленинских гор, на смотровую площадку и устроить там маевку, которую поддержат студенты из общежитий МГУ (насчет студентов МГУ он, думается, перегнул).

Собравшиеся криками одобрения встретили это предложение и начали выстраиваться в колонну. В передние шеренги вынесли длинные транспаранты: "Фронт национального спасения", "Трудовая Россия", "Конгресс Советских женщин", "Национально-республиканская партия России", "Вся власть Советам!"

В 10-40 колонна направилась в сторону площади Гагарина. В самой первой шеренге, насчитывавшей более 100 человек и шедшей в 25-30 метрах впереди основной колонны, находились, в основном, дружинники из "Трудовой России" и члены Союза офицеров (подполковники и полковники в военной форме, в основном отставники). Они несли несколько красных, "имперских" и андеевских флагов, а также средних размеров портрет Ленина.

Демонстранты шли весело, подпевали старым советским песням, записи которых "крутили" по радио-установке, и периодически скандировали: "Ельцин - дебил", "Ельцин пил, Ельцин пьет, Ельцин Родину пропьет", "Вся власть Советам!", "Советский Союз", "Ура РКРП!", "Ура Анпилову!" и т.п. Прохожих на проспекте было мало, а жители окрестных домов не проявляли особого интереса к происходящему. Лишь изредка кто-то высывался в окно или выходил на балкон, чтобы посмотреть на демонстрантов, но практически не было таких, кто бы поприветствовал их.

В 11-10, когда колонна прошла больше половины пути к площади Гагарина, один из лидеров трудороссов Гунько сообщил по радио-установке, что вход на площадь срочно перегораживают грузовыми машинами. Следом прозвучал призыв: "Но мы пойдем туда, несмотря ни на что!" (в это же время со стороны площади Гагарина к колонне подошел Константинов).

Вскоре манифестанты увидели, что происходит на подступах к площади: заграждения из грузовых машин устанавливались между домом, в котором размещался магазин «Спартак» и домом с кафе-мороженым «Пингвин». Перед передней линией автомобилей выстраивались цепи милиционеров с дюралевыми щитами и дубинками в руках. Поперек проспекта, над заграждениями, на уровне примерно 3-го этажа висела растяжка с таким текстом (как бы в насмешку): "С праздником, дорогие россияне!"

В 11-17 по радио-установке прозвучало: "Режим Ельцина идет на провокацию и хочет нас запугать...Мы сделаем все, чтобы избежать столкновения...Диктатура не пройдет!"

За 250-300 метров до заграждения по радио-установке обратились к женщинам и попросили их отойти назад, а затем решительным тоном потребовали "выйти вперед мужчинам, русским мужчинам". Головная часть колонны перестроилась на ходу, мужчины вышли вперед, но не все женщины отошли назад.

За 200 метров до заграждения по радио-установке заиграли "Священную войну", манифестанты, находившиеся в шеренгах впереди основной колонны, стали скандировать "Ельцин - Иуда!" и решительным шагом пошли на сближение с милицейской цепью.

В 11-25 находившиеся в самой первой шеренге дружинники и представители Союза офицеров с ходу, практически без паузы сошлись в рукопашной схватке с милиционерами, а следом в борьбу вступила большая группа манифестантов (2-2.5 тыс. человек), отделившаяся до этого от основной колонны.

Манифестанты сражались с милиционерами голыми руками, некоторым удалось вырвать у них щиты и дубинки и тут же пустить "трофейное оружие" против самих стражей порядка, другие использовали для этого древки от флагов и транспарантов. Над проспектом стоял гул от криков разъяренных людей, топота ног, ударов по щитам и автомобилям. Имея значительный численный перевес над милиционерами (тех было человек 200 и это были именно милиционеры, а не омовцы) манифестанты буквально за 5-6 минут смяли их порядки, вынудили милиционеров отступить и принялись штурмовать заграждение из автомобилей.

Несмотря на быстрый успех, среди манифестантов оказалось несколько десятков раненых, некоторым пришлось оказывать срочную медицинскую помощь в связи с сильными кровотечениями на различных участках головы, у кого-то хлестала кровь из ушей, у многих были сильно ушиблены или вывихнуты конечности, кого-то приводили в себя после сильного удара дубинкой или ногой по корпусу. Для перевязок использовались носовые платки, подола рубашек и бинты, припасенные на всякий случай некоторыми женщинами. Пострадали и стражи порядка.

Милиционеров, "попавших в плен", не трогали, а предлагали удалиться с "поля боя" и больше никогда не поднимать руку, тем более с дубинкой, на мирных граждан. Один из "сдавшихся" - старший лейтенант - все время испуганно озирался, на его лице виднелись два кровоподтека, один погон с куртки был сорван. Сердобольные женщины из "Трудовой России" дали ему попить воды из пластиковой бутылки и направили через проходной двор "подальше от греха". Другого "пленного" милиционера, от которого разило водочным перегаром, несколько мужчин подвели к врачу "скорой помощи", чтобы зафиксировать факт алкогольного опьянения, но тот отказался проводить эту процедуру. Тогда манифестанты обратились к Майе Скурихиной из "Правды", чтобы она сфотографировала "героя" для истории, что и было сделано.

В самый разгар сражения у входа в Нескучный сад появились Лукьянов, Умалатова, Пригарин и еще ряд лидеров левых партий. Увидев их, женщины и пожилые мужчины, наблюдавшие за происходящим, закричали: "Анатолий Иванович! Сажи! Уходите, здесь вам нечего делать, без вас справятся!". Те постояли минуту-другую, посмотрели на "поле боя" и вернулись в сад.

Схватку манифестантов с милиционерами сопровождали призывы и обращения, доносившиеся из радио-установки "Трудовой России", остановившейся примерно в 80 метрах от заграждения: "ОМОН – не применяйте силу!... ОМОН - требуем расчистить дорогу!... Сейчас дружина проделает проход!... Растаскиваем машины!"

Через несколько минут после начала побоища часть манифестантов оказалась вслед за отступившими милиционерами за первой линией машин в подготовленном милицией "мешке" (в 20 метрах от первой линии находилось следующее заграждение из грузовых машин, в кузовах которых расположились теле- и фотокорреспонденты). Милиционеры, теснимые манифестантами, среди которых были вооруженные палками и железками, подобранными в окрестных дворах, отступили ко второй линии. Но получить преимущество над милиционерами не удавалось, так как большинство манифестантов осталось перед первой линией: одни - дожидаясь момента, когда из заграждения будет "выдернута" хотя бы одна машина, а другие - просто опасаясь лезть в "мешок".

Мужики, находившиеся перед первой линией, вместо того чтобы перелезть через машины и помочь сражавшимся в "мешке", стали бросать туда камни и другие предметы, стараясь попасть в милиционеров, а доставалось не только им, но и заседавшим на них манифестантам, которые периодически оборачивались назад и призывали остальных не бросаться камнями, а идти на помощь. Возле передней линии машин в растерянности ходила женщина и звала потерявшегося в этой сумятице 10-летнего сына: "Ваня! Ваня!", но он не откликнулся.

В 11-40 за второй линией заграждения появилась пожарная машина с водометом на крыше. Из него сначала дали первый "залп" водой поверх сражавшихся в "мешке", а затем обрушили мощную струю на тела наступавших манифестантов. Те растерялись от неожиданности и в этот момент из-за второй линии на них кинулись разъяренные омовцы, экипированные, в отличие от милиционеров, в удобную форму, бронежилеты, каски с пластиковыми забралами, тяжелые ботинки, с дубинками и прозрачными пластиковыми щитами в руках и принялись с остервенением избивать дубинками и ногами практически безоружных людей.

Манифестанты дрогнули и начали отступать за первую линию машин. Вслед за ними через машины полезли омовцы. В этот же момент в средней части заграждения с помощью автомобиля ЗИЛ-130, на котором была размещена радио-установка, предпринимались попытки "выдернуть" из заграждения одну из машин. И тут раздались дикие женские крики. (Как оказалось, манифестантам удалось сдвинуть одну из машин, но в образовавшееся пространство бросились омовцы, тогда кто-то решил заткнуть брешь другой машиной и один из омовцев оказался зажат между двумя автомобилями.

С тяжелыми травмами он был отправлен в больницу, где спустя несколько дней скончался).

Перелезшие через первую линию омовцы (более 100 человек), воспользовавшись растерянностью манифестантов и суматохой вокруг инцидента с "выдергиванием" машины, продолжили избиение людей, включая женщин, пожилых мужчин и даже немногочисленных детей, оказавшихся на их пути. Но им не удалось продвинуться дальше 25-30 метров от первой линии, поскольку пришедшие в себя манифестанты забросали их камнями и заставили вернуться к заграждению. Для "обстрела" использовались любые более или менее тяжелые предметы, которые находили в Нескучном саду, во дворах и на ремонтировавшейся проезжей части одного из переулков: камни, кирпичи, куски асфальта и штукатурки, трубы, палки и т.п.

Вскоре омовцы предприняли две серьезные атаки на манифестантов, чтобы обратить их в бегство чуть ли не до Октябрьской площади и обозначить, тем самым, свой успех, однако и эти попытки им не удались. Испугавшись града камней, которые попадали не только в защищенные участки тела, они были вынуждены отойти к первой линии машин. Затем омовцы сделали еще четыре набега на манифестантов, расположившихся у входа в Нескучный сад, но набеги эти носили больше тренировочный характер.

Немалую роль в отражении атак омовцев сыграли женщины, которые как фурии носились за спинами мужчин и не только призывали их к решительным действиям, но и обеспечивали "метательными снарядами" (в Нескучном саду, например, они голыми руками разобрали старую асфальтовую дорожку). Ненависть к нападавшим была столь сильна, что некоторые представительницы слабого пола, предлагали достать где-нибудь топоры или прутья из арматуры и "поубивать к чертовой матери всех омовцев", которых они называли не иначе, как "фашистами", "предателями", "наемниками" и "продажными шкурами". Отразив наиболее серьезные атаки, манифестанты больше не предпринимали попыток прорвать оцепление.

В 11-55, после того как манифестанты отбили одну из атак омовцев, кто-то поджег грузовой автомобиль ГАЗ-53 (фургон) возле кафе-мороженого "Пингвин". Черный дым с копотью повалил вверх и вынудил закрыть все окна и уйти с балконов жителей рядом стоявшего дома, наблюдавших за побоищем. В 12-15 двое молодых людей 25-26 лет подошли к автомобилю ЗИЛ-130 (бортовой), который за полчаса до этого был выдернут из заграждения и отогнан к тротуару у Нескучного сада, и стали спокойно обмазывать покрышки автомобиля бензином, готовясь, судя по всему, поджечь его. Часть манифестантов запротестовала, мол, нельзя уничтожать народное добро, а другие, наоборот, предлагали устроить из машины факел и катануть ее в сторону омовцев.

За действиями парней безучастно наблюдали стражи порядка во главе с командирами. Автомобиль запылал. И лишь когда он на самом деле превратился в факел и на нем стали взрываться баки с горючим, из-за заграждений выехала пожарная машина, но подъехать к горящему автомобилю ей не дали, так как наиболее ретивые манифестанты забросали кабину камнями, в результате чего водитель пожарной машины растерялся и

врезался в фонарный столб. После этого мужик лет 60-ти, похожий на ненормального, полез поджигать и эту машину, но манифестанты отогнали его. Один из манифестантов рассказывал, что он слышал разговор по радиации на той стороне заграждений - туда можно было спокойно пройти через двор - как кто-то докладывал, что у них все готово для поджога и просил соответствующего разрешения. Так это было или нет, трудно судить, поскольку у молодых людей, поджигавших автомобиль, радиации в руках не было.

В 12-20 Анпилов и Константинов вышли из основной группы манифестантов, расположившихся на расстоянии примерно 150 метров от заграждения, и в сопровождении полковника милиции направились за оцепление. Спустя пять минут они вернулись. Анпилов обратился по радио-установке к собравшимся и призвал к политической забастовке. Подполковник милиции, также вышедший из-за оцепления, стал объяснять группе манифестантов, что Константинов договорился с руководством милиции об отходе манифестантов на Октябрьскую площадь. Несколько поодаль, в Нескучном саду, двое полковников милиции говорили манифестантам о необходимости соблюдения законности при проведении массовых мероприятий. На что последовал ответ, что в государственные праздники они могут свободно ходить по улицам своего родного города, что они не рабы, чтобы подчиняться любым нелепым указаниям Лужкова, и что 9-го мая, если опять будет наложен запрет на демонстрацию, они будут прорываться на Манежную и Красную площади силой, взяв предварительно из дома топоры и другие железные предметы, и будут "биться с ОМОНОм до последнего". Выслушав все это, полковники удалились за оцепление. Тут возник очкастый интеллигент средних лет с холщевой сумкой в руке, достал из нее нечто похожее на стамеску и стал объяснять другим, с чем именно следует приходить на демонстрации, чтобы успешнее бороться с милицией и омовцами. Ему не дали долго говорить, обматерили, обозвали провокатором и прогнали через двор "на ту сторону".

В 12-30 Константинов опять направились на переговоры, а Гунько по радио-установке призвал всех братья за оружие и прокричал: "Родина или смерть!" (Можно было подумать, что дома у демонстрантов были припрятаны, как минимум, "Макаровы"). Спустя некоторое время дружинники "Трудовой России" выстроились цепью и стали отжимать к основной толпе тех манифестантов, которые бродили сами по себе на небольшом расстоянии от заграждений. В 12-45 пожарники раскатали рукав и принялись тушить догоравший автомобиль у Нескучного сада (огонь на другом автомобиле уже погасили).

В 12-50 из-за заграждений появилась конная милиция (47 всадников, среди них одна белобрысая девица стервозного вида) и выстроились перед цепью омовцев. Манифестанты напряглись, посчитав, что сейчас против них будет предпринята конная атака, и стали соображать, что можно противопоставить такому повороту событий, но все обошлось. Простояв и помитинговав на виду у омовцев еще минут 30, манифестанты по команде своих лидеров развернулись и направились на Октябрьскую площадь. За ними на расстоянии 100 метров шли цепью милиционеры с дубинками в руках.

В 14-00 колонна вернулась на Октябрьскую площадь. По пути возбужденные манифестанты обсуждали побоище, вспоминали отдельные эпизоды и давали оценку всему произошедшему. Большинство считало, что милиция и омовцы проиграли, что они не ожидали такого отпора со стороны безоружных людей, думая, что применив силу, они смогут рассеять их и обратить в бегство. Чувствовалось, что люди, в особенности те, кто принимал непосредственное участие в схватке, заужавали и себя, и других таких же как и они бойцов. Кроме этого, манифестанты периодически скандировали анти-ельцинские и анти-лужковские лозунги, сообщали немногочисленным прохожим о событиях у площади Гагарина, освистали и обкричали вышедшего на балкон седовласого человека (то ли женщину, то ли мужчину) издав очень похожего на Г.Попова.

На Октябрьской площади лидеры обратились к собравшимся с вопросом: "Что делать дальше?" В итоге решили любым способом добираться к Дому Советов и потребовать у депутатов срочного созыва Сессии, а если там уже будет стоять милицееское оцепление, то приходиться к ДС на следующий день к 8-00. После этого часть людей поехала на метро на Красную Пресню, а часть, ссылаясь на усталость и испытанное напряжение, разъехалась по домам.

В 14-45 на проезжей части перед станцией "Баррикадная" уже стояла колонна из 10 грузовиков. Ими милицееские офицеры собирались перекрыть проход к зданию Верховного Совета, однако появившиеся из метро ребята из Совета рабочих Москвы, обратились к водителям "как рабочие - к рабочим", вкратце рассказали им о событиях у площади Гагарина и призвали не слушать милиционеров и вернуться на автобазы, а в случае отказа пообещали поджечь автомобили. Посоветовавшись, водители сели в машины и стали разъезжаться. При этом у одного из МАЗов отказали тормоза и он покотился по спуску в сторону зоопарка, а высунувшийся из кабины водитель пытался криком предупредить прохожих не переходить улицу. Увидев все это, манифестанты помчались впереди машины и принялись сталкивать с ее пути людей, чтобы не допустить очередной трагедии. Благополучно проскочив перекресток у зоопарка и потеряв скорость, машина остановилась почти у Волкова переулка.

В 15-10 у здания Верховного Совета со стороны стадиона уже находились люди, прибывшие с Октябрьской площади (примерно 7-8 тыс. человек). Здесь же в некотором беспорядке стояли грузовики, причем у одного были помяты передний бампер и радиаторная решетка. Оказывается, милиция пыталась перекрыть с помощью машин проход к ДС, но манифестанты, усевшись на их пути, заставили водителей дергаться из стороны в сторону, в результате чего столкнулись несколько автомобилей. На стенке фургона одной из машин успели написать мелом: "Ельцин - это Гитлер, холуй, сволочь, пьянь", а на борту самосвала: "знак доллара + шестиконечная звезда + сорок градусов = Е.Б.оН - холуй!"

Среди собравшихся ходили слухи о 10 погибших у пл.Гагарина и нескольких десятках раненых, кто-то говорил об аресте подполковника Терехова. Многие склонялись к тому, что "мы одной ногой уже вступили в гражданскую войну". В толпе ходила

ненормального вида женщина с палкой, на которой были привязаны восемь окровавленных платков. По ее словам, это была кровь погибших. Еще одна женщина ходила с транспарантом: "Доллар - это сифилис России". Группа анпиловок рассказывала, как после ухода основной колонны с Октябрьской площади в сторону пл.Гагарина, к ним подбежал Анпилов и сообщил, что милиция и омоновцы погружаются в автобусы на Крымском валу, собираясь перекрывать Ленинский проспект впереди колонны, и что нельзя этого допустить. Тогда манифестанты, задержавшиеся на площади, кинулись на Донскую улицу и уселись на мостовую, но милиционеры, увидев это, свернули на Шаболовку.

Вскоре один из активистов "Трудовой России" сообщил по мегафону, что Терехов не арестован на пл.Гагарина и находится в надежном месте (последовали крики "Ура!"). Ближе к 16-00 к группе своих сторонников обратился Анпилов и призвал их оставаться перед ДС до конца, так как если все уйдут, то могут начаться аресты депутатов. Тем не менее, не видя каких-либо активных действий со стороны милиции и омоновцев, стоявших на Конюшковской и Рочдельской улицах, манифестанты начали понемногу расходиться и к 17-00 их осталось не более 4-х тыс. человек.

Примерно в это же время с подоконника у 20-го подъезда к оставшимся обратился депутат Саенко и сообщил, что по радио и ТВ уже посыпались обвинения в адрес демонстрантов за то, что они без разрешения властей ушли на Ленинский проспект, да к тому же первыми напали на омоновцев. При этом он заметил, не ссылаясь на источник, что в первых рядах демонстрантов находились провокаторы - молодые ребята в спортивных костюмах и с прутами в руках (таких во время побоища не приметил). Далее он сообщил, что в Первую Градскую больницу доставлены 46 раненых, из них одна женщина находится в очень тяжелом состоянии, и может быть она уже скончалась. Под конец выступления он зачитал заявление, в котором осуждалось насилие со стороны властей и излагалось требование о привлечении к ответственности организаторов провокации против мирной демонстрации.

После Саенко слово взял Анпилов, вновь призвавший манифестантов оставаться на месте, так как "если мы отсюда уйдем, то и Саенко, и Анпилова, и Терехова арестуют...Надо требовать созыва чрезвычайной Сессии Верховного Совета и Съезда депутатов...Отправить в отставку правительство Черномырдина и Ельцина, так как это они нас сегодня избивали...Они покажут по телевидению, как мы омоновцев били, но не покажут, как те били упавших стариков и женщин каблуками по голове и в живот...Объявить построение народного ополчения...Свобода или смерть!"

Несмотря на все призывы, ближе к 23-00 у ДС осталось не более 200 человек, назначенных, по их словам, в "боевое дежурство".

В вечерних ТВ-новостях показали следующие эпизоды: Октябрьскую площадь, когда Анпилов призывал отправиться на Ленинский проспект; идущую колонну демонстрантов и первую шеренгу, вступившую в схватку с милиционерами; действующий водомет и побоище в "мешке"; атаку омоновцев, избивавших отдельно стоявших людей;

вынос раненых, в основном милиционеров. Комментарии диктора были весьма сдержанными.

Главные обвинения в адрес манифестантов прозвучали из уст Лужкова сразу же после показа видеоряда. Сначала он обвинил организаторов демонстрации в том, что они повели людей по недозволенному маршруту, а затем продемонстрировал телезрителям две заточки, сделанные из автомобильных клапанов, металлическую цепь и еще пару-другую железяк, которые, по его словам, демонстранты специально принесли с собой, чтобы избивать ими милиционеров. (Большинство показанных им предметов, кроме заточек, на самом деле использовались демонстрантами, но специально их никто не приносил, а найдены они были на помойке во дворе дома, в котором размещался магазин "Спартак").

Лужков лгал не только в этом случае, но и рассказывая о якобы совершенных демонстрантами бесчинствах, когда они направились по Ленинскому проспекту к пл.Гагарина: мол, по дороге они крушили на своем пути все торговые киоски и павильоны. На самом же деле, из всего множества торговых точек на проспекте пострадали, да к тому же совсем незначительно, лишь два ларька, располагавшиеся непосредственно в "зоне боевых действий", у угла "спартаковского" дома. Да и пострадали эти два ларька в силу случайных обстоятельств (камень сорвался с руки и полетел не туда и т.п.), нежели в результате преднамеренных действий манифестантов. Более того, когда кто-то из пострадавших манифестантов предложил в отместку разбить стеклянный павильон, стоявший на тротуаре возле Нескучного сада, остальные категорически запретили ему делать это. Точно такой же была реакция подавляющего большинства демонстрантов на предложения наименее сдержанных своих товарищей (или провокаторов?) переколотить все ларьки на проспекте при возвращении на Октябрьскую площадь.

"Демократические" СМИ устроили настоящую истерику в связи с первомайскими событиями. Почин был сделан Костиковым (пресс-секретарем Ельцина), зачитавшим вечером 1-го мая заявление своего патрона, в котором тот обвинил старую номенклатуру в попытке реванша за проигрыш на референдуме. Печатные издания (например, "Известия" и "Независимая газета") лили крокодиловые слезы, оплакивая избитых милиционеров и омоновцев, которые, оказывается, не оснащены должным образом для борьбы с такими вот бандитствующими толпами.

Последующие дни были выходными и у здания ВС собиралось до 2-х тыс. человек. Перед ними выступали лидеры оппозиции и депутаты, рассказывавшие о пострадавших и погибших в результате побоища (сначала уверенно говорили об одном скончавшемся, но потом оказалось, что это ошибка), о ходе следствия по этим делам, а также о предстоящей демонстрации в День Победы 9-го мая.

На площади со стороны стадиона, на заборах и кустах висели самодельные плакаты и транспаранты такого содержания:

- В побоище 1-го Мая виноваты Ельцин и Лужков

- К суду Лужкова: за коррупцию, за распродажу Москвы, за грабеж москвичей, за избиение демонстрантов

- Ельцин - палач России

- Позор палачу России Ельцину за кровавое побоище народа 1-го мая 93г.

- Ельцин, вон из Удмуртии!

- Долой институт президентства! Нет, фашистской диктатуре марионеток Запада!

- 1 мая 1993 года - кровавое воскресенье фашистского про американского режима Ельцина и Ко из Дем.России. Ельци на - к ответу!

- Долой демократуру Ельцина!

- Ельцин - убийца!

- Ельцин - вор!

- Смерть ельцинским оккупантам!

- Янки - вон из России!

- Русские парни - герои!

- Сахаров создал бомбу "Боннэр", которая взорвала нашу страну изнутри

- Политика демократов - проявление ненависти Запада к России и ее народу

- Лишь тот достоин чести и свободы, кто каждый день идет за них на бой!

- Мы - люди свободного гордого племени! И вам никогда не сделать нас быдлом и гоями!

- Где голова твоя, Борис? Наш паровоз ее заждался.

И покатился рейтинг вниз, когда халдеям ты...отдался

- Президент - резидент, получай скорей презент: с лучшим пьяницей в Европе оказались все мы...в шопе!

- Если в Китай просочится жидец, то и китайцам наступит пиз...(пизанская башня)"

- Увидавши Хасбулата, побежали жида с рати. Раз не масон ты и не гомосек, русский с чеченцем братья навек!

- Как повяжут галстук - береги его. Он ведь с носом

Бонечки (Бори) цвета одного

- Ельцин, катись к еБушевой матери!

- Власть Советов - власть Народа!

Весьма примечательной оказалась в один из этих дней беседа группы манифестантов с депутатом-демократом С.Ковалевым (бывший диссидент, а в то время - председатель Комитета ВС по правам человека). Судя по его замечаниям, он не очень-то осуждал действия омоновцев по отношению к демонстрантам, поскольку те, по его мнению, нарушили правила проведения массовых мероприятий. В его вопросах к стоявшим вокруг людям проскальзывало желание услышать в ответ факты, которые позволили бы установить вину руководителей первомайской демонстрации и ее рядовых участников, а не властей, организовавших всю эту провокацию. Поняв намерения

Ковалева, собравшиеся осудили его за предвзятость и обозвали "псевдо-демократом", после чего тот удалился вместе со своей помощницей в здание ВС.

Накануне 9-го мая, как и следовало ожидать, средства массовой информации вновь приступили к нагнетанию психоза, а представители мэрии заявили, что они разрешат провести демонстрацию Союзу офицеров, но только не ФНС и "Трудовой России". Маршрут движения назначили от Белорусского вокзала до Тверской площади (напротив Моссовета). Оттуда по 20 представителей от каждой общественно-политической организации должны были пройти к могиле Неизвестного солдата для возложения венков и цветов. С решением мэрии не согласился Моссовет, который разрешил демонстрантам пройти на Манежную и Красную площади. В распри между мэрией, Моссоветом и организаторами демонстрации вмешался Верховный Совет, в результате чего 8-го мая был подписан совместный протокол, согласно которому демонстранты должны были пройти от Белорусского вокзала до Маяковки, провести там митинг, а затем пройти (без политических лозунгов) к Манежной площади и к могиле Неизвестного солдата.

8-го мая в Парке Горького состоялся фестиваль газеты "Правда", на котором присутствовали многие лидеры оппозиции (депутаты, руководители левых движений, некоторые члены ГКЧП), выступившие перед собравшимися, которых было не более 3 тыс. человек. Зюганов, в частности, сказал, что еще днем 30 апреля он узнал о готовящейся 1-го мая провокации и до позднего вечера связывался по телефону с различными чинами из МВД, чтобы не допустить побоища, но все оказалось тщетным. Говоря о предстоящей демонстрации 9-го мая, он призвал провести ее организованно, быть бдительными и ни в коем случае не поддаваться на возможные новые провокации.

В воскресенье 9-го мая выдался ясный и очень теплый день (плюс 23 градуса). С самого раннего утра центральные площади города - Красная, Манежная, Революции - были закрыты для прохода обычных посетителей. На Театральной площади для участия в официальных мероприятиях собирались офицеры, выряженные в новую военную форму, что послужило поводом для язвительных замечаний со стороны немногих трудороссов, решивших разведать обстановку перед демонстрацией ("Вырядились, как попугаи", "И вам не стыдно одеваться в натовскую форму?" и т.д.).

Перед зданием нынешней Гос.Думы стояло не менее двух десятков автобусов - в них сидели милиционеры с дубинками и дюралевыми щитами. В Георгиевском, Никитском и Газетном переулках стояло много бортовых автомобилей, возле которых ходили дзержинцы и омовцы. Выше по Тверской и в прилегающих к ней переулках ни техники, ни скоплений милиционеров не было.

В 10-00 от здания Моссовета в сторону Манежной площади и далее к Александровскому саду, в сопровождении духового оркестра, исполнявшего "День Победы", прошла колонна ветеранов - примерно 2 тыс. человек (очевидно на официальное мероприятие с участием властей).

Колонны сторонников оппозиции формировались гораздо дальше - от магазина "Пионер" в сторону Белорусского вокзала. В сравнении с первомайской демонстрацией в колоннах прибавилось "имперских" и андреевских флагов (всего около 30% от общего числа флагов, остальные - красные). Плакатов и транспарантов с обычным для шествий оппозиции содержанием было поменьше. На этот раз общая колонна состояла из нескольких подколонн: ветераны войны, депутаты разного уровня, ФНС, "Трудовая Россия", "Трудовая Москва", левые партии, православные и монархические организации. Несколько особняком, под двумя транспарантами "Русские идут", стояли "стерлиговцы" во главе со своим руководителем.

Многие из собравшихся уже знали о скоплении милиции и омоновцев в начале Тверской улицы, но особой тревоги это известие не вызывало, поскольку манифестация была разрешена до Манежной площади. Тем не менее, раздавались голоса, что надо бы прорываться и на Красную площадь. В целом же настроение у людей было спокойное и большинство было уверено, что в этот день власти не пойдут на провокацию.

Всего в этот день собралось более 50 тыс. человек, не считая примерно 10 тыс. любопытствующих, расположившихся на тротуарах (где гуще, а где пореже) вдоль всей Тверской улицы.

В 11-15 колонна направилась в сторону Маяковки. По радио-машине исполняли старые советские марши. Где-то сзади надрывался Гунько, периодически скандировавший: "Ленин, Родина, социализм!", "Слава великому Сталину!" и другие лозунги. Впереди колонны шло очень много людей, рассыпанных "горохом", в их числе российские и иностранные журналисты с фото-кино- и телеаппаратурой.

В 11-30 колонна остановилась на Маяковке. Митинг вел подполковник Терехов. Трибуной для выступления служил военный колесный тягач "Ураган" (как рассказывали активисты-трудороссы, тягач пригнали на всякий случай, если возникнут осложнения с ОМОНОм). Открывая митинг, Терехов заявил, что в связи с подписанным организаторами шествия совместно с ВС и городскими властями протоколом о порядке проведения митинга и манифестации, дальше к Манежной площади следует идти без лозунгов и выкриков политического содержания (народ слегка зароптал).

Стоявшие с края толпы депутаты Верховного Совета Исправников и Степашин (в то время председатель Комитета ВС по обороне) подтвердили какому-то генерал-лейтенанту сказанное Тереховым и добавили, что Имраныч (т.е. Хасбулатов) приказал всем руководителям комитетов ВС быть в этот день на Тверской и следить за поведением толпы и милиции, чтобы не допустить повторения первомайских событий.

После Терехова выступили: генералы Ачалов, Макашов и Титов, депутат Бабурин, Эдуард Лимонов, Гунько, Маляров, Умалатова, ветераны войны. Говорили они о Победе и о побоище 1-го мая, обвиняли правящий режим в установлении диктатуры и призывали к единству оппозиционные силы.

Бабурин особо отметил, что результаты референдума свидетельствуют о глубоком расколе в обществе и поэтому "нам придется бороться за души людей". Далее он сказал,

что "сейчас, как и в 1812 году, "французы" засели в Кремле, но мы сделаем все, чтобы погнать их назад по Старой Смоленской дороге".

Макашов выдвинул основные условия, на которых можно достичь согласия с правящими кругами: "Мы за мир с режимом, но не на условиях их конституции, а на условиях восстановления всего того, что они развалили...Главное же условие, чтобы эта банда собрала свои чемоданы и покинула нашу страну".

Лимонов говорил о Жукове и Красном знамени над рейхстагом, а под конец своего выступления запел: "...от Москвы до Британских морей Красная Армия всех сильнее". Его поддержала лишь небольшая группа собравшихся.

Через двадцать минут после начала митинга несколько десятков дружинников и манифестантов ринулись в сторону Концертного зала имени Чайковского и принялись кого-то отгонять от митингующих. Оказалось, что там безобразничали фанаты группы Depesh Mod (всего около 40 человек). Они кривлялись и выкрикивали что-то обидное в адрес митингующих. Стоявшие неподалеку манифестанты решили, что это провокация и молодежь была специально подослана для разжигания страстей на площади.

Этот митинг, в отличие от большинства предыдущих митингов оппозиции, продолжался недолго - всего 40 минут. В 12-10 Терехов объявил о его окончании и в очередной раз призвал к бдительности в связи с возможными провокациями. Манифестанты перестроились в колонну и под звуки "Священной войны" направились по Тверской к Манежной площади. По дороге отдельные группы манифестантов пытались спеть ту же "Священную войну" и "Катюшу", но хор не складывался (радио-машина вместе с "Ураганом" остались на Маяковке). Проходя мимо здания Моссовета, проскандировали "Вся власть Советам!" В переулках, где более двух часов назад разгуливали милиционеры и омовцы, никого не было видно, стояли лишь бортовые автомобили. В 150-200 метрах впереди колонны шли подполковник и майор из Союза офицеров, которые регулярно связывались по рации с неким "Первым" и докладывали ему об обстановке.

Проход на Манежную площадь, куда колонны вступили примерно в 13-00, был открыт, а Охотный ряд перекрывала обычная милицейская цепь. В связи с начавшимися строительными работами на срединной части Манежной площади, колонны шли сначала в сторону дальнего торца здания Манежа, затем огибали его и двигались вдоль решетки Александровского сада. К могиле Неизвестного солдата разрешили пройти лишь ветеранам войны и тем, кто нес венки и цветы.

Несмотря на предупреждение Терехова о недопустимости скандирования антиправительственных лозунгов, в большинстве колонн, вступавших на площадь, скандировали: "Банду Ельцина под суд!", "Ельцин - враг народа!" и "Ельцин - Иуда!".

Колонны, проходившие вдоль решетки сада, ненадолго останавливались напротив могилы Неизвестного солдата и склоняли знамена. "Стерлиговцы" даже опустили на колени, перекрестились, а поднявшись, проскандировали: "Русские идут!" и "Мы - русские, с нами - Бог!" Лимонов и с ним примерно 20 молодых людей, одетые как и он в

черные куртки (будущие НБПшники), прошли с поднятыми вверх кулаками и направились к метро. Колонна "Трудовой России", шедшая одной из последних, склонила свои знамена, а затем прошла в сторону Красной площади, скандируя: "Фашизм не пройдет", "Ленин, Ленин", "Анпилов, Анпилов". (Лидера трудороссов в колонне не было, т.к. он исчез накануне вечером после визита в следственное управление прокуратуры, куда его вызвали по делу о первомайских событиях; люди требовали известий о его местонахождении).

Прорываться на Красную площадь манифестантам не пришлось: жиденькую цепь милиционеров просто "проглотили", а других преград не было. На площадь пришло около 80% от первоначальной численности демонстрантов, но многие вскоре ушли, посчитав выполненным свой долг. Оставшиеся разбились на группы и повели обычные для такого рода мероприятий разговоры. В центре некоторых групп оказались Терехов, Крайко (бывший депутат Союза), депутаты Павлов, Исаков и ряд других.

Терехов говорил, что сегодняшняя демонстрация показала, кто был прав, а кто не прав 1-го мая; если бы тогда пропустили колонну на Ленинские горы, то ничего не произошло бы, и после сегодняшней демонстрации властям будет трудно оправдываться за свои действия недельной давности. Спустя пару минут к Терехову подошел Павлов и стал объяснять, что они как организаторы демонстрации несут если и не юридическую, то морально-политическую ответственность за действия демонстрантов на Красной площади, куда вообще не следовало входить, а они (т.е. демонстранты) ходят по площади с антиельцинскими лозунгами и не лучше ли призвать их расходиться по домам.

Терехов закивал головой в знак согласия, но тут его перехватила дама, сообщившая, что часть анпиловцев собралась на Васильевском спуске и намеревается сидеть там до тех пор, пока не появится Анпилов. Лидер Союза офицеров аж изменился в лице и сказал, что вся эта история с Анпиловым может спровоцировать трудороссов на непредсказуемые действия и решил переговорить с ними. Однако опасения Терехова оказались напрасными, так как на Васильевском спуске находилось не более 60 анпиловцев и ни к каким "непредсказуемым действиям" они не готовились, тем более, что недалеко от них стояли 20 "черных воронов" и 25 бортовых ЗИЛ-131, в которых сидели дзержинцы.

Спустя некоторое время один из активистов "Трудовой России" появился на Красной площади у Лобного места и объявил интересовавшимся судьбой Анпилова, что на следующий день его сторонники собираются у Музея Ленина, откуда пойдут пикетировать прокуратуру и будут стоять там до тех пор, пока им не сообщат, где находится лидер "Трудовой России".

Ближе к 15-00, когда на площади осталось лишь несколько сот человек, из Ветошного переулочка на Ильинку выехали две пожарные машины с водометами и направились в сторону Ильинских ворот. Судя по осадке, их баки были "под завязку" заполнены водой, однако поливать ею демонстрантов на этот раз не пришлось.

В вечерних блоках ТВ-новостей организаторов демонстрации обвинили в нарушении ранее подписанного протокола, так как манифестанты прошли на Манежную и Красную площади, несли и скандировали политические лозунги и т.д. Телекомментаторы говорили об очередной попытке коммуно-номенклатурного реванша, да еще в такой "святой для всего народа день".

Прозвучало также сообщение прокуратуры об исчезновении Анпилова: мол, его вызывали туда для дачи показаний о событиях 1-го мая и отпустили поздно вечером, а где он находится сейчас - прокуратура не знает.

По оценкам демократических СМИ, в демонстрации оппозиции 9-го мая приняли участие не более 30 тыс. человек, а по оценкам "Советской России" и "Дня" - более 300 тыс. человек. Однако ни одна из приведенных оценок не соответствовала действительности, в особенности вторая. Если бы в мае оппозиции на самом деле удалось вывести на улицы Москвы такое число своих сторонников, то спустя пять месяцев вряд ли случилась трагедия на Красной Пресне.

Майские демонстрации, на которые, судя по всему, делали ставку лидеры оппозиции и стоявшие за ними круги, не дали ожидаемых результатов: "третья волна" оказалась не настолько мощной, чтобы "сместить ненавистный антинародный режим". Тем не менее, спустя пару недель после этих событий некоторые лидеры оппозиции заговорили о грядущей катастрофе и возможном падении ельцинского режима уже осенью этого года.

Так, во время митинга на Славянской площади возле памятника Кириллу и Мефодию, проводившемся 24 мая патриотическими организациями в честь Дня славянской письменности и культуры, Зюганов, стоя в стороне от основной толпы митингующих (примерно 1.5 тыс. человек) и отвечая на вопросы группы людей, говорил, что если правящая верхушка не спровоцирует что-то похожее на столкновение 1-го мая, то режим сам по себе сгниет через 6-7 месяцев, так как к осени экономическое положение в стране резко ухудшится, начнется голод и произойдет массовая остановка производства. Если же в этих условиях клика Ельцина решится на разгон Верховного Совета, то надо проводить акции гражданского неповиновения. Он рассказал также, что события 1-го мая произвели большое впечатление на западных наблюдателей, которых поразили действия простых людей, дравшихся голыми руками с хорошо экипированными омонотцами, "западники стали понимать, что Россия - это не Африка и даже не Палестина".

Очередная демонстрация сторонников оппозиции состоялась в субботу 5 июня - в день начала работы в Кремле конституционного совещания, созванного Ельциным для разработки новой российской конституции, согласно которой в России предполагалось ввести президентскую республику, что не устраивало оппозицию.

Сбор участников демонстрации был назначен к 10-00 на площади Белорусского вокзала. Оттуда колонна прошла до Маяковки, затем по Садовому кольцу до Каретного

ряда, далее - по Петровке, Театральному проезду и вышла на Лубянскую площадь, где состоялся разрешенный властями митинг (погода с утра была прохладной и пасмурной, временами накрапывал дождь, но потом тучи разошлись и стало тепло, около 18 градусов).

Все это мероприятие оказалось чересчур затянутым по времени и длилось более пяти часов. Сначала с 10 до 12 часов митинговали на Белорусской, где собралось примерно 15 тыс. человек, потом час с лишним топали до Лубянки и там опять митинговали два часа. Шли как обычно, периодически скандируя "Банду Ельцина под суд", "Ельцин враг народа", "Советский Союз" и т.д.; по радио-машине исполняли советские марши и песни. По дороге к колонне присоединились Лимонов и его 20 молодых сторонников.

Милиционеров на улицах было мало, они лишь обозначали маршрут движения, но в некоторых местах - на Маяковке, возле Большого театра и на Новой площади - наготове стояли автобусы с омоновцами, а на Маяковке, кроме того, две пожарные машины, на всякий случай.

Руководили движением колонны Терехов и депутат Исаков. Демонстранты несли более 80 красных и 15 "имперских" флагов, а также транспаранты и плакаты на тему дня:

- Борис! Все алкаши сочувствуют твоей конституции, особенно по утрам
- Конституцию под ельцинский фашизм не допустим! Народ, очнись, спасай Россию!
- Ельцинская конституция - это приговор народу и гибель России
- Референдум и ельцинская конституция - мандат на продолжение ползучего дем.путча, по сползанию к диктатуре дем.разрухиизма
- Вся власть Советам трудящихся!
- Мир труженикам - война паразитам!
- За развал страны - Ельцина под суд
- Банду Ельцина под суд!
- Армия, вперед, страна в разрухе. Иль ждешь, что защитят ее старухи?

Когда приблизились к Петровке-38 (ГУВД Москвы), Терехов засуетился и попытался сформировать из головной части колонны нечто похожее на воинский строй (видимо, чтобы продемонстрировать милицейским чинам организованность и порядок). Люди, стоявшие по краям Петровки между Бульварным кольцом и Столешниковым переулком, удивлялись многочисленности демонстрации, считая, что в ней участвуют не менее 100 тыс. человек (и вправду, на узкой части Петровки колонна из 15-17 тыс. человек казалась бесконечной).

На проезжей части Лубянской площади перед "Соловецким камнем" была установлена машина-трибуна. Митинг открыли исполнением Гимна Союза.

Первым выступил Константинов, который заклеил коррумпированных сподвижников Ельцина за их готовность убивать свой народ и призвал сторонников

оппозиции "быть готовыми к этому, быть готовыми к борьбе...1-го и 9-го мая мы показали свою решимость дать им отпор, а 12-го июня начнем борьбу за Останкино...Наше оружие - это наша правда и наше единство...Вместе мы победим...Да здравствует Россия!"

Затем слово предоставили Анпилову, встреченному скандированием толпы: "Анпилов! Анпилов!". Начал он со славословий Дзержинскому, а потом призвал "уничтожать тех, кто согласится парафировать и тем более принять эту ебеезовскую конституцию". Основной же акцент в своем выступлении он сделал на необходимости борьбы за телевидение: "Пока оно в руках лжецов - нам не победить ни на выборах, ни на референдумах...Давайте 12 июня прикуем себя к забору, выстроенному вокруг телецентра в Останкино...Наберем смелых и отважных ребят и пойдем в пикеты...Слово народу...Мы победим!"

После Анпилова выступили: депутаты Астафьев, Белашов, Исаков, Шашвиашвили, Чехоев; профессор Сергеев, Умалатова, Скурлатов, генерал Титов, Гунько, Маляров, Якушев, представители от рабочих, женских и молодежных организаций (всего 27 человек). Выступавшие ругали, как обычно, Ельцина и реформаторов, обвиняя их в фашизме и предательстве интересов России, призывали отвергнуть разрабатываемую ими конституцию, ликвидировать институт президентства, стоять на защите Советов и т.д. Гунько и Маляров провозглашали здравицы в честь Ленина и Сталина.

В конце митинга приняли резолюцию, в которой говорилось, что разрабатываемая конституция является по сути конституционным переворотом и в случае антиконституционных действий со стороны Ельцина следует срочно созвать чрезвычайный Съезд депутатов и призвать народ к гражданскому неповиновению, вплоть до организации массовых политических забастовок; требовать предоставления эфирного времени на телевидении для оппозиции.

Примерно через полчаса после начала митинга молодые ребята помогли одному из своих сверстников взобраться на постамент, оставшийся от памятника Дзержинскому после августа-91г., и паренек установил в центре постаменты по одному красному, "имперскому" и андреевскому флагу под бурные аплодисменты собравшихся (флаги простояли на постаменте до наступления темноты).

По окончании основного митинга, пока манифестанты не успели разойтись, неожиданно для всех стали митинговать люди из "Русской партии" (группа из 25-30 человек), расположившиеся на газоне в центре площади. Молодой мужчина, представившийся руководителем Северо-Западного отделения партии из Питера, закричал в мегафон, что большевизм и коммунизм - это закамуфлированный иудаизм, а Ельцин является ставленником иудо-большевизма; что русский народ - это народ-богоносец, ему нужна монархия, а не конституция, социализм и т.п. В ответ сторонники коммунистов стали кричать, что "Русская партия" - это партия провокаторов и "яковлевских кагэбистов", и что они своими действиями раскалывают оппозицию.

Словесная перепалка между теми и другими продолжалась минут пятнадцать, пока милиция не призвала собравшихся разойтись, чтобы восстановить на площади движение транспорта. Покричав еще пару-другую минут, люди пошли по домам.

Назначенное на 12 июня пикетирование телецентра в Останкино не состоялось, поскольку городские власти дали разрешение на пикет только у главного входа на ВДНХ. Сторонникам оппозиции, появившимся к 10 часам утра у одноименной станции метро, не удалось даже приблизиться к улице Королева, так как все подходы и проезды к ней были блокированы плотными цепями милиционеров и омонцовцев, экипированных почти также, как и 1-го мая. Сюда же были стянуты две пожарные машины с водометами, четыре машины "скорой помощи" и конная милиция (20 всадников). Кто-то рассказывал, что ближе к улице Королева стоят грузовые автомобили, в которых сидят спецназовцы, вооруженные короткоствольными автоматами.

Манифестанты, направлявшиеся от метро в сторону ВДНХ освистывали стражей порядка, обзывали их оккупантами и пособниками фашистов. В начале одиннадцатого у главного входа на выставку собрались примерно 2 тыс. человек, а в последующие два часа их число увеличилось до 4-х тысяч (день выдался пасмурным, 15 градусов). Кроме сторонников "Трудовой России" на площадке перед главным входом находились небольшие группы патриотов с "имперскими" флагами и транспарантами "Русские идут" и "Русская партия". Всего же над площадкой развевались более 40 красных, 8 "имперских" и 6 андреевских флагов.

В 10-20 среди манифестантов появился Анпилов и стал объяснять им, что "по закону пикет в Останкино должны были бы разрешить без всякой канители", т.е. для его проведения необходимо только письменное уведомление соответствующих органов власти, но власти в очередной раз демонстрируют, что "законы писаны не для них". Затем он подошел к милицеским чинам из ГУВД и попросил их отодвинуть милицеско-омоновские цепи подальше от площадки, чтобы не раздражать людей, но милицеские начальники на это не согласились. Тогда Анпилов обратился к манифестантам: "Мы на бойню не пойдем, а они хотят этого...Начнем свою акцию здесь...Будем ждать представителей прокуратуры Москвы, чтобы те определили законность мер, предпринятых против пикетчиков".

В начале двенадцатого Анпилов зачитал, как он выразился, меморандум, в котором говорилось, что на телевидении доминирует полторанинско-геббельсовская пропаганда; людям труда и представителям оппозиции не разрешают ничего сказать по ТВ об обнищании, росте цен, разворовывании государства, но зато ТВ дает по одному часу ежедневно зарубежным информационным программам; руководитель ТВ-Останкино Брагин науськивает власти на "Трудовую Россию", пытаясь развязать в стране политический террор и т.д.

Затем прозвучали основные требования: предоставить эфирное время на ТВ для оппозиции ежедневно по 30 минут с 19 до 20 часов, а также один раз в месяц по 1 часу для

выступления экономистов, ученых и других специалистов от оппозиции; прекратить пропаганду насилия, разврата, разнузданности и исполнение зарубежной поп-музыки на ТВ; отстранить от эфира дикторов с дефектами речи.

Зачитав меморандум, Анпилов прохрипел в мегафон, что "вся пропагандистская обслуга режима шьет нам обвинения в национализме в то время, как они сами разжигают его...Вспомните, как накануне референдума они стали обыгрывать тот факт, что Хасбулатов чеченец...Рано или поздно, но на телевидении прозвучит правда о том, кому служили Горбачев, Ельцин и их прихвостни". После лидера трудороссов слово у мегафона предоставляли практически всем желающим. Один из выступавших (кажется Гунько) сравнил останкинскую телебашню с наркотической иглой.

Выступления у мегафона и бесцельное хождение людей по площадке продолжалось до начала второго, пока со стороны улицы Королева не появился представитель ТВ-Останкино в сопровождении подполковника милиции и каких-то людей в штатском.

В это время в очередной раз выступал Анпилов, говоривший о нецелесообразности организации круглосуточного пикета (в ответ на призывы некоторых манифестантов), поскольку для этого "у нас мало сил...Как показало прошлогоднее пикетирование, на ночь оставались всего 20-30 человек, с которыми справлялся один автобус омоновцев...Побросали пикетчиков в машины, как дрова, и увезли".

Пока лидер трудороссов заканчивал свое выступление, представитель от телевидения Волков Н.Н. (то ли помощник, то ли зам.начальника ТВ) появился на площадке. На вид ему было лет 55, выше среднего роста, лысоват, светлые усы и борода на обрюзгшем лице вельможного выпивохи. Анпилов пригласил его к мегафону, дабы вручить меморандум. Поколебавшись, Волков со свитой направились к трибуне. И хотя идти им пришлось сквозь строй, никто не попытался оплевать или даже обругать его (как это бывало, например, с Мурашовым). Зато когда он возвращался по живому коридору с врученным ему текстом меморандума, пикетчики стали скандировать "Слово - народу!", обзывать предателем и сионистом, но до плевков дело все-таки не дошло.

Стоявшая в стороне группа молодых "лимоновцев" несколько раз проскандировала: "Чемодан, вокзал, Израиль!", "Ельцин - параша, победа будет наша!" и "Клинтон - параша, Аляска будет наша!" Сам Лимонов, вытянув руку в направлении манифестантов, что-то объяснял на французском языке молодой даме-иностранке.

Вскоре после эпизода с вручением меморандума люди потихоньку разошлись по домам.

Спустя десять дней, во вторник 22 июня, власти все-таки разрешили оппозиции провести митинг в Останкино, но не перед телецентром, а на проезжей части улицы Королева неподалеку от трамвайного круга. Митинг, организованный ФНС и "Трудовой Россией", был посвящен 52-й годовщине начала Великой отечественной войны и первой годовщине избиения пикетчиков в Останкино.

Сбор участников назначили на площади Рижского вокзала, поскольку ровно год назад именно здесь, при попытке пройти от ВДНХ к центру города, произошла ожесточенная стычка демонстрантов с омовцами. К 18-00 у Рижского вокзала собралось 12-13 тыс. человек, в основном те, кто участвовал в прошлогодних событиях. В начале седьмого колонна направилась по проспекту Мира в сторону Останкино (вечер выдался не по-летнему прохладный - 16 градусов, переменная облачность). Впереди шла радио-машина, по которой "крутили" советские военные марши и песни (на тротуарах многие люди, в особенности старшего возраста, останавливались и слушали песни, некоторые утирали слезы). Демонстранты несли более 60 красных, 8 "имперских" и 6 андреевских флагов, а также 4 портрета Сталина, 2 портрета Жукова и один портрет Ленина. Плакатов и транспарантов с лозунгами было не очень много, наиболее заметные из них:

- Антифашистский марш
- Долой оккупационный режим Ельцина!
- Родина-Мать зовет!
- Русские идут
- Сталин, приходи опять. Космополиты зажрались и обнаглели

По пути манифестанты периодически скандировали: "Оккупантов из Кремля", "Фашизм не пройдет", "Сионизм не пройдет", "Клик Ельцина - позор", "Банду Ельцина - под суд", "Советский Союз", "Слово - народу".

Когда вышли на ул.Королева, по радио-машине включили во всю мощь "Священную войну". К 19-30 колонна подошла к месту пересечения Новомосковской улицы с улицей Королева, где уже стояли плотные милицейские цепи, а за ними, ближе к площадке у телебашни - тяжелые грузовые машины (саму площадку, на которой год назад митинговали и трудороссы, и демороссы, превратили за это время в платную автостоянку).

Радио-машина остановилась перед милицейской цепью и кто-то из организаторов попросил манифестантов побыстрее уgomониться, чтобы в течение 15 минут провести митинг, а потом пройти к главному входу на ВДНХ и там его продолжить. Затем он призвал не поддаваться на провокации, так как "банда Ельцина хочет этого...Мы только собираем силы...Мы еще недостаточно сильны, чтобы идти на прорыв".

Ближе к 20-00 за милицейские цепи пропустили две группы манифестантов - от "Трудовой России" и от патриотов - для возложения цветов к месту избиения пикетчиков 22 июня 1992 года. В этот момент включили "Матушку Русь" в исполнении Татьяны Петровой, а когда песня закончилась стали зачитывать по радио чуть ли не левитановским голосом: "Слава демонстрантам 23 февраля 1992 года!", "Слава пикетчикам ТВ-Останкино 22 июня 1992 года!", "Слава демонстрантам 1-го мая 1993 года!" Собравшиеся прокричали в ответ "Слава!" и "Ура!".

После этого выступил главный редактор газеты "День" Проханов, который сначала рассказал о растущем массовом сопротивлении постсоветским режимам на территории

СНГ, особенно в свете событий на Украине (забастовка шахтеров) и в Азербайджане ("еще одним сумасшедшим президентом меньше" - имелся в виду Эльчибей), затем - о суде над газетой "День". Под конец он призвал к единству все оппозиционные силы, поскольку в этом случае "хватит одного нашего чиха, чтобы сбросить шайку Ельцина...Ни шагу больше назад! Уже не только Москва за нами, но и Успенский собор...Слава Великой России!" Тут же, под аплодисменты манифестантов Проханову вручили "имперский" флаг в знак признания заслуг газеты "День" в борьбе с "оккупационным режимом".

Следом выступил Константинов. Говоря о дате 22 июня, он назвал ее "и трагической, и прекрасной". Трагической потому, что в этот день проливалась русская кровь, а прекрасной – в связи с борьбой, которую приходилось вести русским людям, поскольку "только в борьбе мы можем воспрянуть". Далее он подчеркнул, что "мы не дошли до здания ТВ нескольких сот метров, но не потому, что не можем туда прорваться, а потому, что жалеем этих молодых русских в милицмейской форме...Но придет время, когда нас не сможет остановить ни ОМОН, ни милиция...Они не смогут остановить мощь восставшего народа...Мы победим!"

В это же время несколько в стороне от основной массы манифестантов, ближе к трамвайному кругу, митинговали Анпилов и часть его сторонников. Лидер трудороссов призвал созвать межпарламентскую ассамблею России, Украины и Белоруссии, денонсировать Беловежский договор и под эгидой ассамблеи провести всенародное Вече, чтобы собрать "не 100 тыс. человек, как это происходит в последнее время, а 1 млн. человек...Вспомним Минина и Пожарского...Только общенародная воля позволит устранить этот режим и воссоздать Союз".

В 20-20 акция в Останкино завершилась и организаторы призвали собравшихся пройти по 1-й Останкинской улице к главному входу на ВДНХ. По дороге опять скандировали "Банду Ельцина под суд", "Россия - да! Ельцин - нет!". Затем включили в записи речь Сталина в ознаменование победы над Германией.

Ближе к 21-00 стали митинговать у ВДНХ. Вновь выступили Константинов и Анпилов, а также депутат Астафьев, его помощница Нарочницкая, Скурлатов, профессор Косолапов и другие. Говорили в основном о том же, что и на других митингах. Только казак, воевавший в Сербии, несколько отклонился от обычной темы и рассказал о борьбе сербов за свою свободу, после чего включили гимн Сербии.

Митинг завершился в 22-00 исполнением в записи "Священной войны". По оценкам организаторов, на нем присутствовали 100 тыс. человек, по оценкам демократических СМИ - 5 тыс. человек, а по моей оценке - примерно 13-15 тыс. человек.

Этим мероприятием завершился весенний этап массовых протестных акций оппозиции. Следующий и самый трагичный по своим последствиям этап начался в дни, когда отмечалась вторая годовщина августовских событий 1991 года.

Почти за месяц до этого, 24-25 июля, состоялся II-й конгресс ФНС, в ходе которого выявились разногласия между левыми и патриотами. Некоторые лидеры патриотического крыла (например, Лысенко) заявили, что они не желают иметь дел с коммунистами, поскольку союз с ними компрометирует идеи патриотизма в сознании большинства людей, сочувствующих патриотам. Один из лидеров РОС депутат Павлов предложил превратить ФНС в жесткую централизованную структуру, наподобие партии, но не был поддержан левым большинством конгресса.

Днем 12 августа на совещании с работниками СМИ Ельцин пообещал дать в сентябре бой оппозиции. В ответ на это, на малочисленном митинге в поддержку крестьянства, состоявшемся в этот же день вечером перед Домом Советов, депутат Павлов заявил, что "мы - депутаты - объявляем чрезвычайную общественную ситуацию" и призвал всех сторонников оппозиции к бдительности, а один из активистов ФНС объявил, что в дни второй годовщины августовских событий состоятся акции в защиту Верховного Совета.

За несколько дней до намеченных акций в демократических и оппозиционных СМИ поднялась волна взаимных обвинений. Демократы нагнетали психоз по поводу возможных провокаций, якобы запланированных "красно-коричневыми", подготовке ими боевиков для захвата телевидения, правительственных учреждений и т.п. Оппозиционная пресса, в свою очередь, расписывала возможные сценарии грядущего государственного переворота и введения дем.диктатуры.

19 августа (четверг) к 17-00 у здания Верховного Совета собрались примерно 6 тыс. человек (переменная облачность, временами дождь, плюс 15 градусов). Организаторами митинга были партия "Возрождение" (Скурлатов) и "Трудовая Москва" (Балашов и Морунова). Помитинговав до 18-00, люди построились в колонну и проследовали по Новому Арбату к Манежной площади, а оттуда на Лубянку. Демонстрации, шедшей под несколькими красными и андреевскими флагами, никто не препятствовал, а ее малолюдность и состав (в основном люди старше 50-летнего возраста) вызывали презрительные улыбки и язвительные замечания со стороны прохожих.

По пути, используя мегафон, Морунова говорила о "трех трагических днях в истории нашей Родины"; об оккупационном правительстве Ельцина и распродаже им России; проливаемой крови на территории СНГ после распада Союза и т.п. Она же призывала скандировать "Банду Ельцина под суд!", "Фашизм не пройдет", "Вся власть Советам!", но манифестанты поддерживали ее слабо.

В 19-30 стали митинговать на Лубянке. Выступивший первым Скурлатов сначала заявил, что его организация (наверное РНФ?) два года назад "полностью поддержала ГКЧП". Затем он стал грозить Ельцину и его команде: "Если он еще раз дернется, то мы его окоротим...Он попробовал 1-го мая, но получил от нас по морде...Надо организовываться в отряды самообороны и завтра, 20 августа собраться у Белого дома...Давайте вспомним, что мы русские люди...Выйдем и дадим им отпор, чтобы

переломить хребет этой гадине". В конце своего выступления Скурлатов предложил проскандировать: "Чтобы эта гадина больше нам не гадила!", но дружного скандежа не получилось.

В отличие от Скурлатова, выступившая вскоре после него Морунова предостерегла собравшихся от шапкозакидательских настроений: "Этот режим не так просто свергнуть...Поэтому, если в ходе намечаемых на завтра и послезавтра мероприятий что-то произойдет, то это будет на руку ельцинской банде...Уважая предыдущего оратора, я, тем не менее, призываю быть в эти дни очень бдительными...Мы сможем прогнать эту банду, если выведем на улицы миллионы людей, а нас здесь собралось не больше 100 тыс. человек". (На самом же деле, к 6 тыс. манифестантов, вышедших от Белого дома, по пути на Лубянку и на самой Лубянке добавилось от силы 2 тыс. человек).

Затем некто Андрианов прокричал в микрофон, что "завтра - день мужества, но не надо поддаваться на провокации, чтобы не вспыхнула гражданская война". Большинство собравшихся были в недоумении, так как предполагали, что в эти дни состоятся обычные акции оппозиции, а тут говорят о возможном силовом противостоянии с властями. Оказалось, что 20 августа возле здания Верховного Совета собирается проводить свой митинг не только оппозиция, но и Дем.Россия и кто-то из лидеров оппозиции призвал не уступать демократам место возле Белого дома.

В заключение Скурлатов зачитал резолюцию митинга, в которой говорилось, что наступил кризис власти, на повестке дня всероссийская стачка, отставка президента и ликвидация этого поста; что президент и его окружение готовят государственный переворот и введение чрезвычайного положения, поскольку демократы утратили поддержку народа; что в случае угрозы переворота следует направить все усилия на сохранение конституционного строя в стране и поддерживать Хасбулатова.

После принятия резолюции манифестанты еще некоторое время помитинговали на площади и разошлись.

В пятницу 20 августа сторонники оппозиции вновь собрались к 17-00 у Дома Советов (со стороны набережной). Всего их было 10-12 тыс. человек; в разных местах над собравшимися развевались более 60 красных, 16 "имперских" и 6 андреевских флагов (пасмурно, временами дождь, плюс 15 градусов).

Как и накануне, большинство выступавших сначала говорили о трех августовских днях 1991 года, как о трагическом событии в истории России, а затем об угрозе антиконституционного переворота со стороны правящей клики и необходимости противопоставить всем этим поползновениям единство оппозиционных сил.

Терехов призвал защищать Верховный Совет и "стоять здесь до конца, поскольку боевики мэрии ждут, чтобы мы ушли, а после этого намереваются захватить Верховный Совет" (толпа загудела, люди заговорили о коварстве демократов).

Зюганов особо подчеркнул, что в верхах продолжается противостояние "партии государственников-патриотов и партии измены...На нашей стороне ВПК, крестьяне, много

людей в армии и в правоохранительных органах, патриотически настроенная интеллигенция...Мы победим!"

Представитель от Союза русского народа Бирюлев напомнил историю Смутного времени и сказал, что "сейчас самое главное - защитить Россию...А кто прав между нами - коммунисты или монархисты - мы определим после того, как расправимся с врагами России" (последняя фраза вызвала бурное одобрение у собравшихся, раздались крики "Правильно!").

В 18-35 депутат Исаков поблагодарил участников митинга за поддержку и предложил закончить его и собраться здесь же на следующий день к 10 часам утра. Однако на трибуне практически не отреагировали на его призыв.

Профессор Косолапов зачитал обращение к воинам Вооруженных Сил, в котором, в частности, говорилось, что в исполнительной власти нет русских патриотов, а страной руководит даже не Ельцин, а его корыстные приближенные и мафиозные структуры, которые изобретают для него конституционный камуфляж. Далее военнослужащим предлагалось "набраться мужества и отказать в доверии Ельцину...Вы давали присягу не Ельцину, а нашему народу...Сейчас решается - быть России свободной или она станет придатком Запада...Да здравствует единая, неделимая и свободная Россия!" (обращение встретили бурными аплодисментами).

Затем свое стихотворение прочитал Гунько. В нем он оправдывал гибель омоновца 1-го мая, назвав того "бронированным кулаком предателя", и завершил свое выступление словами: "Кровь за кровь!" (аплодисменты значительной части собравшихся).

Выступивший вскоре после него депутат Астафьев сказал, что он не покинет митинг, так как "если мы уйдем, то они (т.е. демократы) окружают здание и тогда с Верховным Советом все может быть...Раз им не нравится Верховный Совет, то пускай собираются у мэрии (т.е. возле здания СЭВ)".

В 19-15 к микрофону вновь подошел Исаков и предложил всем быть законопослушными, завершить митинг и не нарушать подписанный несколькими днями ранее протокол. На трибуне посовещались и спустя несколько минут Маляров объявил, что митинг продолжается. Тем не менее, многие стали расходиться и ближе к 20-30 там осталось примерно 3 тыс. человек.

Пятница 20 августа, 19-30 - к зданию мэрии со стороны Нового Арбата подошла колонна демороссов (под исполнение в записи какой-то прибалтийской песенки). Стражи порядка, дабы избежать прямого контакта между митинговавшими сторонниками оппозиции и претендовавшими на их место демороссами, выставили металлические барьеры от моста в сторону Конюшковской улицы, а перед барьерами – конную милицию (12 всадников).

В передних шеренгах шли представители организации "Живое кольцо" (защитники Белого дома в августе-91), а также несколько лидеров Дем.России, выступившие затем на митинге. Над колонной развевались более 50 "триколоров", а впереди несли длинный

транспарант с надписью (белыми буквами на голубом фоне): "Мы с тобой, Президент!" Узнав, что их место занято, демороссы дружно проскандировали: "Верховный Совет - долой!", "Хасбулатова - долой!", "Съезд - в отставку!", "Фашизм не пройдет!", "Ельцин! Ельцин!". Затем, следуя указаниям милиции, манифестанты расположились на Конюшковской улице перед пандусом мэрии, на котором уже было подготовлено место с микрофоном для ораторов. (Всего на митинг демократов, как и на митинг оппозиции, собралось примерно 10-12 тыс. человек).

Открывая митинг, один из его организаторов заявил, что нынешняя оппозиция в Верховном Совете ведет себя так же, как и гекачеписты два года назад, но "мы требуем не разгона Верховного Совета, а выборов в новый парламент осенью этого года, чтобы все было легитимно". На митинге выступили более 20 человек: Юшенков, Оскоцкий, Якунин, Гдлян, Новодворская, Черниченко, А.Сурков (депутат ВС), Носовец (депутат ВС), Е.Гайдар, майор Московченко (движение Щит), Чуев (РХДП), А.Козырев (МИД), Красавченко (администрация Президента), Иванов (напарник Гдляна) и ряд других ораторов, включая представителей от регионов.

Все они хвалили Ельцина за его последние выступления, в которых тот обещал дать бой оппозиции предстоящей осенью. Говорили также об угрозе реставрации власти КПСС, призывали принять новую конституцию и требовали провести новые выборы, чтобы "победить коммунистов и фашистов в последний раз и навсегда" (Гдлян). Собравшиеся периодически дружно скандировали: "Ельцин! Ельцин!", "Долой! Долой!" (т.е. Верховный Совет), "Суда! Суда!" (над ГКЧП), "Выборы! Выборы!"

Наиболее резким и агрессивным было выступление Новодворской, которая, как правило, озвучивала идеи, вынашивавшиеся в определенных кругах демократической "элиты": "Августовская победа - это чистая победа демократии...Победа на Куликовом поле и в Великой Отечественной войне укрепляли деспотизм...Конституционная власть - это президентская власть...Надо игнорировать представительную власть, так как это незаконная власть...Если мы и дальше будем попустительствовать коммунистам и нацистам, то ничего хорошего из этого не получится...Надо требовать от президента роспуска советов...Уберите советы! Раздавите гадину!...С драконами не договариваются...Там (жест рукой в направлении Краснопресненской набережной) под красными флагами стоят не наши оппоненты, а наши враги...В гражданской войне побеждает тот, кто действует решительно...Долой советскую власть! Долой КГБ! Да здравствует свобода!". (Практически все собравшиеся, а это были, как и на прежних митингах, представители научно-технической и творческой интеллигенции, а также люди из новых экономических структур, встречали чуть ли не каждую фразу Новодворской бурными аплодисментами, криками "Правильно!" и скандированием "Долой!").

Депутат Верховного Совета А.Сурков говорил в том же ключе, что и Новодворская: "Советский Союз был не родиной для народа, а кормушкой для номенклатуры и тюрьмой народов...После августа победа пришла на землю империи зла...Это они (опять жест рукой в направлении Краснопресненской набережной) привезли

машины с камнями 1-го мая и накинулись на омоновцев, на наших мальчишек, которые защищали порядок...Я поддерживаю позицию Новодворской - советы в отставку!...Диктатуры при Ельцине и демократах никогда не будет, она возникнет при руцких...Коммунизм не пройдет...Победа будет за нами!" (реакция толпы на выступление депутата была такой же, как и на выступление Новодворской).

Другой депутат - Носовец - призвал помочь "нашему президенту избавиться, может быть и не очень легитимно, от советов" (опять раздались крики: "Правильно!", "Разогнать их к чертовой матери!" и т.п.).

Бурными аплодисментами, переходящими в овацию, встретили появление перед микрофоном Е.Гайдара, который, как обычно причмокивая, произнес: "Два года назад у меня было чувство, что эта победа далась очень легко...Мы получили возможность проводить эти два года полуреформы в этой стране...Вся беда сейчас в двоевластии - этого не вынесет наша экономика, наш народ...Надо проводить досрочные выборы, так как еще полтора года двоевластия страна не выдержит...Будущее этой страны за нами...Наша победа неизбежна!" (люди стали вразнобой скандировать "Победа, победа"). Гайдар сообщил также, что в преддверии новых выборов он и его сторонники создают партию "Демократический выбор России" и предложил присутствующим поддержать его (проводили Гайдара бурными аплодисментами).

С неменьшим энтузиазмом встретили демороссы тогдашнего министра иностранных дел России Козырева, по словам которого "за эти два года ядерное пугало - СССР стал входить в цивилизованное сообщество...Мы также решаем югославскую проблему...Из республик бывшего Союза создаем по сути конфедерацию...Проведя новые выборы, мы избавимся от рудиментов КПСС...Россия! Выборы!"

Митинг завершился в одиннадцатом часу вечера, после чего большая часть участников (осталось примерно 5 тыс. человек), построившись в колонну, направилась к пересечению Садового кольца с Новым Арбатом для возложения венков и цветов к памятному знаку, установленному в честь троих погибших в те августовские дни. Еще примерно две сотни манифестантов прошли к Дому Советов, возле которого уже практически не осталось сторонников оппозиции, выстроились в линию, повернулись к зданию спиной и встали, не оголяясь, "в позу для мытья полов", продемонстрировав таким образом свое отношение к Верховному Совету.

На следующий день, в субботу 21 августа, свою очередную акцию провела оппозиция.

Сначала с 10-00 митинговали на том же месте, что и накануне (собрались 4 тыс. человек; пасмурно, временами дождь, плюс 14 градусов).

Якушев, выступивший первым, сказал, что своим вчерашним стоянием "мы сорвали попытку захвата Верховного Совета".

Затем Скурлатов заявил, что несмотря на призывы СМИ "вчера у тех (т.е. у демократов) собрались не сотни тысяч сторонников, а всего лишь жалкая кучка, да и те - наркоманы и подкупленные" (что не соответствовало действительности).

Астафьев признал правильным свое вчерашнее поведение, когда предложил продолжить митинг и не уступать место демороссам. Потом он говорил о поддержке, оказываемой ельцинскому режиму западными странами, после чего переключился на текущий момент, заявив, что "пусть не думает кто-то (намек на кого-то из лидеров оппозиции), что им удастся уклониться от столкновения...Эта власть криминальная и она все время будет идти на конфронтацию". Относительно акции демороссов накануне вечером, названной им "демонстрацией задниц", Астафьев не без юмора заметил: "Это, наверное, традиционное приветствие сексуальных меньшинств, коих много среди демократов".

Митинг, на котором выступили также малоизвестные активисты, самодеятельные поэты и музыканты продолжался до 12-00. В начале первого манифестанты выстроились в колонну и направились по Новому Арбату к Манежной площади, а оттуда на Лубянку. Впереди колонны двигался старенький, с заплатками на крыльях и пятнами ржавчины на кабине грузовик ЗИЛ-130 с полуприцепом, в котором расположились Якушев с тремя активистами и самодельная радио-установка. Над кабиной развевались три флага: посередине - красный, а по бокам - "имперский" и андреевский.

Следом за медленно двигавшейся машиной в первой шеренге шли Астафьев, Косолапов и Скурлатов. По радио-установке крутили грустные, почти траурные мелодии из русской народной музыки и русской классики. Манифестанты ничего не выкрикивали и не скандировали, только переговаривались друг с другом. Было полное впечатление, что движется траурная процессия.

Периодически, в промежутках между исполнением музыкальных произведений, Якушев печальным голосом вещал в микрофон, что в эти дни два года назад в нашей стране произошла трагедия, к власти пришли предатели и стали разваливать страну. Итогом развала стали братоубийственные конфликты на территории Союза и конца им не видно, так как продолжают предательство и распродажа всего и вся. Поэтому тем, в ком остались совесть и честь следует присоединиться к траурному шествию.

Такая форма проведения манифестации оказалась весьма эффективной по своему воздействию на прохожих. Большинство людей, шедших по тротуарам навстречу колонне, интересовались: "А кого хоронят?", услышав же ответ, останавливались и обменивались репликами, что вот такое государство было, а превратилось непонятно во что. (Когда колонны сторонников оппозиции ходили по тем же улицам под "Марш коммунистических бригад" или похожие песни, реакция прохожих была иной - раздавались злобные реплики, кто-то крутил пальцем у виска и т.д.).

На Лубянскую площадь колонна прибыла ближе к 14-00. По дороге и на площади к ней присоединились еще 2 тыс. человек (всего собралось примерно 6 тыс. человек),

Расположившись напротив Соловецкого камня, вновь стали митинговать все на ту же тему. Помитинговав примерно один час, разошлись по домам.

После серии митингов, посвященных августовским событиям, и вплоть до выступления Ельцина по телевидению 21-го сентября массовые уличные акции в Москве не проводились, хотя в средствах массовой информации нагнетался психоз в связи с растущим противостоянием между двумя ветвями власти.

В начале сентября Ельцин посетил армейские Таманскую и Кантемировскую дивизии, а в середине сентября - дивизию МВД (бывшую "Дзержинку"). В эти же дни Ельцин встретился с писателями-демократами. Поползли слухи о предстоящем возвращении Гайдара в правительство на пост заместителя премьера, а вскоре состоялось и само назначение.

В среду 15 сентября, т.е. за шесть дней до известного выступления Ельцина по ТВ, в помещении бывшего Дзержинского райкома в Грохольском переулке (в районе проспекта Мира), на заседании одного из политклубов выступил Зюганов (в зале присутствовало примерно 200 человек). Лидер КПРФ долго обосновывал необходимость замены действующего правительства на правительство национального спасения и призывал левых и патриотов к единству, которому стремятся помешать различные штабы демократов. Тогда же Зюганов высказал предположение, что "сентябрь добром не кончится", так как Ельцин и его окружение во главе с "кукловодами" скорее всего пойдут на решительные меры и попытаются прикрыть Советы и всю оппозицию, что может привести к гражданской войне, поскольку "оппозиция намерена защищаться всеми законными и доступными средствами".

По воскресным дням у Музея Ленина, где уже два года подряд еженедельно собирались на свой пикет сторонники левых партий и движений (иногда до 1 тыс. человек), живо обсуждались все политические новости. Многие понимали, что что-то готовится, но было неясно - в какой форме и когда это "что-то" произойдет. Большинство было уверено, что в случае, если Ельцин пойдет на разгон Верховного Совета и запрет оппозиции, то он проиграет, т.к. не сможет получить поддержку от разваливающихся армии и ВПК, нищающих регионов и т.п. Да и собственно московский протестный потенциал оценивался ими достаточно высоко - люди неоднократно вспоминали мифические 300-тысячные демонстрации и митинги оппозиции. Когда кто-либо пытался подвергнуть сомнению доводы о возможной поддержке оппозиции со стороны армии и регионов, а также количественные оценки протестного потенциала в Москве - их обзывали "пораженцами" и "provокаторами".

Впрочем, все эти вопросы интересовали лишь относительно небольшое число политически активных горожан, большинство же относилось ко всему происходящему довольно спокойно. Правда, после показа по телевидению эпизода из зала заседания Верховного Совета, когда Хасбулатов характерным жестом обрисовал депутатам обычное состояние Ельцина, даже обыватели заговорили, что "сейчас должно что-то произойти".

21 сентября (вторник)

Выступление Ельцина по ТВ во вторник 21 сентября с изложением основных положений подписанного им указа № 1400 было показано по РТР с 20-00 до 20-15. В соответствии с указом предусматривалось: приостановить деятельность Верховного Совета и Съезда народных депутатов; ввести так называемый временный этап конституционных преобразований; провести выборы в Государственную думу 12 декабря 1993 года, а президентские выборы - 12 июня следующего года. До проведения выборов управление страной должно было осуществляться президентскими указами. Таким образом, Ельцин приступил к выполнению своего августовского обещания - дать бой Верховному Совету и оппозиции в сентябре.

Сразу же после выступления Ельцина к Дому Советов (ДС) со стороны стадиона, где и разворачивались затем почти все основные события, начали стихийно подтягиваться сторонники оппозиции - к 21-00 их собралось примерно 100 человек (погода для этого времени года и суток была относительно теплой - около 10 градусов). Расположившись на тротуаре поближе к 20-му подъезду, пикетчики горячо обсуждали последнюю новость. Один из них пришел с "имперским" флагом. Спустя 15 минут подошли новые группы людей и количество "имперских" флагов увеличилось до восьми (красных флагов все еще не было). Появились два транспаранта, разрисованные под иконы. Собравшиеся стали скандировать: "Банду Ельцина под суд!". Слышались реплики: "Ельцина подставили и теперь он слетит", "Недолго ему осталось быть президентом" и т.п.

В 21-30 к собравшимся обратился подполковник из Союза офицеров и призвал офицеров, сержантов и рядовых запаса подойти к нему (к этому времени численность пикетчиков достигла 1 тыс. человек). Из толпы вышли примерно 50 мужчин разного возраста, которых подполковник построил в две шеренги и поставил перед ними задачу: разбиться на группы по 2-3 человека, рассредоточиться вдоль металлических штaketников, окружавших ДС, и вести наблюдение в направлении возможного появления больших групп милиции, ОМОНа и армейских подразделений.

В это же время из здания Верховного Совета вышел Скурлатов и выступил с короткой речью, основное содержание которой сводилось к тому, что "раз он (т.е. Ельцин) дернулся, то надо его доломать...Мы (т.е. ВС и оппозиция) создали штаб сопротивления во главе с генералом Макашовым...Мы объявили по радио о низложении Ельцина". Толпа встретила выступление Скурлатова восторженными криками. Появился транспарант с лозунгом: "Армия! Защити свой народ от президента и его сионистов". Офицеры из тереховского Союза вновь призвали мужчин строиться, а Скурлатов объяснил, что Терехов организует защиту ДС.

Вскоре появился Константинов и сообщил, что в настоящее время в здании ВС заседает Конституционный Суд, там же находится Руцкой. Суд будет рассматривать

вопрос об отрешении Ельцина от должности Президента, а вместо него исполняющим обязанности Верховный Совет назначит Руцкого. Затем он добавил, что в здании находятся генералы Ачалов и Макашов, а также председатель Союза офицеров подполковник Терехов, которые занимаются организацией обороны ДС. В заключение Константинов призвал строить баррикады, разбиться на десятки и "быть здесь до конца...Насмерть стоять!" Выступление Константинова также было встречено аплодисментами и криками одобрения.

В 21-40 одна из женщин подняла на руках трикотажную кофту красного цвета, используя ее как флаг, поскольку активисты из комдвижения все никак не появлялись, а этой женщине хотелось обозначить присутствие на площади не только "белой", но и "красной" оппозиции. Примерно через пять минут после этого к ДС подошла небольшая группа людей и развернула транспарант (белыми буквами на красном фоне): "Российская партия коммунистов" и красная кофта уже не понадобилась.

К этому же времени к ДС стали подъезжать автобусы, в которых на срочное заседание Верховного Совета прибыли депутаты, проживавшие в отдаленных районах Москвы.

Ближе к 22-00 с Конюшковской улицы прибежали молодые мужики, крича и указывая в сторону мэрии (б.СЭВ): мол, там появились омоновцы, и если они направятся сюда, то надо ложиться на дорогу, чтобы не пропустить их к ДС. Часть собравшихся кинулась в ту сторону. Оказалось, что к мэрии прибыли бортовой КАМАЗ, три бортовых ЗИЛ-131, автобус КуАЗ и командирский ГАЗ-66 (радиосвязь). В машинах сидели люди в милицейской форме, в бронежилетах, без касок, из машин они не выходили.

В начале одиннадцатого перед зданием ВС митинговали примерно 2.5 тыс. человек, но приток людей со стороны станции метро "Баррикадная" и с других направлений к этому времени почти прекратился (станция "Краснопресненская" все еще ремонтировалась, с 1991 года). Над толпой реяли 10 красных, 12 "имперских" и 2 андреевских флагов. Несмотря на регулярные призывы представителей Союза офицеров записываться в число защитников Верховного Совета, желающих было мало. Поэтому вокруг ДС удалось выставить лишь жиденькую цепочку мужчин-добровольцев, интервалы между которыми достигали 10-15 метров.

Спустя некоторое время к собравшимся вновь вышел Константинов и заявил через мегафон, что на защиту ВС идут и идут люди, что надо поддержать обращение Хасбулатова об объявлении с завтрашнего дня всеобщей политической забастовки и т.п. После него выступила Умалатова, призвавшая мужчин стоять до конца. Затем кто-то из активистов РКРП призвал записываться в оборону ДС и под конец прокричал в мегафон: "Коммунисты - вперед!". Однако и на эти призывы практически никто не отреагировал.

Правда, некоторые женщины, никуда не записываясь, стали неспешно подтаскивать небольшие по размеру камни, куски асфальта и кирпичи к легким переносным барьерам, перегораживавшим въезд к ДС со стороны Конюшковской улицы. Вскоре и другие принялись за сооружение баррикад по обеим сторонам Горбатого моста,

возле детского парка на Дружинниковской улице и перед Глубоким переулком. Для этого использовались бросовые материалы с ремонтировавшегося трубопровода на Конюшковской улице, со стадиона и близко расположенных дворов.

Ближе к 22-30 мегафоны перехватили активисты из "Трудовой России" и стали гневно клеймить Ельцина, призывая народ к сопротивлению (появился, например, Гунько, но Анпилова все еще не было). Вскоре к собравшимся вышел депутат Аксютин и объявил, что Руцкой "взял команду на себя" и обратился к личному составу Вооруженных Сил, МБ и МВД с требованием выполнять его указания как и.о. Президента России. Собравшиеся горячо поприветствовали и это сообщение. Митинг и неспешное сооружение баррикад продолжались.

В начале двенадцатого ночи на станции "Баррикадная" никакого оживления не наблюдалось. Число пассажиров, выходивших в город, было обычным для этого времени суток, т.е. нельзя было сказать, как это прозвучало из уст Константинова почти час назад, что на защиту ВС идут и идут люди. Если сравнивать этот вечер с первым вечером в августе-91, то сейчас людей было раз в десять меньше (правда, тогда сообщение о ГКЧП прозвучало ранним утром и в распоряжении демократов был почти целый день для организации сопротивления).

22 сентября (среда)

На следующий день, в среду 22 сентября, в утренних новостях указ № 1400 комментировался в про-ельцинском духе, но в них ничего не говорилось о принятых накануне вечером решениях Верховного Совета и Конституционного Суда. Шло нагнетание страстей против ВС и оппозиции в целом, больше всего доставалось коммунистам.

В седьмом часу утра в сторону Баррикадной небольшими группами и поодиночке шли те, кто оставался возле ДС на ночь, от них исходил запах дыма. На территории, примыкающей к ДС со стороны стадиона, находилось не более 1 тыс. человек, в нескольких местах горели костры. За ночь ничего особенного не произошло. Возле мэрии стояли 5 бортовых ЗИЛ-131 с людьми, одетыми в милицескую форму.

В начале восьмого утра кто-то объявил по мегафону, что Руцкой назначил Ачалова, Баранникова и Дунаева министрами обороны, безопасности и внутренних дел, соответственно. Затем из 20-го подъезда вышел Анпилов, направился в сторону палатки, возле которой собрались активисты из "Трудовой России", и обрисовал им ситуацию, обронив при этом фразу, что он не понимает происходящего, мол, идут какие-то игры.

В метро и на работе реакция большинства людей на происшедшее была спокойной и даже безразличной. Иногда слышались реплики, что "все они кровопийцы", т.е. и президент, и правительство, и Верховный Совет.

По словам одной из сотрудниц, проживавшей в районе Красной Пресни, около 8-00 в троллейбус 66-го маршрута, в котором она ехала на Баррикадную, вошли женщины-активистки с пачкой листовок (с заявлением ВС относительно указа № 1400) и

попытались раздать их пассажирам. Большинство пассажиров протестующе зашумело, вынудив активисток покинуть троллейбус.

В 12-00 перед зданием ВС толпились примерно 5 тыс. человек (ясно, тепло, около 14 градусов). К этому времени появилась и наглядная агитация: на металлическом заборе, огораживавшем детский парк, и на некоторых кустах висели самодельные транспаранты с лозунгами:

- Народные депутаты! Все честные люди с Вами. Мы победим!
- Защита Конституции - священный долг народа
- Нет - власти, делающей нашу страну колонией Запада, а нас - нищими
- Офицер! Выполни долг - спаси Родину. Приходи на Вече 3-го октября, в 14-00,

Октябрьская площадь

- Единственный путь выживания человечества в современных условиях - следование заветам Господа нашего Иисуса Христа, иначе - идеалы социализма. Нет – буржуазной конституции

- Нет - самоуправству демократов. Да – самоуправлению народа

На асфальте кто-то вывел желтой краской большими буквами (высотой примерно 50 см.): "Ельцин - вне закона".

В 12-15 по мегафону сообщили, что в здании ВС отключена не только междугородняя телефонная связь, но и городская, и что в настоящее время ВС работает, разбирается с назначениями. Затем прошла информация о поддержке большинством сотрудников ТВ-Останкино Верховного Совета, который назначил руководителем данной компании Лазуткина (до этого - заместитель руководителя), а также о поддержке действий ВС 20-ю областными Советами. Все это воспринималось собравшимися на "ура!", в особенности сообщение о ТВ-Останкино, поскольку каждый понимал, какой силой обладает телевидение в складывающейся ситуации. (Впоследствии информация о ТВ-Останкино не подтвердилась).

Вскоре из здания ВС вышел Аксютин и рассказал о развитии событий после выступления Ельцина по телевидению, пересказав уже известную информацию. Затем он подчеркнул, что "не следует терять бдительность, поскольку противники подготовились основательно... Авторы сценария переворота - Бурбулис и Шахрай". По его словам, большинство Советов в регионах поддержали ВС, а силовые структуры придерживаются нейтралитета, но у Ельцина есть подразделения охраны и команда "Альфа" и еще не известно, как они себя поведут; применение силы против ВС маловероятно, но возможно. Под конец он призвал собравшихся агитировать своих знакомых, родственников, сослуживцев идти на защиту ВС, так как "нас здесь мало и судьба страны в наших руках".

Среди собравшихся преобладало, тем не менее, благодушное настроение. Большинство считало, что вот еще немного и все определится - Ельцин будет вынужден добровольно подать в отставку. Формированию подобного настроения способствовало

сообщение о поддержке действий ВС сотрудниками ТВ-Останкино, а также областными Советами. Выступление Аксютинца хоть и охладило собравшихся, но ненадолго.

В этот же день, возле второй проходной ЗИЛа (главная проходная завода), в 15-10, т.е. ко времени окончания утренней смены, появился Анпилов с несколькими активистами из "Трудовой России". Взобравшись на парапет у подземного перехода и вооружившись мегафоном, лидер трудороссов призывал выходивших на улицу заводчан "идти сегодня на митинг к Белому дому и поддержать Верховный Совет, который отстранил от должности президента Ельцина и назначил и.о. Руцкого".

Эту фразу и обвинения в адрес Ельцина о том, что он своими реформами довел всех до нищеты, что сейчас хорошо живется только ворами, спекулянтам и руководителям предприятий, что рабочий класс должен показать, что он выступает против этих негодяев, пьяниц и т.п., Анпилов повторял в течение 15-20 минут. Однако реакция выходивших из проходной была однозначной: не задерживаясь - к автобусной остановке (за это время из проходной вышли около 3 тыс. человек). Видя это, Анпилов и его активисты, раздававшие газету "Молния" заводчанам, в 15-30 сели в УАЗ-фургон и уехали.

Вечером с 18-00 перед Домом Советов состоялся первый крупный митинг, на котором присутствовали примерно 20 тыс. человек. Лидеры оппозиции и депутаты Верховного Совета, встреченные овацией, выступали с балкона, на котором были установлены выносные радио-усилители.

Первым говорил Руцкий: "Россия перед выбором. Либо мы вытащим Россию, либо эта банда и дальше будет нас грабить... Но эта банда будет держать ответ перед судом...Нужны решительные действия... Надо идти на заводы и призывать людей к поддержке ВС и объяснять им, перед каким выбором мы стоим...Я вчера дал клятву на Верховном Совете и не отступлю от нее!"

Далее - короткие выдержки из выступлений других ораторов:

Умалатова: "Завтра все определится...Надо поддержать Ачалова, Баранникова, Дунаева...Все зависит от нас...Воссоздадим Советский Союз".

Константинов: "Они пойдут на любое преступление... Они вырождающиеся нашего народа...Все зависит от вас, а не только от министров и депутатов...Вместе мы победим!"

Павлов: "Россия не поддержит преступный указ Ельцина...Но найдутся провокаторы, когда будет сужаться пространство вокруг квислингов...Сегодня речь идет о мандате на независимость России...Бдительность, активность, единство - это лозунги государственников!"

Анпилов: "Нас 45 тыс. человек. Умоляю, не уходите сегодня". Далее он зачитал резолюцию с требованием передать по ТВ выступления Руцкого и Ачалова и возобновить передачу программы "Парламентский час", а в случае невыполнения указанных требований - идти маршем на ТВ-Останкино в сопровождении боевого охранения из числа офицеров. "Стойте здесь и не уходите!"

Терехов: "Армия еще не окончательно проснулась...Мы начинаем объединяться ради возрождения Советского Союза...Каждый честный офицер отвергнет предателя Грачева...Мы завтра обойдем маршем грачевское гнездо и вытряхнем его оттуда!" (бурные аплодисменты собравшихся, крики "Правильно!", "Давно пора!").

Зюганов сначала призвал "свергнуть этот режим конституционным путем", а затем прошелся по ненавистным для сторонников оппозиции персоналиям: Горбачев - обманул со своим "новым мышлением; Чубайс - присвоил общенародное имущество и превратился в фараона; Козырев - министр национального позора, лишил Россию ее друзей; Федоров - выгоняет из рублевой зоны Украину и Белоруссию, чтобы разрушить российскую промышленность; Шахрай - лезет из кожи, чтобы протащить ельцинскую конституцию; Черномырдин - предает всех, кто ему доверял. В конце выступления он призвал к единству, так как только оно "может обеспечить бескровное решение этого конфликта...Чем больше нас будет, тем меньше вероятность разогнать Съезд".

Бабурин: "Легкой победы у нас не будет. Не надо ждать чуда от съезда...Если до съезда мы не установим свою власть в Москве, то проиграем...Мы требуем от наших министров МО, МБ, МВД решительных действий...Первый Закон, подписанный Руцким – это Закон об уголовной ответственности за государственные преступления, караемые до 15 лет лишения свободы или смертной казнью (бурные аплодисменты собравшихся)...Необходимо избежать гражданской войны...Следует завладеть ТВ, чтобы народ знал правду" (вновь бурные аплодисменты и крики одобрения).

От ФНПР: "Исполком ФНПР обращается к трудящимся, чтобы они всеми законными средствами, вплоть до забастовки, выразили свой протест против попрания Конституции".

Кургинян (политолог): "Этот путч совершен для того, чтобы скрыть свое банкротство. Уже невозможно грабить страну демократическими методами...Если бы части ОМСДОНа не отказались вчера выполнить приказ, то здесь уже пролилась бы кровь...Давайте докажем им, что мы не быдло. Если мы сдадимся, то потом придется ломать фашистский режим, а это гораздо труднее...Надо стоять до конца. Надо сделать так, чтобы завтра здесь было вдвое больше людей...Да здравствует Советский Союз!"

Уражцев (б.руководитель "Щита"): "С силовыми структурами не все так страшно, как здесь рисуют".

Кроме вышеуказанных ораторов выступили: Гарифуллина из "Советской России"; Крючков - руководитель РПК; священнослужитель; представители Моссовета и Саратовского Совета и ряд других. Они повторили те же обвинения в адрес ельцинской команды, призывали к единству и просили приводить побольше людей.

Было заметно разочарование собравшихся и выступавших тем, что на митинг пришло не так много сторонников оппозиции, как того хотелось бы. Примерно с 19-10 начался интенсивный отток митингующих в сторону Баррикадной. Среди собравшихся слышались реплики: "Народ (либо рабочий класс) еще спит. Проснутся лишь тогда, когда на улицах появятся американские солдаты или сами начнут умирать с голоду".

Социальный состав собравшихся на митинг был таким же, как и на предыдущих собраниях оппозиции: рабочих не более 10-12%, молодежи - 15-16%, лиц пенсионного и предпенсионного возраста 20-25%. Основная масса - это люди среднего возраста, служащие и инженерно-технические работники предприятий (в основном ВПК), "ветераны" массовых акций, проводившихся оппозицией с осени 1991 года. В последующие дни социальный состав митингующих и защитников ВС практически не менялся.

Митинг завершился ближе к 20-00, однако многие остались на площади и после его окончания (примерно 10 тыс. человек).

В 22-45 активисты из "Трудовой России" призвали наиболее ретивых манифестантов "не толпиться перед площадкой с мегафонами и не давать дурацких указаний что и как делать, а идти и записываться в дружины защитников". Но желающих, как и накануне вечером, было мало.

К этому времени на всей территории перед зданием ВС оставалось не более 3 тыс. человек. Укреплялись все еще хлипкие баррикады, которые трудно было назвать баррикадами, поскольку представляли они из себя узкие и невысокие груды разного хлама, который можно было сдвинуть с помощью обычного снегоочистителя, не говоря уже о спецтехнике. Формировались новые подразделения дружинников. Когда одно из них промаршировало строевым шагом мимо группы митингующих, звонкий женский голос прокричал из толпы: "Смерть еврейским оккупантам!" Все стоявшие вокруг дружно расхохотались, настолько смешным и непривычным, показался этот призыв. Расхохоталась и сама "исполнительница".

На прилегающих к территории ДС улицах никаких перемещений или скоплений людей в милицейской или в военной форме не наблюдалось. Возле баррикад, как обычно, жгли костры, беседовали. В 23-50 со стороны Дружинниковской улицы на площадь к ДС прошел актер Вахтанговского театра Василий Лановой. В глубоко надвинутой на лоб кепке, в плаще с поднятым воротником, он сначала минуты две постоял у костра возле скамеек, обозначающих линию баррикад в направлении Дружинниковской улицы и послушал беседу собравшихся там женщин; затем прошел к барьерам возле здания ВС, на которых висели плакаты и транспаранты и ознакомился с их содержанием; после этого прошел в сторону 20-го подъезда и посмотрел, как оставшиеся на ночь защитники разливают чай из большой алюминиевой фляги. Ознакомившись со всей обстановкой и ни с кем не заговорив, он направился на Конюшковскую улицу и далее в сторону Нового Арбата.

Нести ночное "боевое дежурство" на территории вокруг здания Верховного Совета остались не более 1.5 тыс. человек.

Четверг 23 сентября и ночь на пятницу 24 сентября

Ночь со среды на четверг возле ДС прошла спокойно. Вечером в четверг, ближе к 18-00, когда должен был открыться Съезд народных депутатов, сторонники оппозиции

собрались вновь (их было немного меньше, чем накануне - примерно 18 тыс. человек; погода не изменилась)

В это время с балкона выступал Анпилов, который страстно обличал депутата Румянцева, предложившего компромисс для выхода из политического кризиса (так называемый "нулевой вариант"). "Нельзя идти на сговор с этими преступниками" - кричал в микрофон Анпилов, поддерживаемый одобрительным гулом толпы.

Затем стали выступать депутаты, прибывшие на Съезд. Чуть ли не каждый из них призывал приводить побольше москвичей. Говорили также, что часть депутатов, приехавших на Съезд, не регистрируется, выжидая чья возьмет, а некоторые (например, Степашин и Починок) переметнулись к Ельцину, когда тот пообещал депутатам отступные (солидные должности и материальную компенсацию), если они откажутся участвовать в работе Съезда. Услышав это, народ загудел, раздались крики "Позор!", "Долой таких депутатов!" и т.п.

Слушая выступления, чувствовалось, что среди лидеров оппозиции нет единства. Одни призывали к всеобщей политической забастовке (Тулеев, Уражцев), а другие говорили, что это несерьезно (Анпилов: "Я на коленках проползал перед проходными московских заводов, призывая поддержать ВС...Завтра не будет забастовки"). Одни говорили о необходимости разрешения конфликта мирным, конституционным путем (Зюганов: "Не слушайте ничьи призывы куда-то идти и кого-то вести"; Бабурин: "Надо побеждать не оружием, а правдой"), а другие (Анпилов, генерал-депутат Тарасов) - призывали вести на работу в сопровождении народа Руцкого - в Кремль, а вновь назначенных руководителей силовых ведомств - в соответствующие здания на Знаменку, на Лубянку и на Мытную. Скурлатов призывал доказать, что мы великий народ - "даже через кровь".

Реакция на все эти выступления была неоднозначной. Наиболее активные сторонники "Трудовой России" и ультра-патриоты, собиравшиеся, как правило, в ядре митингующих, одобрительными криками и аплодисментами приветствовали радикальные заявления, в то время как более умеренные участники, располагавшиеся ближе к краям толпы, относились к ним весьма критически. Среди этого контингента вызревала идея о том, что было бы неплохо, если бы сами депутаты решились на такую форму протеста, как объявление голодовки, а проводить ее следовало бы в здании ВС. Подобная акция, по их мнению, могла бы поднять престиж депутатов и вызвать сочувствие к ним в народе.

В начале восьмого вечера депутаты ушли открывать Съезд и большинство людей потянулось на Баррикадную. В вечерних ТВ-новостях шла по большей части лживая информация об обстановке вокруг ДС: мол, там собрались лишь несколько сот человек, в основном люди преклонного возраста, а также бомжи и пьяницы, и что в штабе ВС раздают стрелковое оружие кому попало, в том числе и чеченцам.

Конечно нельзя отрицать, что на любые митинги и демонстрации приходят несколько десятков психически неуравновешенных людей, бомжей и пьяниц. Но их надо захотеть отыскать в многотысячной толпе абсолютно нормальных и трезвых людей и

заснять на камеру. Что касается оружия, то в первые дни "стояния" его видели лишь у некоторых офицеров из тереховского Союза и у милиционеров из охраны Верховного Совета.

К 22-00 число манифестантов возле Дома Советов сократилось до 5 тыс. человек. С балкона через громкоговорители велась трансляция с заседаний Съезда. Депутаты довольно долго судили-рядили о повестке дня, что очень раздражало людей, собравшихся под балконом.

Несколько в стороне от основной группы манифестантов в окружении группы женщин стоял один из руководителей Московской организации КПРФ Шанцев. (Впоследствии он был назначен Лужковым на должность префекта Южного округа Москвы, а затем стал его первым заместителем - вице-мэром). Шанцев говорил о своем видении сложившейся ситуации, критически оценивая сделанные Руцким назначения в руководстве силовых ведомств. По его мнению, следовало хорошенько поработать с Грачевым, а не загонять того в объятия Ельцина, назначая на должность министра обороны генерала Ачалова. Сомнительным, с его точки зрения, выглядело и назначение Баранникова на должность министра безопасности, а Дунаева - на должность министра внутренних дел, поскольку они скомпрометировали себя связями с проходимцами типа Якубовского ("генерал Дима") и подорвали тем самым доверие к себе в низовых структурах своих же ведомств.

Съезд, между тем, продолжался. После утверждения повестки дня слово предоставили Р.Хасбулатову. Основной смысл его доклада заключался в следующем: никакого рынка у нас нет, а путем приватизации имущества и либерализации цен создается социальный слой для поддержки диктатуры латиноамериканского типа. Послушав его, некоторые заметили, что с такой речью ему надо было бы выступить гораздо раньше - в конце 1991 или в начале 1992 года, когда этот "социальный слой поддержки диктатуры" был гораздо малочисленнее, чем сейчас, в Москве во всяком случае.

После него выступил Руцкой, говоривший практически о том же, что и накануне с балкона. Далее пошли прения и внесение предложений по проекту постановления Съезда. Ближе к часу ночи, времени закрытия метро, вновь начался отток манифестантов к Баррикадной и на ночь возле ДС осталось не более 3 тыс. человек. На баррикаде у Дружинниковской улицы уходящих стыдили находившиеся там женщины-активистки.

Примерно в это же время вдруг "ожили" мегафоны "Трудовой России". Один из лидеров этого движения заговорил об инциденте у штаба СНГ на Ленинградском проспекте. О том, что 70 человек из числа трудороссов поехали туда выручать Терехова, который якобы проник на территорию штаба с группой офицеров и был там, то ли захвачен, то ли убит в ходе перестрелки. Но их, эти 70 чел., туда не пропустили и все закончилось тем, что они, собравшись на бульваре посередине Ленинградского проспекта, скандировали "Банду Ельцина под суд!" и пели революционные песни. Выслушав сообщение, некоторые манифестанты обвинили Анпилова в провокаторстве, однако тот с

ходу отмел обвинение, обозвав говоривших о провокации - трусами. (Во время инцидента на Ленинградском проспекте погибли: офицер 109-го отделения милиции Сидоренко и жительница одного из жилых домов).

Ближе к трем часам полил сильный дождь и оставшиеся на ночь стали искать укрытие под балконом и различными навесами вдоль здания ВС и бывшей приемной ВС. И хотя стоять было тесно, никто не жаловался и не скандалил. Вскоре из здания ВС активисты вынесли большие лотки с бутербродами (с сыром и колбасой), фляги с чаем и кофе, а также бумажные стаканчики. Продвигаясь вдоль линии стоявших под балконом людей, они предлагали им перекусить (бесплатно), что с благодарностью принималось практически всеми собравшимися.

Трансляция Съезда продолжалась. Манифестанты комментировали выступления и делали предположения относительно возможного развития событий в последующие дни. Судя по репликам окружающих, большинство склонялось к тому, что ОНИ (т.е. исполнительные структуры) не решатся на разгон ВС и Съезда и в конечном счете вынуждены будут уступить.

Подпитку для подобного настроения давали как выступавшие депутаты, так и вновь назначенные руководители силовых ведомств. Так, ближе к 4 часам утра, когда приступили к утверждению в должностях Баранникова, Ачалова и Дунаева и те стали отвечать на вопросы депутатов о степени лояльности силовых структур ВС и Съезду, Ачалов заявил, что все идет нормально и когда возникнет необходимость, то части, верные Конституции, в короткий срок будут выдвинуты на защиту ВС и Съезда. На это заявление Ачалова последовала громкая реплика из толпы (мужской голос): "Ага! Как свистнем, так прибегут. А на хрена тогда мы стоим здесь третью ночь?!" Остальные поддержали говорившего.

Примерно в том же ключе, что и Ачалов, выступил Дунаев, заявивший, что большинство личного состава МВД поддерживает Руцкого и все идет нормально, хотя и есть проблемы. Баранников был более осторожен в своих высказываниях.

К этому времени к территории вокруг "Белого дома" стали подтягиваться милиционеры. Их было не очень много и, главное, они не были агрессивно настроены. Заседание Съезда продолжалось до 5 часов утра. После его окончания депутаты оппозиции вышли на балкон и поблагодарили собравшихся за поддержку и стойкость. В ответ толпа дружно проскандировала: "Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!" Лишь в 5-30, т.е. ближе к открытию станции метро, люди потянулись под дождем в сторону Баррикадной.

Спустившись на платформу, некоторые принялись расклеивать на стенах листовки, полученные ими в 8-м подъезде ДС. Из-за этого в течение 20 минут возникли три конфликта между агитаторами и отдельными пассажирами-демократами (судя по виду и экипировке - "челноки" и "лавочники"), которые пытались сорвать листовки, сопровождая свои действия соответствующими комментариями ("красно-коричневые", "фашисты") с использованием ненормативной лексики. До рукоприкладства не дошло, но взаимные оскорбления и угрозы произносились с остервенением. Метрополитеновские

милиционеры, прохаживавшиеся по платформе, в конфликты не вмешивались, но внимательно следили за происходящим.

Пятница 24 сентября и ночь на субботу 25 сентября

Утром в пятницу получили задание выяснить отношение работников завода к событиям вокруг Верховного Совета. Опрашивали почти в течение всего рабочего дня. Задавали вопрос: "Чья позиция представляется Вам более верной в конфликте, возникшем между законодательной и исполнительной ветвями власти?" (опросили несколько сот человек).

В итоге ответы распределились следующим образом: верна позиция исполнительной власти - 40% опрошенных, верна позиция законодательной власти - 20%, не верны ни та, ни другая позиции - 28%, затруднились ответить - 12%.

В ходе опроса выслушивали доводы людей, почему они решили высказаться так, а не иначе. Аргументация чаще всего сводилась чуть ли не к дословному цитированию материалов или сообщений из "Вестей", ТВ-Останкино, "МК", "Радио России", "Правды", "Советской России", "Дня" - в зависимости от политических пристрастий опрашиваемых.

Сторонники исполнительной власти повторяли бред об оружии, якобы раздававшемся у "Белого дома" чуть ли не всем желающим, включая бомжей, пьяниц и чеченцев. Они даже не прислушивались к возражениям. В ответ раздавались реплики: "Вы не могли видеть всего того, что происходило в здании ВС и вокруг него, а в "Новостях" ("Вестях") врать не будут". Сочувствующие оппозиции, наоборот, выражали сомнение в правдивости информации, передававшейся по радио и ТВ. Но и те и другие не изъявляли особого желания куда-то идти и кого-то защищать - число потенциально активных "защитников" в каждой из указанных категорий не превышало 2%.

В 18-00 возле ДС было примерно 17-18 тыс. человек. На улице после ночного дождя похолодало - плюс 7-8 градусов, ветрено. Поскольку заседания Съезда продолжались, с балкона выступали не депутаты, а лидеры и активисты отдельных партий и движений.

Ближе к 21-00 на Баррикадной появились шесть военных грузовиков и почти перекрыли переулок, по которому в сторону ДС обычно проходили его защитники. (Многие называли потом этот путь - по переулку, дворами, а затем либо по Конюшковской, либо по Дружинниковской - "тропой Хо Ши Мина"). В машинах сидели военнослужащие из "дзержинки", с которыми проводили соответствующую агитационную работу сторонники оппозиции.

К этому времени перед зданием ВС осталось не более 7 тыс. человек. В 21-15 по Конюшковской улице в сторону набережной быстрым шагом, почти бегом проследовала группа омонцев. Люди, подошедшие от Баррикадной, рассказали, что в начале десятого военные уехали, но вскоре появились омонцы и стали разгонять дубинками собравшуюся там толпу (примерно 400 человек), толпа же развернулась и погнала их по Конюшковской в сторону моста.

Это было первое, начиная с 21 сентября, серьезное столкновение защитников ДС с силами МВД.

Вскоре с балкона ДС зачитали указы Руцкого о выделении садовых участков гражданам России, а также о создании мотострелкового полка по защите ВС из числа добровольцев.

Затем выступил Зюганов, который говорил о растущем влиянии провинции на ход происходящих событий и что многие регионы обещали прекратить снабжение Москвы, если будет проводиться линия исполнительной власти. Еще он сообщил об угрозах со стороны исполнительной власти применить ОМОН против собравшихся у ДС и о нейтральной позиции, занимаемой армией.

Ближе к 22-00 выступил Константинов, сообщивший об аресте Терехова и о том, что идет ОМОН и устраивает оцепление вокруг ДС. В заключение он призвал: "Будем стоять до конца!...Решают часы и минуты...Сегодня день совести...Ни шагу назад!".

В 22-04 в ДС отключили электричество, свет одновременно погас во всех окнах, из-за чего во дворе стало немного темнее, а собравшиеся закричали и засвистели в знак протеста. В 22-08 на балкон вышел генерал Макашов и через мегафон обратился к собравшимся: "Неужели мы не сможем найти этих сукиных детей из Мосэнерго?...Рассчитывают взять измором депутатов, чтобы они покинули здание... Не выйдет!".

После него выступил Руцкой: "Пока в этой стране не будет выполняться закон, не будет порядка...Вчера у штаба СНГ была провокация с их стороны...В Союзе были ошибки, но их можно было исправить...У нас было все, накопленное историей...Клинтон и Миттеран - мне стыдно за Вас, за Вашу поддержку этого преступного режима...Народ у нас оболванен средствами массовой информации...Офицеры Российской армии спрятались под юбки женщин...Необходимо принять все меры, чтобы исключить возможные провокации...Выиграть мы можем только законом, а не автоматом и гранатометом...И без этого в Союзе льется кровь...Надо идти по предприятиям и поднимать людей...Иначе все это приведет к тому, что мы забудем, что такое личность...Мы должны своей волей заставить их уйти...Победа будет за Законом и Конституцией!".

Следом за ним слово опять взял Макашов: "Я назначен ответственным за оборону ВС...Кто сунется сюда разгонять - ответственность будет на них...Не суйтесь сюда, сукины дети!...Необходимо разрешить кризис законными методами...Но если они будут действовать незаконными методами, мы должны будем их смести...Мы достанем их...Вчера у штаба СНГ была провокация, вас пытались увести, чтобы подставить под дубинки...Ведите на защиту Верховного Совета людей и тогда мы скинем иностранцев!".

Спустя некоторое время с балкона выступил подполковник милиции, сообщивший, что командиру ОМСДОНа (дзержинцы) был вручен приказ Дунаева и поэтому они удалились в казармы (это об эпизоде на Баррикадной). Подобный же приказ отдан ОМОНу, расположившемуся у американского посольства.

Последнее выступление несколько взбодрило собравшихся, но чувство тревоги, судя по доносившимся репликам, их не покидало. Большая группа (примерно 100 человек) организовала импровизированный концерт. Стали хором петь советские песни, танцевать. Костры на площади горели в основном по краям, возле баррикад, и их было гораздо больше чем накануне, т.к. заметно похолодало. На ночь возле ДС остались не более 2-2.5 тыс. человек.

В 23-00 поползли слухи о том, что в полночь начнется разгон сторонников ВС силами омонцев, после чего отток манифестантов в сторону метро, хоть и ненамного, но увеличился. Ближе к 23-30 во дворе появилось много российских и иностранных корреспондентов с фото-, кино- и видеоаппаратурой. Они тоже ожидали начала каких-то событий, однако вскоре после полуночи, когда стало ясно, что ничего особенного не произойдет, покинули территорию.

В первом часу ночи во двор спустились депутаты, дабы пообщаться с народом: Бабурин, Плотников, Головин, Павлов и ряд других. Каждого из них окружили плотным кольцом, задавали вопросы, слушали ответы. Некоторые депутаты говорили о возможности перенесения заседаний Съезда в один из областных центров Черноземья. За разговорами прошла половина ночи.

В 4-00 со стороны здания мэрии к одной из баррикад возле Горбатого моста подъехали пять МАЗов и КРАЗов. Несколько молодых ополченцев, решив поначалу, что это омонцы с какой-то подлой целью подогнали к баррикадам тяжелые машины, призвали поджечь их. Еще хорошо, что рядом оказались опытные мужики, выяснившие у водителей цель их прибытия. Оказалось, что те привезли бетонные блоки по заказу из ВС. Затем блоки сбросили на мостовую, а несостоявшиеся "поджигатели" принялись растаскивать и устанавливать их таким образом, чтобы не допустить проезда машин непосредственно к баррикаде. (Вскоре прошел слух, что машины с блоками заказал Константинов специально для баррикад и что эти же груженные машины видели несколько часов назад под Калининским мостом).

В 5-30 в конце Девятинского переулка замелькали "мигалки" и вниз от Садового кольца поползла колонна бортовых ЗИЛ-131, свернувшая затем в проулок за гостиницей "Мир" (всего насчитали 13 машин). Судя по опознавательным знакам на дверцах кабин это были "дзержинцы". Народ заволновался и подтянулся из глубины двора поближе к баррикадам. Стали думать и гадать, как будут разворачиваться события дальше. Большинство склонялось к тому, что просто так это не кончится. Спустя некоторое время к баррикаде подошел православный священник, располагавшийся до этого с иконами и другими ритуальными принадлежностями у здания приемной ВС, и отслужил короткий молебен.

По ту сторону баррикад все было спокойно почти до семи утра, а затем на Конюшковскую выдвинулись "дзержинцы": одни из них выстроились цепью вдоль тротуара у гостиницы "Мир" и мэрии, а другие повзводно промаршировали в направлении улицы Заморонова. Судя по внешнему виду и поведению, это были "салаги" из весеннего

призыва. Одеты они были в милицейские шинели, на груди, поверх шинелей - бронежилеты, в руках - резиновые палки, на головах - армейские каски.

В восьмом часу утра, когда начался активный приток добровольцев на дежурство в "дневную смену", люди из "ночной смены" стали потихоньку расходиться. К этому времени подходы к ДС со стороны Дружинниковской улицы, ближе к ул.Заморенова, перекрыли "дзержинцы" (первое за эти дни оцепление): всех выпускали, но никого не впускали. Тем не менее, "дневная смена" беспрепятственно просачивалась к зданию ВС дворами.

Все это, т.е. замена защитников, происходила, как в предыдущие, так и в последующие дни, без команды с чьей-либо стороны, "по умолчанию". Каждый сообразовывался со своими возможностями и ситуацией, складывавшейся вокруг Дома Советов.

Ночь с 25 сентября (суббота) на 26 сентября (воскресенье)

В субботу, к 20-30 ситуация вокруг ДС несколько изменилась. К оцеплению "дзержинцев" добавили обычную городскую милицию. Кроме оцепления на Дружинниковской и Конюшковской улицах, милицейские заслоны выставили во дворах, но не во всех. Поэтому те, кто хотел пройти к ДС, попадали туда лишь после долгого хождения по дворам на ул.Заморенова в поисках либо забора, либо какой-нибудь не замеченной милиционерами дыры.

К этому времени возле ВС находилось не более 7 тыс. человек. Днем же, со слов манифестантов, когда оцепление пропускало практически всех желающих, на митинг пришли около 20 тыс. человек (днем потеплело до 12 градусов).

На Конюшковской все так же стояли "дзержинцы", перед цепью которых ходили несколько женщин среднего и старшего возраста и вели с ними "воспитательную работу", т.е. призывали не бить и не стрелять безоружных людей; объясняли солдатам, что их послали защищать преступный режим Ельцина, который довел народ до обнищания; что США и сионисты с помощью Ельцина и его команды стремятся полностью поработить Россию, а Верховный Совет препятствует этому.

Судя по ответным репликам военнослужащих, они слабо разбирались в происходящем. Некоторые женщины-истерички при несогласии с их доводами начинали хамить солдатам, обзывать оккупантами и опричниками. В таких случаях другим агитаторам приходилось урезонивать разбушевавшихся теток, но, тем не менее, эффект "ложки дегтя" срабатывал.

Ближе к 22-00, там же, на почти пустынной Конюшковской, в стороне от цепи дзержинцев четверо оперативников (то ли из МВД, то ли из МБ; возраст 30-35 лет, в гражданской одежде) довольно громко обсуждали ситуацию, сложившуюся к этому времени вокруг ДС. Один из них (судя по доносившимся репликам, бывший сотрудник органов) говорил другим, что надо сделать все возможное, чтобы на баррикадах не пролилась кровь, для чего надо выявлять в толпе потенциальных провокаторов и

шизоидов. Если же заметят таких, то следует найти людей из Союза офицеров, чтобы те организовали выдворение провокаторов и ненормальных за пределы оцепления. Остальные поддакивали ему, но насколько искренни они были - трудно судить.

Несколько минут спустя от гостиницы "Мир" к агитаторам подошли еще два оперативника и вступили с ними в словесную перепалку. Самый заводной из них, проработавший в органах, по его признанию, более 13 лет, заявил, что неплохо было бы перестрелять всех собравшихся за баррикадами, причем особую ненависть у него вызывали Анпилов, Зюганов и вообще все коммунисты. Мол, когда на демонстрации ходили демократы, то не было никакой крови, а вот как стали ходить коммунисты, так полилась кровь и даже появились погибшие среди работников органов внутренних дел (Толокнеев - 1 мая, Сидоренко - 23 сентября у штаба СНГ) и поэтому, по его словам, "все сотрудники МВД жаждут отмщенья".

Никакие доводы о том, что в отличие от коммунистов демократам практически не препятствовали в проведении митингов и демонстраций и никто их не гонял дубинками по московским улицам и площадям, на этих оперативников не действовали. Привели им пример, что даже 28 марта 1991 года, когда был запрещен митинг демократов на Манежной площади, но разрешен только на Маяковке и на Арбатской площади, а колонна демократов без разрешения двинула от Арбата к Маяковке (аналог 1 мая), то их не пытались остановить ни с помощью ОМОНа, ни с помощью водометов, хотя и того и другого в районе Тверской было в избытке. На этот довод оперативники ответили, что они не помнят такого.

Состав агитаторов-добровольцев регулярно менялся: одни, проведя соответствующую работу, отходили за баррикады, а на их место приходили другие, т.е. перед цепью "дзержинцев" постоянно кто-то ходил и что-то им объяснял. По лицам большинства военнослужащих было видно, что они уже устали от всего и лишь единицы включались в беседы. Наиболее ретивые служаки из числа рядовых делали замечания своим товарищам, призывая тех "не вступать в разговоры с гражданскими лицами". Таков был, видимо, приказ командиров, которые прекрасно видели, чем занимаются "гражданские лица" (командирский штабной автобус - ЛИАЗ малинового цвета - находился в 50 метрах от цепи "дзержинцев" у гостиницы "Мир").

Примерно в 22-15 к мегафону "Трудовой России" подошел депутат Ребриков и сообщил, что по поступившим в ВС сведениям, в здании мэрии в настоящее время находится спецназовская команда "К", подчиняющаяся непосредственно генералу Барсукову (начальник президентской охраны, комендант Кремля), и что силами этой команды планируется организовать провокацию. Бойцы команды в гражданской одежде сначала должны просочиться к стенам ДС и к баррикадам на Конюшковской улице, чтобы затем пойти оттуда на штурм здания мэрии и спровоцировать ответные действия со стороны ОМОНа, милиции и "дзержинцев" против защитников ДС, разметать их и подготовить плацдарм для последующей осады "Белого дома". Народ загудел и потянулся поближе к Горбатову мосту.

В 22-40 на Конюшковской дама лет 55 делилась с "дзержинцами" впечатлениями об увиденном на территории ВС. Мол, она пришла просто посмотреть на тех, кто здесь собрался, поскольку по ТВ их представляют как бомжей и пьяниц, но вот пришла, увидела и убедилась, что все это вранье. Тут в беседу бесцеремонно вмешался подошедший со стороны баррикад мужчина лет 37-38. Он довольно свободно говорил по-русски, но с сильным американским акцентом. Заявив сначала, что «всех, кто находится за баррикадами, надо стрелять», он стал распространяться на тему о невозможности демократии в России, завершив свои разглагольствования тем, что России нужна только диктатура, а Ельцин медлит с применением жестких мер против ВС и его защитников. Причем произносил он все это с нескрываемой злостью. Стоявшие рядом защитники ВС аж оторопели от такой наглости, но потом весьма жестким тоном объяснили ему, что американцы всем надоели, так как лезут без спросу со своими советами в наши дела. В ответ он хотел было огрызнуться, но тут к нему подошел кто-то из англоязычных корреспондентов и увел его от греха подальше к американскому посольству.

Весь этот разговор происходил на виду у молодых солдат. Они всё прекрасно слышали и, судя по их одобрительным кивкам после ответа американцу, все прекрасно поняли. Кто-то из защитников, увидев реакцию молодых "дзержинцев", заметил, что хорошо было бы выпустить несколько таких оголтелых "американов" на ТВ-Останкино и тогда не понадобилась бы никакая другая контрпропаганда с привлечением женщин-истеричек.

Ближе к 23-00 на Конюшковской улице, напротив памятника Героям Пресни остановился автофургон, к которому повзводно подводили "дзержинцев" для выдачи им ночной "пайки". Увидев это, к баррикаде возле памятника вышел Анпилов и обратился через мегафон к военнослужащим, призвав командиров не выполнять приказы своих вышестоящих начальников, так как все приказы, идущие сейчас от Ельцина и его команды и направленные против Руцкого и Верховного Совета - преступны. Свой короткий призыв Анпилов методично повторял примерно в течение 15 минут, пока к фургону подходили солдаты со своими офицерами. Снимавший весь этот эпизод телеоператор (может быть из спецслужб), периодически кричал своему помощнику: "Он ненормальный, этот Анпилов!"

Вскоре вниз по Девятинскому переулку спустились четыре "Икаруса", в которых вперемешку сидели омоновцы и люди в гражданской одежде. Автобусы проследовали в направлении мэрии и свернули на Новый Арбат. Вверху Девятинского переулка люди в форме рассаживались в обычные автобусы. Все эти передвижения видимо обеспокоили находившихся в здании ВС и через некоторое время от баррикад на Девятинский переулок направился депутат Ребриков с несколькими сопровождающими. Вернувшись спустя десять минут, они сказали, что ходили на переговоры с командованием ОМОНа, но никого не нашли.

Ближе к полуночи во дворе недалеко от 8-го подъезда произошел неприятный инцидент. На тротуаре стояла группа из 20 человек, которые что-то бурно обсуждали, а вокруг них крутились двое молодых мужчин лет 26-28. Один из них, послушав разговоры,

сказал другому, что, мол, с этими все ясно и нецензурно выругался в адрес собравшихся. Стоявший здесь же дед с красным флагом сделал ему замечание: "Раз ты не за нас, то зачем тогда находишься среди нас?" В ответ прозвучало оскорбление. Дед не остался в долгу. Поднялся крик. К ним подскочили другие защитники, чтобы выяснить причину конфликта. И тут этот молодой перешел на блатную "феню" и в истеричном тоне стал угрожать расправой и деду, и другим собравшимся, прокричав напоследок: "Нас, зеков, 1.5 миллиона...Я сидел на зоне, а коммунистов давил и буду давить!". Затем, отойдя немного в сторону, сказал своему напарнику: "Может быть уделать его?" (имелся в виду дед). В конечном итоге их выпроводили в сторону Глубокого переуллка, попросив баррикадников быть повнимательнее и не пропускать кого попало. Но как тут определить, кто свой, а кто чужой? А эти двое еще долго стояли напротив баррикады и изучающе глядели во двор. Защитникам только и оставалось, что задавать друг другу вопросы: "Что тех сюда привело?" или "Кто их сюда послал?"

В первом часу ночи (к этому времени во дворе осталось не более 4 тыс. человек) у мегафонов вновь появился Ребриков и призвал желающих отправиться в скверик перед зданием ВС напротив мэрии, чтобы вести оттуда наблюдение за всем происходящим на прилегающей территории. Одной из групп в количестве 20 человек определили место дежурства у длинного спуска в подземные гаражи ВС. Милицейский капитан из охраны ВС дал задание следить за въездными воротами в гараж, откуда, по его словам, могли появиться люди из спецназа. В случае их появления всем следовало бежать во двор и бить тревогу. Обошлось без беготни. Стерегли эти самые ворота до самого утра, в две пары, периодически меняя друг друга (час возле ворот, затем возле костра).

Среди дежуривших были трое рабочих, а остальные – инженеры и научные работники с предприятий и из НИИ (преимущественно из оборонки). Один даже воевал добровольцем в Приднестровье. Разные характеры и темпераменты, но стихийно объединенные неприятием всего того, что происходит в обществе: распадом государства, усилением социальной поляризации, целенаправленным растлением людей, ростом преступности и т.п.

Чуть ли не каждый из дежуривших подчеркивал, что пришел сюда не ради защиты Руцкого, Хасбулатова и депутатов, на которых лежит немалый грех за происходившее в стране последние два-три года. А для того, чтобы показать, что они не скоты, что они против внедрения в наше общество чуждых нравов и ценностей и не желают, чтобы Россия стала чьей-то колонией, причем каждый третий признавался, что в августе-91 тоже приходил защищать "Белый дом", а сейчас раскаивается за свое тогдашнее поведение - не смог разобраться. При этом некоторые справедливо отмечали, что на этот раз, в отличие от августа-91, у "Белого дома" не видно ни рэкетиров, ни лавочников, ни дам, "упакованных" во все фирменное.

Подобные суждения звучали почти у всех костров, возле которых приходилось греться в те дни.

Бывший диссидент, отсидевший в 70-е годы несколько лет в лагере за распространение запрещенной литературы, в том числе произведений Солженицына, все сокрушался: "Разве можно было предположить 10 лет назад, что в такой момент российской истории Солженицын окажется на стороне Ельцина".

После этих слов заговорили о негативном влиянии интеллигенции на события, происходившие в нашей стране с конца 80-х годов. Особо досталось творческой и академической интеллигенции, которая, за небольшим исключением, оказалась насквозь продажной, и которая не только не понимает, но и не хочет понимать действительные нужды народа. Более того, вся эта интеллигенция скатилась на позиции примитивного социал-дарвинизма в объяснении социальных явлений.

Ведя беседу, группа свободная от дежурства у ворот наблюдала за перемещениями людей и транспорта возле мэрии. Ничего особенного не происходило. Периодически из здания мэрии выводили один-два взвода "дзержинцев" для замены тех, кто стоял в оцеплении. Так же периодически, группами по 5-6 человек, ходили вокруг территории ДС "баркашовцы", осуществляя патрулирование без оружия. Одеты они были кто в камуфляжную форму, а кто в обычную гражданскую одежду. Но у всех на груди блестели круглые значки РНЕ - стилизованный золотистый крест-свастика на красном фоне.

Среди защитников ДС "баркашовцы" выделялись организованностью и дисциплиной (всего их было 130-150 человек). Они вели свой "образ жизни", разместившись в здании бывшей приемной ВС: почти не смешивались с другими защитниками, не сидели с ними у костров по ночам; регулярно, 2-3 раза в день, ходили строем по "двору" и дружно скандировали: "Слава России!", выбрасывая вверх правую руку в древнеримском (а не в фашистском, как они сами утверждали) приветствии. Судя по их репликам, они негативно относились к коммунистам. Например, когда патруль "баркашовцев" в очередной раз проходил мимо костра возле спуска в подземный гараж, с их стороны послышалась фраза: "Никогда не думал, что придется защищать Россию вместе с коммунистами". Остальные поддерживали говорившего. Примерно тоже самое, но применительно к "баркашовцам", говорили коммунисты. Однако в открытую "идейные противники" не конфликтовали.

В 7-00 дежурство напротив мэрии закончилось. Когда расходились, многие пообещали обязательно прийти в этот же день вечером, т.к. понимали, что в ночь на понедельник перед ДС останется меньше людей (начало рабочей недели) и власти могут попытаться разогнать их.

26 сентября (воскресенье; день)

На этот день лидеры "Дем.России" назначили манифестацию и митинг в поддержку президентского указа № 1400. В 14-30 колонна демократов под звуки духового оркестра (исполнялся "Варяг") двинулась по Тверской улице от Манежной площади к Моссовету, где и состоялся митинг. В голове колонны почти беспрестанно скандировали: "Ельцин, мы с тобой!" и "Ельцин! Ельцин!" Подойдя к Моссовету, манифестанты проскандировали:

"Долой Моссовет!" Некоторые из них держали в руках транспаранты с лозунгами: "Борис, ты снова прав!", "Не мешайте Правительству России", "Позор Верховному Совету". Митинг начался в 15-00. Собралось не более 25 тыс. человек (ясно, 14 градусов тепла).

На митинге выступили: Якунин, Черниченко, Юшенков, Оскоцкий, Новодворская, Брагинский (один из руководителей мэрии), Шабад и другие. Открывая митинг, ведущий сказал что-то о коммунистах и фашистах, которые мешают проводить реформы, и пусть они уйдут из "Белого дома". А в заключение произнес: "Мы пришли сюда, чтобы предотвратить гражданскую войну в России...Движение "Демократическая Россия" этим митингом начинает свою предвыборную кампанию...Мы победим на выборах!".

Остальные ораторы выступали в подобном же ключе. С наибольшим энтузиазмом толпа встретила выступления Оскоцкого и Новодворской.

Оскоцкий: "Они обещают нам расстрелы...За всю историю России они никогда не созидали, а только разрушали - эти красно-коричневые... Следует запретить все коммунистические партии - от КПРФ до анпиловской и лже-патриотов, а также все их издания: "Правду", "Советскую Россию", "День" и другие фашистские газеты и журналы...Не выполняйте решения Советов...С нами лучшие люди России - Ростропович, Солженицын, одобрявшие действия Ельцина...Мы победим!"

Новодворская: "Надо потребовать, чтобы дивизия Дзержинского и армия поддержали президента...В лице Верховного Совета народ избрал недостойную власть, а в лице президента Ельцина Россия выбрала себе защиту...Надо, чтобы новое Федеральное Собрание приняло решение не выбирать нового президента, а оставить Ельцина до окончания срока его полномочий...Явлинскому не быть Президентом России...Коммунистическая идеология должна быть запрещена, чтобы в этой свободной стране коммунисты не могли принимать участие в выборах органов власти".

В лучших традициях демагогической "диалектики" прозвучало следующее место из выступления Шабада: "Сегодня мы собрались, чтобы отметить победу...К сожалению, наша победа была достигнута нелегитимным путем...Что же поделать - ради демократии пришлось пойти и на это" (последние слова также были встречены бурными аплодисментами).

Практически все выступавшие выдвигали требование к исполнительной власти не идти ни на какие компромиссы с ВС, отвергая, в частности, и "нулевой" вариант, предложенный председателем Конституционного Суда Зорькиным.

Основное внешнее отличие состава митинговавших у Моссовета от собиравшихся у "Белого дома" - первые лучше одеты. Но возрастной состав почти такой же, т.е. преобладают люди старше 40-летнего возраста. Судя по репликам, много представителей новых экономических структур или их близких родственников.

Ночь с 26 сентября (воскр.) на 27 сентября (понед.)

Вечером к ДС вновь никого не пропускали и защитникам приходилось пробираться туда темными дворами. Как и предполагалось, на ночь возле ДС осталось не более 2-х

тысяч человек, то есть в два раза меньше, чем в предыдущую ночь (на дневном митинге, по свидетельствам очевидцев, присутствовало примерно 20 тыс. человек).

К этому времени с пересечения Конюшковской улицы и Девятинского переулка убрали "дзержинцев", стояли они только у Калининского моста да на пересечении с ул.Заморенова, а от гостиницы "Мир" куда-то дели штабной автобус ГУВД.

Люди, как обычно, собирались кучками, обсуждали новости и задавались вопросом: "Сколько же еще придется так стоять"? Ходили слухи, что попытка освобождения территории силовиками будет предпринята либо в понедельник, либо во вторник. Говорили о поддержке ВС региональными Советами и рядом военных округов. При этом многие не обращали внимания на то, что телеграммы о поддержке из военных округов шли от имени непонятно каких офицерских собраний, а не от имени командования.

Примерно в 21-30 перед "Боевыми листками", плакатами и лозунгами, расклеенными на стеклянных стенах первого этажа, появился Зюганов и принялся рассматривать их. Затем он прошел к пункту питания и оказания мед.помощи "Трудовой России", где собирались добровольные денежные пожертвования на продукты и медикаменты для защитников ДС. Поздоровавшись с дежурившими там двумя активистками, он поинтересовался делами, а затем изъявил желание сделать денежный взнос. Одна из женщин протянула в его сторону прозрачный полиэтиленовый мешок с деньгами и Зюганов, достав из бумажника купюру и опустив ее в мешок, дважды произнес, что он дает 500 рублей (неденоминированных). Многих покорило такое поведение лидера КПРФ. Так ли уж необходимо было объявлять во всеуслышание о размерах оказываемого благодеяния?

После этого ему стали задавать различные вопросы, в частности, о целесообразности компромисса "с Ельциным и его "бандой". Зюганов отвечал обтекаемо, но основное содержание сводилось к тому, что компромисс возможен, но лишь в том случае, если он позволит предотвратить развязывание гражданской войны в России. В целом же, содержание ответов мало чем отличалось от его же выступлений с балкона ДС в предыдущие дни.

Примерно в 22-00 в районе 20-го подъезда появились Анпилов и Уражцев, которых тут же окружили люди. Уражцев рассказал о вылазках, которые он с Анпиловым и группой добровольцев из 40-50 человек совершили днем в субботу и в воскресенье на Новый Арбат, ведя там пропагандистскую работу, т.е. раздавали прохожим плакаты, листовки и т.п. Эти вылазки, по его словам, были необходимы для прорыва информационной блокады, доведения до сведения москвичей решений ВС и Съезда и для ознакомления с обстановкой вокруг "Белого дома". Судя по его ответам, им в этой деятельности никто не мешал и даже новоарбатские лавочники с интересом выслушивали их сообщения.

В эту же ночь многие защитники столкнулись с проблемой обогрева, поскольку все деревяшки, валявшиеся на прилегающей к ДС территории и в близлежащих дворах, уже сгорели в кострах. Поэтому пришлось расширить зону поиска.

В одном из котлованов на ремонтировавшейся теплотрассе на Конюшковской улице защитники обнаружили четыре подходящих доски и принялись вытаскивать их оттуда. В этот момент мимо проходил полковник внутренних войск и, заметив беспорядок, со строгостью в голосе поинтересовался, а не опалубку ли они разбирают, нанося тем самым вред городским службам. И хотя его уверили, что это не так, он со злостью произнес: "От вас всего можно ожидать" и удалился вместе с каким-то "штатским" в сторону гостиницы "Мир" ("от вас", судя по его кивку головой в сторону баррикад, означало - "от всех защитников ВС").

К другим кострам мужики подвозили, на непонятно откуда взявшихся тележках, широкие и длинные "сороковки". Оказалось, что доски они брали на стадионе, но с разрешения сторожа. Обеспечив себя горючим материалом, защитники рассредоточились вокруг костров и вновь потекли ставшие уже привычными беседы. Возле огня долго не засиживались, уступая место тем (все также "по умолчанию"), кто стоял во втором-третьем рядах и успел продрогнуть.

В начале первой ночи неожиданно для всех заработали громкоговорители, установленные на балконе ДС. Генерал Ачалов, находившийся внутри здания, сообщил, что, по поступившим к ним сведениям, Ельциным и его командой принято решение об "очистке" территории перед ДС от собравшихся там защитников и о штурме самого здания ДС силами ОМОНа - ориентировочно между тремя и четырьмя часами утра. Затем он предложил покинуть территорию пожилым людям, женщинам и всем, кто этого пожелает. Остающихся он призвал к бдительности.

Все вокруг зашевелились, однако на выход направились лишь единицы, в основном женщины. Стали обсуждать услышанное, прекрасно понимая, что в случае штурма мало кто уйдет отсюда невредимым: либо убьют, либо ранят (искалечат), либо арестуют, а значит - избыют. Отходить было некуда, поскольку весь периметр вокруг территории, прилегающей к ДС, еще с вечера был оцеплен "дзержинцами", милицией, а кое-где - омоновцами. Лишь со стороны Девятинского переулка никого не было видно, в связи с чем последовали предположения, что штурм начнется именно с этого направления, и что не зря оттуда убрали "дзержинцев" и штабной автобус.

Никто не храбрился, прекрасно понимая, какой опасности они подвергаются, но реагировали на нее по-разному. Одни возбудились и стали много говорить. Другие, наоборот - ушли в себя и молчали, лишь изредка подавая реплики. Люди чаще обычного отходили в кусты к сетчатому забору стадиона, пространство вдоль которого стихийно превратилось в "общественный туалет" еще в предыдущие ночи.

Защитники начали "вооружаться": те кто находился непосредственно на баррикадах (отряды ополченцев) - вытаскивали из под разного хлама заранее приготовленные обрезки из арматуры и металлических труб, "зажигательные бутылки".

Вольные же стрелки, не приписанные ни к одному из отрядов - принялись мастерить дубинки из досок и искать что-либо металлическое. Остальные принялись собирать камни, кирпичи, куски асфальта и штукатурки. Огнестрельного оружия ни у кого не было.

Примерно в час ночи на всей территории вокруг ДС отключили наружное освещение (в самом Доме электричество отключили вечером в пятницу, но некоторые помещения освещались от аварийного движка). Фонари горели лишь на Конюшковской улице. Во дворе все погрузилось в темноту. Видны были только костры и силуэты людей возле них. Наступило тревожное ожидание чего-то неизвестного, однако сидеть в полной темноте пришлось недолго - свет включили через 4-5 минут. Люди стали гадать - что бы это значило? – и порешили, что МВДшники проверяли рубильники на отключение, чтобы знать, какой из них дергать перед началом штурма, дабы не ошибиться. Вскоре с Девятинского переулка пришли "лазутчики" и сообщили, что где-то там во дворах они якобы видели на грузовых машинах прожекторы, которые, скорее всего, предназначались для ослепления защитников ДС во время штурма.

Во втором часу ночи, уже после того как было включено наружное освещение, по громкоговорителям объявили о построении добровольческого мотострелкового полка. Бойцы построились перед балконом, на который вышли Макашов и еще какие-то люди. Полк - это громко сказано, так как реальная численность построившихся тянула примерно на 550-600 человек. Вооружения никакого. Лишь у кадровых офицеров, командовавших взводами-ротами, были автоматы. После небольшого напутствия и постановки задачи подразделения полка направились в скверики вокруг здания ВС. Вскоре прошел слух, что Руцкой и с ним 30 офицеров, вооружившись автоматами, залегли на лестнице у набережной.

Некоторое время спустя у мегафонов "Трудовой России" появился Анпилов и попросил всех женщин подойти к нему. Из разных углов к площадке с мегафонами потянулись женщины (в основном в возрасте от 40 лет и старше). Выстроились. Их оказалось всего 120-130 человек. Анпилов дал им задание разбиться на десятки, чтобы перед началом штурма выйти за баррикады навстречу омонцам и уговаривать их - криком, плачем - не идти на безоружных людей, ну а если те все-таки пойдут на штурм, то не вмешиваться в драку и оказывать помощь раненым. После того как отпустили женщин, пригласили к мегафонам владельцев собак со своими питомцами (четыре пса) и стали записывать на магнитофон собачий лай, чтобы в случае штурма оказать психологическое воздействие на омонцев, но запись получилась некачественной.

В три часа ночи неожиданно включили трансляцию из зала - депутаты решили заседать ночью. Видимо им, как и тем кто был во дворе, тоже было не по себе, а выступления отвлекали от нехороших мыслей. Преследовалась, наверное, и другая цель – оказать психологическое давление на силовиков, поскольку в ночной тишине выступления, транслировавшиеся через громкоговорители, были слышны чуть ли не на Садовом кольце.

Разговор у депутатов пошел о нравственности в политике и о целесообразности компромиссов. Большинство выступавших склонялось к тому, чтобы не идти ни на какие компромиссы с командой Ельцина, считая такое поведение безнравственным. Вскоре от костра к костру стала перемещаться группа активистов из трех человек. Они предлагали подписаться под обращением к Съезду, в котором также шла речь о недопустимости компромиссов с ельцинистами. Если же на Съезде будет принято решение о чем-либо подобном, говорилось в нем, то всем защитникам следовало разойтись по домам и никаких депутатов больше не защищать. Люди у костров с легкостью подписывались под этим текстом.

В срок, названный Ачаловым, по Конюшковской улице, до этого пустынной, заездили легковые автомобили (на Девятинский переулок и обратно к Новому Арбату). На баррикадах насторожились. Командиры из Союза офицеров попросили "беспризорные" группы, расположившиеся у костров, подтянуться в тыл баррикадам, выходящим на Конюшковскую улицу, чтобы укрепить оборону. Одна из групп расположилась в тылу баррикады, прикрывавшей проход между забором стадиона и памятником Героям Пресни. К этой группе подошли офицеры и объяснили, как себя вести в случае прорыва омонцев. Главное, говорили они, бить их своими деревянными дубинками по незащищенным местам, в первую очередь по коленкам и по кистям рук, чтобы выбить автомат, а подобрав его, использовать по назначению. Если же придется отступать, то в направлении бывшей приемной ВС и детского парка.

Депутаты на баррикадах не появились, хотя некоторые защитники говорили, что их присутствие здесь (в особенности мужчин) и именно в это время было бы нелишним. После 4-х часов утра движение по Конюшковской вновь прекратилось, а около 6-ти часов, когда уже рассвело, все решили, что, наверное, ничего особенного не произойдет.

В седьмом часу на баррикады пришел полковник Алкснис и рассказал защитникам, что в воскресенье Ельцин вызвал к себе Лужкова и потребовал освободить территорию и здание ВС к понедельнику. Лужков пообещал выполнить указание силами ОМОН, даже через горы трупов, и предложил Ельцину прибыть к 11-00 к "Белому дому" принимать "работу". Якобы соответствующее указание было дано Ерину, тот, в свою очередь, дал устный приказ нижестоящим командирам, но те потребовали письменный приказ, не желая идти под "расстрельную статью". По словам Алксниса, ночью в распоряжение командования МВД (гостиница "Мир") приезжал то ли Филатов, то ли кто-то другой из начальства и уламывал командиров, но те стояли на своем.

Получалось, что штурм не состоялся только из-за отсутствия письменного приказа. Так было или по-другому - трудно судить. Некоторые защитники считали, что путем утечки информации о готовящемся штурме команда Ельцина пыталась оказать давление на депутатов и защитников - может быть те испугаются и уйдут. Если не все, то большая часть. Но не ушли. По настроению людей, оставшихся на ночь, было видно, что они гордятся самими собой, поскольку не поддались чувству страха и не разбежались.

Ближе к семи часам утра на балкон вышли Константинов, Горячева, Павлов, другие депутаты и поблагодарили защитников за стойкость и мужество, проявленные ими "в эту страшную ночь". Заодно они сообщили, что принято решение не идти на компромисс с исполнительной властью. Собравшиеся проскандировали в ответ: "Мо-лод-цы!" После того как депутаты попрощались с защитниками, заговорили мегафоны "Трудовой России". Анпилов предложил направить в штаб обороны ВС делегацию и потребовать от имени защитников выдачи оружия, чтобы в очередной раз, когда возникнет угроза штурма, не стоять на баррикадах с голыми руками против вооруженных до зубов головорезов. Однако вся эта затея завершилась безрезультатно - оружие защитникам не выдали.

Вскоре поступило сообщение, что на Заморенова появился свежий ОМОН, в связи с чем вновь поползли слухи о возможном штурме. Время шло, но никаких признаков подготовки к штурму не замечалось. Во двор свободно пропустили обслуживающий персонал ВС и группу спортивного вида молодых мужчин с большими дорожными сумками, направившихся, в отличие от obsługi, к зданию приемной ВС ("дневная смена" проникала во двор все теми же закоулками). Вскоре пришлось убедиться, что "свежие омовцы" – это вовсе не омовцы, а "дзержинцы", но по-иному экипированные - не в шинелях и сапогах, а в куртках и в ботинках. И бронежилеты у них другие. Судя по виду и поведению, это были вовсе не "салаги". Они стояли и глазели на происходящее, обмениваясь впечатлениями. С ними вели соответствующую работу женщины-агитаторы. Решив, что штурм все-таки не будет, защитники из "ночной смены" стали расходиться.

27 сентября (понедельник; вечер)

В течение дня вокруг ДС ничего особенного не происходило. Вечером, когда уже стемнело, пошел дождь. В начале одиннадцатого на "главной проходной", то есть на Дружинниковской улице, стояло плотное оцепление из "дзержинцев" и милиционеров. Во двор не пропускали. Такое же плотное оцепление было выставлено во всех дворах по ул.Заморенова и даже в Предтеченских переулках, откуда в предыдущие дни удавалось просочиться к ДС.

На ул.Заморенова появились тринадцать бортовых автомобилей и автобусов с военными. Судя по говору и репликам – иногородние омовцы. К этому времени им подвезли горячую еду в термосах и вокруг машин стояла суeta, гремели солдатские котелки, раздавалась матерная брань. От некоторых омовцев разило спиртным.

А на "главной проходной" людей вроде бы и не пропускали, но они каким-то образом просачивались вдоль стены жилого дома в сторону ДС. Оказалось все просто. Майор в милицейской форме ходил вдоль барьеров и громко объявлял, что проход закрыт, а подчиненный ему сержант пропускал практически всех, кто подходил к темному углу возле пятиэтажки и при этом заговорщически предупреждал: "Не все сразу. Проходит один человек с интервалом в одну минуту". Но интервал этот, естественно, не соблюдался - проходили чаще, а майор и другие милиционеры, стоявшие у барьеров, делали вид, что ничего не замечают.

Во дворе было мокро и холодно. Людей на ночь осталось не более 1 тыс. человек. Небольшие костры горели только возле баррикад, под тентами. Большинство защитников пряталось от дождя под балконом или в 8-м и 20-м подъездах и делились новостями. В двенадцатом часу во дворе появились Бондаренко и Нефедов из газеты "День" и люди поинтересовались у них, насколько серьезно запрещение "Дня", сообщение о котором прозвучало вечером по ТВ. Те ответили, что серьезнее не бывает, но это, мол, ничего, так как у них есть возможность печататься, и несмотря ни на какие запреты, газета будет выходить, но с разной периодичностью. Поговорив с защитниками, они направились к Баррикадной.

Ближе к полуночи, неожиданно для всех, силовики сняли оцепление и во двор абсолютно свободно могли пройти все желающие (но таковых к этому времени почти осталось), в связи с чем некоторые защитники предположили, что дело пошло "на поправку".

28 сентября (вторник; день)

С утра все также лил дождь. Ночью, судя по сообщениям радио и ТВ, ничего чрезвычайного не произошло, однако на работе один из сотрудников, проживавший на Пресне, рассказал, что примерно в восьмом часу утра в район "Белого дома" начали стягивать военные и пожарные машины, поливалки, прочую технику, а также автобусы с милицией.

В 11-30 на подходе к стадиону со стороны Баррикадной были видны происшедшие изменения. Поперек Конюшковской улицы (от угла стадиона к углу американского посольства) стояли поливальные машины, а перед ними - "дзержинцы" и омовцы. Между машинами и военнослужащими протянута необычная колючая проволока из нержавеющей стали (как оказалось - "спираль Бруно"). "Главную проходную" также перекрыли поливальными машинами, колючей проволокой и омовцами. Во дворах по ул.Заморонова расположились многочисленные группы милиционеров.

На всех омовцах и милиционерах были надеты каски и бронежилеты, в руках они держали резиновые дубинки, а некоторые - короткоствольные автоматы. За "главной проходной" стояли две пожарные машины с водометами. С пандуса высотного здания было видно, что в районе Калининского моста, у мэрии проходы в сторону ДС перекрыты подобным же образом. Некоторые из очевидцев говорили, что аналогичное оцепление установлено на набережной, по Глубокому переулку и на Рочдельской улице. В сторону ВС никого не пропускали. Только выпускали. Жители прилегающих к ВС домов проходили по паспортам, а работники предприятий и контор, расположенных внутри кольца - по служебным удостоверениям.

Перед оцеплением у "главной проходной" шел стихийный митинг (не более 500 человек). Трибуной служил перевернутый контейнер для мусора. В это время с него выступал Алкснис, который говорил о нарушении конституционных прав граждан и

депутатов и призывал собирать побольше людей, чтобы своим присутствием оказать моральное давление на личный состав милиции и ОМОНа, блокировавших территорию вокруг здания ВС. Затем он зачитал телеграмму от собрания офицеров Северного флота, поддержавших решения Верховного Совета и Съезда (эту же телеграмму зачитывали два дня назад с балкона).

Несколько в стороне от толпы, укрывшись от дождя под деревьями, стояли депутаты ВС, не сумевшие проникнуть в "Белый дом" до начала блокады (примерно 90 человек). Они собирали подписи под обращением к исполнительной власти, в котором требовали от нее соблюдения основных гражданских прав и обеспечения допуска депутатов на заседания Съезда.

28 сентября (вторник; вечер)

Дождь, то усиливаясь, то ослабевая, лил весь день (температура плюс 8 градусов). К 18-00 перед оцеплением на ул.Заморенова собрались около 10 тыс. человек. Люди возмущались установленной властями блокадой "Белого дома", но больше всего их раздражала колючая проволока. Слышались возгласы: "Негодяи! Устроили концлагерь в центре Москвы". Кто-то вызывал к совести омовцев, а кто-то говорил о бесполезности подобных призывов. Ходили слухи, будто бы омовцы избивают баррикадников во дворах, когда те пытаются выйти за пределы оцепленной территории. По отдельным репликам и замечаниям омовцев было заметно, что настроены они решительно.

О разгоне омовцами манифестантов на Дружинниковской улице и последующем сооружении баррикад на Красной Пресне, пл.Восстания и Новом Арбате пришлось узнать в ТВ-новостях.

В начале одиннадцатого вечера на Красной Пресне гражданских практически не было. Стояла лишь группа из четырех человек - очевидцев случившегося. Из разговоров с ними удалось выяснить, что примерно в 19-00 омовцы, активно используя дубинки, начали вытеснять защитников ДС от "главной проходной", на что с их стороны последовала бурная реакция и они приступили к сооружению баррикад на Красной Пресне. Омовцы погнали их и оттуда, после чего манифестанты ушли к пл.Восстания, а затем на Новый Арбат, где также устраивались завалы и приостанавливалось движение транспорта. Возглавлял взбунтовавшихся защитников депутат Константинов и еще кто-то из депутатов.

Кроме небольшой группы очевидцев, вдоль тротуара, прилегающего к метро "Краснопресненская", стояли "дзержинцы", не пропуская людей в сторону ул.Заморенова. Улицу Красная Пресня у зоопарка все еще перегораживали не баррикады даже, а два завала высотой не выше колен, сооруженные, в основном, из разных металлических предметов, валявшихся до этого возле ремонтировавшейся станции метро "Краснопресненская". Вскоре на Красную Пресню прибыли гаишники и оттащили часть железяк к тротуарам, чтобы восстановить движение транспорта.

Некоторое время спустя по Красной Пресне от станции метро "Улица 1905 года" в направлении ВС прошли "дзержинцы", принимавшие участие в разгоне демонстрантов. С ними вместе ушли "дзержинцы" из оцепления. После их ухода перед зоопарком опять появились люди, которые осторожно "выползли" из боковых улиц, переулков и дворов. Но их было мало - не более 600 человек. Часть из них потихоньку перемещалась к оцеплению на Конюшковскую улицу, а часть - на Дружинниковскую. Подойдя к оцеплению у "главной проходной", они обратились к омовцам с призывами не избивать безоружных людей и не подчиняться приказам исполнительной власти. Некоторые из дам, пытаясь усовестить офицеров, говорили им, что те живут за счет налогов трудового народа и должны защищать его от всяких рэкетиров и воров, а не избивать тех, кто страдает от разгула преступности. Полковник милиции, командовавший омовцами на этом участке (интеллигентная внешность, в очках), выслушав все это, дал команду своим подчиненным вытеснить собравшихся к Красной Пресне. На этот раз обошлось без бития дубинками. Люди отступали по Дружинниковской улице, скандируя: "Фа-шис-ты! Фа-шис-ты!"

В аналогичной ситуации на Конюшковской улице омовцы разогнали толпу с помощью дубинок, разбив при этом голову мужчине средних лет. Увидев это, молодые ребята принялись намеренно дразнить омовцев, подходя к ним на довольно близкое расстояние и обзывая их "фашистами", "подонками", "предателями" и "сволочами", а когда те переходили в атаку, то быстренько разбегались. Так повторилось несколько раз.

В начале двенадцатого ночи из Волкова переулка вышла большая группа трудороссов во главе с Гунько и принялась за восстановление завалов. Движение транспорта опять застопорилось. Из легковых автомобилей, преимущественно из иномарок, в их адрес понеслись проклятия и угрозы. Через несколько минут против защитников в очередной раз бросили ОМОН, который погнал людей к станциям метро "Улица 1905 года" и "Баррикадная".

Спустя некоторое время часть людей вернулась на Красную Пресню. Возле "Баррикадной" они помогли усадить в "скорую помощь" двух мужчин примерно 60-летнего возраста, избитых в кровь омовцами. На эскалаторе станции метро "Баррикадная" многие светильники были разбиты, валялись осколки стекол. Дежурная по эскалатору рассказала, что в двенадцатом часу озверелые омовцы загоняли людей с улицы в метро и преследовали их даже на эскалаторе, побив при этом светильники дубинками и щитами.

Ближе к пл.Восстания, повыше Института усовершенствования врачей, стояли два троллейбуса со спущенными скатами и разбитыми в некоторых местах стеклами. На тротуаре и возле бордюра валялось много битой облицовочной плитки, бидоны с краской, урны и всякий строительный мусор. Все это, видимо в спешке, сгребли с мостовой Садового кольца милиционеры. Офицер ГАИ рассказывал владельцу иномарки, что в девятом часу вечера сюда пришла большая группа демонстрантов с Красной Пресни и перегородила Садовое кольцо, но потом они вынуждены были уйти, преследуемые

омоновцами, в сторону Нового Арбата, а при разборе завалов пострадал офицер милиции (на следующий день сообщили, что этот милиционер скончался).

В начале первого ночи на Красной Пресне осталось не более 50-60 человек. Парень лет 25-26 предлагал поехать в училище имени Верховного Совета поднимать курсантов на защиту парламента. Его отговаривали от этой затеи, считая ее нереальной, но он все-таки отправился туда с небольшой группой энтузиастов. Остальные разошлись по домам.

29 сентября (среда; вечер)

Блокада территории вокруг Дома Советов продолжалась. Днем дождь прекратился, но было сыро и холодно, около 5-ти градусов. В седьмом часу вечера на Баррикадной собрались защитники (не более 3.5 тыс. человек) и перекрыли движение транспорта с Садового кольца на Красную Пресню. У высотного здания кто-то выступал, но его было плохо слышно, хоть и говорил он в мегафон.

Ближе к половине седьмого со стороны зоопарка подъехали три автобуса ПАЗ, из которых вышли омовцы и начали потихоньку теснить собравшихся, но не разгонять. В ответ раздалось скандирование: "Позор!", "Фашисты!", "Подонки!", "Ельцин - убийца".

В это время слово у мегафона взял депутат Аксютин. Сначала он говорил о неконституционности действий исполнительной власти, применившей накануне вечером силу в отношении защитников ВС, а затем перечислил областные Советы, которые не только поддерживали ВС, но и выразили готовность прекратить поставки продовольствия и энергии в Москву, если блокада "Белого дома" будет продолжена. Последнее сообщение манифестанты встретили восторженными криками и аплодисментами.

Вскоре к Баррикадной подъехали еще два автобуса с омовцами. Выйдя из них, они развернулись в цепь, но никаких действий против митингующих не предпринимали. Вечером один из очевидцев рассказал, что в 19-00 омовцы все-таки включились в "дело" и стали разгонять митингующих, часть из которых загнали дубинками в метро, а остальных вытеснили на пл.Восстания. После этого несколько сот манифестантов переместились к станции метро "Улица 1905 года", где в очередной раз были избиты ОМОНОм (среди пострадавших оказался Алкснис, который в последующие дни ходил с перебинтованной головой). Оттуда они поехали на Пушкинскую площадь, но и здесь омовцы встретили их дубинками. Все это продолжалось примерно до девяти часов вечера.

В последующие два дня - 30 сентября и 1 октября – цепи омовцев стояли непосредственно у выхода из метро "Баррикадная", а также на противоположной стороне улицы. Собираться группами они не разрешали.

2 октября (суббота)

Накануне вечером на эскалаторе метро ст."Чеховская" активистки из "Трудовой России" призывали приходить в субботу к 12-00 на Советскую площадь, на разрешенный

Моссоветом митинг. К назначенному времени на Советской площади стояли три "Икаруса", возле которых крутились омоновцы в серо-черных пятнистых комбинезонах и в черных беретах, а на Пушкинской площади стояли два "Икаруса" с омоновцами в милицмейской форме. Ни на одной из площадей митингующих не было (потом выяснилось, что активистки перепутали - вместо Смоленской площади назвали Советскую).

Примерно в час дня на Новом Арбате возле кинотеатра "Октябрь" шло представление, организованное московскими властями в честь 500-летия улицы Арбат. На временной сцене плясали и пели участники художественной самодеятельности, а толпа из 2 тыс. человек скучающе глазела на них.

В это же время возле домика Грибоедова у Девятинского переулка перед милицмейским оцеплением собралась небольшая группа сторонников ВС и обсуждала происшедшие на этой неделе события. Собравшиеся пытались также разглядеть, что же происходит внизу у Горбатого моста, но ничего кроме развевавшегося над баррикадами красного флага им рассмотреть не удалось. Никто из этой группы не придавал особого значения большой автомобильной пробке, возникшей вдалеке, у Смоленской площади. На Баррикадной, как и в предыдущие четыре дня, все проходы в сторону ДС перекрывали цепи омоновцев и "дзержинцев".

Ближе к четырем часам дня радиостанция "Эхо Москвы" передала сообщение своего корреспондента из района Смоленской площади о сооружаемых там баррикадах, пожарах и стычках между омоновцами и манифестантами. В 16-50 от Девятинского переулка хорошо просматривался район Смоленской площади, где было перекрыто движение транспорта, а над заграждением поднимался черный дым. На пересечении Нового Арбата с Садовым кольцом стояли цепи омоновцев и курсантов милиции в касках, со щитами и дубинками и никого не пропускали в сторону Смоленской площади.

Возле ресторана "Арбат" шел стихийный митинг (в 17-00 не более 500 человек). С парапета подземного перехода выступил депутат Аксютин, сообщивший, что в сквере на Смоленской площади в 12-00 начался митинг, разрешенный Моссоветом (по его словам, собралось около 5 тыс. человек), однако через 30 минут после начала появились омоновцы, которые рассекали толпу собравшихся, оттеснив без применения дубинок большую ее часть через Бородинский мост к Киевскому вокзалу, а оставшихся на Смоленской площади прижали к левой стороне здания МИДа и принялись избивать. В ответ на эти действия люди расхватывали арматуру от соорудившейся между МИДом и гастрономом временной сцены и стали колотить ими омоновцев. Во время стычки раздались выстрелы из пистолетов со стороны омоновцев, в результате чего был убит пожилой инвалид. Затем толпа перекрыла движение по Садовому кольцу и начала сооружать баррикады.

В заключение Аксютин заявил, что у оппозиции мало сил и призвал собравшихся оказывать моральное сопротивление режиму, который стремится расчленить Россию.

Во время его выступления некоторые из хорошо "упакованных" гуляк с Нового Арбата подходили к цепи омоновцев и говорили им: "Да разгоните вы этих красно-коричневых". В ответ те криво ухмылялись и что-то бормотали о скором возмездии.

В 17-15 Старый Арбат был заполнен фланирующей публикой, как будто под боком ничего особенного и не происходило. Смоленскую площадь в двух местах перегораживали баррикады, сооруженные из различного строительного хлама (включая металлический забор с деревянным основанием, огораживавший до этого котлован для будущего "Смоленского пассажа"). Одна баррикада пересекала Садовое кольцо у Арбата, а вторая - у выхода со станции метро "Смоленская". Перед баррикадами (на удалении 50-70 метров от них) стояли цепи омоновцев. Над баррикадой, расположенной ближе к Арбату, развевались три "имперских" флага и один андреевский, а также транспарант с надписью: "Мы русские! С нами Бог!". Над другой баррикадой возвышался красный флаг. Баррикадники жгли деревянные ящики, забор с котлована и автопокрышки, от которых и поднимался черный дым столбом.

Перед баррикадами и на территории между ними бродили не более 7 тыс. человек. Причем лишь 50% из них, судя по одежде и разговорам, могли быть отнесены к защитникам ВС. Остальные же пришли с Арбата, чтобы поглазеть в этот теплый субботний вечер на невиданное зрелище (ясно, около 12 градусов). Среди празднующей публики было много таких, кто не стеснясь, в открытую ругал "красно-коричневых", в особенности - коммунистов, но до стычек с баррикадниками дело не доходило.

Ни один из 20-ти торговых ларьков, находившихся в зоне баррикад, не был поврежден или разграблен, хотя продавцы разбежались. Остались целыми витрины гастронома и других магазинов на Смоленской площади. В один из табачных киосков, в котором не было продавца, а дверь открыта, входили баррикадники, брали сигареты и оставляли на прилавке деньги - столько, сколько стоила та или иная пачка. Единичные попытки взять сигареты "на халяву" пресекались самими же баррикадниками.

На временной сцене, сооруженной на пересечении Арбата с Садовым кольцом, перед собравшимися выступили Маляров, Уражцев, Якушев, Скурлатов и другие. Все они осуждали правящий режим, призывали к стойкости и мужеству. Здесь же мелькал бородатый Константинов. За сценой, на тротуаре со стороны Арбата, прилегающем к МИДУ, виднелось пятно крови в обрамлении цветов, рядом горела свечка. Люди говорили, что именно на этом месте омоновцы забили насмерть старика-инвалида, однако один мужчина утверждал, что старик был еще жив, когда он помогал укладывать его в "скорую помощь".

Несколько в стороне от митингующих некоторые из защитников, делясь впечатлениями о сегодняшних событиях, говорили, что "в Москве мы проиграли, нас мало; если бы нас было в 4-5 раз больше, то было бы совсем другое дело". Другие вспоминали, как они "дали жару этим пятнистым омоновцам", избивая их трубами, и с каким испугом те убегали от них по Садовому кольцу. Анпиловки пели под гармонь

старые советские песни. Недалеко от них группа мужчин предлагала усилить баррикады за счет двух трейлеров, стоявших в глубине квартала возле котлована. Стали думать и гадать, как бы их сдвинуть с места, не взламывая дверцы кабин. В конце концов кто-то призвал не впутываться в дурное дело и трейлеры оставили в покое. В 18-40 прошел слух, что на Смоленскую направляются бульдозеры для растаскивания баррикад и защитники стали заливать бензин в бутылки, готовя зажигательные "бомбы", но бульдозеры вечером так и не появились.

В восьмом часу, когда уже стемнело, люди замахали руками и флагами, обернувшись в сторону здания ВС, верхняя часть которого виднелась между домами. Башенка с флагом была ярко освещена электрическим светом (кто-то сказал, что электричество и телефонная связь были подключены к зданию ВС днем). На площадке под башенкой виднелись фигурки людей. Видимо депутаты поднялись туда, чтобы хоть издали разглядеть, что же происходит на Смоленской площади.

В вечерних ТВ-новостях показали начало митинга на Смоленке, пылающие баррикады и момент стычки, когда митингующие применили против омоновцев трубы и арматуру от сцены, а те, в свою очередь, выхватив пистолеты, пытались остановить толпу. Судя по "спецодежде", это были омоновцы, которые в 12-00 находились на Советской площади.

В десятом часу на баррикадах почти никого не было. Вокруг да около бродили не более 1.5 тыс. человек, в основном зеваки с Арбата. В 22-25 омоновцы, стоявшие перед баррикадами напротив метро, погрузились в два "Икаруса" и в автобус ПАЗ и уехали в сторону Нового Арбата (ПАЗик был с владимирским номером, как и "жигуленок", в котором уехали командиры этого отряда). Некоторое время спустя уехали на "Икарусах" омоновцы, стоявшие перед баррикадами у МИДа. Кто-то из мальчишек, носившихся здесь же, сообщил, что слышал по рации у одного из милиционеров разговор о том, что операция по ликвидации баррикад начнется после закрытия метро.

Вскоре появился депутат Уражцев и его тут же окружила группа из 25-30 человек. Он рассказал собравшимся о достигнутой между ГУВД и Моссоветом договоренности по освобождению Смоленской площади от баррикадников и отводе отрядов ОМОН в места дислокации. Как объяснял Уражцев, охранять баррикады не имело смысла, так как к утру, исходя из опыта, остается не более 1 тыс. человек, с которыми ОМОН может очень легко справиться.

Отвечая на вопрос о целесообразности союза между патриотами и коммунистами, он подчеркнул, что не является коммунистом, но блок с ними в настоящее время необходим для организации сопротивления и последующего сброса антинародного режима. Напоследок Уражцев бодрым тоном заявил, что Ельцину осталось сидеть у власти считанные дни, так как "пошел откат от него его же сторонников".

В начале двенадцатого со Смоленской стали расходиться последние из остававшихся там баррикадников.

3 октября (воскресенье)

На этот день "Трудовая Россия" еще месяц назад назначила "Всенародное Вече": в 14-00, на Октябрьской площади (четвертое по счету, начиная с 17 марта 1992 года).

В 12-00 на Баррикадной все было без изменений: оцепление "дзержинцев" и омоновцев в милицмейской форме преграждало проход в сторону ВС. Митингующих не видно. Погода чудесная: тепло, 14 градусов, ясное небо. Один из очевидцев рассказал о вчерашнем митинге и стычке с омоновцами на Смоленской площади. По его словам, омоновцы стреляли из пистолетов не боевыми, а холостыми и газовыми патронами.

К половине первого на Советскую площадь, где, по некоторым сведениям, организаторы "Веча" предлагали собраться желающим и оттуда двигаться колонной на Октябрьскую площадь, пришло не более 60 человек. Там же стояли два "Икаруса" с "пятнистыми" омоновцами, которые накануне стреляли в митингующих на Смоленке. Люди попытались усюветить их, говоря о недопустимости насилия по отношению к мирным демонстрантам и об антинародной сущности нынешнего режима, однако из автобуса раздался резкий командирский голос, призвавший бойцов зайти в салон и "не слушать эту пропаганду".

Примерно в это же время мимо проходила хорошо одетая дама лет 60 и поинтересовалась, не "хасбулатовцы" ли собираются здесь митинговать. Получив утвердительный ответ, она в повышенном тоне заявила, что ежели митингующие будут стоять под их окнами, и указала на жилой дом, где раньше располагался магазин "Академкнига", то "мы вас, негодяев, будем обливать кипятком". Тут же в ее адрес зазвучали реплики: "Иди, иди отсюда, жидовка!", "Ишь, старая проститутка!" и что-то еще в этом роде. Когда после этого один из пикетчиков крикнул омоновцам в автобус, чтобы они не избивали сегодня бабушек, в ответ раздался отборнейший мат.

В начале второго на участке Садового кольца от станции метро "Парк культуры" до станции "Октябрьская" никаких скоплений омоновцев или "дзержинцев" не наблюдалось. Зато на Октябрьской площади к памятнику Ленина, возле которого обычно митинговали сторонники оппозиции, никого не пропускали. Цепи омоновцев и городской милиции стояли почти по всему периметру площади, но движение транспорта по Ленинскому проспекту пока не перекрывали. Люди, выходявшие из метро, скапливались на тротуарах по обеим сторонам проспекта: к 13-40 их было примерно 7 тыс. человек, но народ интенсивно прибывал.

В 13-50 к манифестантам, стоявшим на четной стороне Ленинского проспекта, в самом его начале, подошел депутат Константинов и предложил пройти по тротуару в сторону 1-й Градской больницы до первого перекрестка, где, по его словам, должен был состояться митинг. Люди потопали в указанном направлении, а дойдя до больницы, услышали призывы остановиться. Обернувшись, все увидели "разбухавшую" толпу в районе Октябрьской площади. Вскоре по цепочке передали, чтобы ушедшие вперед возвращались назад. Пока шли обратно, толпа перекрыла движение транспорта в самом начале проспекта и выплеснулась на площадь.

В 14-15 омовцы в милицейской форме отсекали напротив Шаболовки тех, кто возвращался от больницы, поэтому некоторым из них пришлось выходить на Октябрьскую площадь дворами и боковыми проездами. Выйдя на площадь, они увидели, что большая часть демонстрантов - примерно 10-12 тыс. из 16-17 тыс. человек, собравшихся к тому времени - уже ушла в сторону Крымского моста, продавив без особых усилий цепи омовцев, перекрывавших путь на Садовое кольцо.

На Крымском мосту блестели щиты, но никаких тяжелых грузовиков, как 1-го мая, не было видно. На Октябрьской площади остались 4-5 тыс. манифестантов. Кто-то выступал перед мегафоном, с площади доносились призывы не идти в сторону Крымского моста, поскольку через него все равно не пропустят, а ушедшим придется возвращаться обратно. Однако, судя по движению колонны, возвращаться назад никто не собирался. (Возле Дома художника, как обычно в выходные дни, шла торговля картинами и продавцы с покупателями практически не отреагировали на массовое шествие).

Примерно в 14-40 передовые шеренги демонстрантов, уже достигшие моста, вступили в рукопашную схватку с "дзержинцами" и подпиравшими их омовцами. Беспорядочно задвигались щиты, над головами замелькали дубинки, слышались крики и свист. Схватка продолжалась 1-2 минуты, после чего щиты сдвинулись к лестницам и сползли вниз к набережной. Голова колонны быстро рванула вперед и тут же с середины моста послышалась пистолетная пальба (всего 20 одиночных выстрелов) и глухие хлопки. Судя по остаткам запаха, это омовцы, отступая к эстакаде, стреляли газовыми патронами и бросали химические шашки (взрывпакеты).

Люди, шедшие впереди, оборачивались и призывали отставших быстрее подтягиваться к колонне. С Октябрьской площади "горохом" сыпалось подкрепление. В самом начале моста, по его правой стороне женщины перевязывали бинтом окровавленную голову молодому мужчине лет 28-30. Тот объяснял, что его задел щитом. Раздались возгласы: "Убийцы!", "Фашисты!". На набережной скопилось примерно рота "дзержинцев". Некоторые из них, сидя на бордюрном камне, мотали головами из стороны в сторону: то ли им досталось от демонстрантов, то ли они обсуждали случившееся. Часть демонстрантов, перегнувшись через перила, скандировала в их сторону: "Позор! Позор!". Кто-то говорил, что во главе колонны идут депутаты Уражцев и Константинов, а также руководитель РПК Крючков.

Выскочив к эстакаде, отставшие группы манифестантов увидели, что голова колонны - 3-4 тыс. человек - уже приближается к зданию пресс-центра МИД, в то время как остальные догоняли их, рассыпавшись по всему пространству Зубовского бульвара и далее по мосту и Крымскому валу (расстояние между отдельно идущими и бегущими демонстрантами составляло в среднем 15-20 шагов). От ушедших вперед постоянно неслись призывы: "Быстрее!", "Догоняйте!", "Не отставайте!", "Подтягивайтесь!".

Возле станции метро "Парк культуры" шла обычная торговля, все ларьки в этом месте были целы и невредимы. Некоторые пассажиры, выходявшие из метро, присоединялись к демонстрантам. На углу возле Провиантских складов стоял "Икарус" с

омоновцами, а ближе к середине мостовой - брошенный ими же ЛиАЗ с разбитыми фарами. На Zubовской площади в переулке рядом с телефонной станцией расположился чуть ли не батальон омовцев со щитами, дубинками и в касках, но никаких попыток по пресечению движения демонстрантов они не предпринимали.

В 15-04, когда голова колонны вышла к высотному зданию на Смоленской площади, опять раздались крики и свист, слышались глухие удары, грохот щитов, одиночные выстрелы газовыми патронами (всего 21 выстрел) и хлопки взрывпакетов. В 15-06 примерно с того места, где накануне располагались баррикады, поверх толпы забила струя из водомета, но буквально через 15-20 секунд "обливание" прекратилось, так как демонстранты прорвали цепи "дзержинцев" и омовцев. В это же время от места стычки у МИДа в сторону Zubовской площади промчался бортовой ЗИЛ-131 с пустым кузовом и опознавательным знаком "дзержинцев". Все стекла в кабине были выбиты, за рулем сидел водитель в милицйской форме с испуганным выражением лица.

После прорыва очередного заслона голова колонны стремительно проследовала к Новому Арбату и свернула налево, в сторону мэрии и Дома Советов (в разных местах над колонной возвышались три красных флага и один "имперский").

В 15-10 перед гастрономом парень в гражданской одежде отгонял в сторону пожарную машину с разбитыми стеклами и помятым капотом, еще одна пожарная машина стояла возле тротуара. Задержавшиеся на Смоленской площади манифестанты радовались тому, что им удалось прорвать цепи "дзержинцев" и омовцев и отбить у них два бортовых ЗИЛ-131. В эти автомобили набились люди и поехали к "Белому дому". Возле разбитой машины лежал без сознания молодой "дзержинец", окруженный группой манифестантов, которые беспрестанно призывали подойти к пострадавшему врача, если таковой находится в толпе. На призыв откликнулся мужчина лет 35. Он сначала прослушал "дзержинца", а затем профессиональными движениями стал делать ему массаж сердца.

Примерно в это же время в 50-60 метрах от тоннеля демонстранты окружили автобус ЛАЗ, в который забились, спасаясь от толпы, 18 омовцев в касках, со щитами и дубинками. Несколько стекол в автобусе были выбиты. Омовцы сгруппировались в проходе посередине автобуса, боясь приблизиться к окнам. Лица у них были перепуганные, на некоторых виднелись кровоподтеки. Манифестанты хоть и обзывали омовцев "фашистами" и "подонками", все-таки призывали друг друга не бить их и отпустить по домам, предварительно отобрав щиты и дубинки. Но были и такие (похожие на психопатов), кто призывал бить милицию и даже поджечь автобус. Чтобы не допустить "линчевания" омовцев, депутат Головин из фракции "Смена - Новая политика" организовал живую цепь вокруг автобуса и страсти несколько улеглись.

Перед въездом в тоннель стояли два разбитых ГАЗ-66. Там же демонстранты захватили в качестве "трофеев" еще три бортовых ЗИЛ-131. В кабины уселись молодые парни, завели машины и погнали их в направлении "Белого дома". С места пересечения Нового Арбата с Садовым кольцом было видно, что голова колонны уже подошла к

зданию мэрии (СЭВ) и растеклась по всему пространству перед мостом и поливалками, преграждавшими путь к зданию Верховного Совета.

В 15-28 оттуда раздались сначала одиночные выстрелы и глухие хлопки, а затем - автоматные очереди. Стрельба продолжалась в течение 1-1.5 минут. По улице распространился запах газа и пороха. Многие демонстранты достали носовые платки и приложили их к лицам. Отставшие группы манифестантов, находившиеся между Садовым кольцом и мэрией, увидели, как при выстрелах очередями толпа сложилась "веером" от мэрии к жилому дому на противоположной стороне улицы, а часть демонстрантов бросилась врассыпную к Садовому кольцу. Одни кричали, что стреляют боевыми патронами и есть раненые, а другие призывали не бояться и проходить вперед, так как стрельба ведется холостыми и газовыми патронами.

После того как стрельба прекратилась, манифестанты вновь приблизились к линии поливалок, перед которыми была разложена "спираль Бруно" и принялись "утрамбовывать" ее подручными средствами (милиейскими щитами и дубинками, деревянными палками и металлическими предметами). В некоторых местах спираль перерубили и растащили, чтобы остальные смогли вплотную подойти к поливалкам. Омоновцы, стоявшие в плотном оцеплении на мосту и слева от него, а также "дзержинцы", выстроившиеся под пандусом мэрии, ни во что не вмешивались.

В 15-32 часть демонстрантов перелезла через поливалки, а остальные, дождавшись момента, когда из заграждения выдернули первую машину, хлынули в освободившееся пространство и направились по ближайшему пандусу ДС во двор. Тут же раздались призывы к водителям, имевшим ключи зажигания от ЗИЛ-130, подойти и отогнать поливалки в сторону, чтобы расширить проход. Когда одна из таких отогнанных машин приблизилась к оцеплению на мосту, к ней кинулись несколько омоновцев, открыли дверцу, вытащили водителя из кабины и начали его избивать. Лишь увидев большую группу демонстрантов, бросившихся к нему на выручку, омоновцы оставили водителя в покое и вернулись в цепь.

С начала столкновения манифестантов с "дзержинцами" на Крымском мосту до полного прорыва блокады возле мэрии прошло всего лишь 50 минут.

После разблокирования Конюшковской улицы к бортовым машинам ЗИЛ-131, стоявшим перед въездом на пандус мэрии, бросились парни лет 23-25, завели их и стали гонять по свободному пространству. В тот момент некоторым манифестантам показалось, что внешний облик и поведение этих парней, а также водителей, отгонявших машины со Смоленской площади, не соответствуют внешнему облику и поведению защитников ДС. На их замечания о возможном присутствии "подсадных уток" среди манифестантов многие отреагировали известным жестом - покрутили пальцем у виска.

Люди от души радовались удавшемуся прорыву. В окнах ДС, обращенных в сторону мэрии, их приветствовали депутаты и сотрудники Верховного Совета, а также милиционеры из внутренней охраны. В ответ слышались крики и скандирование: "Победа!", "Мы победили!", "Банду Ельцина под суд!", "Вся власть Советам!".

Демонстранты заполняли двор в течение 10-12 минут. К одной из групп прорвавшихся подошли "блокадники" и сказали, что они ждали прорыва накануне, во время событий на Смоленской площади, и сегодня, наконец-то, дождались.

В 15-45, когда почти весь балкон заполнили депутаты, к микрофону подошел Руцкой, перед которым охрана выставила пуленепробиваемые щиты. Собравшиеся бурно приветствовали и.о. президента, выступавшего не более пяти минут. Сказав, что сотни тысяч москвичей вышли сегодня на улицы поддержать ВС и что следует развивать достигнутый успех, для чего необходимо взять штурмом мэрию и ТВ-Останкино, он призвал молодых и всех боеспособных мужчин сформировать новые отряды народного ополчения, чтобы выполнить поставленную задачу. Подавляющее большинство восприняло призыв Руцкого с огромным энтузиазмом, раздавались крики идти штурмовать не только мэрию и "Останкино", но и Кремль.

Услышав Руцкого и увидев реакцию митингующих на его выступление, некоторые участники прорыва, стоявшие по краям толпы, воскликнули: "Это - конец!" (прозвучали и более сильные выражения), поскольку с самого начала "стояния" было ясно, что сила защитников, учитывая их малочисленность, не в беготне по московским улицам, а в стойкости и выдержке. Призыв Руцкого лишил их выдержки.

В это время возле ДС находилось 20-22 тыс. человек. Еще около 5 тыс. человек бесцельно слонялись перед мостом и возле мэрии. Никаких "сотен тысяч москвичей" не было и в помине ни возле ДС, ни на Садовом кольце. В сторону ДС направлялись небольшие группы людей с Нового Арбата, прослышавшие о пальбе и прорыве блокады. На Смоленской площади отставшие демонстранты и зеваки с Арбата, собравшись группами (всего не более 2 тыс. человек), обсуждали события последних часов, а некоторые помогали гаишникам отгонять с проезжей части разбитые автомобили и автобусы.

В 16-05 по рации одного из оперативников, отслеживавших ситуацию в районе пересечения Садового кольца с Новым Арбатом, прозвучало: "Митинговавшие на Калужской площади снялись отсюда и следуют в направлении "Белого дома". (Когда основная колонна уходила с Октябрьской площади, там оставалось примерно 4 тыс. человек). Получив сообщение, оперативник быстро отошел к стоявшей у тротуара легковой машине и что-то сказал сидевшим в ней людям, после чего машина развернулась и уехала в сторону площади Восстания.

В 16-08 вновь слышались автоматные очереди со стороны мэрии. Стрельба длилась недолго - секунд 20-30. По лестнице и пандусу мэрии бежали безоружные люди. Говорили, что стреляли боевики Макашова и кто-то из мэрии. Затем слышались крики, свист и выстрелы очередями со стороны Девятинского переулка и гостиницы "Мир". В заднем дворе мэрии со стороны проулка, соединяющего Новый Арбат с Девятинским переулком, скопились офицеры в милицеской форме и в форме войск МВД, а также люди в гражданской одежде (всего 25-30 человек). Опять слышались выстрелы со стороны пандуса и звон стекол. От гостиницы "Мир" к зданию мэрии по крыше крытой

галереи пробежали два офицера внутренних войск и один гражданский и в панике спустились во дворик по пожарной лестнице.

С 16-15 начался массовый "исход" омовцев и "дзержинцев" в сторону Нового Арбата и в проулок через стены-окна первого этажа мэрии. Стекла выдавливались щитами и выламывались дубинками, безжалостно обрывались жалюзи. Все это делалось в большой спешке и бегство завершилось в течение 5-7 минут. На лицах отступавших читался испуг. Оружие было лишь у некоторых офицеров. Один из них смешно упал на пригорке, выронив из рук автомат, который сполз по траве чуть ли не к ногам манифестантов, но они не стали подбирать его, предоставив возможность милиционеру офицеру забрать автомат и убежать в сторону Садового кольца.

Туда же, в направлении Садового кольца, поминутно озираясь на здание мэрии, спешно отступили большие группы омовцев и "дзержинцев". Манифестанты были настроены по отношению к бойцам вполне благожелательно и кричали им: "Ребята! Мы вас не тронем. Расходитесь по домам". Лишь пацаны, вертевшиеся на этом пятачке, да несколько оголтелых теток и мужиков сопровождали их отступление оскорбительными выкриками и свистом.

Буквально через минуту после отхода омовцев и "дзержинцев" через разбитые окна мэрии на улицу выскочили четверо "баркашовцев", одетые в камуфляжную форму и в реквизированные у "дзержинцев" пуленепробиваемые жилеты. На головах у них были каски, а в руках - дубинки. Выбежав на улицу, они заметались, высматривая подразделения, оборонявшие мэрию, и убедившись, что те отступили за Садовое кольцо, возвратились назад.

В 16-24 от Садового кольца в направлении "Белого дома" прошла группа людей (примерно 300 чел.) с палками и дубинками в руках. Судя по доносившимся репликам, это были ополченцы, гнавшие омовцев и "дзержинцев" от гостиницы "Мир" вверх по Деятинскому переулку и возвращавшиеся к "Белому дому" другим путем.

В 16-25, после того как в мэрии окончательно стихла стрельба, туда направилась толпа, стоявшая перед пандусом и мостом. Слышались радостные крики: "Лужкову скоро конец!", "Не будет больше осиногo гнезда". По свободному пространству опять гоняли молодые мужики на отобранных у "дзержинцев" ЗИЛах. Вокруг царила всеобщая неразбериха, люди не знали, что же делать дальше. В 16-35 от Садового кольца к "Белому дому" проследовала колонна "дзержинцев" (примерно 200 человек) - без оружия, во главе с офицером. Демонстранты принялись выяснять, кто они и почему идут к "Белому дому". Узнав, что это подразделение решило перейти на сторону Верховного Совета, люди проскандировали: "Молодцы! Молодцы!" В 16-43 к цепи омовцев, стоявших слева от моста, подошли несколько ополченцев во главе с бородатым казаком Морозовым и предложили омовцам сдавать свои дубинки и щиты и расходиться по домам, поскольку защищать этот прогнивший режим уже не имеет смысла. Однако омовцы никак не отреагировали на призывы агитаторов и остались на своих местах.

Манифестанты все также бесцельно бродили перед мэрией и мостом, ожидая указаний к дальнейшим действиям. Слышались призывы идти в Останкино. С разных сторон доносились взаимные поздравления с победой, а когда кто-либо в ответ на поздравления говорил, что случившееся - это только начало, а основные события еще впереди и о победе говорить рано, и что все может закончиться большой кровью, то их обзывали "скептиками" и "пораженцами".

В 16-44 с флагштока мэрии, установленного на балконе, под аплодисменты и радостные крики собравшихся спустили "власовский" флаг и подняли красный. И тут же на балконе появился генерал Макашов в сопровождении двух здоровых мужиков. На всех троих была надета форма защитного цвета, пуленепробиваемые жилеты и каски. В руках они держали автоматы. Макашов через мегафон обратился к манифестантам, сказав, что власть Ельцина и его банды заканчивается и что "у нас больше не будет ни префектов, ни мэров, ни пэров, ни хэров" (на эту фразу люди отреагировали смехом и криками "Ура!"). Затем он призвал всех присутствовавших вооружаться кто чем может и становиться на защиту Верховного Совета. В ответ вновь раздались бурные аплодисменты, радостные крики и призывы идти в Останкино.

В 16-50 на проезжей части возле мэрии, там, куда выходит стена зала заседаний, появились депутат Константинов и Скурлатов. Люди подходили к ним и спрашивали, что же делать дальше, а Константинов объяснял, что сейчас будут поданы машины для желающих ехать в Останкино. Вскоре подъехали два бортовых ГАЗ-53 и в них забрались мужчины разного возраста (но преобладали, все-таки, молодые). Некоторые держали в руках палки, дубинки, щиты (с огнестрельным оружием вроде бы никого не было).

В 16-57 эти машины уехали, а через 2-3 минуты от мэрии в сторону Садового кольца проследовали два бортовых ЗИЛ-131, заполненные манифестантами. Над кабиной одной из машин развевался "имперский" флаг, а над другой - красный. Возглавлял эту мини-автоколонну командирский УАЗик. Примерно в это же время от Садового кольца в сторону "Белого дома" прошли большие группы людей, в основном пожилые. Оказалось, что это прибыла часть демонстрантов с Октябрьской площади, покинувшие ее примерно в 16-00. Остальные, по их словам, отправились в Останкино кто на реквизированных по дороге маршрутных автобусах, а кто на метро. Туда же на метро поехали многие участники прорыва, слонявшиеся возле мэрии и Дома Советов.

Ближе к 17-30 возле зданий ВС и мэрии остались до 20 тыс. человек. Во дворе стояли захваченные "трофеи": четыре бортовых ЗИЛ-131, два штабных автобуса ГУВД (малинового цвета, с надписями под стеклом "Командный пункт" и "ГУВД"), а рядом с 20-м подъездом - автомобиль ГАЗ-66 с радиостанцией. Перед баррикадами на Конюшковской улице стоял желто-белый БТР с радиорупором (блокадники прозвали его "желтым Геббельсом"), через который велась пропаганда в сторону ДС во время его блокады. Шли разговоры, будто бы ополченцы захватили еще один БТР (боевой) и уехали на нем в Останкино. Вскоре через двор прошли "дзержинцы", встреченные бурными аплодисментами защитников, и скрылись в подземельях ДС.

С балкона выступали депутаты, но их почти не слушали. Многие участники прорыва, собравшись в небольшие группы, вспоминали, как они практически голыми руками сминали цепи "дзержинцев" и омонцев на Крымском мосту, на Смоленской площади и возле мэрии. Настроение у большинства людей было приподнятое. Тут и там слышались разговоры, что, вот, кто мог знать, что им придется принимать участие в событиях, которые определяют дальнейшую судьбу России.

К 17-45 на улицах, прилегающих к ДС, не осталось ни омонцев, ни "дзержинцев". На Конюшковской, ближе к улице Заморонова возле разбитых поливалок крутились подростки и пытались снять с машин какие-то детали. От Красной Пресни в сторону Горбатого моста тянулся тоненький ручеек сторонников ВС и просто зевак. На самой Красной Пресне и возле метро "Баррикадная" прохожие толпились возле ларьков, а родители с детьми спокойно возвращались из зоопарка. Не было и намека на то, что по соседству происходят значительные события.

По пути домой не покидала мысль о нелепости призывов к штурму мэрии и ТВ-Останкино. За неполные две недели "стояния" можно было понять, что число активных сторонников оппозиции в Москве невелико. По сегодняшним подсчетам, на улицы вышли не более 50 тысяч человек - это с учетом сменяемости манифестантов (одни уходили, а другие приходили). Одномоментное максимальное их число в разных частях города вряд ли превысило 35 тыс. человек. А все эти "штурмы", не подкрепленные массовым переходом военнослужащих на сторону восставших, давали ельцинистам великолепный повод для расправы с ВС и его защитниками.

Удивительной показалась и та легкость, с какой демонстранты преодолевали оцепления от Октябрьской площади до "Белого дома". Ведь каждый воинский начальник наверняка знал, исходя из имевшегося опыта, что толпа в 2-3 тыс. человек легко прорывает цепь, состоящую из роты "дзержинцев". И вот именно этих желторотых "бойцов" выставили в качестве основного заслона на всем пути следования нескольких тысяч разгневанных людей. Вспоминались события 23 февраля 1992 года и 1 мая этого года, когда перед демонстрантами выстраивались заграждения из тяжелых машин, из них же устраивались "мешки-ловушки" и улицы становились непроходимыми. Поневоле напрашивалось сравнение с "гапоновщиной".

В 18-45 в новостях по I-й программе ТВ передали сообщение о введении в Москве с 16-00 чрезвычайного положения в соответствии с указом Ельцина, а затем показали отдельные эпизоды прорыва. Удивило то, что демонстрантов не обзывали "красно-коричневыми" и другими нехорошими словами, как это практиковалось последние два года. Более того, диктор сообщил, что во время столкновений демонстрантов с военными первые ограждали последних от избиений, если те оказывались поверженными наземь или попадали в безвыходную ситуацию (продемонстрировали, например, эпизод с омонцами в автобусе на Смоленской площади).

Примерно в 19-30 отключили I-й и IV-й каналы ТВ-Останкино, в то время как по московскому каналу в обычном режиме шла передача "Русский дом", которую вел

А.Крутов. Ближе к 20-00 по второму каналу РТВ сообщили о начале штурма ТВ-Останкино сторонниками Верховного Совета и введении чрезвычайного положения в Москве. Зазвучали привычные термины: "красно-коричневые", "бандиты", "путч" и так далее. Обозреватель "Вестей" (вроде бы Сванидзе) произнес весьма примечательную фразу, смысл которой заключался в том, что "красно-коричневые" наконец-то раскрылись и сейчас к ним можно будет применить самые жесткие меры.

В начале девятого на Красной Пресне все также не было ни омонцев, ни "дзержинцев". Баррикаду у Горбатого моста, перед которой в ночь с 24 на 25 сентября сбрасывали крупные бетонные блоки для ее усиления, превратили после прорыва в главные въездные ворота во двор, сдвинув блоки в сторону. Площадь перед ДС чем-то напоминала сцену перед Смольным из фильмов об Октябре 1917 года - дым костров, люди в касках и бронежилетах (примета времени) мечутся от подъезда к подъезду, во двор въезжают и опять куда-то уезжают автомобили, неразбериха. Защитников к этому времени осталось не более 10 тыс. человек. Ходили слухи, будто бы на подмогу ВС идут какие-то воинские части.

В 20-50 к 20-му подъезду со стороны Девятинского переулка проехала бортовая машина, а некоторое время спустя туда же проследовали четыре машины "скорой помощи". В толпе говорили, что из Останкино привезли раненых, а "скорые" были специально вызваны для оказания им медицинской помощи. Ребята-ополченцы, прибывшие из Останкино вместе с ранеными, метались в поисках своих командиров и взвинченным тоном требовали подкрепления и оружия для оставшихся там бойцов. На вопросы: "Как там, в Останкино?", коротко отвечали: "Страшно". Судя по их рассказам, стрельба по безоружным манифестантам началась в восьмом часу вечера из здания телецентра.

Ближе к 23-00 по второму каналу ТВ выступил Гайдар, призвавший сторонников Ельцина выйти на Тверскую улицу к Моссовету и не допустить прорыва "красно-коричневых" в центр города. По радиостанции "Эхо Москвы" радостным голосом сообщили, что атаки боевиков на ТВ-Останкино отбиты, имеются убитые и раненые.

В начале двенадцатого ночи на Конюшковской улице, ближе к памятнику Героям Пресни, баррикадники развернули поперек улицы трубу большого диаметра, чтобы создать дополнительное препятствие на случай атаки силовиков. Здесь же защитники устроили новую "проходную", на которой обыскивали всех, кто шел в сторону Горбатого моста. Предварительно извинившись, они хлопали подходивших к ним людей по карманам, проводили руками по ногам и под мышками. При этом они поясняли, что опасаются просачивания во двор боевиков-демократов и провокаторов.

Вышедший из-за баррикад мужчина рассказал с обидой в голосе, что в Останкино спецназ положил много молодых ребят, что все организовано как-то бестолково, что руководители обороны ВС требуют (или ожидают) откуда-то подмоги, но ничего этого нет и никто не знает, будет ли подмога вообще. Затем он с досадой махнул рукой и пошел к Баррикадной. В ту же сторону направились еще двое мужчин, обсуждая расстрел

безоружных манифестантов у телецентра. Донеслась фраза одного из них: "Все это похоже на "гапоновщину".

Во дворе уже не было того несколько нервного оживления, наблюдавшегося здесь буквально три часа назад. Электричество в здании вновь отключили и на светлом фоне стен резко выделялись темные ряды окон. На балконе никто не появлялся. Изредка кто-то входил или выходил из 8-го и 20-го подъездов. Группы защитников сидели вокруг костров у баррикад и негромко разговаривали. Судя по репликам, никто не ожидал такого поворота событий, но некоторые все же надеялись на поддержку восставших какими-то воинскими подразделениями, подхода которых руководители штаба ВС вроде бы ожидали ближе к утру. (Один из защитников вспомнил заверения Ачалова, которые тот дал в ночь открытия Съезда депутатов, о том, что части верные Конституции придут на защиту ВС в случае необходимости).

Возле въездных ворот во двор женщина средних лет рассказывала оставшимся на ночь баррикадникам, как манифестанты добирались на машинах в Останкино, а параллельно их курсу от Маяковки двигались БТРы с бойцами на броне. Поначалу манифестанты решили, что это "наши" и очень обрадовались, но, как оказалось, эти военные были посланы для расстрела демонстрантов, собравшихся возле телецентра. По ее словам, там была устроена настоящая бойня: спецназ расстреливал безоружных людей, ведя автоматный и пулеметный огонь из здания телецентра и с бронетранспортеров.

Стоявший тут же парнишка лет 16-17 - в каске, бронежилете и с палкой в руках, тоже недавно вернувшийся из Останкино - храбрился и пытался уверить остальных, что все будет нормально и скоро подойдут воинские части, поддерживающие ВС. Другие баррикадники были настроены не столь оптимистично. Тут же крутились два пацана 8-9 лет ("Гавроши перестройки"). Кто-то поинтересовался, чьи они и почему в такой поздний час находятся здесь, в таком опасном месте. Пацаны огрызнулись и убежали в противоположный угол двора.

Недалеко от забора нового американского посольства в Девятинском переулке молодые защитники ДС, стоявшие здесь в передовом пикете, беседовали с русским оператором итальянской телекомпании. Тот, рассказывая о событиях в Останкино, очевидцем которых он был, утверждал, что спецназовцы, засевшие в телецентре, первыми открыли огонь и сразу же уложили много безоружных манифестантов.

В начале первой ночи из 20-го подъезда вышли четыре женщины в голубой униформе (с красными крестами на одежде), с чемоданчиками "скорой помощи" в руках и направились в сторону Девятинского переулочка. Остановив одну из них, баррикадники поинтересовались, много ли раненых привезли из Останкино. Та, чуть не плача, молча кивнула головой. Минут через пятнадцать со стороны Девятинского переулочка к "въездным воротам" подъехал бортовой ЗИЛ-131. В кузове, понутив головы, сидели молодые ополченцы. Их спросили: "Как там?" Они молча махнули рукой. У них поинтересовались, привезли ли они раненых, и один из парней кивнул головой. Проехав "ворота", машина остановилась напротив 20-го подъезда. (По оценкам участников событий в Останкино,

общее число собравшихся там сторонников ВС и случайных наблюдателей составило 5-6 тыс. человек).

На улицах, прилегающих к Дому Советов - на Садовом кольце, в районе набережной и Калининского моста, в Девятинском переулке, а также со стороны Пресни - ни милиционеров, ни омоновцев не было видно. Только у американского посольства дежурили обычные постовые. Движение транспорта на Садовом кольце к этому времени уже восстановили.

К часу ночи на территории вокруг здания Верховного Совета и на прилегающих к нему улицах осталось не более 2 тыс. защитников.

4 октября (понедельник)

Этот день, как и накануне, выдался ясным и теплым – около 15 градусов. Попасть на Красную Пресню рано утром не удалось, так как ближе к 7-00 поезда перестали останавливаться на станции "Баррикадная", проезжая ее на небольшой скорости. Из окна вагона удалось разглядеть, как милиционеры поворачивают обратно пассажиров, направлявшихся с кольцевой линии на выход в город через станцию "Баррикадная". Все это означало, что наверху произошло что-то серьезное. Пришлось ехать до "Пушкинской".

На Пушкинской площади стояла непривычная тишина, поскольку движение транспорта по Тверской улице и Бульварному кольцу было перекрыто. Поперек Тверской улицы - от магазина "Армения" к сгоревшему зданию ВТО - протянулась мощная, под три метра в высоту, баррикада. На глаз было заметно, что в отличие от баррикад у ДС эта баррикада сооружалась отнюдь не из подручных средств. Видимо, прошедшей ночью сюда в централизованном порядке, на машинах доставлялись прутья арматуры, трубы, бетонные блоки и прочий строительный материал. Над баррикадой возвышался "власовский" флаг.

Между Пушкинской площадью и Моссоветом стояли еще несколько баррикад, но пожже: у "Елисеевского" магазина, у магазина "Хрусталь" и возле Моссовета. Баррикады виднелись у Исторического музея, а также в переулках, выходящих на Тверскую. В это время дем.добровольцам выдавали завтрак: батоны хлеба, колбасу, термосы с чаем (кофе). Возле магазина "Хрусталь" двое хасидов оживленно беседовали с завтракавшими демороссами, оттуда периодически доносился громкий смех.

В 7-25 при подходе к Моссовету вдруг откуда-то сзади раздалась плотная автоматная и пулеметная стрельба, а спустя короткое время забухали пушки БМП. Стреляли вроде бы совсем близко, чуть ли не на Тверском бульваре или на Пушкинской площади, и поэтому все находившиеся на Тверской улице встрепенулись, но оказалось, что это начался штурм Дома Советов (по прямой до него примерно 2 километра). Новость о начале штурма прокричал один из добровольцев, слушавший радиостанцию "Эхо Москвы". Через пару минут эту же новость сообщил с балкона Моссовета кто-то из лидеров "демократов", вызвав восторг у большинства собравшихся на Тверской площади. Послышались возгласы: "Так и надо, этим красно-коричневым!", "Дави фашистов!",

"Армия с нами!". В это время у Моссовета находилось около 7 тыс. человек. В толпе говорили, что после призыва Гайдара сюда сбежалось почти 30 тыс. человек. На мостовой валялись листовки с обращением мэрии Москвы к москвичам "прийти на Тверскую улицу к памятнику Юрию Долгорукому" в связи с начавшимися 3-го октября несанкционированными действиями "вооруженных бандитских групп", подстрекаемые "провокационными призывами "Белого Дома".

Стрельба усиливалась, все чаще слышались выстрелы очередями из крупнокалиберных пулеметов. В Леонтьевском переулке, не доходя примерно 60 метров до здания ТАСС, была устроена баррикада, через которую в сторону Большой Никитской никого не пропускали. Дежурившие там демороссы говорили, что в здании ТАСС засели "баркашовцы" и сейчас их выбивают оттуда армейские подразделения.

Пришлось возвращаться и выходить дворами сначала на Большую Никитскую, а затем на Воздвиженку. Редкие прохожие прислушивались к стрельбе и качали головами. Возле нового здания Министерства обороны стояли БТРы и БМП. Длинная колонна таких же боевых машин перекрывала проходы к ДС на Садовом кольце. Над зданием мэрии поднимался черный дым.

На работе по срочному требованию дирекции пришлось готовить данные о результатах последнего опроса (от 24 сентября) об отношении работников к противостоянию ВС и исполнительной власти. Примерно через час после передачи данных в дирекцию оттуда последовала команда провести повторный опрос.

Почти весь день опрашивали и обрабатывали полученную информацию. На этот раз в поддержку исполнительной власти высказался 31% опрошенных (24 сентября было 40%); в поддержку ВС - 6% (было 20%); считали, что не правы ни те, ни другие - 39% (было 28%); затруднились в выборе позиции - 24% (было 12%). К этому следует добавить, что днем в некоторых подразделениях прошли полу-стихийные рабочие собрания, на которых принимались резолюции в поддержку исполнительной власти. В августе 1991 года ничего подобного не наблюдалось.

После работы, когда уже стало известно и о танковом расстреле ДС, и о начавшемся в нем пожаре, и об аресте, как их называли в СМИ, "лидеров мятежников", попасть на "Баррикадную" вновь не удалось. На этот раз поезд проследовал без остановки две станции - "Баррикадную" и "Улицу 1905 года" (на обеих станциях не было ни одного пассажира). На платформе станции "Улица 1905 года" за колоннами, расположенными ближе к тоннелям, прятались автоматчики в камуфляжной форме (всего 8 человек). Они, видимо, ожидали появления ополченцев, которые могли уйти из ДС по подземным коммуникациям.

Пришлось выходить на Пушкинской площади, где в 18-10 со стороны пл. Восстания все еще доносилась стрельба, но не такая плотная, как утром. На улице, будто бы ничего серьезного и не произошло, шла обычная торгашеская возня. Лишь немногие реагировали на стрельбу и как-то комментировали события, в основном одобряя штурм "Белого дома". По Садовому кольцу в районе Спиридоновки носились лишь машины "скорой помощи",

сверкая мигалками и подвывая сиренами. Они мотались туда-сюда, как челноки – от "Белого дома" в сторону, скорее всего, института Склифосовского и обратно.

На проезжей части Кольца (ближе к пл.Восстания) стояли три БТРа, из которых периодически велась стрельба газовыми шашками в сторону людей, направлявшихся к пл.Восстания. Туда не пропускали. Все пространство Кольца на отрезке от Планетария до Малой Бронной пропахло газом, от него слезились глаза и першило в горле. По тротуарам носились стайки подростков, провоцировавшие военных на стрельбу газовыми шашками.

Примерно в 19-00 стрельба в районе ДС прекратилась, но "скорые" все также методично носились по Кольцу. К 19-30 на Маяковке стихийно собрались группы коммуно-патриотов (не более 200 человек). Они громко и чуть ли не матом костерили российских офицеров и генералов, которые пошли на расстрел безоружных людей или промолчали, глядя на эту кровавую бойню. Нелестные эпитеты звучали также в адрес офицеров - слушателей Военно-политической Академии, расположенной рядом с Маяковкой, которые, отводя взгляды от толпы, торопливо проходили к метро. За двадцать минут мимо собравшихся прошли примерно тридцать офицеров, но лишь один из них - майор ВВС - подошел к возмущенным людям и солидаризировался с ними.

В 20-00 на Пушкинской площади все так же стояла баррикада с "власовским" флагом и на ее фоне фотографировались небольшие группы дем.добровольцев и прохожие. От "Московских новостей" отъезжали МАЗы и КраЗы с прицепами, груженные большими бетонными плитами. Говорили, что их пригнали сюда под утро для организации подвижных заслонов из тяжелых машин на случай возможного прорыва вооруженных людей из "Белого дома". От музея Революции в сторону Моссовета промаршировала колонна добровольцев из 50-ти молодых людей, беспрестанно скандировавших "Ельцин! Ельцин!", за что удостоились аплодисментов от "демократической" публики. На проезжей части напротив памятника Пушкину группами собирались сторонники Ельцина. Они поздравляли друг друга с победой и крыли последними словами "коммуняк" и "фашистов", от многих разило спиртным.

В вечерних ТВ-новостях показали в записи эпизоды прямой трансляции американской телекомпании CNN, которая в течение дня вела на весь мир репортаж о расстреле "Белого дома". Особое омерзение вызвало поведение сторонников "демократов" скопившихся в районе мэрии, Калининского моста и на набережных, чтобы поглазеть на образцово-показательную экзекуцию, учиненную властями. (На глаз, там находилось 25-30 тыс. человек; многие расположились на крышах жилых домов). Толпа с восторгом встречала каждое попадание танковых снарядов в окна "Белого дома", оказывая, тем самым, моральную поддержку как организаторам, так и исполнителям массовых убийств людей в центре Москвы.

В ТВ-комментариях по поводу событий 3-4 октября действия лидеров и сторонников оппозиции квалифицировались как "вооруженный мятеж" и "очередной путч".

На следующий день вечером оцепление вокруг территории Дома Советов на непродолжительное время сняли и возле него появились поодиночке и небольшими группами сторонники оппозиции и зеваки. По кустам носились подростки, собирая стреляные гильзы. Вся территория выглядела какой-то всклокоченной. Стрелки часов на башне не двигались, показывая начало одиннадцатого. Сам "Белый дом", после обстрела из танковых орудий и возникшего вследствие этого пожара, местами еще дымился и превратился в наполовину черный. Спустя два дня проходы к БД вновь перекрыли, в нем начался ремонт, а вокруг стали сооружать высокий забор из металлических прутьев.

5 октября в газете "Известия" было опубликовано обращение к согражданам 43-х представителей так называемой "интеллектуальной элиты общества". Сделав лицемерную оговорку о том, что они не призывают "ни к мести, ни к жестокости" в отношении участников событий 3 октября, в то же время обозвали их "тупыми негодяями", которые "уважают только силу". А затем выдвинули семь требований к президенту и правительству, в числе которых были запрет коммунистических и националистических партий и движений и их печатных изданий, а также признание нелегитимным деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета. (Эти же требования прозвучали за десять дней до указанной публикации из уст Новодворской, Оскоцкого и ряда других "демократов" на митинге возле Моссовета на Тверской улице).

На сороковой день, в субботу 13 ноября, в 14-00, у стадиона "Красная Пресня" со стороны Дружинниковской улицы состоялась панихида по погибшим 3-4 октября. На ней присутствовали примерно 10 тыс. человек (пасмурно, около нуля). Не было ни ораторов, ни флагов, ни транспарантов с лозунгами. Если кто-то пытался развернуть и поднять принесенные с собой красные или "имперские" флаги, к ним подходили свои же ребята-дружинники и предлагали убрать флаги, так как священнослужители просили не устраивать из панихиды политическую акцию. Еще до начала панихиды многие из ее участников поставили зажженные свечи и возложили цветы к забору стадиона, у подножия памятника Героям Пресни и в местах гибели защитников.

В начале панихиды в полной тишине зачитали фамилии, имена, отчества и возраст 146 погибших (в основном защитники Верховного Совета, а также несколько военнослужащих и журналистов). Затем два священника - от Патриархии и от церкви Иоанна Предтечи - отслужили панихиду по православному обряду возле временного деревянного креста и символической могилы погибших.

После панихиды, продолжавшейся полтора часа, люди долго не расходились. Некоторые искали знакомых или узнавали об их судьбе, другие, собравшись группами, вспоминали различные эпизоды бойни в Останкино и возле Дома Советов. Говорили о гораздо большем числе погибших - 1,5, 2-х и даже 4-х тыс. человек. (Точное число погибших осталось неизвестным. По оценкам различных общественных организаций, занимавшихся этим вопросом, погибло от 500 до 1,5 тысяч человек).

Впервые за время прошедшее после 4-го октября был открыт доступ на стадион и люди смогли увидеть следы от пуль в тех местах, где пытались скрыться баррикадники с Горбатого моста, по которым открыл стрельбу из пулеметов БТР, вломившийся на стадион через главные ворота. Говорили также, что омоновцы приводили на стадион расстреливать защитников, арестованных в тот день в Доме Советов.

На бетонном заборе, огораживавшем тогда стадион (по сторонам, обращенным на улицы Заморенова и Дружинниковскую), появились 136 надписей, сделанные после 4-го октября сторонниками оппозиции углем, краской, фломастерами, мелом и другими способами. В надписях преобладали: проклятия и обвинения в адрес Ельцина (57 раз), евреев и сионистов (31 раз), армии и ОМОНа (16 раз). Наряду с этим, прославлялись погибшие (13 раз) и патриоты (27 раз). На некоторых участках стены были вывешены листки и плакаты со стихотворениями, в том числе ставшее вскоре широко известным в оппозиционных кругах - "Гитлер - Ельцину". (В феврале 1994 года забор с надписями побелили. Однако чуть ли не на следующий день на свежесбеленном бетоне появились новые надписи и за несколько месяцев их число увеличилось в два с лишним раза в сравнении с первым "изданием". В феврале-марте 1995 года бетонный забор с надписями снесли, а на его месте соорудили металлический забор в его нынешнем виде).

В течение многих месяцев после тех событий сторонники оппозиции приходили по выходным дням на поляну возле стадиона "Красная Пресня" на никем не объявлявшуюся "Вахту памяти". Приходили в удобное для них время, но чаще всего - с полудня до пяти часов вечера и оставались там кто на полчаса, кто на час, а кто и подольше (одномоментное число собиравшихся не превышало, как правило, 100 человек).

За неделю до сороковин - 7 ноября - левые партии и движения отметили очередную годовщину Октябрьской революции. Сначала ими была подана заявка на проведение демонстрации в центре города, но им отказали, предложив провести митинг в Лужниках, на той же площадке, где в 1989 году митинговали демократы. Организаторы не согласились, решив, что в Лужниках, вдали от людских глаз, митингующих в очередной раз могут спровоцировать на вполне предсказуемые действия, а затем повторить останкинский сценарий. Поэтому властям было заявлено, что по сложившейся в течение последних лет традиции и несмотря на запрет, сторонники левых движений все равно соберутся в этот день на Октябрьской площади, в связи с чем организаторы снимают с себя ответственность за возможные последствия.

Накануне акции в средствах массовой информации вновь поднялся гвалт: мол, эти недобитые "коммуняки" хотят устроить беспорядки и взять реванш за события месячной давности.

В воскресенье 7 ноября с утра было пасмурно и около 8 градусов мороза, но потом распогодилось и стало несколько теплее. К 9-00 на подходах к Красной площади все было готово для предотвращения "беспорядков": выставлены цепи милиции и "дзержинцев", а перед Историческим музеем со стороны Манежной площади установлен БТР. Ближе к 10-

00 на отрезке Садового кольца между станцией метро "Парк культуры" и Октябрьской площадью стояли больше 20 бортовых машин и автобусов с омовцами и "дзержинцами", а одно из подразделений ОМОНа проводило перед входом в Парк Горького показательную тренировку по разгону манифестантов. Сюда же пригнали четыре пожарные машины с водометами.

В начале одиннадцатого на эскалаторе станции метро "Октябрьская-кольцевая" люди, спускавшиеся вниз, кричали поднимавшимся вверх, что в город выходить не надо, что там омовцы загоняют в метро всех, кто выходит в город и т.п. Группы манифестантов скандировали: "Омовцы - фашисты!", "Омовцы - бандиты!", "Ельцин - фашист!", "Ельцин - убийца!", а некоторые призывали всех ехать в Медведково, за Кольцевую дорогу, где намечалось провести митинг (оказывается, такое решение было принято организаторами накануне).

На Октябрьской площади стоял "желтый Геббельс", по которому методично крутили одну и ту же запись о противозаконности намечавшейся акции и о возможном применении спецсредств против манифестантов, если они не будут подчиняться правоохранительным органам (к этому времени манифестантов на площади почти не осталось, а выходившие из метро тут же возвращались обратно). Со стороны Шаболовки в помощь милиции направлялись нескольких десятков мужчин из организации "Живое кольцо". На Ленинском проспекте вдоль тротуара, ведущего к 1-й Градской больнице, стояли 20 бортовых машин и автобусов с теми же омовцами и "дзержинцами", а в проезде между домами № 5 и № 7 - два БТРа со спецназовцами на броне, возле которых крутились несколько парней лет 20-25 и просили в случае чего "палить по коммунякам боевыми патронами".

В 11-20 на улице Грекова, возле выхода со станции метро "Медведково" один из активистов, держа в руке транспарант со схемой, объяснял прибывавшим манифестантам, как добраться к месту проведения митинга. За всеми действиями манифестантов наблюдали с противоположной стороны улицы 25 милиционеров из муниципальной милиции. Вскоре им на подмогу подкатили на "Икарусе" омовцы с Октябрьской площади. К "муниципалам" то и дело подходили местные жители и интересовались, с чего это вдруг сюда нагнали столько милиционеров. Те объясняли, указывая на цепочку людей, направлявшихся в сторону Кольцевой дороги (некоторые шли с красными флагами), что это из-за коммунистов, пытавшихся провести несанкционированный митинг в центре Москвы. Выслушав ответ, аборигены предлагали разогнать " всю эту красную сволочь", а некоторые добавляли, что вот если бы им дали волю, то они "расстреляли бы всех коммунык". Произносили эти страшные слова не какие-то зажавшиеся "новые русские", а одетые в поношенные пальто и куртки и живущие в обветшавших медведковских "хрущобах" взрослые женщины и мужчины – такие же бедолаги, как и те, кто направлялся на митинг.

От метро "Медведково" до места сбора пришлось топать 25 минут. На заснеженной опушке лесопарка собралось не более 3 тыс. человек. Практически все выступавшие говорили о событиях 3-4 октября, проклиная Ельцина с "демократами".

Борис Гунько, взявший на себя в отсутствие Анпилова (тот сидел в Лефортово) роль главного народного трибуна, заклеил "фашистский ельцинский режим" и заверил собравшихся, что "придет время и мы отомстим этим контрреволюционерам". Затем он признал, что оппозиция потерпела жестокое поражение в результате предательства "интересов рабочего класса со стороны верхушки КПСС", а затем вспомнил Сталина, который "не зря расправлялся со всеми проявлениями буржуазности в нашем обществе...Устранял пятую колонну, а за это на него навешали всех собак". Под конец выступления Гунько провозгласил: "Да здравствует вторая социалистическая революция!...Мы победим!"

Многие ораторы говорили не только о событиях месячной давности, но и о предстоявших 12 декабря выборах в новый ельцинский парламент (в Государственную думу) и о референдуме по новой конституции, призывая к их бойкоту, поскольку участие в выборах и в референдуме означало бы признание ельцинского режима законным. Собравшиеся бурно реагировали на проклятия в адрес Ельцина, периодически скандируя "Ельцин - убийца!" и "Банду Ельцина под суд!", а на призывы к бойкоту раздавались дружные крики "Правильно!"

Примерно в 12-30 на опушке появился оперативник, который в сентябрьские дни периодически подходил к агитаторам на Конюшковской улице и в корректной форме предлагал им прекратить разговоры с "дзержинцами", стоявшими в оцеплении вокруг Дома Советов. На этот раз оперативник был не один - с ним пришел оператор с видеокамерой, и они принялись снимать митингующих. (Год спустя, во время первой чеченской войны, этот "оперативник" - сначала в чине полковника, а затем генерала, по фамилии Михайлов - комментировал в средствах массовой информации от имени ФСК события в Чечне).

Митинг завершился в 13-00 и люди потянулись к метро, возле которого все еще стояли "муниципалы", с нетерпением ожидая подхода последних групп манифестантов.

В оставшееся до конца года время основные усилия различных партий и движений были направлены на проведение предвыборной кампании и подведение итогов выборов в Государственную думу и референдума по ельцинской конституции.

В субботу 4 декабря в Парламентском центре на Цветном бульваре состоялась встреча с кандидатами в депутаты от КПрФ, представлявших Москву и Московскую область. Перед собравшимися выступил Зюганов, который в очередной раз поведал о планах США более чем 40-летней давности (план Даллеса) по дестабилизации Советского Союза путем проведения идеологической и экономической диверсий, завершившихся горбачевской перестройкой и ельцинским государственным переворотом в сентябре-октябре 1993 года. Затем он остановился на проблеме бойкота предстоявших выборов и

референдума, к которому призывали РКРП, РПК, Союз коммунистов, "Трудовая Россия" и ряд других партий. По мнению лидера КПРФ, в случае бойкота левые не имели бы возможности контролировать ход голосования, что привело бы к массовой фальсификации его итогов, поскольку "нынешний режим - это режим диктатуры и от него можно всего ожидать". (В течение нескольких месяцев после выборов и референдума в прессе приводились косвенные данные, свидетельствовавшие о фальсификации их итогов, в том числе чересчур быстрое уничтожение Центризбиркомом заполненных бюллетеней и назначение его председателя Рябова послом в Чехию, однако участие КПРФ в выборах не смогло предотвратить нарушения).

На следующий день, в воскресенье 5 декабря, в Лужниках, в метель при двенадцатиградусном морозе митинговали леворадикальные партии, выступавшие за бойкот выборов и референдума. Собралось не более 1.5 тыс. человек, которых "охраняли", сидя в автобусах, примерно 300 милиционеров и омовцев. Лидеры левых радикалов - Якушев, Крючков, Гунько - говорили о политико-нравственной стороне предстоявшего политического действия, участие в котором, по их мнению, означало бы признание легитимным всего того, что произошло в сентябре-октябре, в том числе и расстрел безоружных людей в Останкино и у Дома Советов. Бурное одобрение собравшихся вызвали слова Гунько, который заявил, что "этот режим невозможно ни исправить, ни смягчить никакими парламентскими процедурами", а единственным выходом из сложившейся в стране ситуации является "новая социалистическая революция".

Эти две четко обозначившиеся позиции - за и против бойкота выборов и референдума - вызвали смятение в умах сторонников левых партий, из-за чего на традиционных воскресных сходках возле Музея Ленина, где в те дни собирались до 1 тыс. человек, шли бесконечные споры. Большинство склонялось к участию в выборах, аргументируя тем, что раз уж самая крупная левая партия решила пойти на выборы, то следует ее поддержать, хотя может быть было бы лучше, если бы лидеры КПРФ не связывались в это дело. Самыми непримиримыми сторонниками бойкота, как и следовало ожидать, были активные участники сентябрьско-октябрьского стояния у Дома Советов, в особенности свидетели кровавой бойни 3-4 октября.

За два дня до выборов, в пятницу 10 декабря, свою акцию провел Жириновский, который во время предвыборных выступлений по ТВ приглашал всех желающих "на народное гуляние, но не такое как у других, а без милиции, омовцев и водометов", намекая на митинги и демонстрации, проводившиеся в 1992-1993 годах лево-патриотической оппозицией. ("Раскрутка" ЛДПР Жириновского на ТВ началась за три недели до выборов, а для паразитирования ему отвели, что вполне естественно, патриотическое "поле").

В назначенный день в 18-00 толпа поклонников ЛДПР во главе с Жириновским и в сопровождении большого числа корреспондентов прошла от Александровского сада на площадь Революции (примерно 200 метров) и расположилась напротив ремонтировавшегося памятника архитектуры - фонтана Витали, приспособленного

организаторами митинга в трибуну для выступлений (по поводу фонтана-трибуны кто-то связывал: "А трибуна-то - с подтекстом"). Людей на митинге, несмотря на проведенную рекламную кампанию, было маловато - не более 5 тыс. человек (сыро, температура около нуля). Недалеко от фонтана установили два радио-автобуса и два мощных прожектора, арендованных, наверное, на "Мосфильме".

Как и прежде, Жириновский обещал всем все дать. Кроме этого он пообещал: запретить рекламу на ТВ; прекратить открытую продажу и показ сексуально-порнографических произведений, но организовать для любителей порно специальные магазины; восстановить РФ в границах Российской Империи, но не насильственными, а экономическими методами, и даже Финляндию вернуть, если она будет плохо себя вести; раздать бесплатно землю офицерам-отставникам - "пусть становятся дворянами"; ввести визовый режим для граждан бывших союзных республик, поставив, тем самым, заслон перед "спекулянтами и преступниками с Кавказа и вообще южанами", но открыть дорогу в Россию честным людям, включая тех же южан (толпа с наибольшим энтузиазмом отреагировала на слова о границах Российской Империи и о плохих кавказцах).

В завершение Жириновский заявил, что победит на выборах, так как за него проголосуют 46% избирателей. Затем, спустившись с фонтана, он стал раздавать автографы, а по радио-машине включили песню на "одесский мотив" с таким вот припевом: "Владимир Жириновский - мужик нормальный, русский, хоть вовсе он не курит и не пьет..."

На состоявшихся через день выборах на самом деле победила ЛДПР, набрав, правда, почти вдвое меньше обещанных Жириновским голосов, но опередив, тем не менее, партию Гайдара, на которую работали все демократические СМИ и службы по изучению общественного мнения. Победа ЛДПР и относительный успех КПрФ, занявшей третье место, дали повод "демократам" в очередной раз поднять крик о грядущем коммуно-фашизме и дурости русского народа.

Хотя результаты выборов показали, что власть не пользуется достаточным доверием людей - ее это не смутило. Да и не могло смутить, так как основная задача 1993 года была решена двумя месяцами раньше - 3-4 октября, когда народу России продемонстрировали, на что способны пойти правящие круги, поддерживаемые Западом, чтобы пресечь активные проявления недовольства в отношении проводимого ими курса в политике, экономике и культуре. И народ все понял... Решив эту задачу, власти разрешили оппозиционным партиям и движениям и впредь проводить свои не очень многочисленные митинги и демонстрации, которые с течением времени приобрели ритуальный характер.